This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

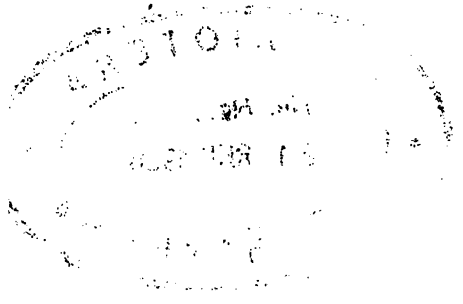
Slav 4180.650 (1)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE BEQUEST OF

E. PRICE GREENLEAF

OF QUINCY, MASSACHUSETTS



Свободная совѣсть.

Н. А. ВИШНЕВСКІЙ.

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКІЙ СБОРНИКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

БИБЛІОТЕКА
Кн. № 13
21 ЯНВ 1936
Я. Д. ЯГУНОВА

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1906.

Slav 4180.650(1)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 4 1955

Дозволено цензурою. Москва, 18 сентября 1905 г.

Вѣчные вопросы совѣсти и свободы по особымъ условіямъ настоящаго времени имѣютъ особенное значеніе.

Вмѣстѣ съ Вл. С. Соловьевымъ мы полагаемъ, что христіанская истина, «не отрекаясь отъ себя, можетъ воспользоваться всѣми произведеніями ума, можетъ сочетать вѣру религіозную со свободною философскою мыслью и откровенія божественной жизни съ открытіями человѣческаго знанія».

Если это справедливо относительно истины, раскрываемой въ знаніи, то не менѣе справедливо относительно красоты, воплощаемой художественнымъ творчествомъ.

И современное освободительное общественное движеніе можетъ осуществить свои идеалы лишь въ связи съ этой всеобъемлющей идеей христіанскаго синтеза.

Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ.

(АРХИМАНДРИТЪ ѲЕОДОРЪ).

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ *).

I.

Я не слыхала отъ Александра Матвѣевича, чтобы кто-нибудь имѣлъ на него вліяніе по отношенію къ намѣренію его поступить въ монашество. Но можно сказать утвердительно, что силою, двинувшею его въ монашество, не былъ аскетизмъ: онъ полагалъ, что какъ во всякомъ дѣлѣ нужны спеціалисты, такъ они нужны и въ дѣлѣ добыванія истины; въ монашествѣ видѣлъ онъ возможность *безъ развлеченія* служить дѣлу раскрытія Христовой истины, по духу православнаго вѣроученія. При вступленіи въ монашество

---

*) Болѣе 30 лѣтъ прошло со дня смерти Александра Матвѣевича Бухарева, въ монашествѣ архимандрита Ѳеодора, но ни личность его, ни его одушевленная проповѣдь свѣтлыхъ православныхъ началъ, ни долгая, неравная борьба за свою мысль и полная трагизма судьба этого безвременно погибшаго человѣка еще недостаточно извѣстны въ широкихъ слояхъ русскаго общества; онѣ представляютъ глубокій общественный интересъ. Развивая свое широкое, гармоничное христіанское міровоззрѣніе въ многочисленныхъ сочиненіяхъ и съ каѳедры въ качествѣ профессора „догматическаго богословія“ Московской, а потомъ Казанской духовной академіи, о. Ѳеодоръ встрѣтилъ на своемъ пути цѣлый рядъ препятствій и гоненій. Его мысли показались для нѣкоторыхъ опаснымъ новшествомъ, и ревнителями старыхъ взглядовъ противъ о. Ѳеодора была открыта жестокая кампанія;—неразборчи-

двигало и владѣло имъ всецѣло одно только чувство, это — любовь къ Христовой истинѣ и пламенное желаніе, чтобы ею проникалась вся жизненная дѣйствительность. Выясненію значенія православія и хотѣлъ онъ послужить путемъ лекцій и богословскихъ трудовъ; и отдалъ себя всего этому служенію, посвятивъ ему лучшіе годы жизни, всѣ помыслы свои и весь юношескій душевный жаръ. Ему было 22 года, когда онъ постригся въ монахи.

Это былъ юноша-энтузіастъ, совершенно чуждый традиціонному монашескому аскетизму. Въ доказательство приведу хоть слѣдующій примѣръ: въ самый разгаръ своей пылкой религіозности и когда уже созрѣло у него рѣшеніе поступить въ монашество, бралъ онъ изъ мѣстной библіотеки сочиненія Вальтеръ-Скотта и зачитывался ими вплоть до того времени, какъ въ лаврѣ ударяли къ заутренѣ. Чтеніе это приводило его въ такое настроеніе, что, не ложась спать, отправлялся онъ прямо къ заутренѣ въ лаврскій соборъ. Чтобы освѣтить ту область идеала, въ какой вращались тогда его помыслы, я бы хотѣла его собственными словами передать, что говорилъ онъ про охватывавшее его тогда настроеніе, хотя это трудно; онъ говорилъ, что при входѣ въ храмъ у него было такое ощущеніе, какъ

вые въ пріемахъ и способахъ борьбы, враги обратили ее въ травлю беззащитнаго человѣка и добились его удаленія въ монастырь. Передъ о. Ѳеодоромъ сталъ роковой, неизбѣжный вопросъ, — предстояло выбрать одно изъ двухъ: или въ силу монашескаго обѣта безусловно подчиниться духовному начальству, посягавшему на самый образъ его мышленія, т.-е. отказаться отъ своихъ убѣжденій, или же освободить себя отъ этого обѣта. О. Ѳеодоръ пережилъ мучительную душевную борьбу, но, не желая поступиться тѣмъ, что считалъ за истину, не желая итти на компромиссъ со своей совѣстью, онъ въ 1863 году снялъ съ себя санъ, надѣясь свободнѣе и шире проводить свои взгляды среди русскаго общества, въ качествѣ свѣтскаго, независимаго отъ духовныхъ властей человѣка. Но враги постарались лишить его и этой возможности. Задавленный духовной цензурой, почти всѣми покинутый, онъ умеръ 2 апрѣля 1871 года. Цензурные запреты тяжелымъ гнетомъ и понынѣ лежатъ на нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ.

Помѣщаемый ниже очеркъ принадлежатъ перу вдовы его— А. С. Бухаревой.

будто въ храмѣ все обновилось *),—обновились и иконы, и съ нихъ при сіяніи лампадъ смотрятъ живыя лица... и лица молящихся въ храмѣ людей, какъ живыя иконы... Необыкновенной сладостью отзывались въ душѣ слова читаннаго въ храмѣ псалма: „Истина возникнетъ отъ земли и правда приникнетъ съ небесъ, и земля дастъ плодъ свой“... И охватывало предчувствіе имѣющаго въ мірѣ совершиться обновленія... хотя бы въ далекомъ будущемъ... Мысль его обнимала человѣчество, и міръ представлялся ему храмомъ, въ которомъ ходатайственно священнодѣйствуетъ передъ Отцомъ, какъ передъ Своимъ Богомъ по вочеловѣченію, Самъ Сынъ Его, Богочеловѣкъ. Христосъ въ судьбахъ міра совершаетъ Божественно Свое священнодѣйствіе, приводя человѣчество подъ благоволеніе Отца и подъ осѣненіе Святаго Духа.

Такимъ образомъ и при чтеніи Вальтеръ-Скотта фантазія его работала въ такомъ направленіи, чтобы искать отраженіе небеснаго въ земномъ, образъ Божій—въ людяхъ, и въ жизненной дѣйствительности—присутствіе Божественной благодати.

Въ предисловіи къ письмамъ къ Гоголю Александръ Матвѣевичъ говоритъ, какое вліяніе имѣло на него чтеніе статей Бѣлинскаго. Говоритъ онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Итакъ, все у него слагалось такъ, что и чтеніе Бѣлинскаго, котораго онъ читалъ почти ребенкомъ, Вальтеръ-Скотта и Шекспира (послѣдняго онъ особенно любилъ), чтеніе философскихъ книгъ,—все рѣшительно способствовало только тому, что процессъ развитія его мысли продолжалъ совершаться тѣмъ самостоятельнымъ путемъ, на которомъ выработалось его міросозерцаніе. Наконецъ, имѣли значеніе и его жизненныя обстоятельства, т.-е. обстоятельства его дѣтства, о которыхъ буду говорить. Александръ Матвѣевичъ всегда говорилъ, что съ самаго его дѣтства судьба его слагалась такъ, что все въ его жизни способство-

*) Александръ Матвѣевичъ говорилъ иногда, что важно освободиться отъ нѣкоторыхъ мертвыхъ представленій, привившихся иногда силою рутины, чтобы въ новой и живой силѣ почувствовать Божественное.

вало развитію и росту его міросозерцанія, завершившагося цѣльною богословскою системой.

Ходъ развитія мысли Александра Матвѣевича былъ очень быстрый, если взять во вниманіе, что письма къ Гоголю были написаны въ 1848 г. (какъ это значится въ заглавіи), слѣдовательно, черезъ два года по вступленіи Александра Матвѣевича въ монашество; въ нихъ вполнѣ уже выразилось его міросозерцаніе; и нельзя не видѣть, что то, что̀ письма эти въ себѣ содержатъ, давно уже созрѣло въ мысляхъ и чувствѣ ихъ автора. Вскорѣ за тѣмъ были написаны и статьи, которыя вошли въ составъ книги о православіи въ отношеніи къ современности. Но вотъ эта послѣдняя книга и послужила главнымъ образомъ поводомъ къ гоненію на ея автора.

На первыхъ порахъ монашескаго поприща Александра Матвѣевича никакой рѣзкой перемѣны въ его образѣ жизни не произошло; онъ продолжалъ заниматься изслѣдованіемъ св. писанія и, поставивъ себѣ задачею выясненіе внутренняго значенія православія, онъ объяснялъ истины православія путемъ лекцій и письменныхъ работъ, которыя, впрочемъ, были напечатаны только впослѣдствіи. И не думалъ онъ никогда выступать въ качествѣ протестанта. Признавалъ онъ всегда большую заслугу за православнымъ духовенствомъ, что сохранило оно для Россіи цѣлыми догматы православія; но, сохранивши ихъ цѣлыми, духовная наука не успѣла еще, по его мнѣнію, заняться полнымъ раскрытіемъ ихъ внутренняго значенія, такъ что не только міряне, но и самое духовенство, въ своемъ большинствѣ, оставалось не вѣдавшими и не уразумѣвшими внутренняго содержанія православія. Впрочемъ, говорилъ Александръ Матвѣевичъ, было время и у православной Россіи, когда у нея къ такому всестороннему раскрытію православія не было нужды, потому что и безъ того православные русскіе, содержа догматы православія съ дѣтскою, у большинства съ безотчетною простотою, тѣмъ не менѣе, всѣ стороны своей малосложной жизни умѣли настраивать по духу православія. Но уже наступила пора и крайне настоятельная потребность для Россіи раскрывать для себя и для другихъ сколько возможно полнѣе и отчетливѣе

свѣтъ и силу православія, и тѣмъ настоятельнѣе эта нужда, что въ религіозное сознаніе православныхъ успѣло уже проникнуть много такого, что прямо несогласно съ существомъ православія.

Мнѣ бы хотѣлось изложить въ сжатомъ видѣ нѣкоторыя основныя мысли міросозерцанія Александра Матвѣевича. Постараюсь это изложить, насколько сумѣю, и пользуясь его подлинными выраженіями.

Истина Господня пребываетъ въ вѣкъ едина и непреложна; но отношеніе наше къ Господней истинѣ въ разныя времена бываетъ соотвѣтственно различнымъ ихъ особенностямъ и нуждамъ, а потому оно неизбѣжно разнообразится, хотя сила дѣла въ этомъ отношеніи всегда должна быть одна и та же. Понятно, что и въ наше время должно вѣрующимъ стоять къ ней также въ особомъ, свойственномъ нуждамъ нашего времени отношеніи. Хорошо было бы прослѣдить весь рядъ временъ, прожитыхъ уже православіемъ, сличая ихъ съ нашимъ временемъ: тогда бы мы лучше и яснѣе увидѣли, что многое нужное или достаточное для того или другого времени уже недостаточно раскрываетъ (а иногда даже болѣе закрываетъ) свѣтъ и жизнь православія.

Въ настоящій разъ возьмемъ мы во вниманіе самыя первыя времена христіанства. Въ первые вѣка христіанства, среди гоненій сначала отъ іудеевъ и потомъ отъ языческаго міра, христіанину православному для соблюденія и раскрытія въ себѣ спасительнаго свѣта Христова нужно и достаточно было чистосердечнаго и твердаго исповѣданія вѣры во Христа съ рѣшительнымъ отверженіемъ іудейства и язычества, потому что это соединено было съ подвигомъ мученичества, которое вводило христіанъ въ самое живое общеніе въ страданіяхъ Христовыхъ и потому преизобильно раскрывало въ нихъ свѣтоносный и животворный духъ Христовъ.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣляли и отстаивали догматы православія въ великій періодъ временъ семи вселенскихъ соборовъ по тогдашнимъ потребностямъ вѣры. Послѣ того, какъ св. мученики своимъ общеніемъ въ Христовыхъ страданіяхъ, въ Христовой любви къ людямъ,

выразившейся въ Его страданіи и смерти за людей, побѣдили какъ іудейство, ревнующее за мертвую букву закона, такъ и язычество, обожающее одни призраки Божественнаго, чадамъ св. Церкви открылось ничѣмъ не стѣсняемое отвнѣ удобство къ проявленію въ себѣ той силы вѣры, чтобы Христосъ вселился въ ихъ души, какъ верховное начало всей ихъ дѣятельности и жизни, какъ Богъ ихъ мысли, чувства, желаній, всякаго ихъ движенія, Христосъ Богъ, которымъ, по слову писанія, „мы живемъ, движимся и есмы“. Между тѣмъ къ этому внутри самой Церкви открылись немедленно страшныя затрудненія и препятствія. Появились ереси, ложныя толкованія, явилось посягательство на самое значеніе Христа, какъ верховнаго начала, какъ истиннаго Бога, явились другія ереси, для ниспроверженія которыхъ православнымъ приходилось подвизаться и подвигами до крови отстаивать самое существо христіанства. Открылась ересь, настаивавшая на томъ, что въ Самомъ Христѣ, *основаніи благодатнаго соединенія человѣка съ Богомъ,* человѣческое съ Божественнымъ соединилось только случайно, что Христосъ родился отъ своей матери простымъ человѣкомъ, съ которымъ за его святость уже впослѣдствіи соединился Богъ Слово, пребывая въ своей личности всегда отдѣльнымъ отъ человѣчества Христова, отчего самое основаніе *союза Бога съ человѣкомъ* распадалось. Живое чувство православія тотчасъ же примѣтило ниспроверженіе этой ложью всей тайны нашего во Христѣ спасенія. И новые великіе подвиги нужны были для торжества той истины, что ради спасенія грѣшныхъ людей Самъ единосущный Отцу Сынъ Его собственнымъ лицомъ нисшелъ до воспріятія человѣческой природы.

Затѣмъ явилось ложное ученіе, будто во Христѣ человѣчество поглотилось Божествомъ; отчего грѣшные люди должны были бы потерять доступность или сродный съ ихъ природою способъ къ своему соединенію съ Божествомъ, *да и самое это соединеніе съ Богомъ грозило бы имъ неминуемымъ поглощеніемъ ихъ человѣчества* вмѣсто спасенія. И опять потребовался тяжкій подвигъ православія для раскрытія и утвержденія той истины, что въ Спасителѣ, въ единствѣ Его личности соединились оба естества—Божеское и чело-

вѣческое, и это ради людей, для упраздненія естественной человѣческой грѣховности, для приведенія человѣка со всею цѣлостью его личности и природы къ Богу, — требовался подвигъ православія, чтобы отстоять возможность для христіанъ жить своею личностью и всѣми сторонами своей природы и здѣсь на землѣ, какъ на небѣ, съ Христомъ въ Богѣ.

Итакъ, подвизавшіеся за православіе въ періодъ вселенскихъ соборовъ стояли, собственно, не за *мертвую букву вѣры,* а за самую силу дѣла,—*союза людей съ Богомъ.*

Разсмотрѣвъ, какъ и за что въ силѣ дѣла подвизались защитники православія, обратимся къ нашему времени. Ложь древнихъ ересей, волновавшая весь древній христіанскій міръ, дѣйствуетъ и въ настоящее время въ той же силѣ и обширности, какъ и въ періодъ вселенскихъ соборовъ, но только уже раскрывается въ инаковыхъ видахъ. Есть и прямо открытое, не признающее Христа Богомъ, аріанство; но и такое нынѣшнее аріанство имѣетъ корнемъ своимъ уже не догматическія недоразумѣнія и заблужденія вѣры, но то направленіе вѣры, по которому многіе христіане не хотятъ признавать Христа верховнымъ, живымъ началомъ своей мысли, своей воли, сердца и воображенія и, слѣдовательно, всей области жизни общественной и частной. Это и есть повтореніе въ силѣ дѣла того древняго полуаріанства, по которому иные признавали Христа Богомъ, не воздавая Ему всецѣло и рѣшительно Божіей чести, и съ которымъ древнее православіе никакъ не хотѣло имѣть единенія. Весьма еще замѣчательно, что поборники православія никакъ не сдавались на громкія ихъ величанія Христа премудростію, силою Божіей, сіяніемъ славы и пр., но требовали отъ аріанъ одного точнаго слова о Божествѣ Христовомъ, требовали такого исповѣданія вѣры, что Христосъ есть именно единосущный Отцу Сынъ, слѣдовательно, по самой сущности—Богъ.

Съ другой стороны, и нынѣ какой-нибудь Евтихій, ратуя противъ направленія вести дѣла человѣческія въ отдѣльности отъ Божественнаго, впадаетъ въ другую столь же лживую односторонность, и начинаетъ подавлять человѣческое Божественнымъ, забывая, что во Христѣ, лично

соединившемъ въ себѣ человѣчество съ Божествомъ, человѣчество не подавлено и не поглощено Божествомъ.

Бросимъ, говорятъ, нашъ слабый человѣческій умъ, воображеніе, особенно эту бренную тѣлесность, будемъ попирать и уничтожать нашу нравственную личность, вознесемся духомъ къ небесному и Божественному! Хорошо; но не надо забывать и того, что во Христѣ осталось цѣлымъ и человѣчество съ душою разумною и съ *роднымъ* намъ человѣческимъ духомъ и тѣломъ и это для сохраненія и возвышенія нашей личности въ истинномъ ея достоинствѣ. Подавлять духовнымъ направленіемъ человѣческій умъ или другія человѣческія силы *) вмѣсто разносторонняго ихъ раскрытія въ Христѣ, отстранять самую тѣлесность отъ участія въ благодатной духовности значило бы мириться съ ересью евтихіанства, признававшаго во Христѣ поглощеніе человѣческаго Божественнымъ и вмѣстѣ съ монофелитами не признавать у Христа вмѣстѣ съ Божіей и человѣческую волю и дѣятельность, за какую неоцѣненную истину св. Максимъ Исповѣдникъ готовъ былъ стоять до смерти, хотя бы одинъ противъ всѣхъ въ мірѣ.

Нужны ли прямыя свидѣтельства древнихъ духоносцевъ относительно духовности? Одинъ изъ нихъ внушалъ на тотъ случай, если бы юный инокъ своими юношескими пареніями сталъ возвышаться надъ землею къ небу, — удержать его за ноги и поставить на землю.

Вотъ духовность по образу и духу Христа, сошедшаго съ неба на землю! И притомъ Христосъ приходилъ на землю въ значеніи и расположеніяхъ агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, и такъ какъ эта, на себя принявшая всю отвѣтственность за грѣхи міра, любовь есть духъ всей Его земной жизни, всѣхъ Его состояній и дѣйствій, то именно въ такомъ духѣ и должна быть духовность всѣхъ нашихъ какъ внутреннихъ расположеній и мыслей, такъ и внѣшнихъ отношеній и поступковъ. Итакъ, если мы, ревнуя по Богу и Церкви, не внемлемъ, или мало внемлемъ, разно-

*) Направленіе это имѣетъ широкое распространеніе, начиная съ древнихъ временъ и въ настоящее время дѣлаетъ свои завоеванія въ области духа.

образнымъ нуждамъ и затрудненіямъ меньшихъ Его собратій, въ средѣ ли гражданской и народной, или въ области мысли и чувства, такую не по Христу высящуюся къ небу духовность слѣдуетъ еще поставить на землю, которую Христосъ такъ возлюбилъ и которая во Христѣ становится уже жительствомъ небеснымъ. Не надо дѣлать изъ духовности христіанской какое-то страшилище, котораго пугаются всѣ труждающіеся и обремененные въ земныхъ нуждахъ и интересахъ;—а то христіанство оказалось бы какъ будто даннымъ не для земли и земнородныхъ,—чтобы и на землѣ была воля Отца небеснаго, какъ на небѣ. Мы настолько будемъ вѣрны духу святоотеческаго ревнованія по православію, сколько самое дольнее, земное будетъ у насъ устрояться по началамъ Христовой истины, и обратно, сколько самая истина Христова будетъ нами раскрываема и разъясняема въ значеніи начала для всего дольняго и мірского, т.-е. въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ истина явилась намъ въ лицѣ Самого Христа, сошедшаго съ неба на землю.

Александръ Матвѣевичъ утверждалъ, что догматы вселенскаго православія не являются только отвлеченными формулами, а, напротивъ, содержа въ себѣ самое существо христіанства, они полны жизненнаго значенія; говоря это, онъ ссылался постоянно на святоотеческія свидѣтельства.

О монашествѣ Александръ Матвѣевичъ полагалъ, что оно, какъ чинъ равноангельный, призвано тоже служить человѣчеству проведеніемъ Христовой истины въ мірскія среды для упраздненія въ нихъ зла и молитвенными подвигами наибольше привлекать къ нимъ Божію благодать. Александръ Матвѣевичъ никогда не хотѣлъ,—можетъ, даже не умѣлъ,—въ дѣлѣ разъясненія православнаго вѣроученія принимать въ соображеніе какіе-либо интересы, чуждые самой вѣрѣ, какъ не принималъ въ соображеніе и неблагопріятныя послѣдствія, которыя могли отъ того произойти лично для него, а продолжалъ писать и говорить все въ томъ же духѣ. Представителямъ того вида аскетизма, которые все земное отвергаютъ, какъ тлѣнъ и прахъ, смотрятъ на все земное, какъ на боговраждебный міръ во злѣ лежащій, яростнымъ гонителямъ человѣческой

природы и всего, что заключаетъ въ себѣ человѣчество съ его наукою, искусствомъ и всѣми радостями жизни, Александръ Матвѣевичъ поставлялъ на видъ, что Сынъ Божій, Самъ основаніе всѣхъ судебъ и состава міра,—сходилъ на землю подъ условія земного порядка вещей, Имъ же предопредѣленнаго, принялъ человѣческую природу съ умомъ человѣческимъ, сердцемъ, волею, воображеніемъ и съ самымъ тѣломъ человѣческимъ, и взялъ ее въ неразрывный союзъ со Своимъ Божествомъ, ради того, чтобы въ каждой области человѣческаго бытія святилось имя Отца небеснаго, и ни одну такую область не даетъ Сынъ унизить. Христосъ есть свѣтъ міру: свѣтитъ Онъ даже во тьмѣ язычества или невѣрія идеями красоты, добра и правды и отвергать что-либо относящееся къ такому свѣтенію—значило бы отвергать Его Самого. А отвергать науку, искусства значитъ отвергать мысли Творца, осуществленныя въ твореніи; подвергать отверженію всѣ радости жизни, это—противиться мысли Того, кто для услажденія глазъ человѣка одѣваетъ лиліи дивною красотою... А что до міроваго зла, то Христосъ Самъ на Себѣ понесъ его бремя, на Немъ оно отяготѣло всей своей страшной мощію и одинъ Онъ надъ всѣмъ Судія... „Господь творилъ міръ“,—писалъ Александръ Матвѣевичъ Александру Алексѣевичу Лебедеву—„Господь творилъ міръ просто и мощно—рече и быша; но въ то же время и Себя обрекая на самозакланіе за міръ: движеніемъ именно этой любви проникнуто было все творчество и на Божественномъ самопожертвованіи обосновано бытіе міра, незыблемо отъ возможныхъ случайныхъ нестроеній“.

Патріотомъ Александръ Матвѣевичъ былъ, какъ говорится, до мозга костей, горячо любилъ онъ Россію и страшно боялся, чтобы православная Россія не потеряла чистоты своихъ догматовъ и чтобы не ушло отъ нея православіе. Онъ былъ такого убѣжденія, что всякій догматъ осуществляется въ жизни и, претворяясь въ духѣ народа, опредѣляетъ его судьбы и его духовный ростъ. Я спрашивала Александра Матвѣевича, почему въ печати не излагалъ онъ свои мысли языкомъ болѣе удобопонятнымъ для свѣтскихъ людей подобно тому, какъ онъ излагалъ ихъ

устно; онъ на это сказалъ, что хотѣлось ему ввести наиболѣе чистыя понятія о православіи—или христіанствѣ—въ религіозное сознаніе людей благочестивыхъ, но что боялся онъ, чтобы не приняли они его воззрѣнія за какое-то новшество, если бъ онъ сталъ употреблять выраженія, болѣе принятыя въ свѣтской литературѣ. Хотѣлось ему также, чтобы православные русскіе умѣли отличать истинное добро отъ мнимаго добра, настоящее зло—отъ мнимаго зла; а то почитается за грѣхъ многое такое, что въ сущности не есть грѣхъ, какъ, напр., пѣсни, театръ и проч. Но отказаться отъ того, что почитаютъ за грѣхъ, большинство изъ нихъ все-таки не можетъ и не хочетъ, и вотъ является привычка мириться съ грѣхомъ, утрачивается внутренняя цѣльность и получается какая-то спящая совѣсть и расшатанность всего внутренняго существа человѣка.

Вопросъ о томъ, подъ чьимъ вліяніемъ Александръ Матвѣевичъ принялъ монашество, падаетъ самъ собою, если взять во вниманіе, что міровоззрѣніе его выработалось (или вырабатывалось) когда еще онъ былъ студентомъ академіи, а это я лично отъ него слышала. Трудно допустить, чтобы Александръ Матвѣевичъ при такомъ самостоятельно развивавшемся міросозерцаніи могъ отдать себя вполнѣ подъ руководство того монаха, вліянію котораго приписывали нѣкоторые вступленіе его въ монашество. Если память не измѣняетъ мнѣ, это былъ инспекторъ академіи и звали его, помнится, Евсевіемъ. Я мало о немъ слышала отъ Александра Матвѣевича, но отъ слышаннаго осталось у меня такое представленіе, что это былъ человѣкъ не изъ мудреныхъ, хотя самаго искренняго благочестія. Александръ Матвѣевичъ къ нему часто ходилъ, и онъ старался, поддерживать его въ намѣреніи постричься, что было, повидимому, и лишнимъ, такъ какъ у самого Александра Матвѣевича намѣреніе это пріобрѣло уже силу безповоротнаго рѣшенія. Тѣ, кто близко зналъ Александра Матвѣевича, мнѣ кажется, не могли бы допустить и мысли, чтобы кто-нибудь въ такихъ вещахъ могъ имѣть на него вліяніе,—мысль его была самобытною, а независимость духа была отличительною чертой его характера. Уважалъ онъ эту не-

зависимость и въ другихъ и всегда желалъ, чтобы психическое развитіе каждаго совершалось сообразно его личнымъ особенностямъ (при благонаправленіи только со стороны болѣе опытныхъ)—въ силу словъ Христа: „учителемъ не называйте себѣ никого на землѣ“;—подавляюще дѣйствовать на чью-либо индивидуальность считалъ онъ за грѣхъ, и по поводу этого говорилъ онъ иногда, что Христосъ Своею собственной человѣческой индивидуальностью постоитъ за индивидуальность каждаго изъ людей, какъ за святую тайну человѣческаго бытія. Также и относительно воззрѣній не считалъ онъ благотворными для духа воззрѣнія, принятыя на вѣру, въ силу авторитета и безъ внутренняго убѣжденія. Никогда не хотѣлъ онъ и для меня быть авторитетомъ. Но, разумѣется, былъ онъ счастливъ, если воззрѣнія его принимались кѣмъ-либо по внутреннему убѣжденію.

А что касается личныхъ особенностей самого Александра Матвѣевича, то его особенностью, можно сказать, основною чертою его характера было умѣнье уважать... Люди сороковыхъ годовъ писали нерѣдко о нравственномъ долгѣ уважать въ человѣкѣ образъ Божій. Бѣлинскій иногда особенно хорошо объ этомъ писалъ, и это плѣняло фантазію многихъ, хотя у большинства такъ это и оставалось въ области одной фантазіи; понятіе о томъ, какъ надо уважать въ человѣкѣ образъ Божій, проникло глубоко въ сознаніе Александра Матвѣевича съ самыхъ юныхъ его лѣтъ и воспринято было имъ это понятіе всею цѣльностью его духа: онъ уважалъ человѣка и въ интеллигентѣ, и въ неграмотномъ, во взрослomъ и въ ребенкѣ; это чувство было такъ ему присуще, что казалось ему прирожденнымъ и не измѣняло ему ни въ большихъ, ни въ малыхъ вещахъ; даже въ порывахъ самаго пылкаго противъ кого-либо негодованія въ основѣ его душевныхъ движеній оставалось всегда уваженіе къ человѣку. Презрѣнія не знала его душа, не постигалъ онъ его ни своимъ умомъ, ни сердцемъ. И такъ, видно, устроены люди, что чувствующее человѣческое сердце подаетъ вѣсть другому человѣческому сердцу; Александръ Матвѣевичъ, умѣвшій уважать человѣка, умѣлъ привлекать къ себѣ много сердецъ и умѣлъ вызы-

вать наружу все лучшее, что есть въ человѣкѣ, иногда даже такое лучшее, что оставалось какъ бы похороненнымъ на днѣ души. „Вы говорите,—писалъ онъ къ одной изъ своихъ знакомыхъ,—что въ каждомъ человѣкѣ есть какой-то другой внутренній человѣкъ, а я думаю, что этотъ внутренній человѣкъ и есть именно Христосъ. Умѣйте уважать въ каждомъ человѣкѣ образъ Христа, хотя бы въ иномъ и погребеннаго, какъ былъ Онъ погребенъ послѣ Его распятія и смерти".

Хочется мнѣ сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи Александра Матвѣевича къ природѣ. Съ самаго дѣтства и до конца своей жизни онъ особенно любилъ природу и умѣлъ находить въ ней неизсякаемый источникъ красотъ; она представлялась ему какъ бы одухотворенною, и его отношеніе къ ней было одухотвореннымъ. Во время нашихъ прогулокъ, подъ впечатлѣніемъ красотъ природы, говорилъ онъ иногда чудныя вещи... Онъ говорилъ, что по силѣ тайны воплощенія, дѣйствовавшей уже въ самомъ актѣ творенія, Сынъ Божій отъ начала міра содѣлался первенцемъ во всемъ мірозданіи и какъ бы породнился не только съ человѣкомъ, но и съ послѣднею былинкою въ мірѣ, что таинственный смыслъ этого и заложенъ въ природѣ, осѣняемой Духомъ Святымъ. Александръ Матвѣевичъ полагалъ вообще, что въ каждой системѣ міросозерцанія, какъ бы ни была она ошибочною, нѣчто есть отъ истины и это нѣчто находилъ онъ и въ пантеизмѣ, насколько духъ человѣческій инстинктивно ощущаетъ заложенную въ природѣ божественную тайну. Говорилъ онъ удивительно: это былъ цѣлый рядъ высокихъ помысловъ и вдохновеній... Его отношеніе къ человѣку, къ природѣ и ко всякой вещи создавало какую-то чудную атмосферу *).

*) Я увѣрена, что въ этомъ согласятся со мной всѣ тѣ, которые близко знали и любили Александра Матвѣевича. Всякій разъ, какъ меня просили писать о немъ воспоминанія, въ моемъ представленіи вставалъ его благородный образъ, и я чувствовала свое безсиліе воспроизвести его. Вотъ и теперь недовольна я написаннымъ: чувствуешь, что все было лучше, много лучше, чѣмъ какъ описываешь, а между тѣмъ такъ бы хотѣлось все это воспроизвести именно въ томъ чудномъ и жизненномъ свѣтѣ, какъ осталось оно жить въ моей памяти и воображеніи.

И это не было только въ отвлеченіи мысли, а въ живомъ и непосредственномъ чувствѣ. Мнѣ лично даже казалось иногда, что и самыя воззрѣнія Александра Матвѣевича зависѣли много отъ той жизненной интенсивности, съ какою воспринималъ онъ всѣ впечатлѣнія; такъ и природа получала въ его душѣ такой сочувственный отзвукъ, что, казалось, одухотворялась и жила вмѣстѣ съ нимъ. Скрытый законъ сродства или гармоніи духа человѣческаго съ природою выражается въ томъ, что зрительное воспріятіе предметовъ природы находится въ живой связи съ нашимъ сознаніемъ, и то, что мы видимъ, находится столько же внутри насъ, какъ и внѣ насъ. Бываетъ, что людей обвиняютъ въ преувеличеніяхъ только потому, что имъ дана способность ярко видѣть предметы. Ярко видѣть развѣ это не есть искусство, настоящее жизненное искусство? Кому наиболѣе присуща инерція, тотъ и видитъ одну инерцію вещей, а духъ жизни даетъ иному въ наслажденіи природою ощущать Бога, первоисточника красоты и гармоніи. Религіозное чувство Александра Матвѣевича заключало въ себѣ живое ощущеніе воплотившагося Бога и этимъ чувствомъ опредѣлялось его отношеніе къ Богу, къ людямъ и къ самой природѣ.

II.

Александръ Матвѣевичъ былъ сынъ діакона села Ѳедоровскаго, Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи. Отецъ его былъ человѣкъ кроткій, его всѣ любили,—и прихожане, и причтъ,—всѣ, кто ни зналъ его. Это была душа простая, ясная и дѣтски-наивно вѣрующая въ добро. Къ людямъ науки и въ особенности духовной онъ относился почти съ благоговѣйнымъ уваженіемъ; любилъ читать и разсуждать со своими дѣтьми, даже съ тѣми, которыя едва еще вышли изъ младенческаго возраста. Разсуждая съ ними, онъ словно забывалъ про ихъ возрастъ и часто говорилъ съ ними о вещахъ, которыя, казалось, могли быть выше ихъ пониманія.

Вотъ одинъ изъ такихъ разговоровъ, записанный Александромъ Матвѣевичемъ впослѣдствіи: „Это было рано,

такъ рано въ моемъ дѣтствѣ, что я почти ничего не помню болѣе ранняго; во время прогулки съ отцомъ я обратился къ отцу съ такимъ вопросомъ: „А что, должно-быть, Богъ бѣденъ, очень бѣденъ?“—„Съ чего ты это взялъ?“ спросилъ озадаченный отецъ. „Да какъ же? Вотъ Богъ такъ любитъ бѣдныхъ, такъ любитъ, чтобы и мы имъ помогали; видно, Онъ Самъ бѣденъ, потому такъ заступается за бѣдныхъ“. Отецъ, разумѣется, растолковалъ мальчику, что *нашъ Богъ всѣмъ обладаетъ и все отъ Него* (слова эти Александръ Матвѣевичъ запомнилъ, какъ буквально точныя слова его отца), но что Онъ такой ужъ милостивый, такой добрый, Отецъ нашъ, что беретъ къ сердцу наши нужды и бѣдность, какъ будто Онъ Самъ нуждается, и помощь бѣднымъ принимаетъ такъ, какъ бы она Ему Самому оказывалась. Тутъ ужъ недолго было отцу объяснить своему любимому и любящему его мальчику, что Богъ, по Своей любви къ намъ, бѣднымъ и грѣшнымъ людямъ, Самъ видимо приходилъ въ нашъ міръ. Самъ сдѣлался человѣкомъ, былъ сначала мальчикомъ маленькимъ, и наши бѣды, особенно главную и коренную нашу бѣду, провинности наши передъ Нимъ, взялъ дѣйствительно на Себя, какъ будто и дѣйствительно это были собственныя Его бѣды и провинности. „Это похоже на то, какъ бы ты изъ окна увидалъ, что кто-нибудь несетъ бремя совсѣмъ не по силамъ, и, собственно, не несетъ, а только падаетъ съ этимъ бременемъ, а ты, положимъ, могъ бы поднять и снести эту тяжесть, и вотъ ты бы самъ вышелъ къ этому бѣдняку на улицу и взялъ бы на свои плечи тяжелое это бремя, такъ что оно уже тебя самого давило бы своею тяжестью, какъ и вправду твое бремя. Понимаешь? Вотъ такъ-то и потому-то Богъ любитъ бѣдныхъ, нуждающихся людей“.

Такъ, въ дѣтскую душу мальчика, по причинѣ ранняго развитія въ немъ умственной воспріимчивости, вселялись сѣмена, если еще не разумѣнія, то предразумѣнія глубоко разумной простоты нашего искупленія, хотя и неизслѣдимой, по своей высотѣ и глубинѣ, по широтѣ и протяженію своего развитія.

Къ памяти отца Александръ Матвѣевичъ до конца своей жизни относился съ благоговѣйнымъ уваженіемъ и съ глубочайшею нѣжностію. За нѣсколько часовъ до смерти вспоминалъ онъ объ отцѣ, и вспоминая, какимъ трогательно глубокимъ голосомъ пѣвалъ онъ иногда духовный кантъ „не напрасно Маріины слезы проливаются“, какой умиленной нѣжностью къ отцу наполнялась при этомъ его дѣтская душа!

Несомнѣнно то, что многое дали Александру Матвѣевичу эти бесѣды съ его отцомъ; благодаря дѣтской впечатлительности и самому нѣжнѣйшему чувству къ отцу, слова послѣдняго глубоко запечатлѣвались въ его дѣтскомъ сердцѣ; но несомнѣнно также и то, что многое далось ему путемъ наслѣдственности — отъ того же отца, натура котораго была прямо благодатная. Съ какимъ-то сердечнымъ проникновеніемъ могъ онъ подниматься до пониманія великихъ вещей, хотя и давалось это ему иногда въ видѣ зачатковъ, предчувствій... Что не безъ вліянія наслѣдственности образовалось у Александра Матвѣевича самое его міровоззрѣніе, въ этомъ убѣждаетъ меня все то, что я знаю объ его старшей сестрѣ — Екатеринѣ Матвѣевнѣ; нѣкоторыя мысли, у отца бывшія, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи, выросли у нея въ опредѣленныя понятія, и впослѣдствіи она легко и свободно ихъ выражала на своемъ своеобразномъ языкѣ, такъ что Александръ Матвѣевичъ, когда былъ уже студентомъ академіи, искренно и безъ всякой натяжки считалъ ее много умнѣе себя, потому что она, не будучи, кромѣ грамоты, ничему учена, не имѣвши случая упражнять своего ума, выражала иногда мысли, которыя давали толчокъ работѣ его собственной мысли. Ей всецѣло передалъ отецъ свой духовный обликъ, передавши ей и свой покойный характеръ. Александръ Матвѣевичъ говорилъ, что до мелочей походила она на отца: и дѣлала все такъ же тихо, какъ онъ, и все у нея спорилось, какъ у него же. И та же была благостность, что и у него...

Отъ своей матери Александръ Матвѣевичъ унаслѣдовалъ горячность и страстность ея натуры. „Но эта наслѣдственная черта сложилась у него такъ, что легла въ самую глубь его характера. Александръ Матвѣевичъ самъ признавалъ, что въ характерѣ его много страст-

ности. Да и не былъ онъ вообще проповѣдникомъ безстрастія. Къ нему тоже вполнѣ приложимъ Некрасовскій стихъ, относящійся къ Бѣлинскому:

„Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли"...

Горячими часто называютъ людей, которые, быстро воспламеняясь, въ припадкѣ гнѣва способны иногда и обидѣть, и оскорбить человѣка, хотя у иныхъ это скоро и проходитъ, такъ что иногда наутро же забываютъ они о причинѣ, вызвавшей ихъ гнѣвъ. Александръ Матвѣевичъ вспыхивалъ, кипѣлъ и волновался, но это не было у него чѣмъ-то скоропреходящимъ, — могъ онъ отъ того же кипѣть и волноваться и много времени спустя; но никогда не возвышалъ онъ голоса, никогда не унижался до желанія обидѣть и нанести ударъ самолюбію человѣка. Самъ способный сильно чувствовать, всегда щадилъ онъ чувства другихъ. Нечего и говорить про то, что не былъ онъ злопамятнымъ, что не могъ онъ питать злого чувства ни противъ кого; но чтобы забывать... то едва ли онъ что забывалъ... Тонкая, одухотворенная организація есть даръ, неразлучный со страданіемъ; всякій фальшивый звукъ, отзываясь болѣзненно въ сердцѣ, причиняетъ страданіе, которое не забывается. Натура его была горячая и непосредственная, — одна изъ тѣхъ, для которыхъ жизнь является часто драмою; глубина и сила ихъ чувства приводитъ часто въ движеніе духовныя силы людей, ихъ окружающихъ, давая раскрываться чувствамъ и побужденіямъ, составляющимъ коренное содержаніе души того или другого человѣка!.. Приходятъ иногда въ движеніе и злые инстинкты, и, какъ слѣпыя стихіи, несутъ они часто бѣду и горе въ ихъ личную жизнь. Противъ опасностей, какія могутъ встрѣчаться такимъ натурамъ, у Александра Матвѣевича былъ сильный оплотъ. Это — твердо выдерживаемое имъ правило, — враждовать противъ самыхъ началъ лжи и зла, а не противъ людей. Быть-можетъ, индивидуальность его выразилась бы въ жизни иначе, если бъ не тотъ идеалъ, которому подчинилось все его существо.

Я говорила, по какимъ побужденіямъ избралъ Александръ Матвѣевичъ поприщемъ для своей дѣятельности монашество. Принималъ онъ монашество не съ мыслію объ отреченіи отъ своей нравственной личности, а съ мыслью о *счастіи* посвятить свою жизнь и свои силы служенію Христовой истинѣ и послужить родинѣ, поработавши надъ сокровищемъ, которое дано ей въ удѣлъ, надъ ея золотомъ, еще не очищеннымъ отъ земли и руды (говоря о православіи, Александръ Матвѣевичъ часто называлъ его сокровищемъ, золотомъ).

Но случилось такъ, что на избранномъ имъ поприщѣ Александръ Матвѣевичъ встрѣтилъ враждебность къ тому, что составляло Святая Святыхъ его помысловъ, такъ что дѣятельность его на немъ сдѣлалась драмою всей его жизни... и надо удивляться, какъ могъ онъ до конца своей жизни сохранить уваженіе къ людямъ, встрѣтивши въ своей жизни такъ много лжи и лицемѣрія, тогда какъ самъ онъ всегда подходилъ ко всему съ правдивой и горячей душой.

Трудно бываетъ вообще разгадать, въ чемъ лежитъ тайна индивидуальности того или другого человѣка, но у Александра Матвѣевича слишкомъ отчетливо обозначились наслѣдственныя черты...

„Удивительное Божіе созданье человѣкъ!“ — говорилъ Александръ Матвѣевичъ —„Свѣтъ истинный, сказано, просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Даже и то, что относится къ предварительному только приготовленію прихода того или другого человѣка въ міръ, озарено вышнимъ свѣтомъ, и, по крайней мѣрѣ, мерцаніе этого свѣта обозначается потомъ и „можетъ быть выслѣжено въ самомъ этомъ человѣкѣ“.

Вспоминая про время своего ученья въ семинаріи, Александръ Матвѣевичъ говорилъ, что тогда онъ много читалъ, и что сильно его занимали и волновали вопросы, относящіеся къ области жизни и мысли, а также и теологическіе вопросы. Мысль его рано начала работать въ богословскомъ направленіи; но въ семинаріи въ міровоззрѣніи его была какая-то двойственность, подъ вліяніемъ которой ломился его духъ... Тѣ това-

рищи, которые говорили, что по переходѣ въ академію сталъ онъ неузнаваемъ, что слишкомъ замѣтно было у него угнетенное состояніе духа, — эти товарищи, очевидно, не были настолько къ нему близкими, чтобы замѣтить тотъ мучительный душевный разладъ, который переживался имъ въ семинаріи. Въ академіи, на первомъ курсѣ, послѣдовалъ уже кризисъ, послѣ котораго постепенно сталъ онъ выздоравливать духомъ подъ вліяніемъ слагавшагося у него уже цѣльнаго міросозерцанія. Вспоминая о томъ времени, когда имъ овладѣвало такое сильное душевное недомоганіе, онъ говорилъ: „мнѣ надо было строиться на новомъ, а то мнѣ нечѣмъ было бы жить". Это его буквальное выраженіе). Помню, я какъ-то ему говорила, что когда читаешь Шекспира, то невольно приходитъ на мысль, что есть въ жизни какія-то враждебныя силы, которыя таятъ въ себѣ гибель для лучшихъ, благороднѣйшихъ созданій. Онъ на это сказалъ, что любилъ онъ очень читать Шекспира и въ семинаріи, но что тогда его самого глубоко смущала мысль о той страшной энергіи зла, которая дѣйствуетъ въ мірѣ, смущало это его, пока не преклонился онъ предъ той великою тайной, какъ бы, такъ сказать, завитой въ самомъ твореніи, что добро въ самомъ своемъ угнетеніи и распятіи своемъ побѣдоносно, а ложь и зло и въ самомъ своемъ торжествѣ низлагаются, такъ что въ *академіи* читалъ онъ уже Шекспира съ просвѣтленнымъ чувствомъ.

Хотя всякаго рода жизненныя огорченія не могли, конечно, не наложить своей печати на характеръ Александра Матвѣевича, но въ немъ всегда было много воодушевленія, и онъ могъ воодушевляющимъ образомъ дѣйствовать на людей.

Да и какъ могъ Александръ Матвѣевичъ не быть общительнымъ, при его отношеніи къ людямъ. Часто онъ говорилъ, что любитъ онъ простыя русскія души, ласковыя и привѣтныя; и такія души всегда платили ему взаимностью и со своей стороны. Педантичной серьезности онъ не любилъ, особенно если чуялъ въ ней что-либо напускное: всякій видъ фарисейства былъ ему непріятенъ и отъ всего напускного приходилъ онъ всегда въ нескрываемое нетерпѣніе.

Александръ Матвѣевичъ самъ не могъ не признавать своей способности привлекать людей къ себѣ, и объяснялъ это тѣмъ, „что въ немъ всегда просвѣчивала внутренняя живость, какой-то внутренній огонекъ, всегда теплившійся въ его душѣ“.

Не всѣ это прямо и ясно замѣчали, но всѣ это чуяли, и всѣ, естественно, такъ сказать, жались къ этому огоньку, — вѣдь нравственная наша атмосфера вездѣ довольно сырована, рады и маленькой искрѣ; благодаря этому свойству, у него съ отроческихъ до позднихъ его лѣтъ, во всякомъ его положеніи и обстоятельствахъ не оскудѣвали задушевные, интимные друзья, друзья не до чернаго лишь дня.

Впрочемъ, подъ словомъ *всѣ* разумѣлъ онъ, конечно, то значительное число людей его любившихъ, которыхъ находилъ онъ вездѣ и во всякую пору своей жизни. Но не всѣ такъ относились къ нему; нѣкоторымъ казался онъ непонятнымъ съ его непонятнымъ для нихъ міросозерцаніемъ, а другіе съ первыхъ встрѣчъ становились къ нему во враждебное отношеніе, встрѣтивъ у него міросозерцаніе, противоположное ихъ вглядамъ или неблагопріятное для ихъ интересовъ. Но зато многіе сразу съ нимъ сходились, а иные такъ близко, — что роднились съ нимъ душой, чуткимъ сердцемъ понимая заключающуюся въ его судьбѣ драму, и привязывались къ нему на всю жизнь.

А. Бухарева.

Изъ пережитого.

МЫСЛИ И НАСТРОЕНІЯ.

Въ саду заливались соловьи.

I.

Въ саду заливались соловьи... Ночь лунная была свѣтла и тепла. Въ открытое окно проникалъ мягкій воздухъ, полный ѣдкаго запаха расцвѣтающей сирени и свѣжаго аромата молодыхъ деревъ черемухи.

Въ комнатѣ мѣрное раздавалось дыханіе. Лампада мерцающимъ свѣтомъ освѣщала таинственно стѣны и кровать, и блѣдный свѣтъ луны сливался съ ея золотистымъ сіяніемъ. Обитель мира и тишины. Освѣщенныя свѣтомъ лампады иконы святостью своей ограждали покой обители; молитвенное затишье висѣло въ воздухѣ, передавалось изъ комнаты въ садъ и возвращалось снова отъ природы къ иконамъ.

На кровати тихо почивала молоденькая дѣвушка. Невинный сонъ ея дышалъ свѣжестью цвѣточнаго лепестка, и святость, окружавшая ее, сообщалась ей; она была какъ бы часть самой святыни. Полураскрытыя уста не шептали ничего; вѣки чуть-чуть трепетали отъ прикосновенія болѣе свѣжаго воздуха изъ окна; волосы густые и длинные свѣшивались съ кровати; едва обозначенныя перси вздымались ровно и спокойно.

Въ саду заливались соловьи... Ѣдкій запахъ сирени, приносимый воздухомъ, смѣшивался съ теплой атмосферой комнаты и раздражалъ дыханье.

Въ эту обитель мира вошелъ тотъ, кто имѣлъ право войти; къ этому святому ложу приступилъ тотъ, кто имѣлъ право приступить—ея мужъ... И въ этой же святости, при сіяніи

лампады и при свѣтѣ луны, дѣвственное ложе перешло въ алтарь, на которомъ созидалась семья.

Въ саду заливались соловьи... Тихую пѣсню журчала, набѣгая струей, рѣка; звѣзды высоко въ небѣ мерцали; луна свѣтъ свой лила ровно и мѣрно; мерцающій блескъ лампады дрожащимъ мерцаніемъ обозначалъ предметы комнаты; двойное дыханіе раздавалось; молодая женщина рядомъ съ мужемъ спала мирно и спокойно.

Въ саду заливались соловьи...

И такъ, между мерцающимъ свѣтомъ лампады и ровнымъ свѣтомъ луны, прошли всѣ годы жизни ея...

И ложе дѣвственное, обращенное въ алтарь, теперь служило ей послѣднимъ ложемъ, на которомъ тихо, вѣчнымъ сномъ, въ ореолѣ старости почивала она...

Изъ открытаго окна струился воздухъ, полный аромата полевыхъ цвѣтовъ; серебряный свѣтъ луны сливался съ свѣтомъ горящихъ у изголовья и въ ногахъ свѣчей; мерцанье лампады едва было видно въ комнатѣ, освѣщенной сіяніемъ паникадилъ. Тихое рыданье ей близкихъ раздавалось... А въ саду заливались соловьи...

Душа почившей покинула тѣло и тутъ же невидимо созерцала все... Невѣдомая сила влекла ее вдаль, и, ей подчиняясь, она понеслась къ церкви... Невѣдомая сила влекла ее туда, въ церковь...

Ясный свѣтъ наполнялъ церковь... Царскія двери блестѣли и были отворены настежь... Въ нихъ стоялъ Самъ Христосъ...

Душа устремилась впередъ, но, потупившись, остановилась...

Лучистый взоръ смотрѣлъ на нее.

II.

На дворѣ вылъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ и бушевала мятель...

Свѣтъ отъ грязнаго фонаря снаружи проходилъ сквозь мерзлыя окна ночного пріюта, а внутри слабое мерцаніе свѣчи освѣщало неприглядную картину наръ, крашеныхъ стѣнъ и человѣческихъ тѣлъ, вплотную лежащихъ одно возлѣ другого. Въ углу одной изъ наръ слышались судо-

рожныя, едва сдерживаемыя рыданія, и грубая, вполголоса, чтобы не разбудить спящихъ, циничная брань. Плакала дѣвочка лѣтъ 14, припадая къ колѣнямъ старой женщины.

„Мамонька, не отдавайте меня ему!.. Я буду вамъ доставать деньги, я буду стрѣлять и воровать буду, только не отдавайте меня ему!“...

Въ этихъ прерывистыхъ мольбахъ слышался ужасъ и смертельный страхъ,—но вѣчно пьяную женщину, всегда въ притупленномъ полусознательномъ состояніи, этотъ отчаянный вопль не трогалъ; ногой отстраняла она дѣвочку, посматривая ежеминутно на входную дверь. Вокругъ раздавался громкій храпъ, иногда бредъ; воздухъ былъ тяжелый и полонъ винныхъ испареній, исходящихъ отъ спящихъ.

А на дворѣ вылъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ и бушевала мятель...

Струя холоднаго воздуха ворвалась въ комнату. Дверь шумно растворилась, и мужчина коренастый, съ мясистымъ краснымъ лицомъ шагнулъ за порогъ. Отъ всей его фигуры вѣяло животной силой; рыжіе волосы его тѣла, проглядывавшіе сквозь дыры его рубашки, придавали ему какой-то зловѣщій и страшный видъ. Онъ шагнулъ черезъ спящихъ и подошелъ къ койкѣ, гдѣ сидѣли мать и дочь, поставилъ передъ старухой бутылку съ водкой и 20 к. деньгами. При входѣ его дѣвочка сразу замерла; рыданья сжались въ груди, до боли раздирая ее, и ни звука не вылетало больше изъ помертвѣлыхъ губъ ея. Глаза окаменѣли съ выраженіемъ безпросвѣтнаго отчаянія. Она знала хорошо этого человѣка; уже два года онъ былъ котомъ ея матери и, защищая ихъ обѣихъ отъ кулаковъ и обидъ другихъ ночлежниковъ, жилъ на счетъ разврата старшей женщины. Но пьяная и непривлекательная, она мало приносила, и время настало, когда онъ рѣшилъ, что пора выступать и младшей; чтобы имѣть дѣвочку въ своей власти, нужно было поработить ее, подчинить ее своей животной силѣ, уничтожить въ ней всякую волю, и для этого нужно было захватить ее, какъ женщину, всѣми грязными сторонами ея инстинкта.

На дворѣ вылъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ и бушевала мятель...

Старуха, взявъ водку и деньги, поспѣшно уступила мѣсто свое на нарахъ пришедшему, и обреченное на погибель существо съ искрой божественнаго духа, въ ужасѣ, передъ которымъ и самый страхъ смерти блѣднѣлъ, существо, нетронутое пока послѣдней печатью позора, — отдалось на поруганье, брошено въ безпросвѣтную бездну, и во всемъ громадномъ, земномъ и духовномъ, мірѣ не нашлось никого на защиту ребенка. Раздирающій крикъ, но сразу подавленный, огласилъ ночлежный притонъ. Въ немъ было не столько тѣлеснаго страданія, сколько призывъ отчаянный гибнувшей души...

А на дворѣ вылъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ и бушевала мятель...

Судьба ея опредѣлились... Цѣлый рядъ безпросвѣтныхъ годовъ, во власти сначала одного, затѣмъ другого; временныя исчезновенія изъ притона то въ больницу, то въ воспитательный домъ, гдѣ рождались ею дѣти мертвыя... Пьянство, брань, удары... И все больше и больше зловонная мгла, какъ покровъ грязи, наростала на душѣ ея... Продавала сначала себя, подъ старость торговала другими... И когда пришелъ конецъ ея жалкому существованію,—въ томъ же притонѣ, на тѣхъ же нарахъ, гдѣ впервые потеряла она послѣднюю надежду спасенья,—тутъ же безобразно жизнью изуродованное тѣло ея застывало при брани пьяныхъ, при богохульныхъ крикахъ, при картинѣ полнаго разврата и паденья...

А на дворѣ вылъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ и бушевала мятель...

Смутно душа умершей покинула тѣло и, не сознавая перехода своего, стояла безтѣлесная въ томъ же вертепѣ... Но вдругъ до непривычнаго слуха ея донеслось что-то мягкое, призывное, и, отдаваясь неодолимому влеченью, понеслась смутная душа вдаль...

Несло ее что-то властное и нѣжное и донесло до порога церкви,—той церкви, гдѣ въ ожиданіи ея стоялъ Христосъ и одновременно съ ней покинувшая землю другая душа, чистая.

Вся въ отрепьяхъ, какъ и при жизни, душа позорной женщины вступила въ церковь и стала поодаль, подальше отъ свѣтлой, невинной души. Взоръ ея со страхомъ и трепетомъ устремился на Христа; колѣни сгибались сами

собой въ неизъяснимомъ влеченіи пасть всѣмъ существомъ своимъ.

Христосъ стоялъ передъ обѣими душами и съ благословеніемъ протянулъ надъ ними руки. Безъ движенія губъ, однимъ взглядомъ спросилъ Онъ:

„Чѣмъ жили вы на землѣ?“

— „Молитвой“, отвѣчала первая душа.

— „Позоромъ“, отвѣчала вторая.

И жизнь каждой возставала передъ душевнымъ взоромъ ея. Христосъ читалъ въ ихъ душахъ, и по мѣрѣ того, какъ Онъ читалъ, все скорбнѣй и скорбнѣй становился Его ликъ; тоской и горестью омрачился взоръ; слезы одна за другой каплями жгучими полились изъ очей, и тяжестью ложились божественныя слезы на души, взирающія на Него...

Недоумѣвали души...

И отнявъ руки отъ лика Своего, обращаясь больше къ ясной душѣ и пронизая всю ее взоромъ, Христосъ прошепталъ неизмѣримо скорбно и внушительно:

„И вы жили рядомъ всю жизнь вашу!“...

И вдругъ какъ бы завѣса спала съ души ясной. И въ мгновеніе ока увидала она рядомъ стоящую душу. Какъ вихрь, промчалась передъ нею вся жизнь позорнаго существа. И вся вспыхнула она отъ нахлынувшаго чувства стыда и раскаянія, вся задрожала, какъ листъ, и въ порывѣ неудержимомъ подъ испытующимъ взглядомъ Христа она ринулась къ другой душѣ, прижалась къ ней всѣмъ существомъ своимъ, въ раскаяніи позднемъ прошептавъ ей:

„Сестра, дай встать мнѣ рядомъ съ тобой!.. Позоръ у насъ общій!.. Ты грѣшила, а я рядомъ грѣшила не меньше тебя невѣдѣніемъ моимъ... Тяжесть вины твоей пятнаетъ святость мою!.. Въ позорѣ твоемъ унижена и я!.. Плевки, доставшіеся тебѣ, падаютъ на щеки мои, и униженіе твое позоромъ обрызгало меня... Пойдемъ вмѣстѣ!.. На насъ одна вина, одинъ позоръ, одно искупленіе!“...

И обратившись ко Христу лицомъ, омытымъ слезами, она искала во взорѣ Его свой приговоръ...

Скорбенъ былъ ликъ Христа, но твердъ. Слезы высохли на ликѣ Его.

Мягко, но неуклонно произнесъ Онъ:

„Ты сказала: грѣхъ ея падаетъ на тебя; но святость твоя не служитъ ей искупленіемъ; рядомъ съ такой нищетой святость твоя есть уже грѣхъ“.

Голоса въ туманѣ.

Изъ чуднаго лѣса, полнаго милліоновъ чарующихъ голосовъ и усѣяннаго цвѣтами, краски которыхъ, сливаясь, составляли одинъ радужный аккордъ, путникъ вывелъ меня на голую, безплодную степь и, простирая руку, указалъ безконечную даль ея;—чѣмъ дальше, тѣмъ безотраднѣе. Склоня свой ликъ, онъ прошепталъ:

„Взгляни въ свѣтильникъ твой, наполненъ ли онъ масломъ, и въ сосудъ твой съ живительной влагой!.. Наступаетъ время расхода всѣхъ жизненныхъ силъ и теперь осудишься или оправдаешься, смотря по тому, какъ усердно собиралъ и копилъ ты въ чудномъ лѣсу!“

И не успѣлъ отвѣчать я еще, а ужъ изъ жгучей дали поднялся вѣтеръ, знойный и жестокій, и почувствовалъ я впервые тяжесть атмосферы; воздухъ, наполнявшій грудь, не былъ свѣжъ и живителенъ, какъ прежде.

Ураганъ летѣлъ на насъ съ страшной силой; небо безоблачное не давало тѣни и становилась синяя густота его все гуще; лучи солнца болѣзненно ярко пронизали все пространство и не было милосердія въ жгучемъ блескѣ его. Шаръ его становился все опредѣленнѣе въ мчавшейся тучѣ песка; почва безплодная безжизненно простиралась, и лишь пески колыхались.

Сильнѣй ухватился я за руку спутника; затуманенный взоръ мой искалъ освѣженія.

„Зажги свѣтильникъ твой!“—сказалъ мнѣ спутникъ,—„и выступи впередъ не со слабой волей, но съ жаждой борьбы, со всѣмъ пыломъ страсти, съ опьяненіемъ битвы и побѣды!“.

И налетѣлъ ураганъ съ силой, отъ которой вздрогнуло все существо мое; какъ ударъ бича, разгорячилъ онъ кровь, и сердце судорожно забилось... Но пылъ битвы сильнѣй захватилъ меня... Съ надеждой и съ вѣрой въ свою побѣду я ринулся впередъ.

Густота тучъ песочныхъ все плотнѣе сжимала меня; дыханіе спиралось, и ноздри, судорожно расширенныя, захватывали внутрь себя раздражительную жесткость песка. Въ круговоротѣ пыли исчезли и небо, и солнце, и степь;—желтая масса, тускло освѣщенная туманомъ, окутала все...

Я потерялъ сознаніе, гдѣ я и что я... Лишь свѣтильникъ въ рукѣ моей безъ отраженія бросалъ ровный свѣтъ и не терялся въ душѣ моей полный бодрости пылъ борьбы: „впередъ, впередъ!“.

Въ густой полутьмѣ, въ вихрѣ крутящейся массы, неясно мелькали туманные образы, и среди шума урагана, то приближаясь, то удаляясь,—шептались неясные возгласы и слова... Силы души моей всѣ напрягши, я разслышалъ ихъ шептанія:

„Мы—братья твои, братья слабые, рабы голода и страха!“...

И вдругъ разверзлась пропасть подъ ногами моими; разступился ураганъ, и я увидалъ городъ шумный и дворцы съ балконами и вьющимся плющомъ,—а рядомъ дома попроще и хижины; внутри освѣщеніе и пиры... Шумъ шелъ страшный, все разрастаясь... Нельзя было въ немъ разобраться; сильнѣе и громче наполнялъ онъ воздухъ, и громъ природы, самый страшный, былъ слабымъ эхомъ въ сравненіи съ нимъ...

И грянулъ съ невидимыхъ высотъ потокъ бурный шипящей воды и заполнилъ улицу онъ, едва умѣщаясь между домами... Потокъ шумно и грозно, весь пѣнясь, наполненъ былъ людьми... То руки, то лица молящія, то ноги выдѣлялись изъ него и усиліями отчаянными старались удержаться о берегъ. Боролось все тамъ, и изрѣдка, топя другихъ, выползалъ на берегъ одинъ или другой. Возгласами и проклятіями тонувшихъ наполненъ былъ воздухъ.

И я видѣлъ остатки пиршествъ, бросаемые въ этотъ потокъ, и видѣлъ, какъ за нихъ тонувшіе хватались. Я видѣлъ женщинъ, продающихъ свое тѣло за эти отбросы, видѣлъ мужчинъ, душившихъ за нихъ другихъ, и дѣтей, тщетно борющихся за нихъ же. Въ бурѣ потока исчезали синеватыя тѣла убитыхъ: роскошная грудь молодой женщины, нѣжная

бѣлизна ребенка и мускулистыя атлетическія формы мужчинъ. И,— я видѣлъ,— въ потокъ отъ времени до времени выбрасывались изъ оконъ домовъ и дворцовъ обитатели ихъ прямо съ пира другими... И прибавлялись еще стоны и проклятія къ прежнему хаосу звуковъ.

Стѣсненная грудь моя наполнилась невыразимой скорбью...

Сквозь тучи тумана и пыли въ грудь мою сверху врѣзался огненный мечъ... Я вскрикнулъ отъ боли... Зіяющая рана истекала кровью.

Я увидѣлъ руку женскую бѣлизны снѣжной, держащую огненный мечъ; нанеся раны, мечъ поднялся надо мной, но не исчезъ; рука и мечъ повисли надо мной...

Я схватилъ руку спутника...

Повелъ путникъ меня внутрь домовъ... И увидѣлъ я всюду дрожь и страхъ.

Обезпеченные кровомъ и пищей, они жили въ вѣчномъ трепетѣ за удержаніе того, что имѣли.

Я видѣлъ глаза, обезумѣвшіе отъ ужаса, и я видѣлъ губы, жадно ловящія для поцѣлуевъ то руки, обагренныя въ крови, то ноги, зловонныя отъ грязи... Я видѣлъ и тутъ отдающихся женщинъ и мужчинъ, съ радостью подставлявшихъ лица свои для оплеванія... И все лишь для сохраненія себя отъ потока и удержанія за собой крова и пищи...

Я видѣлъ вельможъ, хозяевъ этихъ дворцовъ, дрожащихъ ежеминутно въ боязни ихъ потерять, временно отуманивающихъ себя виномъ и пиромъ...

Я видѣлъ людей, потерявшихъ образъ человѣческій, высохшихъ скелетовъ, которыхъ губы черствыя и костнѣющій языкъ могли только произносить буквы безъ необходимаго сочетанія для словъ.

Я видѣлъ страхъ, царящій повсюду и налагающій цѣпи на свободныхъ, такъ что до земли гнулись они отъ тяжести цѣпей... И были цѣпи золотыя, мѣдныя и просто желѣзныя...

. . . . . .

И отъ крика, раздающагося всюду, колебался судорожно воздухъ. Отъ силы его колебанія на вершинѣ горы, врѣзающейся въ небо, оторвался камень. Я видѣлъ, какъ по склону, прыгая, помчался онъ, задѣвая другіе по дорогѣ.

Сдѣлался гулъ подобно грому небесному, закружился вихрь, и обвалъ съ неимовѣрной силой помчался внизъ...

Закружился ураганъ песку,—и съ новой силой охватилъ прежній вѣтеръ меня... Исчезло все въ мрачной мглѣ... Лишь гулъ раздавался неясный и грозный...

И весь истекая кровью изъ раны, весь блѣдный, холодный и изнеможенный, я чуть не упалъ...

Но рука съ мечомъ снова безъ жалости опустилась надо мной...

Пронизанная грудь моя въ силѣ скорби своей нашла мощь достаточную, чтобы пріободрить умирающія силы мои...

И я глянулъ вокругъ, ища спутника... Но его не было болѣе со мною...

А свѣтильникъ дрожащимъ свѣтомъ замиралъ... И я кровью моей, вытекающей изъ зіяющей раны, заправилъ его... Онъ снова замерцалъ терпѣливо и ровно и освѣтилъ вокругъ меня мглу.

Охватилъ ураганъ пыли все существо мое; растравлялъ онъ рану и душилъ самое дыханіе...

Въ послѣднемъ порывѣ, собравъ остатокъ всѣхъ силъ моихъ, я ринулся въ шумящій водоворотъ; и плечи мои слабыя едва противостояли силѣ напора. Но рука бѣлоснѣжная съ пылающимъ мечомъ, какъ бичъ, гнала меня впередъ.

Среди бушующаго урагана опять неясныя услышалъ я шептанья... И судорожно силы истерзанной души моей напрягши, я разслышалъ тихія и ясныя рѣчи:

„Мы—братья твои жаждущіе, служители истины и добра!“...

И вдругъ увидѣлъ я долину мира. Ничто не колыхалось, не двигалось, не жило... Воздухъ ясный висѣлъ надъ долиной. Мурава долины не колыхалась и деревья рощи стояли, словно заколдованныя. Святое умиленье смерти неподвижно застыло... И терялось сознаніе времени въ торжественномъ затишьи состоянія...

И увидѣлъ я, что долина вся была наполнена истерзанными тѣлами. То въ одиночку, то кучами лежали они; то висѣли на крестахъ, то на орудіяхъ пытки... Но страшнаго ничего не было: тихая и ясная улыбка смерти скрашивала все.

Затомилось мое сердце томленіемъ неиспытаннымъ и протянулъ я руки къ пылающему мечу...

Отдернулось облако...

И увидѣлъ я ужъ не одну руку бѣлоснѣжную, но дѣву дивную и лучезарную, улыбающуюся мнѣ холодной, но призывной улыбкой... Въ порывѣ моемъ страстномъ я не чувствовалъ, какъ самъ бросился на мечъ, и упалъ на грудь дѣвы, истекая кровью...

Выдернувъ мечъ, она взмахнула имъ надо мной, и, склонившись ликомъ своимъ, какъ избранника, помазала меня помазаніемъ смерти.

Пламенное желѣзо отдѣлило голову мою отъ тѣла моего. Поцѣлуемъ жгучимъ дѣва пронизала меня, и уловилъ я ея строгій шопотъ:

„Я — истина!.. Приди ко мнѣ, избранникъ мой!“...

И мгновенно узрѣлъ я сразу сонмъ душъ, чьи тѣла покоились въ долинѣ... Духъ мой ринулся въ высь... Замиравшій взоръ мой на мгновенье ожилъ...

Я снова увидѣлъ спутника моего.

Онъ держалъ свѣтильникъ мой высоко надъ бездыханнымъ тѣломъ моимъ...

Сфинксъ.

„Сфинксъ, загадай мнѣ загадку!“—ласкаясь къ его косматой груди говорилъ я.

Его толстыя лапы обхватили меня и поднесли ближе къ его лицу. Таинственные глаза его смотрѣли вдаль, на заходящее въ полномъ блескѣ солнце, на пирамиды, густой тѣнью отраженныя на пескѣ.

„Загадку!..“ — повторилъ онъ задумчиво. — „Что жъ, изволь!“—лаская меня толстой лапой своей, ровнымъ голосомъ заговорилъ Сфинксъ.

— „Божественный духъ носился надъ бездной. Божественный духъ однимъ пламеннымъ порывомъ создалъ землю и человѣка. И пламя Божественнаго порыва, возгораясь въ душѣ человѣка, поднимало его высоко, до пророчества. Ярче солнца, ослѣпительнѣй молніи самъ Божественный порывъ пришелъ въ міръ и ушелъ,—но

отблескъ его пришествія лучезарнымъ свѣтомъ вспыхнулъ надъ землей и, не замирая, повисъ, переливаясь мягко всѣми цвѣтами радуги. При заревѣ этого отблеска жилъ человѣкъ много лѣтъ, а въ душѣ его пламя первороднаго порыва перешло медленно въ огонь подвига".

„Но человѣкъ истомился духомъ, ослабъ тѣломъ и весь одряхлѣлъ. Персть заговорила въ немъ. Ослабѣвшіе глаза не могли болѣе выносить сильнаго свѣта... Божественный порывъ горѣлъ въ небѣ, не замирая, и бросалъ отраженье на землю. Сила его пламени была не подъ силу людямъ, а призывъ къ подвигу мучительно тревожилъ ихъ души"...

„И въ поискахъ покоя, человѣкъ закрылъ глаза свои и въ немощи своей породилъ изъ себя добродѣтель. А за ней родились сами собою нераздѣльные ея спутники — умѣренность и аккуратность. Чувствительно-слезоточивый уголекъ добродѣтели затлѣлся ровно въ душѣ разслабленнаго человѣка, и скоро все затмилъ онъ, все, чѣмъ прежде дорожилъ человѣкъ и чѣмъ онъ жилъ... Нынѣ добродѣтель царствуетъ повсюду"...

И, поднявшись, Сфинксъ принесъ меня къ краю глубокой пропасти.

„Вотъ, посмотри на царство добродѣтели!" сказалъ онъ мнѣ.

Я прилегъ тѣломъ на землю, и склонились мы оба головами надъ бездной.

Широкая долина простиралась. Туманъ вечерній стелился надъ ней. Вечерній сумракъ медленно спускался, но все же было довольно свѣтло. Я увидѣлъ лужайки и рѣчки, ровно текущія, и разбросанные то тутъ, то тамъ, то цѣлыми городами карточные домики.

„Ты видишь", — прошепталъ мнѣ Сфинксъ, — „все это карточно, все это хрупко... А между тѣмъ тверже стали объятія домовъ этихъ... И если ты взглянешь на фигуры картъ, то увидишь, чѣмъ держится среди людей добродѣтель!"...

Замиравшіе лучи солнца вдругъ заблестѣли и прочелъ я на стѣнахъ домовъ имена картъ: „Скромность, смиреніе, экономія, повиновеніе, благоразуміе, благонравіе, спокойствіе".

„Видишь, чѣмъ держитъ добродѣтель сердца людей“ — невозмутимо продолжалъ Сфинксъ. — „Взгляни еще, и ты увидишь умѣренность и аккуратность на стражѣ для огражденія добродѣтели... Ты увидишь, какъ всѣ дома одинаковы... Какъ ровно текутъ рѣки; какъ деревья всѣ однообразно подстрижены... И ты посмотри: тутъ нѣтъ горя, заботъ или нищеты... Поселяне гуляютъ по полямъ, мѣщане въ городахъ... И все такъ ровно и такъ чинно!.. Скажи, хотѣлъ бы ты жить тутъ?“...

Но душу мою объяло мучительное томленіе скуки. „Нѣтъ, нѣтъ!“ — сказалъ я нетерпѣливо. — „Нѣтъ! Жизни хочу я и движенья! Я хочу мочь падать и мочь возноситься!..“

И Сфинксъ снова указалъ мнѣ долину.

Я увидѣлъ людей ея, дряхлыхъ и немощныхъ, медленно двигающихся и вяло исполняющихъ повседневныя обязанности... Дѣти, безшумно играющія въ аккуратныя игры... Надъ всѣмъ висѣла опека... Умѣренность и аккуратность оберегали все царство отъ заботъ, хлопотъ и движенія...

„И вотъ тебѣ загадка!..“ продолжалъ Сфинксъ. Онъ отдернулъ меня отъ пропасти и, высоко поднявъ надъ землею, указалъ мнѣ лучезарное небо.

Въ выси лазурной, не замирая, блисталъ надо мною отблескъ давнишняго порыва, и призывнымъ блескомъ властно сіялъ онъ, поднимая въ душѣ моей отвѣтный ему порывъ... Онъ звалъ властно и неудержимо на стремительный подвигъ, — и сладость созерцанія его и сила притяженія затмевали все. Подвигомъ дышала вся надзвѣздная атмосфера... Подвигъ лучезарный звалъ властно, неудержимо... Страстное желаніе затмевало всѣ думы, всѣ чувства... Порывъ отклика Божественнаго пламени обнималъ все мое существо и тянулъ къ себѣ силой внѣ измѣренія...

„Подвигъ въ мірѣ тщетно ходитъ, подвигъ тщетно зоветъ и ищетъ людей, но люди предпочитаютъ ему опеку добродѣтели и аккуратности!“

И я стоялъ въ нерѣшимости. Какой-то страхъ стѣснялъ мое движеніе... Загадка неразрѣшенная висѣла въ воздухѣ и свѣтилась въ таинственномъ взглядѣ Сфинкса...

Отшельникъ.

„О солнце мудрости, мудрѣйшій изъ пророковъ земныхъ! Научи меня, что есть и чего нѣтъ, утоли жажду души моей, скажи, что есмь я самъ и что есть человѣкъ?“...

Въ высокихъ горахъ Индіи, страшныхъ и мистичныхъ, какъ религія народа, населяющаго его, раздались скорбные звуки земные... И передъ отшельникомъ, удалившемся отъ всего живого, предсталъ юноша, со взоромъ скорбнымъ и страстнымъ. Въ печали сложивъ свои руки, ожидалъ онъ отвѣта отъ старца.

Далекимъ, невидящимъ окомъ смотрѣлъ на пришедшаго отшельникъ, едва внимая до слуха его доходящимъ звукамъ.

Безучастно уста его прошептали:

„Чтобъ слова мои дошли до сердца твоего, знать мнѣ нужно, насколько скорбь охватила твою душу?“

—„Отецъ мой!... Давно вошелъ я въ долину печали, и скорбь одна владѣетъ духомъ моимъ... Все исчезло изъ очей моихъ... Я стражду и живу моимъ страданьемъ!“...

Тогда взоры отшельника опустились на пришельца. Взглядъ его долгій и, какъ металлъ, пронзительный врѣзался въ самое нѣдро души вопрошающаго,—и отвѣтилъ мудрецъ, много лѣтъ живущій въ созерцаніи Духа:

„Все призракъ вокругъ. Существуетъ лишь то, что создалъ самъ для себя человѣкъ. Сокровище души въ себѣ; ей одной дано творить; человѣкъ одинокъ и существуетъ по стольку, по скольку душа его сознательно внѣшнее воспріиметъ и изъ воспріятаго сотворитъ. Твореніе есть удовлетвореніе духа. Но работа творческая скорбна и производительна соотвѣтственно скорби. Таинственная и сокровенная работа духа одинока и тяжела, но, начатая разъ, она вѣчна,—и смерть земная прекратить ее не можетъ. То жизнь духа, и его ростъ. Мощью духовной восхищается безсмертіе. Человѣкъ есть самъ вершитель своей судьбы; онъ есть альфа и омега, начало и конецъ. Человѣкъ есть самъ въ себѣ и внѣ его для него нѣтъ ничего“.

Гр. В. Н. Бобринская.

Смерть и безсмертіе.

По поводу трехъ драмъ Метерлинка.

„Возлюбленные! Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ“... Эти слова апостола Іоанна, написанныя почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ, относятся къ намъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ къ его современникамъ.

Тысячи людей предлагаютъ свою вѣру, спорятъ и враждуютъ между собой; тысячи пророковъ, большихъ и малыхъ, вербуютъ послѣдователей и предлагаютъ свои услуги вывести на вольный просторъ изъ дремучаго житейскаго лѣса; десятки тысячъ испуганныхъ, до отчаянія доведенныхъ людей, толкая, давя другъ друга и задыхаясь, перебѣгаютъ отъ одного вождя къ другому, и вся жизнь съ каждымъ днемъ становится сложнѣй и мучительнѣй...

Оттолкнувъ „духовъ отъ Бога“, человѣчество стало искать *своихъ* путей, пошло безчисленными тропинками, заблудилось, разрознилось, и близко то время, когда, подобно вавилонянамъ послѣ разрушенія башни, всѣ люди перестанутъ понимать другъ друга.

Для человѣчества не прошло даромъ его долгое блужданіе. Много за это время узнало оно новаго. Культура поднялась на необычайную высоту. Человѣческій разумъ изобрѣлъ грандіознѣйшія машины и на счастье, и на гибель людямъ. Милліоны книгъ были написаны учеными и поэтами; были пережиты человѣчествомъ и восторженныя надежды, и мучительныя разочарованія. Люди залили землю своею кровью и пропитали ее своими слезами,—но попреж-

нему, какъ тысяча лѣтъ назадъ, стоятъ передъ человѣчествомъ грозные, неразрѣшимые вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ жизнь безсмысленна, ничтожна и не имѣетъ оправданія.

Попрежнему, какъ тысячи лѣтъ назадъ, ежедневно умираютъ тысячи людей, а оставшіеся на нѣкоторое время въ живыхъ съ недоумѣніемъ и страхомъ закапываютъ ихъ въ землю; попрежнему ежедневно вновь нарождаются люди съ тѣмъ, чтобы пострадать, порадоваться, поволноваться, пережить восторги любви и муки ненависти и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ превратиться въ безобразные, разлагающіеся трупы, вызывающіе отвращеніе и ужасъ. И напрасно пытаются люди отогнать великій образъ смерти, напрасно создаютъ стройныя теоріи, стараясь осмыслить жизнь; причудливыми путями думаютъ найти ключъ тайны міроздания,— смерть однимъ взмахомъ сметаетъ всю сложную работу, и человѣчество теряетъ почву, теряетъ вѣру, не будучи въ силахъ никуда укрыться отъ ея всесокрушающей силы. Безумцы въ полномъ отчаяніи кричатъ, что они не признаютъ ея правъ, что человѣкъ выше смерти, что онъ не боится ея, что жизнь принадлежитъ ему,— онъ покорилъ себѣ жизнь и никому не отдастъ ее, онъ одинъ имѣетъ на нее право, онъ гордъ, онъ великъ, онъ прекрасенъ... Смерть холодная, безучастная въ урочный часъ попрежнему коситъ свою жатву... И люди перестаютъ вѣрить безумцамъ, что они такъ велики и сильны,—теряя вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднюю надежду, покончить, наконецъ, съ мучительной загадкой смерти.

Оставивъ Бога, человѣчество думало убѣжать и отъ смерти. Чувствуя въ себѣ необъятныя силы, оно дерзко, за свой страхъ, пошло впередъ по невѣдомымъ путямъ, повернувшись къ смерти спиной. И покуда всѣ пути лежали непройденными впереди, покуда съ лихорадочной быстротой люди бросались все на новыя и новыя тропинки, казалось, что страшный призракъ ,дѣйствительно, оставленъ гдѣ-то далеко, въ глубинѣ исторіи, въ пережитыхъ предразсудкахъ невѣжественныхъ массъ. Но прошли сотни лѣтъ, пройденъ огромный путь, — и въ XX столѣтіи всѣ *ясно* увидѣли, что смерть попрежнему непоколебимо

и неизбѣжно стоитъ передъ лицомъ и попрежнему, выражаясь словами Метерлинка, „единственнымъ отвѣтомъ на вопросъ о назначеніи жизни, служитъ загадка ея уничтоженія“, а „вокругъ нея только ничтожныя, слабыя, пассивно задумчивыя существа; и слова, которыя они произносятъ, и слезы, которыя они проливаютъ, падаютъ въ бездну, на которой разыгрывается драма“.

Вотъ почему настоящій моментъ жизни полонъ такого внутренняго трагизма, какого никогда еще не видала міровая исторія. Совершается небывалый по своему объему и значенію кризисъ, исходъ котораго немыслимо предугадать. Готовится наступить третій періодъ діалектическаго развитія. Начавъ съ положительнаго, наивнаго религіознаго міропониманія, человѣчество прошло страшный и трудный путь отрицанія, выстрадавъ себѣ право на всеобъемлющій синтезъ. И въ настоящій моментъ оно охвачено небывалой жаждой умиротворенія бунтующей въ сомнѣніяхъ души, жаждой внутренней гармоніи не для личнаго спокойствія, не для отдыха, а для спасенія жизни, ибо она по инерціи не въ силахъ двигаться дальше.

Грандіознымъ изображеніемъ жизни въ современный ея моментъ служитъ драма Метерлинка „Слѣпые“.

Въ своихъ драмахъ, по его собственнымъ словамъ, онъ разсматриваетъ наше существованіе съ той точки зрѣнія, сущность которой сводится къ полной неизвѣстности смысла жизни. Метерлинкъ полагаетъ, что „въ настоящее время, несмотря на всѣ усилія нашей воли, это можно считать сущностью нашей человѣческой правды“. Такимъ образомъ, его задача изобразить жизнь, какою она неизбѣжно является, если за смертью признать полную и безграничную власть.

Метерлинкъ символистъ. Пересказать содержаніе его символовъ во всей полнотѣ невозможно, но общіе контуры рисуются совершенно отчетливо. Мы и попытаемся возстановить ихъ.

Драма начинается съ самаго общаго и, можетъ-быть, самаго трагическаго изъ раздѣленій, которое знаетъ совре-

менная жизнь: это стѣна между полами. Мучительный разладъ, который до ужасающихъ размѣровъ доходитъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, непроницаемая преграда изъ человѣческаго мяса, окруженная грязью и подлостью, заставляющая смотрѣть на большую и, едва ли, не лучшую часть человѣческаго рода, какъ на звѣрей-самокъ, разладъ, причину котораго напрасно пытаются найти исключительно въ нашей физической природѣ. Причина его гораздо глубже и лежитъ она въ нашемъ духѣ, потому въ этомъ разладѣ съ такой силой и видно, насколько темныя силы завладѣли жизнью. Вѣдь нѣтъ же этой стѣны между сестрами и братьями, а у многихъ дикарей отношенія къ сестрамъ такія же, какъ къ женщинамъ вообще. Если культурная идея о невозможности грязныхъ чувствъ между сестрами и братьями могла подчинить себѣ „законы природы“, то, очевидно, не сила плоти, а слабость духа причина тому, что для мужчины въ женщинѣ не существуетъ человѣка. Не о чувствѣ любви здѣсь рѣчь. Любовь не создаетъ преградъ; наоборотъ, она разрушаетъ всякія преграды. Здѣсь рѣчь не о томъ чувствѣ, которое рѣдко переживается болѣе одного раза въ жизни, а о томъ карамазовскомъ „насѣкомомъ“, которое опредѣляетъ отношеніе къ цѣлой половинѣ человѣческаго рода.

Первый слѣпорожденный хочетъ подойти къ женщинамъ, которыя,—онъ знаетъ,—сидятъ противъ него, и не можетъ.

— Насъ что-то раздѣляетъ,—съ недоумѣніемъ говоритъ онъ.

— Зачѣмъ же создано это раздѣленіе? Зачѣмъ онъ насъ раздѣлилъ? — говоритъ третій слѣпорожденный. — Должно ли это быть такъ, и, если не должно, то почему?

Откуда эта жажда подойти ближе и безпомощная невозможность подойти? Какія силы держатъ человѣка? Вопросы остаются безъ отвѣта. Слѣпые никогда не отвѣчаютъ на вопросъ „зачѣмъ“.

— Но, можетъ-быть, мы, далекіе отъ женщинъ, близки другъ къ другу? Нѣтъ, мы и другъ другу такіе же чужіе, такіе же далекіе; каждый для себя, каждый о себѣ.

Третій слѣпорожденный. Хотѣлъ бы я знать, съ кѣмъ я рядомъ сижу?

Второй слѣпорожденный. Кажется, я около васъ?

Третій слѣпорожденный. Мы не можемъ достать другъ друга.

Второй слѣпорожденный. А между тѣмъ мы такъ недалеко другъ отъ друга.

Слышно, какъ молятся три старухи.

Первый слѣпорожденный. Совсѣмъ не время молиться.

Ослѣпшіе люди, кажется, единственно чему и вѣрятъ безусловно,—это тому, что „не время молиться“. Что бы тамъ ни было, ужъ это во всякомъ случаѣ предразсудокъ. Жизнь покончила съ этимъ безвозвратно. Это достояніе старухъ.

Однако второй слѣпорожденный чувствуетъ какую-то тревогу.

— Давайте, спросимъ и женщинъ, — говоритъ онъ, — надо же узнать, въ чемъ дѣло...

— Я все время слышу, какъ молятся эти три старухи. Развѣ онѣ вмѣстѣ?

И оказывается, что среди всѣхъ слѣпыхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга, *вмѣстѣ* только три старухи, которыя молятся такъ не во-время. Ихъ еще можетъ объединять отжившая, умирающая вѣра. Онѣ не понимаютъ, что дни ея сочтены. Онѣ не знаютъ, что это общепризнанный фактъ, можетъ-быть, трагическій, можетъ-быть, роковой, но ему нужно смотрѣть въ глаза прямо. Вѣра состарилась, вѣры прежней, крѣпкой, молодой, властно ведущей впередъ, — нѣтъ. Старость подкралась врасплохъ, незамѣтно; слѣпые не успѣли подготовить себѣ новаго проводника, которому могли бы довѣриться съ прежней силой. Это центръ душевной драмы человѣчества. Священникъ-проводникъ слѣпыхъ, — вотъ кто символизируетъ умирающую вѣру.

Первый слѣпорожденный говоритъ про него:

— Слишкомъ старъ онъ становится. Съ нѣкотораго времени онъ самъ, кажется, ничего не видитъ. Онъ не хочетъ только сознаться въ этомъ изъ боязни, что кто-ни-

будь другой займетъ его мѣсто, но я подозрѣваю, что онъ уже почти ничего не видитъ.

Итакъ, религія сама перестала видѣть, и лишь притворяется, что видитъ попрежнему, боясь потерять первенство, и, если говоритъ еще, то только женщинамъ.

Слѣпой старикъ. Кажется, онъ говорилъ женщинамъ.

— Онъ только женщинамъ и говоритъ, — отвѣчаетъ первый слѣпорожденный;—въ концѣ-концовъ надо будетъ жаловаться!

Слѣпой старикъ. Кому же вы будете жаловаться?

Первый слѣпорожденный. Я самъ еще не знаю... Ну, да увидимъ, увидимъ...

Молодая слѣпая разсказываетъ затѣмъ, какъ прощался съ ней старикъ; что онъ, поцѣловавъ ее, сказалъ: царству стариковъ, можетъ-быть, настанетъ конецъ.

Религія состарилась, она сама стала слѣпа, ей не вѣрятъ больше, у нея не спрашиваютъ больше, развѣ изрѣдка говоритъ она что-нибудь женщинамъ. Она чувствуетъ, что царству стариковъ наступитъ конецъ.

И въ это время раздается жалобный, надорванный голосъ слѣпого:

— Пожалѣйте!...

Но его обрываютъ: теперь не время просить.

Не время просить, не время молиться... А куда итти,—не знаютъ... Но, можетъ-быть, старикъ отдохнетъ, обновится... Уставалъ онъ и раньше, отдыхалъ и снова велъ людей...

Метерлинкъ думаетъ иначе.

Море всегда служило символомъ новыхъ, обновляющихъ силъ. Однако, когда старуха говоритъ, что „онъ пошелъ по направленію къ морю“, ей говорятъ: „Въ его годы къ морю нечего ходить!“

— Мы недалеко отъ моря?— спрашиваетъ одинъ слѣпой.

Они начинаютъ прислушиваться: не слышно ли, не чувствуется ли наступленіе этихъ новыхъ, оживляющихъ силъ моря, но... второй слѣпой слышитъ только, какъ молятся три старухи.

Тогда слѣпая старуха говоритъ, чтобы они прислушались, чтобы они постарались уловить это нѣчто сквозь шопотъ молящихся старухъ.

Второй слѣпой. Да, да, я что-то слышу невдалекѣ отъ насъ.

Слѣпой старикъ. Оно спало, а теперь просыпается. Не старику обновляться моремъ. Старикъ отжилъ. Но что-то новое просыпается. Шевелится какое-то „оно“. Покуда проводникъ былъ молодъ, это невѣдомое „оно“ было погружено въ сонъ и лишь теперь заявляетъ о своемъ существованіи.

Затѣмъ на сцену выступаютъ самые несимпатичные изъ слѣпыхъ, это—слѣпорожденные; не слѣпые, а именно слѣпорожденные. Они негодуютъ на священника за то, что онъ вывелъ ихъ изъ убѣжища.

Другими словами, они негодуютъ на религію за то, что она привила людямъ всякіе предразсудки, узаконила нелѣпые вопросы о безсмертіи, о Богѣ, о смыслѣ жизни и, выведя людей изъ убѣжища, бросила ихъ на произволъ судьбы.

Среди слѣпыхъ людей, дѣйствительно, одни понимаютъ всю необходимость войти въ область религіозныхъ идей, такъ или иначе отвѣтить на вопросъ, зачѣмъ они живутъ, и чувствуютъ, что безъ отвѣтовъ этихъ жизнь становится пустой и безсмысленной игрой маріонетокъ, Богъ вѣсть, зачѣмъ заведенныхъ; они чувствуютъ необходимость осмыслить жизнь, вдохнуть въ нее духъ Божій; они чувствуютъ даже и то, что вѣра въ Бога и безсмертіе сразу спасаетъ ихъ;—но увѣровать они не могутъ. Они мучатся этимъ, они часто въ глубинѣ души завидуютъ вѣрующимъ, радостно смотрящимъ на жизнь, которые знаютъ, что все преобразится и перейдетъ въ вѣчное бытіе во Христѣ, которые потому не боятся смерти, которыхъ смерть не лишаетъ смысла жизни... Можетъ-быть, часто въ минуты исключительно остраго желанія вѣрить, доходящаго до отчаянія,—можетъ-быть, они даже молятся Богу, Которому они не могутъ вѣрить, чтобы Онъ совершилъ чудо и далъ имъ вѣру...

Но другіе, слѣпорожденные, желаютъ остаться въ убѣжищѣ во что бы то ни стало. Они хотятъ знать только то, что можно ощупать руками, и хотя имъ извѣстно, что тамъ, за стѣнами убѣжища, лежатъ безграничныя пространства, они не хотятъ знать о нихъ, они предпочитаютъ узкую, ограниченную область ощупываемаго пустымъ и страш-

нымъ пространствамъ. Это тѣ люди, которые при словѣ безсмертіе, говорятъ, что „это въ ихъ головѣ не укладывается“.

— Мы не хотимъ совсѣмъ выходить изъ убѣжища,— говоритъ второй слѣпорожденный.

Третій слѣпорожденный. Никогда мы не заходили такъ далеко...—Совсѣмъ не за чѣмъ было вести насъ сюда!

Тогда слѣпая старуха, желая оправдать священника, говоритъ, что „онъ хотѣлъ, чтобы мы воспользовались послѣдними солнечными днями, прежде чѣмъ запереться въ убѣжище на всю зиму!“

Но слѣпорожденный стоитъ на своемъ и опять говоритъ:

— А я предпочитаю оставаться въ убѣжищѣ!

Слѣпая старуха опять начинаетъ защищать священника, и слѣпой старикъ поддерживаетъ ее.

— Онъ правъ,—говоритъ онъ про священника,—надо пользоваться жизнью.

Но слѣпорожденный не соглашается и высказываетъ излюбленную мысль слѣпорожденныхъ:

— Мы и тамъ все равно ничего не увидимъ!

Характеренъ тотъ страхъ, который затѣмъ охватываетъ слѣпыхъ. Это тотъ безотчетный паническій страхъ, который иной разъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка и который Достоевскій такъ удачно называетъ „мистическимъ ужасомъ“. Такому чувству нѣтъ мѣста въ христіанствѣ: „Въ любви нѣтъ страха,—говоритъ апостолъ Іоаннъ,— но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе: боящійся не совершенъ въ любви“. Блаженное, радостное, все проникнутое идеей любви и непосредственнымъ общеніемъ съ Богомъ, христіанство выше всего темнаго, тревожнаго, рокового...

Днемъ человѣкъ менѣе настроенъ къ мистическому ужасу, ибо для него все ясно кругомъ. Христіански настроенный человѣкъ всегда за стѣной непосредственныхъ ощущеній видитъ и чувствуетъ истинное бытіе всеединства; онъ никогда не переживаетъ ночи; потому-то, чѣмъ болѣе слѣпъ человѣкъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него неожиданное проявленіе этого темнаго и рокового.

Страхъ слѣпыхъ усиливается еще тѣмъ, что они не знаютъ, гдѣ они; не знаютъ, откуда пришли они въ міръ и куда уйдутъ изъ него. А вопросы эти властно стоятъ передъ взоромъ.

— Надо бы узнать, гдѣ мы?—говоритъ третій слѣпорожденный.

— Этого узнать нельзя,—безнадежно отвѣчаетъ слѣпой старикъ.

Слѣпая старуха. Мы пріѣхали сюда уже слѣпыми!

Первый слѣпой. Мы слѣпы отъ рожденія.

Вопросы назойливые, страшные, отвѣтовъ на которые нѣтъ, но которые, сознанные во всей своей глубинѣ, можетъ-быть, способны, по крайней мѣрѣ, указать *направленіе*, въ которомъ лежитъ истина?

Но развѣ легко сознать ихъ во всей глубинѣ? Для этого нужно слишкомъ много пережить, слишкомъ много перестрадать. А слѣпорожденнымъ не до того.

И опять одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Не будемъ совсѣмъ выходить!.. По-моему, лучше ужъ совсѣмъ не выходить.

Здѣсь мы подходимъ къ одному изъ самыхъ трогательныхъ моментовъ человѣческой жизни,—когда извѣрившіеся, измучившіеся своей слѣпотой люди вспоминаютъ о своемъ дѣтствѣ, о своей, можетъ-быть, наивной, но ужъ, навѣрное, самой чистой и непосредственной вѣрѣ.

Да и какъ не растрогаться, когда передъ изжившимъ человѣкомъ поднимаются, Богъ вѣсть, куда ушедшія времена! Дѣлается жалко и себя, и другихъ, и жизни... Особенно же грустно и какъ-то особенно больно дѣлается отъ того, что воспоминанія эти касаются именно дѣтскаго возраста.

— Я видѣлъ солнце, когда былъ еще очень молодъ!—говоритъ слѣпой старикъ.

— И я тоже... Очень давно... Когда я была еще ребенкомъ! Я почти и не помню...

А шестой слѣпой сохранилъ такую живую память объ этихъ ушедшихъ дняхъ, что и сейчасъ иной разъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы вновь пережить ощущенія свѣта.

— Я люблю гулять днемъ,—говоритъ онъ.—Я знаю, что тогда бываетъ очень свѣтло и всѣми силами напрягаю свое зрѣніе, чтобы замѣтить этотъ свѣтъ!

Все это говорятъ слѣпые, но слѣпорожденные думаютъ иначе.

— И зачѣмъ онъ насъ вывелъ?—говоритъ одинъ изъ нихъ.—Кто можетъ видѣть солнце? Я никогда не знаю, днемъ я гуляю или ночью.

А другой чистосердечно признается:

— А, по-моему, все-таки лучше сидѣть въ столовой около камина!

И вслѣдъ за этимъ признаніемъ только своего убѣжища, только предметовъ знакомыхъ наощупь, опять ужасъ проносится надъ толпою слѣпыхъ.

— Господи, Господи!... Гдѣ же мы!...— восклицаетъ слѣпая старуха.

— О! какъ мы далеко отъ убѣжища!...

И снова во что-то нелѣпое и хаотическое сливается для нихъ міръ... Они не знаютъ, гдѣ они, зачѣмъ они пришли на землю, они не знаютъ сколько время теперь, сколько еще ждетъ ихъ впереди, и сколько оставлено позади...

— Боже мой, Боже мой, гдѣ же мы!...— не перестаетъ восклицать старуха.

Но понемногу страхъ проходитъ, и снова передъ ихъ померкнувшимъ взоромъ мелькаетъ прошлое.

— Это было очень далеко отсюда!—Я видѣла солнце и странные цвѣты; такихъ цвѣтовъ нѣтъ на этомъ островѣ!.. Здѣсь слишкомъ мрачно и холодно... Какъ-то разъ я смотрѣла на снѣгъ съ вершины горы... Я такъ ясно, такъ ясно помню, что я видѣла...

Итакъ, они помнятъ, они видѣли... Но почему они ослѣпли? Каковы ихъ глаза сейчасъ?

— У меня вѣки закрыты, но я чувствую, что глаза у меня здоровы...

— А у меня вѣки открыты!...— говоритъ другой.

— Я и сплю съ открытыми глазами!...— говоритъ третій.

Слѣпорожденнымъ же не нравятся разговоры о глазахъ:

— Не будемъ говорить о нашихъ глазахъ!... — говорятъ они.

Но никто не можетъ заглушить тѣхъ мученій, которыя слѣдуютъ изъ слѣпоты: страхъ и одиночество....

Слѣпой старикъ говоритъ:

—Мы никогда не видали другъ друга!.. Мы разспрашиваемъ другъ друга, отвѣчаемъ другъ другу, живемъ въ одномъ домѣ, мы всегда вмѣстѣ—и все-таки не знаемъ другъ друга!.. И даже руки не помогаютъ...

— И дома, въ которомъ мы живемъ, мы никогда не видали!.. Ощупываемъ руками стѣны и окна—и все-таки не знаемъ, гдѣ мы живемъ...

Слѣпота привела человѣчество къ одиночеству. „Чтобы любить — надо видѣть“, „чтобы плакать — надо видѣть“. А тотъ, кто не можетъ любить и не можетъ плакать, не можетъ не быть одинокимъ. Его одиночество—это тоска по утраченной, несознанной внутренней связи разрозненныхъ единицъ со всеединымъ цѣлымъ, тоска по братской жизни, давно забытой, какъ дѣйствительность, перешедшей въ область „недостижимыхъ идеаловъ“, мучительная тревога передъ жизнью, оторвавшись отъ которой, человѣкъ *противоставляется* ей, а не сливается во внутренней гармоніи. Жизнь становится чудовищной машиной, которая давитъ своимъ неизбѣжнымъ и безостановочнымъ движеніемъ. И робкая мысль въ испугѣ пытается охватить хотя бы одинъ моментъ совершающагося сразу на всей землѣ. Человѣкъ не чувствуетъ связи съ тѣмъ, что совершается тамъ. Онъ одинокъ, и ему страшно становится; онъ съ испугомъ прячется отъ жизни, подавляющей его; онъ ничтоженъ, беззащитенъ и слабъ... Онъ не любитъ, не плачетъ, не знаетъ другихъ людей... А жизнь идетъ, время безсмысленно и страшно двигается впередъ...

Слѣпой старикъ. Вамъ здѣсь не страшно?

Первый слѣпорожденный. Кому?

Слѣпой старикъ. Всѣмъ вамъ?

Слѣпая старуха. Да, страшно.

Молодая слѣпая. Намъ уже давно страшно.

Наступаетъ самый ужасный и самый торжественный моментъ драмы. Слѣпые убѣждаются, что священникъ-проводникъ умеръ. Напряженіе достигаетъ своей высшей точки;

дальше ждать становится невозможнымъ. Второй слѣпорожденный говоритъ, что нужно итти:

— Все равно куда, все равно куда! Я не въ силахъ больше слышать шумъ моря! Уйдемте, уйдемте!

И вотъ шагъ за шагомъ подходятъ слѣпые къ холодному трупу проводника... Шумитъ гдѣ-то вдали море... Какіе-то тревожные звуки слышатся въ пещерѣ... Руки ощупываютъ холодный трупъ... А кругомъ темно, темно безъ конца, — и изъ этой темноты грозно смотритъ на слѣпыхъ вѣчная загадка смерти... Отъ убѣжища далеко. Спокойствіе и счастье потеряно навсегда. Жизнь погибла. Смерть торжествуетъ надо всѣмъ...

Слѣпорожденный. Идите ближе ко мнѣ! Гдѣ ваши руки? Какъ холодно стало...

Молодая слѣпая. О, какія у васъ холодныя руки!

Третій слѣпой. Что вы дѣлаете?

Молодая слѣпая. Я поднесла руки къ глазамъ. Мнѣ показалось, что ко мнѣ сейчасъ вернется зрѣніе...

Молодая слѣпая, еще недавно видѣвшая свѣтъ, передъ безжизненнымъ трупомъ почувствовала, что вновь что-то шевельнулось въ ней, но осталась слѣпой...

И вотъ финалъ. Религія погибла. Проводника не стало. Вѣра угасла. Что же осталось?—Ничего, кромѣ безраздѣльной власти смерти. Она осталась, и только шаги ея слышатъ слѣпые, а остальное все молчитъ.

Молодая слѣпая. Тише! Слушайте шаги!

Слѣпой старикъ. Ради Бога, замолчите же хоть на минуту.

Молодая слѣпая. Все ближе! Ближе! Слушайте, слушайте!

Слѣпой старикъ. Это ребенокъ плачетъ?

Молодая слѣпая. Онъ видитъ! Онъ видитъ! Навѣрное онъ видитъ что-нибудь, разъ онъ плачетъ!

Слѣпая старуха. Шаги приближаются съ этой стороны! Слушайте! Слушайте!

Слѣпой старикъ. Да шаги ли это?

Первый слѣпорожденный. Можетъ-быть, это морскія брызги попадаютъ на листья.

Молодая слѣпая. Нѣтъ, нѣтъ, — это шаги! Шаги!.. это шаги...

Слѣпая старуха. Мы сейчасъ узнаемъ! Прислушайтесь повнимательнѣе къ шороху листьевъ!

Молодая слѣпая. Я слышу шаги! Слышу ихъ почти рядомъ съ нами! Слушайте! Слушайте! Ну, что ты видишь, что ты видишь?

Слѣпая старуха. Въ какую сторону онъ смотритъ?

Молодая слѣпая. Онъ все время слѣдитъ за шагами. Смотрите! Смотрите! Когда я его нарочно повертываю, онъ оборачивается, чтобы видѣть... Онъ видитъ... видитъ! Онъ видитъ! Должно-быть, онъ видитъ что-нибудь странное!..

Слѣпая старуха. Поднимите его выше, чтобы онъ могъ видѣть!..

Молодая слѣпая. Разступитесь! Разступитесь! Шаги смолкли здѣсь, около насъ...

Слѣпая старуха. Они совсѣмъ около насъ!..

Молодая слѣпая. Кто вы?..

(Молчаніе.)

Слѣпая старуха. Пожалѣйте насъ!..

(Молчаніе.)

Моментъ за моментомъ прослѣдили мы драму Метерлинка. Передъ нами проходилъ рядъ яркихъ образовъ, и теперь грандіозная картина стоитъ цѣликомъ. Она бьетъ въ самое больное мѣсто.

Слѣпые люди, зачѣмъ-то выведенные изъ убѣжища, брошенные проводникомъ, въ паническомъ ужасѣ ползаютъ по землѣ, натыкаясь и давя другъ друга... Мужчины хотятъ приблизиться къ женщинамъ, но вязнутъ и задыхаются въ безобразной грязи, которая лежитъ между ними... Одинокіе и жалкіе, неспособные любить потому, что неспособны видѣть, неспособные плакать, потому что слѣпы,— тоскуя по солнцѣ, ищутъ они чего-то... Но потеряна вѣра, темно и пусто кругомъ. Отдавшіеся во власть смерти, полные неизъяснимаго ужаса, прислушиваются слѣпые къ жизни, которая медленно и безжалостно, никого не ожидая, ни о комъ не сожалѣя, грозно двигается впередъ мимо нихъ, а впереди—ничего, кромѣ неизбѣжнаго и нелѣпаго

гніенія подъ землей; позади—ничего, кромѣ чудовищнаго кладбища, на которомъ безъ конца и края лежатъ, Богъ вѣсть, зачѣмъ жившіе, Богъ вѣсть, зачѣмъ страдавшіе люди. Въ смятеніи безумцы кричатъ: мы будемъ жаловаться!.. Но жаловаться некому, и въ отвѣтъ грозно подымается хаосъ, долго спавшій и призванный къ жизни сынами смерти...

Смерть, смерть и смерть,—вотъ что красной нитью проходитъ черезъ всѣ драмы Метерлинка. Мрачная, лицемѣрно-активная смерть,—выражаясь его словами,—проникаетъ всюду.

Въ драмѣ „Непрошенная“ онъ пытается передать то общее настроеніе, которое давитъ людей, и источникомъ котораго является все то же холодное дыханіе смерти, проникающее всюду.

Смерть у Метерлинка, это — какое-то существо „мрачно-лицемѣрно-активное“. Оно живетъ своей особой жизнью, страшной для людей, для ихъ спокойствія и счастья. Она глухо коситъ подъ окномъ, она врывается въ дверь,— и дверь словно сковывается, не можетъ закрыться; она стучитъ по ступенямъ потайного входа, она тушитъ свѣтъ, и, наконецъ, красной искрой, вихремъ врывается въ человѣческое жилище, гдѣ живутъ люди „тамъ внутри“. Живутъ они, не видя, что дѣлается за окномъ, наивно думая, что, кромѣ ихъ освѣщеннаго лампой мірка, ничего не существуетъ... Шьютъ, разговариваютъ, ѣдятъ, пьютъ чай, устраиваютъ свою семейную жизнь,—а что дѣлается за окномъ, ихъ не касается. Правда, иногда что-то тревожное повѣетъ на душу; кто-нибудь изъ живущихъ „тамъ внутри“ подойдетъ къ окну, посмотритъ... Но за окномъ темная ночь такъ непривѣтлива... А въ комнатѣ свѣтло, какъ будто „все ясно“... И гонятъ прочь тревожныя настроенія.

— Но если живущіе „тамъ внутри“ не хотятъ знать, что дѣлается за окномъ, изъ этого не слѣдуетъ, что совершающееся за окномъ не хочетъ знать тѣхъ, кто живетъ внутри! И вотъ медленно, минута поглощая минуту, двигается на спокойныхъ людей все тотъ же ужасъ, все та же тайна. Съ роковой неумолимостью надвигается на людей горе и опять въ формѣ „мрачной лицемѣрно-активной смерти“.

Ужели же и тутъ не прозрѣютъ люди? Ну, что испытываетъ нашъ интеллигентный, по преимуществу невѣрующій зрительный залъ, когда къ освѣщенному окну, за которымъ совершается наша повседневная жизнь, медленно съ тихимъ пѣніемъ, несутъ трупъ утопленницы? Ужели никто не чувствуетъ, что за окномъ каждаго такъ же медленно, такъ же до ужаса неизбѣжно, откуда-то приближается къ намъ „непрошенная“, и неужели, видя или чувствуя ее у себя за окномъ, можно попрежнему относиться ко всѣмъ тѣмъ мелочамъ, которыя окружаютъ насъ, любить ихъ, привязываться къ нимъ, страдать за нихъ? И неужели это явленіе, что мы, несмотря на очевиднѣйшій фактъ смерти, стоящій за нами, все-таки продолжаемъ жить, радоваться и надѣяться,—это явленіе не служитъ намекомъ на то, что за страшной смертью мы безсознательно чувствуемъ свое безсмертіе. Нѣтъ. Люди попрежнему живутъ „тамъ внутри“, потому что они „слѣпые“, а слѣпые они потому, что не видятъ „непрошенной“.

У Метерлинка необыкновенно выдержанъ образъ *языческой* смерти. Онъ грозенъ и неизбѣжно встаетъ передъ каждымъ, коль скоро ему, отталкивая Христа, отдаются во власть люди.

Смерть въ той ея роли, которую возлагаетъ на нее Метерлинкъ, ничего общаго не имѣетъ со смертью въ христіанскомъ пониманіи.

Смерть для христіанина есть результатъ нарушенія высшихъ нормъ. Такимъ образомъ во внутреннемъ, не эмпирическомъ процессѣ она занимаетъ свое опредѣленное мѣсто, являясь необходимымъ этапомъ общаго цѣлостнаго процесса. Смерть—ужасный фактъ. Но для христіанина онъ ужасенъ не самъ по себѣ, не какъ дѣлающій безсмысленной жизнь, а по тѣмъ *внутреннимъ* причинамъ, которыя обусловливаютъ происхожденіе и существованіе смерти. Поэтому черезъ вѣру въ то, что Христомъ побѣждены причины смерти, этотъ ужасъ становится не безусловнымъ, ибо теперь, послѣ воскресенія Христа, смерти не существуетъ вовсе,—конечно, и не смыслѣ внѣшнемъ, а въ смыслѣ внутреннемъ, единственно важномъ для христіанина.

Съ абсолютно свободнымъ актомъ грѣха смерть пришла въ міръ. Человѣкъ мистически сталъ не свободенъ. Потребовался иной источникъ силъ, возстанавливающій нарушенныя нормы. Искупленіе Христа, завершившееся воскресеніемъ, дало возможность полнаго возстановленія нормы, нарушенной въ міровомъ процессѣ, и устанавливало безусловную вѣру во всеобщее воскресеніе, какъ завершеніе богочеловѣческаго процесса. Поскольку свободно совершенный грѣхъ влекъ за собой смерть, постольку свободное искупленіе Христа влекло за собой воскресеніе. Воскресеніе Христа возстанавливало тѣло въ нормальномъ его видѣ, а черезъ вѣру въ воскресеніе Христа получилъ возможность такого возстановленія отъ смерти всякій человѣкъ. Міровой богочеловѣческій процессъ, такимъ образомъ, становится оживленіемъ мертваго. Христосъ, Голгоѳой побѣдившій смерть и возстановившій искаженныя нормы, тѣмъ самымъ указалъ дальнѣйшій путь міровой христіанской жизни: спасеніе не только души, но и тѣла. А такъ какъ въ процессѣ *душой* является индивидуальное совершенствованіе людей, тѣломъ же — политическія, экономическія и соціальныя отношенія, то и христіанство должно быть осуществлено и въ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, т.-е. процессъ долженъ быть и не Божескимъ (духъ), и не человѣческимъ (тѣло),— а *богочеловѣческимъ*.

Отсюда понятно, что изъ правильнаго пониманія того, что совершилось на Голгоѳѣ, неизбѣжно слѣдуетъ воинствующая, общественная сторона христіанства, такъ грѣховно забытая нашей исторической Церковью. Вѣра въ Христа, то-есть въ его искупленіе и воскресеніе, съ одной стороны, — и вѣра въ безсмертіе, съ другой,—даютъ полный смыслъ и безконечный источникъ силъ, какъ для личнаго совершенствованія, такъ и для общественнаго подвига. Безсмертіе имѣетъ такое значеніе для индивидуальнаго совершенствованія потому, что только тогда человѣческая личность пріобрѣтаетъ свою абсолютную цѣнность. Вѣра во Христа имѣетъ такое же значеніе для общественной дѣятельности потому, что лишь тогда общественный, экономическій и соціальный прогрессъ пріобрѣтаетъ не только

временное значеніе, но *абсолютное*, какъ такое же Божье дѣло, какъ и личное совершенствованіе.

Если же признать за смертью непобѣдимость и неизбѣжность, мысля ее внутренне такъ же, какъ и эмпирически, т.-е. что это есть конецъ *всей* жизни, не только внѣшней, но и духовной, то теряется смыслъ жизни и личной, и общественной.

Метерлинкъ является яркимъ изобразителемъ именно такого отношенія къ смерти. А потому смерть для него — загадка, нелогичность, какая-то вопіющая нелѣпость. Онъ не можетъ въ своемъ сознаніи поставить ее на опредѣленное мѣсто, обусловленное внутреннимъ процессомъ нашего бытія.

Черезъ сто лѣтъ изъ людей, теперь населяющихъ землю, не останется ни одного.

Попробуемъ представить себѣ, что черезъ сто лѣтъ прекратилась бы всякая жизнь вообще.

Спрашивается: все то, что дѣлаемъ мы наиболѣе дорогого, наиболѣе важнаго въ нашей жизни, стали ли бы мы дѣлать, если бы кто-нибудь увѣрилъ насъ, что послѣ насъ жизнь прекратится? Для того, чтобы усилить эту мысль, предположимъ, что жизнь протечетъ не 100 лѣтъ еще, а только сто дней. Нужно ли доказывать всю нелѣпость при такомъ условіи засѣданій парламента, борьбы партій, объявленія войны и т. д?

Но пусть мнѣ объяснятъ, какая разница, по существу, въ томъ, что къ 100 днямъ приписать нѣсколько нулей справа. Какое отношеніе имѣемъ мы, люди, которымъ черезъ 100 дней предстоитъ разложиться въ землѣ, къ тѣмъ, которые будутъ жить черезъ эти 100 дней? Измѣняется ли что-нибудь для разумности и цѣлесообразности нашей дѣятельности, направленной на благо послѣдующихъ поколѣній, отъ того факта, что черезъ 100 дней народятся новые люди, которые, опять-таки, черезъ 100 дней подвергнутся гніенію? Все, что измѣняется, есть причина или средство для послѣдующаго, и потому цѣлью самой въ себѣ можетъ быть только то, что является неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, человѣческое бытіе можетъ быть названо чѣмъ-либо, имѣющимъ цѣль, только въ томъ случаѣ, если оно не является средствомъ для послѣдующаго, а имѣетъ нѣкоторое абсолютное начало — безсмертіе.

Говорятъ: нужно жить для блага послѣдующихъ поколѣній. Почему нужно? Что толкаетъ меня на такую дѣятельность? Почему моимъ страданіямъ можетъ дать смыслъ то, что черезъ тысячи лѣтъ Сидору Сидоровичу легче будетъ житься? И зачѣмъ я долженъ жертвовать чѣмъ-то для тѣхъ людей, которые такъ же, какъ и я, разложатся въ землѣ?

И всѣ эти кардинальные вопросы, безъ которыхъ невозможна никакая сознательная дѣятельность, просто-напросто игнорируются обыденнымъ сознаніемъ. Нѣкоторые пытаются такое игнорированіе возвести въ теорію, забывая, что нельзя не считаться со смертью во всякомъ вопросѣ, касающемся жизни. Теорія, которая не покоритъ смерть, сама будетъ покорена ею. И если она пытается имѣть *жизненное значеніе*, она подвергнется полному разрушенію. Смерть, — это единственный фактъ, который властно, безъ всякихъ усилій опрокидываетъ самую сложную работу человѣческаго ума. Будь то матеріалистъ, будь то позитивистъ,—словомъ, любой теоретикъ, санкціонирующій полный произволъ смерти,—онъ первый же въ своихъ построеніяхъ гибнетъ отъ нея. И если человѣчество не доходитъ до полнаго отчаянія; если люди не все счастье свое предаютъ во власть смерти,—то это потому, что они или нелогичны, или не могутъ сознаніемъ заглушить въ себѣ чувства своего безсмертія, которое въ концѣ-концовъ все-таки двигаетъ жизнь впередъ, двигаетъ впередъ даже смѣющихся надъ этимъ безсмертіемъ, которое, такимъ образомъ, не даетъ великому процессу міровой жизни превратиться въ ничто.

Собственно говоря, отъ теоретиковъ, вносящихъ разладъ между сознаніемъ и непосредственнымъ требованіемъ нашей безсмертной природы, въ ужасѣ должны бы разбѣгаться люди. Но этого не случается. Дѣло въ томъ, что они, отрицая всѣ тѣ предпосылки, которыя однѣ только могутъ дать смыслъ человѣческой жизни, и, наоборотъ, устанавливая такія предпосылки, которыя должны вести къ полному разложенію всякую дѣятельность, практически призываютъ къ самой жизненной работѣ, призываютъ къ такой дѣятельности, которая возможна только при идеѣ безсмертія и становится абсурдомъ, если признать теоретическія основанія, предлагаемыя различными программами.

Психологически это вполнѣ возможно. Безсмертіе есть не только отвлеченная идея, но это есть *фактъ*. Мое сознаніе можетъ отрицать его существованіе. Изъ этого совершенно не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ моимъ отрицаніемъ уничтожается фактъ моего безсмертія. Такимъ образомъ, безсмертное начало, во мнѣ заключенное, толкаетъ меня на цѣлый рядъ дѣйствій, опредѣляетъ мою жизнь. Я подчиняюсь ему и дѣлаю то, что разумно и понятно, что неизбѣжно вытекаетъ изъ того, что я безсмертенъ. Но въ то же самое время мое *сознаніе*, отрицающее фактъ моего безсмертія, строитъ такое міропониманіе, которое ни въ какой внутренней связи съ моей дѣятельностью не состоитъ, напротивъ, прямо ей противорѣчитъ, и, проведенное логически до конца, должно было бы уничтожить самую мою дѣятельность. Что люди нерелигіозные являются часто дѣятельными строителями жизни,—фактъ несомнѣнный, но *логической* необходимости для всякой дѣятельности нашего безсмертія нисколько не опровергающій.

Причина, почему такъ долго держится гипнозъ, и почему теоріи, несущія смерть и застой, считаются самыми прогрессивными, также вполнѣ ясна психологически. Теоретическія религіозныя основанія, которыя одни находятся въ дѣйствительной органической связи съ дѣятельностью на служеніе людямъ, и потому могутъ обосновывать ихъ безъ логическихъ противорѣчій, потеряли — по многимъ обстоятельствамъ, которыхъ я здѣсь касаться не буду, — свою власть надъ человѣческимъ сознаніемъ. Но безсмертное начало, конечно, попрежнему предъявляетъ свои права и требуетъ соотвѣтствующаго практическаго выраженія; сознаніе для своего спокойствія должно имѣть какую-либо теорію, такъ или иначе могущую объединить требованія разсудка и чувства. Потребность эта такъ велика, что люди способны на какое угодно самовнушеніе, способны не видѣть самыхъ вопіющихъ противорѣчій, лишь бы не лишалось опоры то чувство, которое побуждаетъ служить людямъ и, какъ слѣдствіе факта безсмертія, требуетъ своего приложенія. Искусственность такого положенія, несмотря на всѣ усилія угасить возникающее сомнѣніе, и конфликтъ между требова-

ніями совѣсти и требованіями разума съ каждымъ днемъ становились очевиднѣе и привели человѣчество къ теперешнему внутреннему кризису.

Успѣшно разрушивъ религію, какъ основаніе идеальной жизни, люди хотѣли, минуя фактъ смерти, построить тоже на другихъ болѣе „простыхъ“ устояхъ. Но такая попытка заключала въ себѣ непреоборимыя трудности. Это оказались вещи несовмѣстимыя: разрушая фундаментъ, нужно разрушить и зданіе. Фундаментъ всякой дѣятельности — безсмертіе; разрушая его, нужно разрушить и то, что неизбѣжно изъ него вытекаетъ. Но не то дѣлаютъ новѣйшія практическія общественныя программы. Онѣ незаконно берутъ идеалы, выросшіе совсѣмъ на другой почвѣ, на той почвѣ, на которой они полны значенія и правды, провозглашаютъ эти чужіе идеалы, а затѣмъ предаютъ анаѳемѣ то, что одно можетъ придать жизненное значеніе этимъ идеаламъ, безъ чего они теряютъ всякій смыслъ.

Христіанство говоритъ: Вы должны любить людей, ибо любовь есть результатъ вашего единства со Христомъ, съ Которымъ вы пребудете внѣ времени, а потому въ этой любви заключена и цѣль ея, ибо она неизмѣнна, не служитъ переходомъ къ чему-либо иному. Вы должны служить людямъ, ибо каждый изъ нихъ есть начало абсолютное, а потому къ нему можно относиться только, какъ къ цѣли. Вы должны отдать свои силы на улучшеніе экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ отношеній, осуществляя правду богочеловѣческаго процесса.

Люди невѣрующіе говорятъ: Любите другъ друга, отдайте все на благо ближняго. Но не думайте, что люди, для которыхъ вы должны жертвовать своей жизнью, зачѣмъ-нибудь нужны. Они также сгніютъ, какъ и вы; жизнь ихъ такъ же нужна только для тѣхъ, кто будетъ жить и гнить послѣ нихъ. Такъ что любить ихъ, собственно говоря, не стоитъ.

Итакъ, вся жизнь опредѣляется скрытымъ въ насъ безсмертнымъ началомъ. Теоріи, изгоняющія безсмертіе, какъ религіозное вѣрованіе, не могутъ уничтожить его, какъ фактъ.

Но если бы безсмертіе не только отрицалось, но и не существовало фактически, то человѣчеству грозило бы полное банкротство, такъ какъ ничто не препятствовало бы тогда сдѣлать всѣ неизбѣжные выводы изъ отрицательныхъ посылокъ.

Такимъ образомъ, всевозможныя, такъ называемыя, прогрессивныя партіи, взятыя въ своемъ *цѣломъ*, должны быть признаны реакціонными и регрессивными. Въ самомъ дѣлѣ, отбросимъ отъ нихъ тѣ высшіе идеалы, которые онѣ провозглашаютъ; мы имѣемъ на то полное право, — не онѣ создали эти идеалы,—и сохранимъ теоретическія основанія, которыми онѣ ихъ обусловливаютъ. Что же окажется? Эти основанія по существу должны уничтожить вѣру въ истинность самыхъ идеаловъ.

Пусть не ссылаются на то, что фактически, сейчасъ эти общественныя группы двигаютъ прогрессъ. Не специфическія ихъ стороны причиной тому. Нужно смотрѣть не на ограниченный уголокъ исторіи, а въ будущее ея. И тамъ,—если правда, что теоріи, разрушающія основу у великихъ идеаловъ, сами не могутъ обосновать ихъ, — мы усмотримъ, какъ мало-по-малу, подтачивая вѣру въ необходимость служенія этимъ идеаламъ, онѣ окончательно погубятъ ихъ. Правда, сильно въ человѣкѣ начало безсмертія. Какъ бы ни заглушали мы его требованія, оно будетъ толкать насъ, помимо нашей воли, на осуществленіе тѣхъ идеаловъ, которые имъ опредѣляются. Но если представить себѣ такую фантастическую возможность, что наше сознаніе одержитъ верхъ надъ безсмертнымъ началомъ, не перешедшимъ еще въ наше сознаніе, какъ вѣра, — то тогда по инерціи жизнь дальше двигаться не станетъ, и восторжествовавшая теорія отрицанія должна будетъ привести къ полному духовному застою.

Самое блестящее изображеніе того, какимъ должно быть при такомъ условіи отношеніе у человѣка къ жизни, мы находимъ въ „Письмѣ самоубійцы“ Достоевскаго. Конечно, тамъ дѣло касается единичнаго случая, но его легко обобщить и съ полной ясностью представить, что такова была бы судьба и всего человѣчества, если бы оно состояло изъ такихъ единицъ.

Письмо это имѣетъ столь важное значеніе, что я позволю себѣ привести его цѣликомъ:

> Я созданъ съ сознаніемъ и эту природу созналъ: какое право она имѣла производить меня безъ моей воли на то, сознающаго? Сознающаго, стало-быть, страдающаго. Но я не хочу страдать, ибо для чего бы я согласился страдать? Природа черезъ сознаніе мое возвѣщаетъ мнѣ о какой-то гармоніи въ цѣломъ. Человѣческое сознаніе надѣлало изъ этихъ возвѣщеній религій. Оно говоритъ мнѣ, что я, хоть и знаю вполнѣ, что въ „гармоніи цѣлаго“ участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее вовсе, что она такое значитъ, но что я все-таки долженъ подчиниться этому возвѣщенію, долженъ смириться, принять страданія въ виду гармоніи цѣлаго и согласиться жить. Но если выбирать сознательно, то ужъ, разумѣется, я скорѣе пожелаю быть счастливымъ лишь въ то мгновеніе, пока *я* существую, а до цѣлаго и его гармоніи мнѣ ровно нѣтъ никакого дѣла—послѣ того, какъ *я* уничтожусь, остается ли это цѣлое съ *гармоніей* послѣ меня, или уничтожится сейчасъ же вмѣстѣ со мною? И для чего бы я долженъ былъ такъ заботиться объ его сохраненіи послѣ меня?—вотъ вопросъ. Пусть ужъ лучше я былъ бы созданъ, какъ всѣ животныя, т.-е. живущимъ, а не сознающимъ себя разумнымъ: сознаніе же мое есть именно не гармонія, а дисгармонія, потому что я съ нимъ несчастливъ. Посмотрите, кто счастливъ на свѣтѣ и какіе люди соглашаются жить? Какъ разъ тѣ, которые похожи на животныхъ и ближе подходятъ подъ ихъ типъ по малому развитію ихъ сознанія. Они соглашаются жить охотно, но именно подъ условіемъ жить, какъ животныя, т.-е. ѣсть, пить, спать, устраивать гнѣздо и выводить дѣтей. Ѣсть, пить и спать по-человѣчески значитъ наживаться и грабить, а устраивать гнѣздо значитъ по преимуществу грабить. Возразятъ мнѣ, пожалуй, что можно устроиться и устроить гнѣздо на основаніяхъ разумныхъ, на научно вѣрныхъ соціальныхъ началахъ, а не грабежомъ, какъ было донынѣ. Пусть; а я спрошу: для чего? Почему праведно устраиваться и употреблять столько стараній, чтобы устроиться въ обществѣ правильно, разумно и нравственно? На

это уже, конечно, никто не сможетъ мнѣ дать отвѣта. Все, что мнѣ могли бы отвѣтить, это — „чтобы получить наслажденія". Да если бы я былъ цвѣтокъ или корова, я получилъ бы наслажденіе, но, задавая, какъ теперь, безпрерывно себѣ вопросы, я не могу быть счастливъ, даже и при самомъ высшемъ и непосредственномъ счастьи любви къ ближнему и любви ко мнѣ человѣчества, ибо знаю, что завтра же все это будетъ уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человѣчество обратится въ ничто, въ прежній хаосъ; а подъ такимъ условіемъ я ни за что не могу принять никакого счастья,—ни отъ нежеланія согласиться принять его, ни отъ упрямства какого изъ-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастливъ, подъ условіемъ грозящаго завтра нуля. Но пусть бы я умеръ, а только человѣчество осталось бы вмѣсто меня вѣчно; тогда, можетъ-быть, я все же былъ бы утѣшенъ? Но вѣдь планета наша не вѣчна, человѣчеству срокъ—такой же мигъ, какъ и мнѣ. И какъ бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на землѣ человѣчество,—все это тоже приравняется завтра къ тому же нулю. И хоть это почему-то тамъ и необходимо, по какимъ-то всесильнымъ, вѣчнымъ и мертвымъ законамъ природы, но повѣрьте, что въ этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуваженіе къ человѣчеству, глубоко мнѣ оскорбительное, и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаго...

На основаніи всего этого самоубійца Достоевскаго постановляетъ относительно себя слѣдующій приговоръ:

1) „Такъ какъ на вопросы мои о счастьи, я черезъ мое же сознаніе получаю отъ природы лишь отвѣтъ, что могу быть счастливъ не иначе, какъ въ гармоніи цѣлаго, которой я не понимаю, и, очевидно для меня, и познать никогда не въ силахъ;

2) Такъ какъ природа не только не признаетъ за мною права спрашивать у нея отчета, но даже и не отвѣчаетъ мнѣ вовсе, и не потому что не хочетъ, а потому что и не можетъ отвѣтить;

3) Такъ какъ я убѣдился, что природа, чтобы отвѣчать мнѣ на мои вопросы, предназначила мнѣ (безсознательно) меня же самого и отвѣчаетъ мнѣ

моимъ же сознаніемъ, (потому что я самъ это все говорю себѣ);

4) Такъ какъ, наконецъ, при такомъ порядкѣ, я принимаю на себя въ одно и то же время роль истца и отвѣтчика, подсудимаго и судьи, и нахожу эту комедію со стороны природы глупою, а переносить эту комедію съ моей стороны считаю даже унизительнымъ;—

— „то въ моемъ несомнѣнномъ качествѣ истца и отвѣтчика, судьи и подсудимаго, я присуждаю эту природу, которая такъ безцеремонно и нагло произвела меня на страданія, вмѣстѣ со мною къ уничтоженію... А такъ какъ природу я истребить не могу, то истребляю себя одного, единственно отъ скуки сносить тиранію, въ которой нѣтъ виноватаго".

Письмо самоубійцы является геніальнымъ психологическимъ документомъ. Съ поразительной глубиной въ немъ вскрывается, каково должно быть душевное состояніе человѣка, переживаніе котораго *всецѣло* обусловливается сознаніемъ.

Мы не можемъ, конечно, представить себѣ, чтобы у всѣхъ невѣрующихъ людей психологія была такою же; такое предположеніе было бы совершенно фантастическимъ. У человѣчества, въ его цѣломъ, никогда теорія съ такой силой не овладѣетъ безсмертнымъ началомъ, обусловливающимъ инстинктивное стремленіе жить. Это возможно только у лицъ съ исключительной индивидуальностью. Слишкомъ сильны въ человѣкѣ самыя глубокія свойства его безсмертія, стремленіе къ абсолютной истинѣ, къ абсолютной красотѣ и абсолютной свободѣ.

Въ мірѣ, насъ окружающемъ, не только практически нѣтъ, но и теоретически мы не можемъ допустить осуществленіе чего-либо абсолютнаго, — ни свободы, разъ мы не можемъ освободиться отъ смерти,—ни познанія истины, разъ познаніе ужъ есть нѣкоторое ограниченіе,—ни красоты, разъ есть безобразіе разрушенія. Наше стремленіе къ абсолютному не можетъ являться и не является задачей, поставленной извнѣ. Наоборотъ, стремленіе это есть не что иное, какъ стремленіе осуществить вовнѣ внутреннее начало. Полное раскрытіе абсолютной истины, свободы и красоты совершается послѣ смерти черезъ актъ воскресенія, ибо только тогда чело-

вѣкъ является и абсолютно свободнымъ, и абсолютно прекраснымъ, и абсолютно истиннымъ въ своемъ пребываніи во Христѣ.

Такимъ образомъ, жизнью всегда будетъ двигать безсмертіе. Ограниченныя построенія нашего ограниченнаго сознанія не въ силахъ погубить во всемъ *человѣчествѣ* абсолютныхъ требованій нашего духа, какъ бы ни стремились къ этому теоретики. Но если они думаютъ иначе и разсчитываютъ въ данномъ случаѣ на успѣхъ, если они думаютъ, что имъ удастся всѣхъ людей сдѣлать самоубійцами,—то не тѣмъ ли болѣе слѣдуетъ отсюда ихъ регрессивность?

Реакція противъ движенія впередъ состоитъ въ томъ, что жизненный ходъ задерживается. Но не въ тысячу ли разъ болѣе реакціонно то, что не задерживаетъ, а убиваетъ?

На это часто возражаютъ евангельской притчей. У одного человѣка было два сына; онъ подошелъ къ первому и сказалъ: пойди, поработай въ моемъ виноградникѣ. Сынъ отвѣтилъ, что онъ не пойдетъ, но послѣ, раскаявшись, пошелъ. Тогда человѣкъ подошелъ къ другому сыну и сказалъ то же самое. Сынъ отвѣтилъ: „иду“,— и не пошелъ. Можетъ-быть, и эти общественныя группы и политическія партіи подобны первому сыну? Можетъ-быть, онѣ отрицаютъ, но служатъ дѣлу Христову больше, чѣмъ тѣ, которые говорятъ на каждомъ шагу: Господи, Господи?

Конечно, много подлости и преступленій дѣлается у насъ съ именемъ Христовымъ на устахъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что хорошо поступаютъ и первые. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ продолжить эту притчу. Представимъ себѣ, что первый сынъ, раскаявшись, пошелъ, но пошелъ не одинъ, а повелъ съ собой другихъ людей. Дорогой онъ начинаетъ ругать своего отца, говорить про него, что онъ обманщикъ, что онъ только эксплоатируетъ людей, что онъ отжилъ свой вѣкъ и лишь напрасно тяготитъ землю; что онъ такъ долго пользовался всякими богатствами и преимуществами, что теперь на него работать не стоитъ. И вдругъ всѣ, кто шли за нимъ, повѣрятъ ему, согласятся съ нимъ, остановятся и съ недоумѣніемъ спросятъ: „Такъ зачѣмъ же мы идемъ туда? За-

чѣмъ намъ итти дальше? Неужели только потому, что мы вышли, — значитъ, — нужно итти впередъ? Не лучше ли вернуться назадъ? Или сѣсть и остаться на полдорогѣ?"

Что тогда отвѣтитъ сынъ, хулившій своего отца?

Но, повторяю, фактически этого никогда не произойдетъ; жизнью всегда будетъ двигать безсмертіе и претендующія на прогрессивность теоріи далѣе задерживающей реакціонности не пойдутъ.

Все, мною сказанное, касается вопроса о необходимости идеи безсмертія для *сознанія*. Столь же необходима она и для *совѣсти*.

„Бунтъ" Ивана Карамазова не можетъ быть успокоенъ одной вѣрой въ безсмертіе. Но вѣра въ безсмертіе есть краеугольный камень для того, чтобы могла найти свой покой больная человѣческая совѣсть.

Иванъ Карамазовъ не можетъ принять „гармоніи", которая основана на человѣческой крови и человѣческихъ слезахъ. Онъ не можетъ допустить, чтобы „прощеніе" успокоило его совѣсть. „Не хочу я, наконецъ, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ, пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое; но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить, не смѣетъ простить мучителя, хотя бы самъ ребенокъ простилъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ простить, гдѣ же гармонія?"

Онъ отказался бы отъ всей истины, отъ всей гармоніи, если пришлось бы за это платить страданіями хотя бы одного ребеночка. „Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловонной канурѣ своей неискупленными слезками своими къ „Боженькѣ".

И кто не согласится въ этомъ съ Иваномъ Карамазовымъ! Но вѣдь наша культура, наши телефоны и желѣзныя дороги покоятся не на „одной слезинкѣ", а на морѣ слезъ. Если бы можно было отвлечься отъ жизненныхъ впечатлѣній и отъ гипноза „культурныхъ завоеваній", заглянуть въ глубь истекшихъ вѣковъ, то передъ нами без-

конечной вереницей прошли бы милліоны измученныхъ, истерзанныхъ людей, и,—если бы эти давно, когда-то жившіе люди неотступно спросили насъ, зачѣмъ они жили, зачѣмъ они страдали,—неужели кто-нибудь могъ бы отвѣтить имъ, что жгли ихъ на кострахъ, сдирали съ нихъ кожу, отдавали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ для того, чтобы мы теперь ѣздили 100 верстъ въ часъ по желѣзной дорогѣ и говорили по телефону изъ Москвы въ Петербургъ?... Какой бы жестокой насмѣшкой звучалъ такой отвѣтъ! Наша совѣсть никогда не допустила бы такого издѣвательства. А развѣ мы, если бы мы жили 2000 лѣтъ назадъ, не сказали бы этимъ людямъ: идите на костры для блага послѣдующихъ поколѣній? Но вѣдь эти послѣдующія поколѣнія *мы!* Почему же теперь мы отрекаемся отъ нашихъ словъ? Почему наша совѣсть такъ протестуетъ противъ прямого отвѣта: вы жили и мучались для нашего благополучія!?... И почему этотъ безсмысленный и циническій отвѣтъ можетъ дать удовлетвореніе теперь, если мы перефразируемъ его и скажемъ: наша жизнь нужна для блага людей, которые будутъ жить въ 2905 году!?...

Какъ же выйти изъ всѣхъ этихъ противорѣчій?

Выходъ даетъ христіанство. Оно категорически заявляетъ страданій *не должно* быть. Источникъ страданій зло, грѣхъ. Грѣхъ есть результатъ *свободнаго* акта нашей воли, это есть нарушенія высшей нормы *свободнымъ* человѣкомъ. Гармонія должна быть возстановлена. Но страданіе вовсе не есть *необходимый* путь къ этой гармоніи.

Откуда возьмутся *силы* для такого возстановленія? Онѣ возьмутся изъ неизсякаемаго источника жизни — Христа, черезъ Его добровольное страданіе, искупившее міръ. Карамазовъ не хочетъ принять гармоніи, если для нея *необходимо* предыдущее страданіе ребеночка. И онъ правъ. Но страданіе есть ненормальная *преграда* на пути къ гармоніи, и гармонія возможна не потому, что страдаетъ ребеночекъ, а потому, что искупленіе спасло міръ отъ слѣдствія грѣха—страданій и смерти. Гармонія, такимъ образомъ, возстановлена. Она завершится всеобщимъ воскресеніемъ, „ибо, — по словамъ апостола Павла,— какъ смерть черезъ человѣка, такъ черезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ“. Христосъ былъ

первый изъ воскресшихъ людей и далъ Своимъ воскресеніемъ прообразъ грядущей гармоніи. И всякій христіанинъ твердо знаетъ, что настанетъ время, когда возстанутъ изъ своихъ гробовъ всѣ жившіе и умершіе люди, совершится тайна всеобщаго воскресенія, и наступитъ вѣчная жизнь внѣ времени, и все разрозненное возстанетъ въ нетлѣнной гармоніи и нетлѣнной красотѣ... Все враждебное Христу и царству Его будетъ побѣждено, „ибо Ему надлежитъ царствовать, доколѣ низложитъ всѣхъ враговъ подъ ноги Свои“... И смерть докончитъ тогда свое грозное шествіе по пророческому слову апостола: „послѣдній же врагъ истребится смерть“.

Но возможно ли говорить обо всемъ этомъ, не предполагая тѣмъ самымъ факта нашего безсмертія? Безсмертіе есть необходимая предпосылка такого построенія, а это построеніе, въ свою очередь, есть единственный выходъ для нашей совѣсти, если она только не желаетъ итти по человѣческимъ трупамъ.

Можетъ-быть, скажутъ: Положимъ, все это такъ; положимъ, для нашей дѣятельности и жизни, какой она признается желательной, сейчасъ, дѣйствительно, необходима вѣра въ безсмертіе. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что безсмертіе есть фактъ? Можетъ-быть, слѣдуетъ другое? Можетъ-быть, самоубійца Достоевскаго правъ и „соглашаться“ жить не стоитъ? Законно ли создавать фантастическую грезу о безсмертіи только потому, что *иначе* жизнь не имѣетъ смысла? Ну, и пускай не имѣетъ... Почему изъ отчетливаго представленія, что жизнь, въ теперешнемъ ея видѣ, возможна только при идеѣ безсмертія, слѣдуетъ *вѣра*, а не *отчаяніе*?...

Всѣ эти вопросы совершенно справедливы. Но въ настоящей статьѣ я и не *доказываю* безсмертія. Я лишь требую логичности и опредѣленности. Что-нибудь изъ двухъ одно: или безсмертіе, — и тогда жизнь, культура, стремленіе къ общему благу, къ идеалу и т. д. и т. д.;—или смерть, — и тогда застой, разложеніе, отсутствіе какихъ-либо идеаловъ, безсмысленность стремленія къ общему благу. Нельзя служить двумъ господамъ — Богу и мамонѣ.

Однако для тѣхъ, для кого вѣра въ то, что жизнь должна итти по тому пути прогресса, по которому она идетъ сей-

часъ, есть нѣкоторая *аксіома*, — для тѣхъ логическая неизбѣжность безсмертія, дабы *оправдать* необходимость такого движенія впередъ, является доказательствомъ безсмертія.

Если жить и работать для другихъ, жертвовать собой *нужно*, и это есть аксіома; если жить, работать для другихъ и жертвовать собой можно *только* будучи безсмертнымъ, то аксіомой является и то, что я безсмертенъ.

Возьмемъ такой примѣръ. Революціонеръ, человѣкъ невѣрующій, для котораго безсмертіе—пустая сказка, убѣждается въ необходимости для блага своей родины совершить террористическій актъ, при чемъ онъ увѣренъ, что самъ тоже долженъ быть убитъ. Вникнемъ въ его психологію. Безусловно, онъ совершаетъ нѣкоторое преступленіе, которое онъ совершать не долженъ. Не долженъ совершать потому, что человѣкъ никогда не долженъ ни для какихъ высшихъ цѣлей относиться къ другому, какъ къ средству, а всегда, какъ къ цѣли. Но какіе душевные процессы переживаетъ человѣкъ, если онъ, считая, хотя и ошибочно, возможнымъ такими средствами осуществлять добро,—ради общаго блага идетъ на вѣрную смерть? Какъ нужно любить людей, какъ нужно ненавидѣть неправду, чтобы лишь для спасенія своихъ ближнихъ самому прекратить свое существованіе! Ему никогда не видать счастья тѣхъ, для которыхъ онъ погубилъ себя; его не ожидаютъ ни почести, ни похвалы; ему нужно спасти свою страну, — и онъ отдаетъ за ея спасеніе свою жизнь. Это чувство великое, полное отреченіе отъ своей личности, — святое служеніе идеѣ.

Но развѣ эти чувства безъ начала безсмертія не абсурдъ?—Такой же абсурдъ, какъ зданіе, которое могло бы стоять не на землѣ, а висѣть въ воздухѣ. Ну, зачѣмъ ему нужно счастіе, которое будетъ испытывать послѣ него его страна? Что ему до нея? Вѣдь *онъ-то* уже будетъ мертвъ! Между нимъ и тѣми, которые останутся пользоваться результатами его дѣла, нѣтъ *никакой* связи.

Такою цѣною, какъ уничтоженіе своей жизни, при условіи превращенія въ ничто, не можетъ быть куплено счастье хотя бы даже всего міра, ибо ничего не должно быть дороже *собственной* жизни.

Психологически несомнѣнно бываетъ иначе, но что же это доказываетъ?—Логически такое самоуниженіе нелѣпость, и если фактически стремленіе къ счастью другихъ такъ сильно, что заставляетъ жертвовать собой, то исключительно потому, что такое дѣйствіе обусловливается вѣчной связью лица, живущаго, съ тѣми, кто будетъ жить хоть милліоны лѣтъ послѣ него. Эта внутренняя, не сознаваемая связь лежитъ въ основѣ той любви, которая заставляетъ полагать душу свою за други своя, она стихійно толкаетъ на подвигъ, на подвигъ нелѣпый для *сознанія* невѣрующихъ людей.

Здѣсь намъ раскрывается странная двойственность человѣческой психологіи. Съ одной стороны непосредственнаго чувства, толкающаго на подвигъ, психологически *достаточно*, чтобы *вѣрить* въ его истинность; съ другой—логической неизбѣжности вѣры въ наше безсмертіе, чтобы непосредственное чувство получило свое оправданіе,—психологически *недостаточно*, чтобы увѣровать въ безсмертіе. Казалось бы, одно съ неизбѣжностью слѣдуетъ изъ другого. Почему во второмъ случаѣ требуются доказательства, а въ первомъ нѣтъ?

Изъ только что разобраннаго примѣра съ очевидностью слѣдуетъ и то практическое значеніе, которое имѣетъ для жизни вѣра въ безсмертіе, т.-е. наше безсмертное начало, перешедшее въ сознаніе.

Человѣкъ вѣрущій никогда не можетъ одобрить терроръ. Для него личность, какъ начало безконечное по своему бытію, никогда не можетъ явится однимъ изъ чередующихся звеньевъ въ цѣпи средствъ и цѣлей. Личность въ этомъ смыслѣ самодовлѣюща,—и Христосъ разъ навсегда провозгласилъ истину, потомъ многими повторенную на всѣ лады: человѣкъ для другого человѣка всегда долженъ быть цѣлью и никогда средствомъ. Человѣкъ же *невѣрующій*, но безсмертный, можетъ совершить терроръ, хотя для того, чтобы совершить его, онъ *долженъ* быть, дѣйствительно, безсмертнымъ. Такимъ образомъ, безсмертіе *несознанное* обусловливаетъ собою то, что *сознанное* безсмертіе обусловить не можетъ.

Но что же ожидаетъ „слѣпыхъ“ въ здѣшнемъ земномъ дальнѣйшемъ процессѣ?

Для этого прежде всего нужно отвѣтить на вопросъ, какія причины вызвали отрицательное отношеніе къ религіи. Несомнѣнно, что главной причиной является быстрое и побѣдоносное развитіе науки. По существу тутъ нѣтъ никакой связи, но психологическая связь несомнѣнна.

Уже теперь, все чаще и чаще, раздаются голоса изъ самыхъ противоположныхъ лагерей, которые съ научной безпристрастностью разрушаютъ предразсудокъ „большой публики“, будто бы наука *доказала* невозможность безсмертія, и говорятъ лишь о томъ, что идея эта — не имѣетъ никакихъ научныхъ основаній, что идея эта сплошная фантазія, источникъ которой — страхъ смерти, который, въ свою очередь, обусловливается нашими физическими „дисгармоніями“. Такимъ образомъ, повторяю, по существу наука не противорѣчитъ религіозной вѣрѣ.

Психологическая же связь паденія религіозной вѣры параллельно возрастанію научныхъ завоеваній несомнѣнна. Дѣло въ томъ, что наука очень быстро и очень глубоко освѣтила многія явленія, дотолѣ темныя. Человѣчеству черезъ Евангеліе было возвѣщено самое высшее откровеніе истины. Наука, попрежнему вѣдающая эмпирическую область, есть первая ступень ея. Сразу трудно было увидѣть, что наука и религія есть альфа и омега одного и того же. Наоборотъ, при первыхъ проблескахъ научнаго знанія казалось, что оно противорѣчитъ богооткровеннымъ истинамъ. Вѣдь и теперь наука разрушаетъ вѣру не столько у лучшихъ представителей ея, сколько у массы, знакомой съ ней урывками. Религіозные люди всегда или совсѣмъ не образованные,— тогда у нихъ вѣра непосредственная,—или *вполнѣ* образованные, — тогда у нихъ вѣра сознательная. Невольно въ этомъ случаѣ вспоминаются слова Пастера, который говорилъ, что онъ много знаетъ и потому вѣритъ, какъ бретонецъ, но если бы онъ зналъ вдвое больше, то вѣрилъ бы, какъ бретонская женщина.

Но когда наука только начинала расправлять свои крылья, трудно было предугадать и особенно обосновать конечныя границы, до которыхъ можетъ дойти научное изслѣдованіе. Между тѣмъ темныя ранѣе стороны

жизни, ставшія ясными благодаря наукѣ, наталкивали на мысль, что и многія другія явленія, покуда находящіяся въ вѣдѣніи религіи, мало-по-малу получатъ научное освѣщеніе. Отсюда психологически понятенъ соблазнъ вовсе выбросить проблемы, которыя не могутъ *покуда* изслѣдоваться научнымъ методомъ.

Въ настоящее время все сильнѣй и сильнѣй, по мѣрѣ того, какъ наука приближается къ своимъ конечнымъ границамъ, возвышаются голоса противъ незаконнаго притязанія науки на области, ей не принадлежащія, не въ силу ея *временной* слабости, а въ силу того, что лежатъ онѣ въ другой плоскости. Пытаются установить предполагаемыя границы чисто-научнаго вѣдѣнія...

Скоро „слѣпые“ ощупаютъ все, что находится у нихъ подъ руками; рукамъ больше не останется дѣла. Тогда они прозрѣютъ.

Но процессъ этотъ долженъ быть крайне мучителенъ Человѣчество, подобно самоубійцѣ Достоевскаго, должно дойти до самыхъ высшихъ точекъ отчаянія. Оно не убьетъ себя. Безсмертныя начала истины, красоты и свободы восторжествуютъ, но кризисъ будетъ тяжелъ и выздоровленіе совершится медленно. Молодое человѣчество, горько поплатившееся за свои преждевременныя отрицанія, вооруженное всѣми знаніями, полученными наукой, смѣло пойдетъ вглубь безконечнаго совершенствованія.

Въ этомъ новомъ и трудномъ пути руководительницей должна явиться Церковь.

Церковь вселенская,—не въ обычномъ смыслѣ слова, не эмпирическая церковь и не въ теперешнемъ своемъ видѣ. Современная историческая Церковь сама нуждается въ исцѣленіи отъ самаго ужаснаго грѣха — слѣпоты, ибо слѣпота привела ее къ служенію государственнымъ цѣлямъ. Въ ея полицейско-мертвомъ режимѣ чувствуется явное дыханіе антихриста, но еще силенъ въ ней и духъ Христовъ. Она порветъ нечистыя цѣпи, сковавшія правду Божію преступными человѣческими руками, и станетъ во главѣ *земной* жизни, пойметъ великое ея значеніе и возьметъ себѣ святое водительство ею. Она пойметъ, что воля Господня должна быть осуществлена не только „на не-

беси", но и „на земли"; она вспомнитъ забытую „правду о землѣ" и, сознавъ смыслъ и значеніе богочеловѣчества Христа, выйдетъ на великое *общественное* служеніе.

Христосъ глава Церкви. Свободно вступившіе въ союзъ съ Нимъ, *всю* свою жизнь освѣтятъ Его свѣтомъ; *вся* ихъ жизнь будетъ церковной жизнью. Эмпирическая церковь будетъ внѣшнимъ храмомъ для внутренняго царствія Божія. Непреодолимая сила будетъ заключена въ этомъ полномъ единствѣ каждаго другъ съ другомъ и всѣхъ во Христѣ. Она дастъ надлежащее направленіе внутреннимъ мистическимъ процессамъ, которые въ міровой исторіи проявляются эмпирической своей стороной. Тогда и эта сторона, обусловливаясь измѣнившимся внутреннимъ содержаніемъ, также приметъ иной видъ.

И эту новую Церковь или, вѣрнѣе, забытую Церковь, тогда не трудно будетъ создать человѣчеству.

Оно выстрадаетъ себѣ вѣру въ безсмертіе, живую и пламенную. Вѣра въ дѣйствительную *жизнь* раскроетъ глубочайшій смыслъ и глубочайшую правду идеи всеобщаго воскресенія,—и все станетъ тогда полно высшаго непреходящаго значенія. А это опредѣлитъ и жизнь каждаго человѣка, какъ великій долгъ передъ Богомъ и подвигъ передъ людьми.

Все это съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ безсмертія, которое съ такою же неизбѣжностью должно быть сознано страдающимъ человѣчествомъ.

Я не буду касаться конкретныхъ *внѣшнихъ* формъ, какія приметъ тогда государство и вообще весь міръ. Это не входитъ въ мою задачу. А эти *общіе принципы* и создаютъ въ христіанинѣ непоколебимую вѣру, которую готовъ онъ исповѣдывать передъ всѣмъ слѣпымъ, языческимъ и лишь по названію христіанскимъ міромъ,—вѣру во Христа, въ святую соборную и апостольскую Церковь, въ „новы небеса и новы земли", которыя мы „въ обѣтованіи своемъ чаемъ, въ нихъ же правда живетъ".

. . . . . .

Въ заключеніе я позволю себѣ привести небольшую выписку изъ одного ненапечатаннаго разсказа.

Тамъ умирающій больной, обращаясь къ товарищу своему по гимназіи, врачу, лѣчащему его, говоритъ:

„Я утверждаю: если нѣтъ отвѣта на вопросъ, зачѣмъ нужна наша жизнь,—для человѣка съ логикой все пойдетъ на смарку!.. Даже непосредственное чувство должно разложиться... А гдѣ же мечты-то о лучшемъ будущемъ, идеальныя грезы?.. Вѣдь онѣ двигаютъ жизнь!.. Но ихъ приходится выбросить вонъ... Вотъ потому-то я и говорю, что отвѣтъ на этотъ вопросъ — все!

„И я ставлю этотъ вопросъ. Ни ты, ни кто другой не уйдетъ отъ него. Цѣль моей жизни его ставить. И вы никакими телефонами и паровыми машинами отъ меня не отдѣлаетесь, потому что вопросъ этотъ ставлю не я, а жизнь, которая летитъ въ бездну!

„Скажешь: старо, не ново! Конечно. Но я убѣжденъ,— почти прокричалъ Матвѣевъ,—что до меня никто такъ глубоко и такъ мучительно не переживалъ этого! И я вѣрю, что все, что я перестрадалъ, поможетъ мнѣ поставить передъ человѣчествомъ этотъ вопросъ въ новой силѣ и новой правдѣ!.. Міръ содрогнется отъ ужаса этой правды и... спасется!..“

Вал. Свенцицкій.

„Не то, не то...“

„Лишь то, что не было, но что могло бы быть...“

Роденбахъ.

Иванъ Ивановичъ умиралъ. Его отправили въ Крымъ. Первая догадалась объ этомъ Варя—его жена. Она сказала доктору, и докторъ, видя спокойствіе молодой женщины, тоже спокойно подтвердилъ ея догадку. Ваня уѣхалъ въ Крымъ и поселился на берегу моря. Варя обѣщала скоро пріѣхать къ нему, но вотъ уже мѣсяцъ прошелъ. Онъ все продолжаетъ съ каждымъ днемъ слабѣть, все труднѣе ему выползать изъ комнаты на берегъ моря... О Варѣ онъ уже давно старался не думать, давно онъ понялъ, что это не то...

„Нѣтъ, это не то!“—въ первый разъ сказалъ онъ съ волненіемъ, когда семи лѣтъ пришелъ исповѣдываться. „Нѣтъ, это не то!“—все твердилъ онъ, выходя съ матерью изъ церкви;—„не такъ надо бы!.. А какъ было бы легко и хорошо если бы!..“ И онъ не могъ докончить свои мысли. Передъ нимъ ясно проносилось *то другое,* но выразить, опредѣлить онъ не могъ.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ у берега моря и смотрѣлъ; смотрѣлъ все дальше и дальше, стараясь прозрѣть, стараясь заглянуть за горизонтъ... А море шумѣло и пѣнилось.

И вспомнилась ему зимняя ночь въ Москвѣ; онъ уже въ старшихъ классахъ гимназіи. На улицѣ тепло. Снѣгъ талый; сани безшумно скользятъ, только лошади фыркаютъ; извозчики переговариваются, съѣхавшись на углу двухъ большихъ улицъ. Фонари черезъ одинъ потушены. Онъ торопится домой, а мысли его гонятся одна за другой. Весь только что окончившійся вечеръ отры-

вочно, безсвязно толпится въ его головѣ: то выдвинется и прозвучитъ въ ушахъ фраза, сказанная въ началѣ, то заговоритъ какой-то другой, дорогой ему голосъ, заговоритъ робко, тихо, и всѣ его тихія слова выплываютъ вновь, опять, опять...

Да, онъ помнитъ теперь ясно. Вотъ онъ началъ читать. Все волненіе, колебавшее его до того времени, осталось далеко и казалось смѣшнымъ. Большой зеленый столъ; за нимъ собрались все молодыя, свѣжія, взволнованныя лица, читаютъ по ролямъ. Читаютъ „Короля Лира“, и онъ, Ваня,— король Лиръ. Онъ началъ мужественно... Потомъ вдругъ вспышка, пожаръ растетъ... Кентъ гордо и смѣло выступаетъ впередъ. Пламя загорается съ новой, пожирающей силой... Конченъ первый актъ, прошелъ второй; самъ онъ захваченъ трагедіей, и кажется ему, что и другіе тоже, и другіе этотъ вечеръ стали жить героической жизнью. Къ нему подходитъ хозяйка дома, спрашиваетъ, не устроить ли теперь чай, чтобы дать ему отдохнуть... „Какъ странно!“— кажется ему,—„неужели же это онъ самъ?..“ Онъ занимаетъ самое послѣднее мѣсто среди своихъ,—а тутъ, среди чужихъ, о немъ заботятся... Даже готовы измѣнить чаепитіе, сообразуясь съ его удовольствіемъ. Ему и неловко, и пріятно.

И вотъ четвертый актъ, гдѣ измученный, заброшенный, холодный и бездомный старикъ снова обласканъ, снова окруженъ царскими почестями. Лиръ узнаетъ свое дитя, свою Корделію.

Гей, музыка! Играйте громче!

— проговорилъ врачъ. И полились тихіе, пѣвучіе звуки. И чувствовалъ Иванъ Ивановичъ, что они наполняютъ его душу тѣмъ теплымъ горестнымъ чувствомъ, которое должно вырваться сейчасъ изъ измученной груди Лира. Онъ все забылъ тогда; онъ не могъ бы никогда повѣрить людямъ, говорившимъ про это состояніе,—и вотъ онъ самъ достигъ его, самъ все забылъ, и если не для другихъ, то для самого себя онъ былъ настоящимъ королемъ Лиромъ, Лиромъ сраженнымъ, плачущимъ отъ умиленья и радости.

И слышалъ онъ голосъ свой тогда, дошедшій до высшаго трагизма. Казалось, что душа переполнена...

И вотъ предѣлъ, за которымъ должна быть смерть; душа человѣческая не можетъ больше страдать:

О войте, войте всѣ вы, каменные люди!..

— застоналъ, закричалъ, зарыдалъ въ послѣдній разъ безумный великій Лиръ... Минута послѣдняго умирающаго великаго огня,—и задрожалъ онъ, и задрожалъ старческій голосъ, падаетъ голосъ, падаютъ руки, умираетъ Лиръ...

И какъ онъ жилъ, намъ долго бъ не прожить...

— говоритъ Албанскій герцогъ.

Рукоплесканій не было. Послѣ безмолвной паузы тихо, медленно зазвучалъ похоронный маршъ Шопена и слышался въ немъ

Плачъ неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью,
Рушенье свѣтлыхъ міровъ въ безнадежную бездну хаоса.

И тихо всталъ онъ и прошелъ туда, подальше, въ самую дальнюю комнату, а звуки неслись за нимъ; онъ сѣлъ въ глубокое мягкое кресло. Маршъ звучалъ все громче и рѣзче; разбитое, разорванное, великое чувство, великая мысль рвалась, билась и металась въ пламенныхъ аккордахъ...

. . . . . .
. . . . . .

Пѣнится море, набѣгаетъ на берегъ и носятся стихи въ въ головѣ усталаго человѣка:

То море, то синее море поетъ,
Разгнѣвано синее море;
Напѣвъ величавый растетъ и растетъ,
Какъ реквіемъ въ мрачномъ соборѣ...

Потомъ что было... Потомъ уже пошло не то, начались анекдоты, вкралась незамѣтно, казалось бы, никѣмъ непрошенная, пошлость. Вкралась и воцарилась... И напрасно старался онъ бороться: одинъ въ полѣ не воинъ, одинъ ничего не подѣлаешь. „Господа“ — хотѣлось ему сказать, — „вспомните, какъ было хорошо, когда мы Лира читали!..“— „Да, да“...—отвѣчали они...—„Ну, такъ давайте, давайте!..“ говорили они и начинали... Но нѣтъ...

Уходя домой, опять спѣша полутемной улицей, онъ твердилъ: „нѣтъ, это все не то... не то!..“—„Всегда это такъ“,

думалъ Иванъ Ивановичъ;—„если и мелькнетъ счастливая минута, свѣтлая, чистая, то только для того, чтобы освѣтить грязь, окружающую насъ, только для того, чтобы мы съ большей горечью могли почувствовать разногласіе мечты и жизни... А жить безъ мечты нельзя!..“

— „Да, это все не то... не то...“ гудѣло море.

...„А могли бы люди, если бы захотѣли, много дать другъ другу, могли бы... Да боятся они, что ли, или свѣчу свою ставятъ подъ спудомъ?.. А сами плачутъ о томъ, что они одиноки...“

— „Все это не то... не то...“ повторяетъ Иванъ Ивановичъ.—„Теперь все кончено. Жизнь пережилъ и поле перешелъ. Можетъ-быть, *тамъ* осуществится то, о чемъ говорила жизнь и чего она не могла дать...“

...„А, впрочемъ, почему бы въ послѣдній разъ не улыбнуться счастью, почему бы вонъ съ тѣмъ пароходомъ не пріѣхать Варѣ?.. И... и прожили бы мы съ ней послѣднія минуты настоящей жизнью, не боясь другъ друга, довѣряя, сливаясь душами въ одинъ могучій полетъ надъ землею...“

Думалъ онъ прежде, что, можетъ-быть, онъ дѣлаетъ ошибку, и надо проще относиться къ жизни, не искать въ ней этого особеннаго, не поддающагося описанію словами, а жить, какъ другіе живутъ. И онъ начиналъ такъ жить... Ходилъ въ гости, велъ разговоръ объ искусствѣ, осуждалъ современную политику, въ театръ ѣздилъ и, возвращаясь домой, старался убѣдить себя, что жизнь въ сущности вовсе не такъ плоха, какъ кажется, только надо побольше дѣла... И дѣло пришло. Иванъ Ивановичъ сталъ учителемъ. Преподавалъ литературу въ гимназіи. Исправлялъ по сорока тетрадокъ съ сочиненіями на тему: „Байронизмъ въ русской поэзіи“. Дѣла было много, дѣло поглощало всѣ силы.

Но это только казалось. Вѣчная сила лежала внутри и только иногда давала себя знать. Захватывала вдругъ, неожиданно, властвовала нѣсколько мгновеній надъ нимъ и бросала изломаннаго, пронесшись надъ нимъ, какъ ураганъ. И не зналъ бѣдный Иванъ Ивановичъ, когда налетитъ на него эта сила, а налетала она неожиданно, иногда среди улицы, иногда въ театрѣ, а иногда и среди урока.

Слова ея были все тѣ же, неизмѣнныя слова: *это все не то... не то...*

А какъ можно было бы, если бы люди захотѣли, если бы люди не боялись!..

И трепеталъ порою предъ нимъ этотъ сказочный, неуловимый огонекъ, и бросалъ все бѣдный человѣкъ, чтобы дать ему пищу, чтобы загорѣлся онъ могучимъ пламенемъ; не жалѣлъ онъ ничего, самыя сокровенные тайники души, весь свой горючій матеріалъ бросалъ въ жертву огоньку, надѣясь, что вспыхнувъ, онъ освѣтитъ и его темную дорогу и путь другихъ людей; но огонекъ дрожалъ и гасъ, а горючій матеріалъ истощался, и вмѣсто того, чтобы служить пищей истинному огню, валялся на грязной большой дорогѣ жизни... и сыпали на него прохожіе шелуху подсолнышковъ, топтали, плевали на него, поливалъ его дождикъ осенній, засыпали его мертвые, черные, гнилые листья... А могъ бы огонь горѣть!.. А теперь не то, не то... И больно это сознаніе, и чувствуешь свое ничтожество...

Шумитъ и шумитъ море. Носится передъ глазами картина другой прекрасной жизни... Вотъ только найди это великое слово и воплоти все призрачное!.. Но нѣтъ такого слова, нѣтъ его, а все, что есть кругомъ,—все это не то, не то...

Вотъ и пароходъ скрылся за скалой: онъ не привезъ Варю, конечно, нѣтъ. Она тамъ, ей хочется ѣхать сюда, но дѣла, дѣла задерживаютъ... А что такое дѣла? Существуютъ ли они? Почему все такъ несовершенно кругомъ, а заставляетъ думать о совершенномъ? Откуда я знаю это *то другое?* Всѣ мои знанія дала мнѣ только одна жизнь,—другого источника нѣтъ?.. У меня не было откровеній, святые ангелы не являлись ко мнѣ... Я никогда не слыхалъ блаженныхъ голосовъ, поющихъ о другой прекрасной жизни, гдѣ смолкнутъ вѣчно ноющія слова „это не то, не то!..“ Откуда знаю я, кто сказалъ мнѣ о раѣ?..

Иванъ Ивановичъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Уже давно онъ не могъ выходить на берегъ шумнаго моря; послѣдніе дни онъ не сходилъ даже съ балкона въ садикъ. Потомъ онъ слегъ въ постель и не поднимался:

только окно отворяли на цѣлый день. Силы покидали, а духъ крѣпъ. Теперь онъ твердо вѣрилъ въ то, что со смертью прекратится его исканіе, что со смертью откроются ему врата рая... А Варя все не ѣхала; она писала ему, что возится съ больными зубами, но скоро кончитъ и пріѣдетъ на весь конецъ лѣта къ нему.

„Ну, вотъ она пріѣдетъ“,—думалъ Иванъ Ивановичъ,— „и я скажу ей, что я радъ умереть; мнѣ, скажу, даже интересно: я тамъ все узнаю, тамъ я стану просвѣтленнымъ, тамъ откроется все непонятное! Да, эти послѣднія слова и будутъ моимъ великимъ земнымъ дѣломъ!.. Она скажетъ другимъ о моей вѣрѣ въ грядущее знаніе и хоть немногіе не будутъ бояться умирать!..“

. . . . . .

Вари Иванъ Ивановичъ такъ и не дождался. Похоронили его безъ нея. Она только послѣ пріѣхала.

— „Учитель-то чахоточный, — тамъ на горѣ-то жилъ,— нынче въ ночь померъ!“ — говорили въ булочной, куда каждый день, когда былъ еще на ногахъ, ходилъ Иванъ Ивановичъ за хлѣбомъ къ утреннему чаю.

— „Зачѣмъ ихъ, чахоточныхъ, только возятъ сюда?.. Не все ли равно, гдѣ помирать?.. Съ своими куда легче!..“

„Ахъ это все *не то, не то*!..“—шумѣло синее море...

Владиміръ Поливановъ.

Большіе люди.

Посвящается внуку моему Сергѣю Михайловичу Соловьеву.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не поймешь и не замѣтишь
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

Тютчевъ.

I.

Осень въ глухой подмосковной деревнѣ. Тусклое небо, обнаженный лѣсъ, подернутый туманомъ измороси. Изрытая дорога съ глубокими колеями замерзшей грязи гулко звучитъ подъ копытами идущаго съ водопоя озябшаго стада. Деревня тянется длинной полосой мимо большого господскаго пруда и порѣдѣвшаго сада и какъ-то жалко смотритъ своими растрепанными соломенными крышами. Только одинъ домъ зажиточнаго крестьянина сверкаетъ своей новой деревянной крышей, отличаясь отъ прочихъ построекъ своимъ домовитымъ, хозяйственнымъ видомъ. Передъ домомъ палисадникъ, тщательно огороженный плетнемъ, и въ немъ красныя кисти оголенной отъ листьевъ рябины сверкаютъ обмерзшими ягодами. Тусклое небо темнѣетъ при надвигающихся сумеркахъ. У воротъ дома хорошо обдѣланная досками завалинка. На завалинкѣ расположился парень

лѣтъ 17. На немъ синяя рубаха на выпускъ, сверху жилетъ съ большими мѣдными пуговицами и на ногахъ большіе новые сапоги. Мокрые волосы, подстриженные въ скобку, прилипли къ вискамъ и длинный носъ свѣтится, какъ наполированный. Очевидно, послѣ усерднаго мытья кипяткомъ въ печкѣ онъ вышелъ на холодокъ, не забывъ захватить большую новую гармонію. Онъ сидитъ и старается наиграть плясовую, которая у него не выходитъ, но вниманіе его по временамъ отвлекается, и онъ съ тревогой прислушивается къ отдаленному грохоту. Тѣмъ не менѣе, налаживанье плясовой снова поглощаетъ его вниманіе, какъ вдругъ рѣзкій грохотъ чего-то близкаго заставляетъ его оглянуться. Вдоль улицы скачетъ, прыгая по намерзшимъ кочкамъ, большая телѣга, среди которой стоитъ во весь свой огромный ростъ массивная, точно изъ дуба вырубленная фигура и, размахнувъ вожжами, быстро подкатываетъ и останавливается прямо около завалинки. Завидѣвъ гиганта, парень вскакиваетъ и со смущеніемъ прячетъ гармонію за спину. Вотъ вся телѣга покачивается на одну сторону, съ нея тяжело спрыгиваетъ дубовый гигантъ и, увидѣвъ парня, строго и пронзительно смотритъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей.

— Бери, что ли!—односложно произноситъ онъ. —Распрягай!—Парень хватается за хомутъ и не знаетъ, куда скрыть предательскую гармонію, которая, падая, издаетъ музыкальный вздохъ. Старикъ стоитъ и сверху внизъ неодобрительно смотритъ на смущеннаго внука; онъ цѣлой головой выше его.

— А сѣраго кормилъ?—снова произноситъ онъ строго. Парень смущается еще болѣе и, чувствуя свою вину, вдругъ принимаетъ нахальный видъ.

— Когда жъ мнѣ было!—отважно отвѣчаетъ онъ.

— Что-о-о?—грозно протягиваетъ старикъ.—Лошадь цѣлый день въ работѣ, а ты за гармонію? Ты у меня погоди, подмосковная ты сволочь!

— Да я что... я ей-Богу ничего,—растерянно-обиженнымъ тономъ бормочетъ внукъ и начинаетъ проворно и ловко распрягать лошадь.

— Не надо!—порывисто говоритъ старикъ и, схвативъ вожжи, снова вскакиваетъ въ телѣгу и подкатываетъ къ стогу сѣна, оставивъ оторопѣлаго внука. Онъ однимъ взмахомъ вскидываетъ цѣлую копну сѣна въ телѣгу и, ловко оборотивъ оглобли въ тѣснотѣ строеній, въѣзжаетъ во дворъ, гдѣ стоитъ сѣрый. Парень уже тутъ и силится показать свою расторопность, но дѣдъ наклонилъ телѣгу и сваливаетъ къ ногамъ сѣраго привезенную копну.

— Вотъ такъ-то люди работаютъ, учись, болванъ!—произноситъ онъ отрывисто.

— Мнѣ въ Благовѣщеніе - то ровно сто лѣтъ минетъ, а ты что? — Щенокъ!.. Но парень уже созналъ свою вину и стоитъ на вытяжку, разсматривая выпученными глазами потемнѣвшую, какъ старая бронза, закорузулую въ вѣчной работѣ, фигуру столѣтняго гиганта. Замѣтивъ покорность внука, дѣдъ вдругъ смягчается и, взглянувъ на валяющуюся среди навоза гармонію, самъ поднимаетъ ее. — На, бери, что ли! Небось, тоже деньги плачены! Парень подхватываетъ драгоцѣнный иструментъ, но дѣдъ уже исчезъ, и дверь избы наверху высокаго крылечка торчкомъ уже хлопнула. Парень съ облегченіемъ вздыхаетъ, — все спасено, и гармонія цѣла и дѣдъ „прикончилъ пужать глазами“, какъ говоритъ онъ самъ себѣ, ну, и слава Богу! А завтра праздникъ, загуляю вотъ какъ!— мечтаетъ онъ, и широкая улыбка расползается на лоснящемся лицѣ.

Съ большого застывшаго пруда поднимается туманъ, сквозь который просвѣчиваетъ розовая полоса догорающаго заката. На деревнѣ слышно мычанье загоняемаго стада и перекликанье зовущихъ ужинать бабъ. Рабочая пора миновала, и вездѣ на гумнахъ желтѣютъ золотистые скирды своженнаго съ полей хлѣба. Пока бабы управляются съ доеніемъ коровъ, мужики поодиночкѣ выходятъ изъ духоты избъ и усаживаются на завалинкахъ. Появляется и старикъ, но и тутъ онъ не безъ дѣла. Въ огромныхъ, закорузлыхъ рукахъ возится что-то очень маленькое, точно свертокъ какого-то тряпья, изъ котораго выглядываетъ сонными глазенками укутанная въ платокъ дѣтская головенка. Она кажется еще меньше въ этихъ огромныхъ рукахъ. Дѣдъ, осторожно придерживая ребенка, усаживается на за-

валинкѣ и, тщательно подоткнувъ платокъ, устраиваетъ его въ лежачемъ положеніи, при чемъ онъ немедленно засыпаетъ. Водворяется полная тишина, и на лицѣ старика нѣтъ уже и тѣни прежней строгости. Глаза его съежились и стали совсѣмъ маленькіе, окруженные мелкими, добрыми морщинками, и теперь весь онъ сосредоточенъ на спокойномъ снѣ ребенка.

Но вотъ дверь скрипнула, и на порогѣ показался другой гигантъ.

— Ты что ли, Сенька?—окликаетъ его старикъ, и глаза его окончательно съеживаются отъ удовольствія. Они усаживаются рядомъ и начинается тихая бесѣда. Сынъ въ крѣпости сложенія нисколько не уступаетъ отцу и кажется еще выше его ростомъ отъ соразмѣрности всѣхъ членовъ и очевидной непомѣрной силы, которая, придавая эластичную легкость его походкѣ, держитъ весь станъ необыкновенно прямо. Но самое рѣзкое отличіе сына отъ отца составляютъ глаза. У стараго они строгіе, темные и по временамъ сверкающіе, у сына странно голубые, какъ бываютъ только у дѣтей, цвѣта темныхъ незабудокъ. Добродушіе въ этихъ глазахъ какое-то неисчерпаемое, придающее особенный характеръ всему лицу.

— Ну, что, Сенюшка, отработались, слава Царю небесному!—говоритъ отецъ.

— Да ужъ что Бога гнѣвить, благодарить только надо,—отвѣчаетъ сынъ.

— Вотъ видишь ты, батюшка, хорошо вышло, какъ переселились мы съ тобой на здѣшнія мѣста, а ты ужъ какъ сумлѣвался на чужой-то сторонѣ.

— Какая же она мнѣ чужая! Сторону-то эту я зналъ еще, когда ты не народился; хоть и не здѣсь это было, а все же въ Московской губерніи, а здѣсь куда лучше. Земля здѣсь хорошая, что и говорить, а народъ вотъ! Охъ, что за народъ эти подмосковные! И что ближе къ Москвѣ, то хуже, избалованный народъ, воровской совсѣмъ! Не люблю я этого, смерть!

— Ну вотъ! Вездѣ народъ хорошій есть, не всѣ же вѣдь Бога-то забыли,—замѣчаетъ сынъ.—Нѣтъ, что говорить, житье здѣсь хорошее, коли ежели работать, какъ слѣдуетъ. А ты,

батюшка, небось, все-таки радъ, что на свою сторону опять попалъ на старости лѣтъ? Или ужъ забылъ, давно было, тебѣ вѣдь подъ сто лѣтъ?

— И то, въ Благовѣщеніе сотня-то минетъ. А чтобъ забыть,—нѣтъ ничего не забылъ, все помню, какъ тогда самъ убивался, какъ покойникъ баринъ молодой, царство ему небесное, всѣхъ насъ въ карты проигралъ, да на худую землю мы и попали тогда.

— Да неужто въ карты?.. Грѣхъ какой!— воскликнулъ сынъ.

— А то какъ же! Какъ есть проигралъ. Да и его-то тоже жалко даже было. Подпоили его, должно; компанія-то пьяная была, а онъ такой-то малодушный былъ, мальчишкой совсѣмъ послѣ отца съ матерью такое богатство получилъ; ну, и пошелъ чертить, да все имѣнье и спустилъ. А потомъ такъ-то убивался сердечный, даже жалости подобно. Вѣдь тоже семья ужъ была малъ-мала меньше, ты подумай-ка!

— Это точно, какъ не жалѣть!— сочувственно сказалъ сынъ.—Что жъ, такъ все имѣнье за карты и пошло?

— Нѣтъ, богатъ онъ прежде-то былъ, немного и тутъ осталось. Насъ-то безъ земли проигралъ, души, значитъ,—а самъ въ другое имѣнье переѣхалъ, гдѣ мой дѣдъ жилъ. Давно это было, еще тебя и на свѣтѣ не было. А дѣдъ-то мой не плоше тебя былъ, хорошій человѣкъ, правильный! И жилъ богато, работалъ, ухъ какъ! И семья у него была большущая, а работникъ самъ первый. Старенекъ былъ, какъ померъ, да и померъ хорошо, вотъ какъ хорошо, дай Богъ всякому такъ-то! Губернія, гдѣ онъ жилъ, хлѣбная была, хорошая, земля черная и никогда ее не навозили, какъ есть черноземъ, а у нихъ барщины не было, баринъ добрѣющій былъ, по оброку пускали.

— Это тотъ, что васъ въ карты проигралъ?

— Да, тотъ самый и есть! Онъ добрый былъ, только такъ, зрящую жизнь велъ. Такъ вотъ, у дѣдушки-то семь сыновей было, и такіе молодцы, не плошь тебя, Сенюшка; у насъ ужъ знать природа такая. И всѣ женатые, домъ большущій, работа такъ и кипѣла у нихъ. Работниковъ не держали, все сами управлялись и старикъ съ ними.

Росту онъ былъ большого, и къ старости словно желѣзный сталъ, а годовъ ужъ много ему было. Ну, вотъ рабочее самое время подошло, лѣтомъ страда, значитъ. А поля у нихъ далеко, ѣздили туда на лошадяхъ, да понѣсколько дней и жили въ полѣ. Ну, какъ на грѣхъ, въ самую-то страду вдругъ старикъ и разнемогся и лежитъ на лавкѣ, что твое дерево подрубленное, мочи нѣтъ, вотъ и все тутъ. А работать всѣхъ понукаетъ и лежитъ онъ въ избѣ одинъ одинешенекъ. Ѣсть, ничего не ѣлъ, а воду пилъ страсть сколько, велѣлъ ведро около себя на лавкѣ поставить и ковшъ, да все и пилъ. Только легче все нѣтъ, распалило его совсѣмъ. А самъ, знай, понукаетъ, чтобъ скорѣе хлѣбъ жали, а не то высыпится, жара была страсть, ну, и велѣлъ всѣмъ собираться, въ дальнее поле ѣхать. Мужики попрощались и уѣхали, а бабамъ на другой день уѣзжать, потому хлѣбы у нихъ и тоже лепешекъ какихъ для ребятъ напечь; всѣхъ маленькихъ матери съ собой забирали. Ну, вотъ, такимъ-то манеромъ и бабы собрались и пришли попрощаться. А ему, сердешному, такъ-то ужъ тяжко стало,—онъ и говоритъ: „Что жъ, лошади-то у васъ ужъ запряжены?“—„Нѣтъ,—говорятъ,—сейчасъ запрягать будемъ“.—„Ну, говоритъ,—подождите чуточку, дѣтки. А кто здѣсь останется?“ — „Ребятишки, которые побольше, они смыслятъ; коли что, ты позови, придутъ.“—„Ладно, говоритъ, только вотъ что я вамъ скажу. Одумался я, чую, смерть моя приходитъ, помру я въ скорости. Что жъ вамъ, бабенкамъ, развѣ вамъ со мной мертвымъ сладить. Небось, пудовъ десять во мнѣ и живомъ-то будетъ; надорветесь надъ мертвымъ-то, мертвое тѣло тяжелое. Ну, вотъ, ужъ вы не побрезгайте, родимыя, сейчасъ меня, пока живъ, вымойте, снарядите, какъ слѣдуетъ, а я кое-какъ самъ ужъ до передняго угла дотащусь, да и лягу подъ образами, какъ надо покойнику. И спокойно вамъ будетъ, ужъ дѣло сдѣлано, съ легкимъ сердцемъ поѣдете; такъ и мужикамъ скажите, что, молъ, все, какъ слѣдуетъ, сдѣлано“.

Сказалъ онъ это и ждетъ. Пришли бабы, обмыли его, какъ слѣдуетъ, онъ и самъ помогаетъ:—„вотъ тутъ, говоритъ,—ноги-то ишь ты, грязныя!“ Вымыли его хорошо. Рубаху новую, что на смерть была припасена, сапоги, и все,

какъ слѣдуетъ, на него надѣли. Всталъ онъ, за стѣнку цѣпляется, и прямо въ передній уголъ; перекрестился, помолился и легъ. „Ну, спасибо, говоритъ, за все спасибо, касатушки ласковыя! Живите по-Божьи, работайте, ребятъ берегите и Бога не забывайте; Онъ—милостивый Царь нашъ небесный". Ну, извѣстно, бабы ревмя ревутъ,—а онъ ничего, такой-то ясный сталъ. „Наработался, говоритъ, отдыхать пора, касатушки", и такъ-то любовно на нихъ поглядываетъ. „А только вотъ еще что, миткалецъ у меня тамъ въ сундукѣ, на саванъ припасенъ, покройте меня, какъ слѣдуетъ, и лампадку передъ Господомъ затеплите. А мнѣ образокъ Спаса Нерукотвореннаго въ руки суньте, родительское бл̀агословеніе, глядѣть на него буду. Да свѣчечку затеплите, къ чашкѣ можно прилѣпить ее, да въ чашку-то воды налейте, не ровенъ часъ упадетъ она, оборони Богъ, столъ бы не загорѣлся. Ну, вотъ такъ! Спасибо, бабыньки. Господь съ вами. Теперь поѣзжайте, только Дуньку мнѣ пришлите".

Попрощались бабы и уѣхали. Прибѣжала Дунька, внучка любимая, дѣвочка годочковъ шести, несмысленная еще совсѣмъ. Ну, онъ ее страсть какъ жалѣлъ, самъ и вынянчилъ,—ласковая была. Прибѣжала она веселехонько, и прямо къ дѣду на лавку лѣзетъ, а онъ и говоритъ: „Не лѣзь, дитятко, я къ смерти снаряженъ, только попрощаться съ тобой, ангельской душкой, хотѣлъ". А она и не понимаетъ ничего. „Что жъ ты,—говоритъ,—такой ряженый лежишь, словно въ праздникъ?"—„А то какъ же, къ Богу иду, нешто можно грязному-то?"—„А на что жъ волосы-то такъ расчесаны?"—Теребитъ она его глупая и рукой-то такъ по головѣ его похлопываетъ. А онъ поглядѣлъ на нее, даже усмѣхнулся, да говорить-то ему ужъ тяжко, только и сказалъ: „распречудесно!"—и ужъ глаза даже закрылись. Сама дѣвчонка потомъ и разсказывала, а она глупая, ничего не разумѣетъ; еще покойничковъ-то ей не доводилось видѣть; на дверь поглядываетъ, на улицу убѣжать ей хочется и думаетъ, что спитъ онъ. А онъ открылъ глаза, да и говоритъ: „Погоди, дитятко, вонъ видишь на стѣнѣ кафтанъ мой виситъ, взлѣзь на лавку, да изъ кармана два пятака достань и подай мнѣ". Она понятливая была, сейчасъ до-

стала и подала. А онъ и говоритъ: „Ну, теперь прощай! бѣги, что ль, дитятко, на улицу, играй,—только поглядывай въ окно; коли увидишь глаза у меня открыты, а самъ лежу смирнехонько, ты прибѣги, да вотъ такъ глаза-то мнѣ и закрой, да пятаки-то на нихъ и наложи!.. такъ и оставь!“— а самъ закрылъ глаза, показываетъ. „Поняла, чтоль?“— „Ладно,—говоритъ Дунька,—вотъ увидишь, какъ ловко все сдѣлаю!“ и сама—шмыгъ въ дверь, и ушла. И что жъ ты думаешь, вѣдь и вправду сумѣла, даромъ что махонькая!

Воротились мужики ужъ вечеромъ, не вытерпѣли, значитъ, идутъ въ избу, глядятъ,—а онъ лежитъ, сердешный, какъ живой, вытянулся, еще больше сталъ, самъ бѣлый да важный. Глаза закрыты, на нихъ пятаки положены и руки сложены на крестное знаменіе. Только свѣчурочка передъ Богомъ до конца догорѣла, да и потухла...

— Царство небесное! — произнесли оба собесѣдника и, перекрестившись, замолкли. Только младенецъ во снѣ улыбнулся.

А небо-то вызвѣздило отъ края даже и до края,—такъ и переливается. Морозъ порядочный.

— Чудны дѣла Твои, Господи! — заключилъ старикъ и всталъ.

II.

Прошла осень, наступила крутая, снѣжная зима. Замело дороги, нагромоздило сугробы и все сковало морозомъ. Зима настала ранняя и правильная, какъ говорилъ старикъ, надѣвая огромный, мохнатый полушубокъ и собираясь расчищать заваленную дорогу къ пруду, изъ котораго все населеніе деревни пользовалось отстоявшейся въ морозы водой. По всей деревнѣ слышался скрипъ отворяемыхъ воротъ и оживленный говоръ бабъ. Наканунѣ завтрашняго сельскаго праздника, Михайлова дня, бабы усердно суетились съ уборкой избъ и праздничной стряпней. Деревенская молодежь приготовляла наряды и съ увлеченіемъ готовилась къ веселостямъ среди тѣхъ переносныхъ лавочекъ, которыя въ Михайловъ день являлись неизвѣстно откуда и выставляли сомнительнаго качества сласти. Даже самъ дѣдушка на этотъ разъ благосклонно

смотрѣлъ на ненавистную прежде гармонію и вышитую алаго цвѣта рубашку, когда всѣ эти признаки будущаго торжества особенно ярко блестѣли, разложенные у облединѣвшаго окна.

Праздникъ, да еще храмовой! Великое это дѣло, цѣлый годъ мечтаетъ о немъ деревенскій людъ. И дѣдъ мечталъ не менѣе внука о предстоящихъ радостяхъ „всего міра“, какъ это называлось въ деревнѣ.

Но обычай требовалъ, чтобъ всѣ приготовленія были сдѣланы наканунѣ, а въ праздникъ одни удовольствія.

Программа праздничныхъ увеселеній соблюдалась, какъ нѣчто незыблемое и недоступное перемѣнамъ и нововведеніямъ, хотя она была очень несложнаго содержанія. Съ утра заутреня и обѣдня, гдѣ деревенская молодежь выставляла всѣ свои лучшіе наряды, а старухи и бабы тѣсной сѣрой толпой усердно крестились и клали земные поклоны. Послѣ возвращенія изъ церкви обѣдъ, центромъ котораго былъ огромный пирогъ, разсчитанный не по числу обѣдающихъ, а по состоянію домохозяина, и подходилъ по размѣрамъ подъ стать самому дѣдушкѣ, у котораго всего было вволю. Послѣ обѣда отдыхъ; спали всѣ, старые и малые, непробудно и долго, и въ избахъ водворялась полная тишина, прерываемая только единодушнымъ храпомъ. Проснувшись, всѣ выходили на улицу; старые и солидные люди усаживались на завалинкахъ, а молодежь гуляла во всю мочь и толпилась около заманчивыхъ лавочекъ. Вездѣ раздавались пѣсни, смѣхъ и звуки гармоніи, что и продолжалось до глубокой ночи, несмотря ни на какой морозъ.

И вотъ наканунѣ этого дня дѣдушка накрѣпко подпоясалъ свой мохнатый полушубокъ, заткнулъ за поясъ топоръ, взялъ въ руки лопату и ломъ и направился къ пруду продѣлывать застывшую и занесенную снѣгомъ прорубь. Каждый могучій ударъ лома отваливалъ огромную глыбу льда, и въ скоромъ времени подъ этими ударами образовалась глубокая и просторная поверхность воды, окруженная толстымъ слоемъ рыхлаго и скользкаго снѣга. Старикъ работалъ, не переводя духа, и такъ увлекся быстро подвигавшимся дѣломъ, что, не замѣтивъ талой

глыбы, не отдѣлившейся ото льда, размахнулся изо всей силы и смѣло ступилъ на нее всей тяжестью своей огромной, обутой въ непомѣрный валенокъ ноги. Ледъ затрещалъ, и старикъ тяжело рухнулъ въ воду, тщетно хватаясь за ледяные края проруби, гдѣ неудержимой силой теченія его захватывало и втягивало подъ ледъ. Но, сдѣлавъ нечеловѣческое усиліе, старикъ выпросталъ руку, схватилъ лежащій на краю тяжелый желѣзный ломъ, перекинулъ его черезъ продѣланное отверстіе и, ухватившись за него руками, вынырнулъ, вспрыгнулъ на затвердѣвшій ледъ и всталъ, встряхивая съ себя ледяную воду. „Вотъ такъ ловко!“ произнесъ онъ съ усмѣшкой. И хотя вода струилась съ него и превращалась въ ледяную кору, онъ тщательно осмотрѣлъ свою работу, поправилъ топоромъ мѣсто своей погибели и, подобравъ инструменты, неторопливой походкой направился къ своему дому.

При появленіи струящагося дѣдушки въ избѣ произошелъ краткій переполохъ, кончившійся всеобщимъ смѣхомъ, когда онъ въ шуточномъ видѣ разсказалъ то обстоятельство, что вотъ и онъ оплошалъ и влопался. „Какъ я хлянулся въ воду-то, словно лягушка!“ — повторялъ онъ неоднократно, находя это приключеніе болѣе забавнымъ, чѣмъ трагическимъ, и общій неудержимый хохотъ раздавался снова. А внукъ даже не безъ нѣкотораго злорадства слушалъ повѣствованіе, находя утѣшеніе въ томъ, что вотъ и самъ дѣдушка влопался.

— Да ну, скидавай, что ль!—понукала хозяйка.—Полъ-то вѣдь только что вымыла!—И старикъ, находя это совершенно основательнымъ, не торопясь, сбрасывалъ съ себя мокрые доспѣхи, не удаляясь, впрочемъ, отъ порога и оберегая вымытый къ празднику полъ.

— Зазябъ небось, на дворѣ-то стужа,—участливо замѣтилъ сынъ.

— Извѣстно не Петровки! — все еще съ усмѣшкой произнесъ старикъ.

— Ты бы на печку взлѣзъ, что ли.

— Вона! На печку! Что я баба, что ли, хворая!—произнесъ старикъ съ полнымъ презрѣніемъ къ такому бабьему средству.

И вотъ насталъ Михайловъ день, праздникъ! Вся семья, вставъ до свѣта, снарядилась къ заутренѣ; снарядился и дѣдушка. Онъ бодро шагалъ по снѣжной дорогѣ, опережая вереницей тянувшійся за нимъ народъ. Въ церкви сталъ на свое обычное мѣсто и, усердно кладя земные поклоны, достоялъ до конца длинной службы. Но, выходя изъ церкви вмѣстѣ съ народомъ, онъ вдругъ покачнулся и, къ общему удивленію, опустился и сѣлъ на ступеньку. Семья обступила его, и Семенъ съ замѣтнымъ испугомъ наклонился надъ старикомъ, который былъ такъ блѣденъ, что лицо, цвѣта старой бронзы, еще потемнѣло.

— Аль не можется?—съ тревогой спросилъ онъ.

— Ну вотъ, такъ что-то попритчилось, — произнесъ старикъ и, съ трудомъ поднявшись на ноги, побрелъ по дорогѣ.

Придя домой, вся семья усѣлась за столъ, пока хозяйка суетилась, нарѣзывая огромные куски пирога. Сѣлъ за столъ и дѣдушка. Но просидѣлъ не долго; лицо его было опущено. И вдругъ, порывисто вставъ съ мѣста, онъ направился къ печкѣ.

— Тебѣ чего? Поѣшь пирога-то! — озабоченно сказалъ Семенъ, украдкой поглядывая на него подозрительно.

— Не стану!—коротко отвѣчалъ старикъ и остановился. Онъ какъ будто что-то обдумывалъ и, вдругъ рѣшившись, распоясался, и торопливо полѣзъ на печку. Сидѣвшіе за столомъ съ тревогой переглянулись. Семенъ уже стоялъ у печки и въ добродушныхъ глазахъ его понемногу набѣгали слезы.

Итакъ, несокрушимый старикъ залегъ на печку! Неслыханное и невиданное это событіе нарушило не только праздничное настроеніе, но и весь домашній обиходъ жизни. Онъ лежалъ изо дня въ день и ни на что не жаловался, только во снѣ стоналъ, и тогда Семенъ, не смыкая глазъ, слѣдилъ за преобразившимся лицомъ отца. Прежній гигантъ сталъ неузнаваемъ; очевидно, невидимая смерть уже стояла надъ нимъ.

— И съ чего бы, кажется, приключилось надъ нимъ?— шептались бабы.—Сглазили недобрые люди!—рѣшили онѣ и только вздыхали о томъ, какъ убивается Семенъ.

Втайнѣ отъ него хозяйка призывала и извѣстную во всемъ околоткѣ знахарку; ужъ она и шептала и наговаривала, а легче все нѣтъ,—только платокъ выпросила, да 30 копеекъ уплатила баба, свои кровныя 30 копеекъ, такъ какъ Семену Григорьевичу и заикнуться нельзя было о такомъ грѣхѣ,—только и скажетъ: „Бабы вы, разума у васъ нѣтъ, а что отъ Бога положено, то и будетъ.

Долго, долго хворалъ старикъ, хворалъ и молчалъ. Только испить попроситъ; почти что не ѣлъ. Семенъ подастъ ему ковшъ съ водой, а у самого даже руки трясутся и такими глазами смотритъ на старика, какъ будто всю свою силу хочетъ въ него переложить,—но тоже молчитъ, ни о чемъ не спрашиваетъ. Отъ Бога положено, Его святая воля, ничего не подѣлаешь.

Тишина въ домѣ настала полная и даже гармонія куда-то безслѣдно исчезла, и обладатель ея, Васютка, какъ-будто забылъ завалинку, но по вечерамъ, выкравшись изъ избы, тоже куда-то исчезалъ. По всей деревнѣ разнеслась вѣсть, что дѣдушка залегъ на печку. Это небывалое событіе сначала послужило темой безчисленныхъ разговоровъ и бабьихъ сочувственныхъ вздоховъ, но мало-по-малу разговоры утихли и перешли на другое.

А старикъ все лежалъ на печкѣ, не жилъ и не умиралъ, онъ просто лежалъ и упорно молчалъ. Сначала былъ въ забытьѣ и безсвязно бредилъ, а потомъ пришелъ въ себя и, молча, что-то напряженно обдумывалъ. И вдругъ,—это было уже послѣ Рождества,—дѣдушка неожиданно заговорилъ.

Это было такъ. Рабочія, никогда не отдыхавшія руки Семена были заняты вырѣзываньемъ рѣзьбы для украшенія чьего-то дома. Онъ былъ и плотникъ—и въ зимнее время подготовлялъ то, что понадобится при постройкѣ весной. Слѣдя глазами съ печки за его ловкими руками, старикъ вдругъ подозвалъ его къ себѣ. Скрипъ инструментовъ замолкъ, и Семенъ очутился на печкѣ, гдѣ подпиралъ головой потолокъ въ сидячемъ положеніи. „Чего тебѣ, родимый?“ — сказалъ онъ ласково, какъ говорятъ дѣтямъ,—„Аль чего хочешь? Ты скажи, все сдѣлаю, самъ знаешь!“

Старикъ слабо улыбнулся, протянулъ костлявую, совершенно желтую руку и тихонько погладилъ его по плечу.

— И то хочется, сынокъ, вотъ какъ хочется! Только вѣдь пустое все приходитъ на мысль у хвораго,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ.— Вотъ я и надумалъ... Ужъ и не знаю, какъ сказать-то... А только вотъ объ этомъ и мысли всѣ! А ты скажи, коли нельзя-то этого!

Семенъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ и молчалъ.

— Ну, такъ вотъ и хочу я тебя попросить, — продолжалъ старикъ, — можетъ, блажь одна, такъ ты такъ и скажи... Время теперь пустое думается мнѣ, работа не спѣшная, по хозяйству большихъ дѣловъ нѣтъ, такъ вотъ я и надумалъ. Не сработаешь ли ты мнѣ, покудова-что, гробъ дубовый, да только долбленый изъ цѣльнаго дуба, какъ у дѣдушки покойнаго, царство небесное! Страсть какъ мнѣ хочется,—а только вѣдь, можетъ, блажь и есть! Ну, гдѣ ты въ здѣшней сторонѣ такой дубъ-то найдешь? Ты смѣряй-ка меня, въ плечахъ-то косая сажень будетъ; конечно, вѣдь можно и изъ досокъ сколотить, ну, только страсть какъ мнѣ хочется долбленый...

— И дубъ найду, и выдолблю, ты не сумлѣвайся. Что жъ ты прежде-то не сказалъ, зачѣмъ таился, родимый?— сказалъ Семенъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Да такъ вотъ, словно совѣстился, вѣдь и вправду блажь одна! Да гдѣ ты дубъ-то такой найдешь? Лѣса здѣсь молодые, повырубленные... Аль на примѣтѣ есть?

— Есть, есть, какъ не быть! Ты не думай, батюшка, найду!

— А можетъ, дорого?—съ тревогой спросилъ старикъ.

— И ничего тебѣ недорого, поторгуюсь, лишняго не дамъ.

— Ну, спасибо, сынокъ, вотъ уважилъ старика!.. А ты вотъ что; какъ долбить-то станешь, ты вотъ тутъ и работай, чтобъ я видѣлъ, да радовался, а то вѣдь скучно такъ-то лежать.—И онъ указалъ высохшимъ пальцемъ въ тотъ уголъ, гдѣ должна происходить работа.

— Ладно,— все сдѣлаю, а ты ужъ лучше усни. Поговорилъ, да и усталъ ужъ, родимый!

— А и то усну! Теперь и уснуть-то хорошо, — сказалъ старикъ, и дѣйствительно, почти сейчасъ же безмятежно заснулъ, какъ ребенокъ, крѣпкимъ, покойнымъ сномъ.

Долго и крѣпко спалъ старикъ, отдыхая отъ тревожной и, какъ ему казалось, неисполнимой мысли. Поглядывала Настасья Семенова, хозяйка, съ тревогой прислушиваясь къ тихому и ровному дыханію старика.—„Словно младенецъ!“— говорила она,—„вѣдь когда еще уснулъ! Бѣлый день былъ, въ ночь знать пошелъ! Точка въ точку, какъ Ѳедюшка мой! То-то старый да малый—все одно!“

И не видѣлъ старикъ, какъ Семенъ, убравъ инструменты, взлѣзъ снова на печку, всматриваясь въ осунувшееся, но теперь совершенно спокойное лицо отца, потомъ вышелъ на дворъ и, надѣвъ тулупъ, зашагалъ по дорогѣ. Находившійся въ это время на дворѣ Васютка получилъ строжайшее приказаніе отца смотрѣть за домомъ, не отлучаться зря и ровно черезъ два дня, въ пятницу, выѣхать на парѣ, запряженной гусемъ, на станцію желѣзной дороги, къ тому поѣзду, который приходитъ изъ Твери. Васютка слушалъ приказаніе отца съ выпученными отъ удивленія глазами и широко открытымъ ртомъ. Но дисциплина, учрежденная дѣдушкой, не допускала праздныхъ вопросовъ,—и такъ и остался Васютка въ недоумѣніи съ разинутымъ ртомъ.

Ровно черезъ два дня, въ пятницу, заскрипѣли всегда накрѣпко запертыя ворота, и во дворъ въѣхала пара, запряженная гусемъ, а за ней шелъ пѣшкомъ, какъ огромный сугробъ, занесенный снѣгомъ, Семенъ съ обледянѣвшей бородой. Одинъ Васютка сидѣлъ на облучкѣ и правилъ мудреной упряжью гусемъ. Съ лошадей валилъ паръ, онѣ тяжело дышали. А обледянѣвшій человѣкъ, сбросивъ тулупъ съ насѣвшимъ снѣгомъ, ухватился руками за неимовѣрно тяжелую дубовую колоду и, стащивъ ее съ низкихъ саней, безъ всякой посторонней помощи взвалилъ на свои могучія плечи и своей обычной эластичной походкой сталъ подниматься по крутымъ ступенямъ избы.

Съ печки свѣсилась сѣдая, сильно обросшая старческими кудрями голова, и радостный возгласъ привѣтство-

валъ не то сына, не то непомѣрно толстую колоду, несомую на плечахъ гиганта.

— Сенюшка! Дитятко ты мое! Желанный ты мой!—восклицалъ старикъ въ полномъ упоеніи.

Сенюшка съ грохотомъ опустилъ на полъ привезенное сокровище, не забывъ предварительно столкнуть ногой мѣшавшую тяжелую лавку, и обрубокъ, загородивъ весь уголъ, очутился на томъ самомъ мѣстѣ, которое указывалъ старикъ для полнаго своего удовольствія.

Не многосложны были разговоры между отцомъ и сыномъ, но старикъ видимо повеселѣлъ, спалъ спокойно и даже по временамъ требовалъ пищи, которая ограничивалась, впрочемъ, однимъ молокомъ.

Не мало тужила Настасья, предлагая горяченькихъ блинковъ; получивъ въ отвѣтъ, „что душа не принимаетъ“, она только вздыхала и снова повторяла: „Что жъ въ немъ, въ молокѣ-то одномъ?.. Ну, словно младенецъ, все одно!“

Работа между тѣмъ началась и закипѣла въ ловкихъ рукахъ Семена. Снявъ мѣрку съ отца, а потомъ съ себя, отецъ и сынъ рѣшили, что одинаковый отецъ отъ старости осѣлъ книзу, а какъ будетъ покойникомъ, вытянется и, слѣдовательно, примѣряться въ долбленое дно можетъ Семенъ, что онъ и дѣлалъ постоянно, когда на старика находило сомнѣніе. Дубъ былъ твердый, какъ камень, инструменты ломались, но дѣло все-таки подвигалось быстро. Уголъ наполнялся стружками и форма гроба уже ясно обрисовывалась, что сильно занимало дѣдушку и забавляло Ѳедюшку, который спотыкающимися ножонками подбѣгалъ къ отцу и, протянувъ пухлыя ручонки, настойчиво просился въ гробъ. Чтобы усмирить разбушевавшагося ребенка, мать сажала его въ гробъ, и дѣдушка, смотря съ печки, умиленно смѣялся надъ несмысленностью внука, а Семенъ, расчистивъ отъ стружекъ уголокъ въ изголовьѣ, устраивалъ ему игру въ чурочки и говорилъ матери: „не трожь, поиграетъ,—и батюшкѣ веселѣе, и мнѣ спокойнѣе,“

А время шло. Часы, привѣшанные на гвоздикѣ противъ печки, неумолимо тиликали, унося въ вѣчность все прошедшее. Успокоенный старикъ слѣдилъ за ихъ тили-

каньемъ, не мудрствуя лукаво, но и не забывая о вѣчности и лучшей жизни, хотя и не могъ себѣ представить ничего лучше своей настоящей жизни.—„Такой сынъ!.. Правильный человѣкъ!..Такая славная бабенка... Младенецъ растетъ весь въ отца!.. Да и Васютка, что жъ, чѣмъ онъ плохъ? Только еще молодо-зелено, а вѣдь и онъ славный, выровняется, правильный будетъ парень. Всѣ по-Божьи живутъ и хозяйство исправное. А все отъ Бога, Ему и благодареніе Царю небесному. И на все власть Божья... Пожилъ человѣкъ, поработалъ, отъ худыхъ дѣлъ Господь оборонилъ! Ну, и да будетъ Его святая воля!“—размышлялъ успокоенный старикъ и сладко засыпалъ въ полномъ умиротвореніи своего младенческаго сердца.

И вотъ сквозь замерзшее оконце свѣтитъ яркое зимнее солнце; вся изба имъ пронизана. Настасья возится у печки, вынимая большую ковригу горячаго хлѣба, сладкій запахъ котораго слышится даже въ сѣняхъ. Семенъ строгаетъ такъ, что только щепки летятъ; младенецъ забавляется, ползая въ широкомъ, просторномъ гробу. Чего жъ еще?.. И старикъ смотритъ на свои, теперь совершенно прозрачныя, праздныя руки: „Ничего, поработали безъ мала сто лѣтъ!“—думаетъ онъ съ полнымъ удовлетвореніемъ исполненнаго долга. А время все идетъ,—и весь гигантъ превращается въ призракъ, и уже самое дыханіе становится затруднительнымъ. И не только желанная программа сельскаго праздника не исполнилась для старика, но и Рождественская прошла безслѣдно,—а онъ все еще живъ. Поглядываетъ на работу сына и сладко улыбается: скоро, скоро готовъ будетъ, какъ разъ поспѣетъ! На этомъ только ожиданіи и держится вся жизнь старика.

А вотъ уже и постъ Великій. Лѣзетъ Настасья на печку съ чашкой молока. „Нельзя! Ишь ты, скоромное! Грѣхъ!“ И молоко прекращается, настаетъ одна вода съ размоченнымъ въ ней сухаремъ, ибо сказано: „хлѣбъ нашъ *насущный* даждь намъ днесь“. А силы день ото дня ослабѣваютъ.

— Сенюшка! Иди ко мнѣ, дитятко!— едва произноситъ старикъ. Онъ уже не можетъ болѣе свѣсить голову съ печки и не видитъ работы.

— Готово! Гляди!—восклицаетъ Семенъ. Старикъ употребляетъ неимовѣрныя усилія, чтобы повернуть голову, и глядитъ. Гробъ совершенно готовъ и даже украшенъ рѣзьбой.—„Какъ разъ впору!“—говоритъ Семенъ и въ доказательство ложится въ него самъ и смотритъ снизу вверхъ на улыбающееся лицо старика.

— Ну, вотъ, спасибо, родимый! Какъ разъ потрафилъ!—слабо лепечетъ старикъ.

— А ты, сынокъ, пойди-ко ко мнѣ поближе!.. Говорить-то мнѣ трудно, а нужно сказать. Вотъ что, родимый... Могилу-то самъ, что ли, станешь копать? Земля мерзлая, не сладишь, пожалуй; надо бы позвать кого.

— Вона, — не слажу?.. Выкопаю!— говоритъ сынъ успокоительно.

— То-то, то-то, я и думаю... А то боюсь, коли народъ позвать,—осудятъ, скажутъ, шутка ли на такого!.. Вѣдь цѣлый погребъ рыть! А вѣдь оно осуждать-то грѣхъ... На что жъ человѣка въ грѣхъ вводить...

— Не сомнѣвайся, самъ и выкопаю!—увѣряетъ Семенъ, отвертываясь, чтобы скрыть готовыя брызнуть слезы.

— Ну, а какой крестъ поставишь?

— Извѣстно, дубовый, самъ же и сдѣлаю! У меня тамъ заготовлено, тоже привезъ тогда.

— Болѣзный ты мой, обо всемъ твоя забота, спасибо, дитятко! Вотъ какъ буду за тебя, моего сердечнаго, Бога молить! А теперь вотъ еще что, Сенюшка, съѣзди-ка ты за попомъ.

— Нѣшто тяжко тебѣ? Ты бы уснулъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь не уснуть, гдѣ уснуть! Тоска къ сердцу подступаетъ, должно, душа съ тѣломъ разстается. И самъ думалъ, до ста дотяну, маленько осталось... А гдѣ жъ дотянуть? Можетъ, до разсвѣта доживу... И то нѣтъ, только до сумерекъ... А ты, Сенюшка, осиль-ка меня, стащи съ печки, да на лавку и положи,—способнѣе попу будетъ исповѣдывать.

И вотъ два великана обнялись,—и безъ всякаго усилія, держа въ объятіяхъ, какъ ребенка, Семенъ бережно снимаетъ это могучее прежде тѣло и укладываетъ на лавкѣ подъ образами.

Все, что касается этого событія и желанія старика, онъ исполняетъ обдуманно, съ необыкновенной точностью и, уѣзжая за попомъ, строго приказываетъ Васюткѣ ни подъ какимъ предлогомъ не отлучаться изъ дома, а Настасьѣ умыть и прибрать отца къ пріѣзду попа.

Изба прибирается. Въ окно надъ головой дѣдушки заглядываетъ, сверкая въ снѣжныхъ блесткахъ, яркое зимнее солнце, и дѣдушка, протянутый во всю лавку, лежитъ, весь бѣлый, и совершенно спокойно вглядывается въ виднѣющееся голубое далекое небо.

— Настасьюшка! — говоритъ онъ, наконецъ, какимъ-то робкимъ, непривычнымъ голосомъ, — поди сюда, родная!

Настасья утираетъ глаза фартукомъ и со всѣхъ ногъ бросается къ старику.

— Ты, родимая, меня прости, коли что! Не ровенъ часъ когда и худое слово сказалъ! Передъ Богомъ сегодня предстану, во всемъ отвѣтъ дамъ.

— Богъ тебя прости! — едва можетъ навзрыдъ выговорить баба и ничего больше не можетъ сказать.

— А Васютка гдѣ? Да вотъ онъ! Подойди ко мнѣ, болѣзный! Вотъ что я тебѣ скажу. Работай для семьи, отца съ матерью почитай, и, пуще всего, Бога не забывай, а меня грѣшнаго прости Христа ради! Обидѣлъ я тебя тогда шибко, въ сердцахъ былъ, ну, и обидѣлъ, слово такое непригожее сказалъ, не шутка вѣдь, — подмосковной сволочью обозвалъ,—и большой грѣхъ на душу принялъ; и тебя, и народъ православный обидѣлъ. Такъ ты прости Христа ради въ мой смертный часъ!

Но Васютка даже и того, что сказала мать, выговорить не въ состояніи; онъ просто громко заревѣлъ, припавъ лицомъ къ ногамъ дѣдушки.

Но вотъ ворота заскрипѣли, дѣдушка истово перекрестился, и въ избу вошелъ старенькій, ветхій священникъ въ подрясникѣ мышинаго цвѣта. Семенъ показался въ дверяхъ и, только сдѣлавъ знакъ, чтобы всѣ вышли, одинъ остался, какъ на часахъ, у притолоки.

Началась исповѣдь, но продолжалась она недолго. Старикъ заметался, стараясь вспомнить всѣ свои грѣхи до одного во всю столѣтнюю жизнь, и съ полнымъ покаяніемъ при-

знался, что память измѣнила ему,—можетъ, грѣхи тяжкіе забылъ. Но ветхій батюшка, благодушно сказавъ нѣсколько напутственныхъ словъ, приступилъ къ святымъ дарамъ. Лицо старика прояснилось, и онъ принялъ ихъ уже совершенно спокойно и радостно, и въ глазахъ его засвѣтилось дѣйствительно неземное счастье.

Когда все кончилось, онъ вдругъ засуетился и, потянувъ трепещущую руку къ полкѣ, которая была тутъ же, у его изголовья, взялъ маленькую книжку и смиренно подалъ ее священнику: „Въ поминаньице впиши, родимый, раба Божьяго Григорья! Помяни Христа ради грѣшную душу!“ сказалъ онъ.

Священникъ принялъ книжку и, просматривая ее, началъ вслухъ произносить имена записанныхъ усопшихъ. „Раба Божія болярина Димитрія“—произнесъ онъ и остановился. „Это кто же будетъ?“ спросилъ онъ.

— А баринъ нашъ покойный, царство небесное!—При этихъ словахъ Семенъ отслонился отъ притолоки и вопросительно взглянулъ на отца.

— Да, сынокъ, тотъ самый и есть. Согрѣшилъ онъ тогда шибко,—помолиться надо о грѣшникѣ; а самъ добрѣйшей души былъ человѣкъ, никого не тѣснилъ, и дѣдушку покойнаго по оброку пускалъ. Царство ему небесное.—Старикъ хотѣлъ перекреститься, но уже не могъ. Глаза его закрылись и поднятая рука безсильно упала на грудь.

Священникъ наклонился, пристально взглянулъ на изможденное лицо, покачалъ головой и сунулъ книжку въ карманъ. „Отходитъ!“—прошепталъ онъ и, перекрестившись, вышелъ изъ избы.

Семенъ стоялъ, какъ окаменѣлый, и даже провожать попа не пошелъ.

Но слово священника не сбылось. Старикъ снова открылъ глаза и сдѣлалъ едва замѣтное движеніе рукой; взглядъ его устремился на сына, онъ усиленно вздохнулъ и едва слышно произнесъ: „Спасибо, родименькій, за все спасибо... Ишь гробъ-то, точь въ точь какъ у дѣдушки!..“

И это были его послѣднія слова. Онъ умильно взглянулъ на гробъ, потомъ на сына... Глаза его засвѣтились какой-то мгновенной вспышкой, блеснули и закрылись навѣки...

Ну, и что же?—Да ничего больше. Семенъ выкопалъ могилу въ настоящій погребъ безъ посторонней помощи. Грамотный Васютка всю ночь читалъ псалтырь надъ покойникомъ, а отецъ сидѣлъ, положивъ голову на сжатыя руки, и всю ночь не сомкнулъ глазъ. И вотъ старика положили въ долбленый гробъ, точь въ точь какъ у дѣдушки, и самъ Семенъ закопалъ его. Крестъ выросъ только къ веснѣ; онъ былъ гигантскаго роста и весь раскрашенъ масляной краской. Все пришло въ свой прежній порядокъ. Только Настасья не сушила глазъ и по секрету разсказывала бабамъ, какъ „съ того самаго раза“ Семенъ взлѣзаетъ на печку,—чего прежде никогда съ нимъ не бывало,—и шибко тужитъ, припавъ головой къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ старикъ. Но это была глубочайшая тайна, извѣстная только ей... Грѣхъ это, потому что вѣдь Божья воля... Богъ далъ, Богъ и взялъ!.. А ужъ какъ осунулся, сердешный, ужъ какъ осунулся!.. Даже отъ ѣды отбило...

Въ заключеніе можно только прибавить, что Васютка не посрамилъ семейной традиціи, выросъ въ сажень ростомъ и изъ разини и деревенскаго франта преобразился въ могучаго великана и неустрашимаго воина. Его взяли въ солдаты и отправили на Дальній Востокъ. А когда Семену кто-то посовѣтовалъ освободить сына отъ рекрутчины незаконными путями, онъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе и твердо рѣшилъ: „Что отъ Бога положено, тому и быть“. Онъ безтрепетно благословилъ сына исполнить долгъ до конца и положить животъ свой за вѣру и отечество. Проводивъ сына, онъ работалъ теперь за троихъ и упорно молчалъ. Настасья снова убивалась, ходила по богомольямъ и ждала извѣстій съ войны; глаза ея никогда больше не просыхали. А когда кто-то участливо спросилъ Семена: „А что Настасья?“—онъ смущенно потупилъ голову и дрогнувшимъ голосомъ произнесъ только одно слово: „Мать!“..—при чемъ одинокая, непокорная слезинка сверкнула и покатилась по ввалившейся щекѣ, выдавъ тайну крупной человѣческой души и бездонной глубины ея страданія.

с. Дѣдово.
іюль 1904 г.

А. Коваленская.

Дѣва Назарета.

Поэма.

I.

Возрастъ послѣдній уже насталъ по Кумейскимъ вѣщаньямъ,
Новыхъ великихъ вѣковъ чреда зарождается нынѣ.
Вотъ ужъ и Дѣва грядетъ, грядетъ и Сатурново Царство,
Новое племя уже съ небесъ посылается горнихъ!..
Вергилій, IV эклога.

Предъ нимъ склонился Римъ. Чужія племена
Увидѣли, что онъ Юпитеромъ отмѣченъ.
Междоусобная окончена война,
Отнынѣ прочный миръ народамъ обезпеченъ.

Диктаторъ, консулъ онъ, трибунъ, верховный жрецъ,
Неравный никому въ своей великой славѣ,
Разноплеменныхъ странъ властитель и отецъ,
Вчера съ Антоніемъ боровшійся Октавій.

Доспѣхи брошены, и, заключенъ въ ножны,
Виситъ безъ дѣла мечъ, оставленный и ржавый;
Молчатъ провинціи, разбои смирены,
И Цезарь властвуетъ надъ крѣпкою державой.

Столица празднуетъ забвеніе тревогъ,
На бѣлыхъ статуяхъ благоухаютъ розы,
И въ храмѣ предстоитъ Октавій-полубогъ,
Онъ — наканунѣ дня своей апоѳеозы.

И боги новые текли со всѣхъ концовъ
Въ столицу Августа. Покинувъ пирамиды,
Явилась въ Римъ толпа угрюмыхъ мудрецовъ,
Хранившихъ таинства божественной Изиды.

Въ окнѣ святилища едва блѣднѣлъ разсвѣтъ,
Великій жрецъ гадалъ по книгѣ вѣщихъ знаковъ...
Когда же прочиталъ таинственный отвѣтъ,
Упалъ предъ идоломъ, испуганно заплакавъ.

II.

Victa jacet Pietas, et Virgo caede madentes
Ultima caelestum, terras Astraea reliquit.

Ovidius, Met. II.

На дороги покатыя
Солнце смотритъ, алѣя;
Стройно высятся статуи
Въ кипарисной аллеѣ.

Вотъ народъ возвращается
По домамъ вереницей.
На носилкахъ качается
Горделивый патрицій.

Зелень благоуханная
Обвилась по аркадамъ,
Брызжетъ пѣна фонтанная
Серебристымъ каскадомъ.

Надъ уснувшими парками,
Надъ густыми садами,
Надъ изящными арками
Небо блещетъ звѣздами.

Меркнутъ краски закатныя,
Стихъ на улицахъ гомонъ.
Вспоминалъ времена невозвратныя,
И о вѣкѣ мечталъ золотомъ онъ:

„Золотую росу
„Дубъ медвяный не точитъ,
„И въ священномъ лѣсу
„Лишь источникъ рокочетъ...

„Зародилась вражда
„Средь людскихъ поколѣній,
„Отлетѣлъ навсегда
„Мира ласковый Геній...

„И жестокъ человѣкъ,
„Въ преступленьяхъ старѣя;
„Отлетѣла навѣкъ
„Дѣва правды, Астрея...“

Вечеръ гасъ и блѣднѣлъ,
Опускался туманъ,
И безъ устали пѣлъ
Серебристый фонтанъ.

III.

Не Изида трехвѣнечная
Ту весну имъ приведетъ...

Въ лучахъ сіялъ небесный сводъ,
На берегу дымился кратеръ.
По ярко синей глади водъ
Везли богиню Magna Mater.

Но вотъ въ мгновеніе одно
Померкъ веселый блескъ лазури,
Бѣжитъ поспѣшнѣе судно,
Почуя приближенье бури.

Толпятся люди въ полутьмѣ,
На кораблѣ рыданья, визги...
Въ лицо стоящимъ на кормѣ
Летятъ соленой пѣны брызги.

Оторванъ руль, трещитъ корма,
Темнѣе небо и враждебнѣй...
И пѣны бѣлая кайма
Блеститъ во мглѣ на вставшемъ гребнѣ.

Спасенья нѣтъ, всему конецъ!...
Разорванъ парусъ... Въ страхѣ бросилъ
Молитву шепчущій гребецъ
Въ морскую пасть обломки веселъ.

Дрожащей молніи зигзагъ
Блеснулъ мгновенно и потухнулъ,
Смѣшалось все, и въ бурный мракъ
Кумиръ богини съ трескомъ рухнулъ...

. . . . . .

Въ сіяньи розовой звѣзды
Легли серебряныя росы,
Впивались въ зеркало воды
Песка желтѣющія косы;

Недвижна гладь вечернихъ водъ,
Горитъ заря, дымится кратеръ,
Сиренъ рыдаетъ хороводъ
Тамъ, гдѣ погибла Magna Mater...

Солнце спустилося низко,
Въ волны лучами упало,
Пурпуръ вечерняго диска
Въ зыбяхъ зеленыхъ купало.

Моря поверхность тиха,
Росы вечернія капали...
Звонкая пѣснь пастуха
Смолкла въ уснувшемъ Неаполѣ.

Въ блѣдныхъ волнахъ замерла
Дѣвъ одинокая жалоба...
Мѣрно качаясь, плыла
Судна разбитаго палуба.

И берегъ съ пальмами дремалъ,
Морская птица не рыдала,
Весь міръ грядущему внималъ,
И берегъ ждалъ, и море ждало...

IV.

„Сѣмя жены сотретъ главу змія.“

Бытіе III.

Долина сонная у Іорданскихъ водъ
То волнами текла, то становилась глаже.
Еще молчала жизнь. У запертыхъ воротъ
На ложѣ каменномъ полудремали стражи.

Сіяньемъ погася невѣрную звѣзду,
Вставала на небѣ златистая корона.
Деревья ожили въ поляхъ, въ лѣсахъ, въ саду,
У серебристыхъ волнъ бѣгущаго Кедрона.

Горѣли пурпуромъ высокіе дворцы,
Сторожевыхъ постовъ наточенные зубы;
Въ поляхъ, за городомъ одѣлись въ багрецы
Красивыхъ домиковъ бѣлѣющіе кубы.

На каменной скалы грозящей крутизнѣ
Сверкали выступы Антоніевой башни;
Въ чертогахъ Ирода все спало въ мертвомъ снѣ,
Отдавши эту ночь распутно-пышной брашнѣ...

Столица гордая подъ тягостнымъ ярмомъ
Еще хранила видъ своей недавней мощи.
Вдали Виѳанія проснулась подъ холмомъ,
Селенье мирное, въ тѣни масличной рощи.

Проснувшійся рыбакъ на небольшомъ дворѣ
Задумчиво сидѣлъ, чиня хомутъ ослиный;
Подъ щебетанье птицъ дремали на горѣ
Листвою сѣрою одѣтыя маслины.

Іосифъ быстро шелъ по улицамъ крутымъ,
Среди нѣмыхъ домовъ и площадей безлюдныхъ;
Горѣла въ немъ душа предчувствіемъ святымъ,
До дна раскрытая для откровеній чудныхъ...

* * *

Самъ ли зналъ онъ... Божій зовъ ли
Велъ его... Онъ видитъ храмъ...
Высоко на бѣлой кровлѣ
Вознеслася Маріамъ.
Все понявъ, душою чуткій,
Плотникъ радостно взиралъ:
На лицѣ Ея игралъ
Свѣтъ зари—и незабудки
Глазъ глубокихъ озарялъ...
Какъ стрѣла, темнѣли брови,
Взоръ молитвою сіялъ.
Въ небесахъ пурпурной крови
Таялъ утренній фіалъ.
И стояла, вся блистая,
Еще чуждая скорбей...
Налетѣвъ, плескалась стая
Дымно-сизыхъ голубей.
Розъ гирлянда украшала
Злато косъ вокругъ чела...
Тучка съ неба подплыла
И у ногъ ея дышала.
Іудею осѣняла
Нѣжно-бѣлая рука...
Вся, какъ лебедь, широка,
Надъ вселенною сіяла
И на миръ благословляла
Предтекущіе вѣка.

* * *

Въ распаденьи безконечномъ,
Сонмы тварей безъ конца
Чрезъ Тебя въ единствѣ вѣчномъ
Вѣчны въ Вѣчности Отца!

Праха съ небомъ примиренье,
Сердца радость и покровъ,

Къ Солнцу міра возвращенье
Разметавшихся міровъ!

Въ вертоградѣ Божья лоза
Источаетъ токъ вина,
И мистическая роза
Въ звѣздномъ кругѣ возжена...

Небеса огнемъ залиты...
Въ блескѣ вѣчныхъ алтарей
Предъ Маріей въ прахѣ сбиты
Сонмы духовъ и царей.

Міръ, усталый отъ страданья,
Обѣщанію внемли!
Не напрасны ожиданья
Торжества и оправданья
Древней матери Земли!
Дѣти, дѣти дряхлой Евы!
Вновь возстанемъ, спасены
Вѣчной тайной Вѣчной Дѣвы,
Чистымъ сѣменемъ Жены!
Близко, близко это время!
Слышу вѣянье весны...
Міръ спасетъ святое сѣмя
Вѣчно-дѣвственной Жены!

V.

Ἰδοὺ ἡ δούλη Κυρίου· γένοιτό μοι
κατὰ τὸ ῥῆμά σου.

Лукá ,I.

Черезъ раму оконную
Вижу синюю даль;
Надъ долиною сонною
Зацвѣтаетъ миндаль;

Вижу въ синемъ туманѣ я
Горъ сіяющій тронъ;

Зацвѣла Геѳсиманія,
Запѣваетъ Кедронъ;

Стать блаженно-счастливыми
Наступила пора...
Зацвѣтаетъ оливами
Голубая гора...

Ангелъ съ крыльями бѣлыми
Просіялъ изъ угла,
Лучезарными стрѣлами
Перерѣзана мгла...

Въ пальцахъ — лилія нѣжная,
Стебель зеленъ и прямъ,
Лучезарная, снѣжная
Бѣлизна по кудрямъ;

Гдѣ-то — голубь воркующій,
Брезжитъ утренній свѣтъ...
Скоро, скоро ликующій
Зашумитъ Назаретъ!

Стать блаженно-счастливыми
Наступила пора...
Зацвѣтаетъ оливами
Голубая гора!..

Молодая, цвѣтущая,
Золотая страна
Успокоитъ грядущія
Въ новый міръ племена.

Задрожитъ преисподняя,
Разорвутся гроба...
Все исполню: Господняя
Я навѣки раба.

Сергѣй Соловьевъ.

Изъ „Аккордовъ“.

Полночь.

Неподвижныя крылья свои простирая,
Молчаливая Полночь надъ міромъ летитъ;
Вѣтерокъ, какъ предвѣстникъ ея, пробѣгая,
Въ этотъ часъ всѣмъ молиться и вѣрить велитъ...

Я молюсь, вѣру дѣтскихъ годовъ призывая;
Снова мощный органъ надо мною гремитъ...
Неподвижныя крылья свои простирая,
Молчаливая Полночь надъ міромъ летитъ...

Снова теплятся свѣчи вокругъ, не сгорая...
Кто-то горько рыдаетъ, склонясь надо мной...
Неподвижныя крылья свои простирая,
Молчаливая Полночь летитъ надъ землей...

Это ты позвала, это ты, дорогая...
Милый взоръ засвѣтился алмазной росой,
Блѣдный саванъ трепещетъ, твой станъ облекая...
Нѣтъ... То крылья свои надъ землей простирая,
Молчаливая Полночь летитъ надъ землей...

Для чего въ этотъ міръ изъ обителей рая
Ты вернулась?.. Кругомъ все, какъ прежде, молчитъ...
Неподвижныя крылья свои простирая,
Молчаливая Полночь на небо летитъ...

Звѣздная симфонія.

„И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ!..“

Фетъ.

Закатъ, догорающій вяло,
Алѣлъ межъ смолистыхъ стволовъ,
И солнце въ слезахъ засыпало,
И таялъ узоръ облаковъ...

И, полный печали невольной,
Я голосъ безмолвья впивалъ,
И гдѣ-то напѣвъ колокольный,
Прощаясь съ зарею, рыдалъ...

Такъ нѣженъ былъ вечеръ осенній
И отблескъ послѣднихъ лучей,
И первыя робкія тѣни
На золотѣ сжатыхъ полей...

Когда же вдали за рѣкою
Послѣдній угасъ огонекъ,
Не знаю, что сталось со мною,
Зачѣмъ дерзновенной рукою
Сорвалъ я роскошный вѣнокъ...

Симфонію звѣздную ночи
Впервые постигъ я тогда,
Съ молитвой горячія очи
Впервые я поднялъ туда...

И звѣздъ золотыя зѣнницы,
Чуть дрогнувъ, отвѣтили „да!“
И сновъ золотыхъ вереницы
Шептали: „Сіяй, какъ звѣзда!..“

И сердце больное умчалось
Изъ плѣна въ эѳиръ голубой
И въ звѣздъ хороводы вмѣшалось
И съ ними кружилось, сплеталось
И вдругъ засверкало звѣздой.

Въ эѳирѣ душа утонула,
Душа обручилась съ звѣздой
И къ кубку безсмертья прильнула,
И нѣжно луна мнѣ кивнула,
Съ улыбкой склонясь надо мной...

Нѣжнѣе весенней свирѣли,
И горнаго чище рожка,
Мнѣ звѣзды симфонію пѣли
(Ихъ пѣсня звучала вѣка):

„Земныя мечты быстротечны,
„Ты—странникъ межъ нихъ, человѣкъ!
„Лишь грезы небесныя вѣчны,
„Лишь звѣзды не меркнутъ во вѣкъ;

„Молись же и странный, и плѣнный!
„Тому оправданія нѣтъ,
„Кто взоръ оторветъ вдохновенный
„Отъ вѣчнаго взора планетъ!...“

Въ движеньи таинственно-стройномъ
Сплетались узоры свѣтилъ,
И взоромъ, какъ небо, спокойнымъ,
Я вѣчный ихъ танецъ слѣдилъ.

Гармонію звѣздъ я впервые
Въ ихъ вѣчномъ движеньи постигъ,
И звуки, и пѣсни земные
Душа разлюбила въ тотъ мигъ.

Я схваченъ былъ свѣтлою бездной,
Меня безпредѣльность влекла,
И въ звукахъ симфоніи звѣздной
Открылись всѣ тайны Числа...

И дѣтскіе сны золотые
Свершались въ ту ночь наяву...
Я эти видѣнья ночныя
Своимъ откровеньемъ зову.

И плавно стязей голубою
Серебряный мѣсяцъ скользилъ
И тучку-ладью за собою,
Какъ лебедь Грааля, влачилъ.

И долго, сгорая душою,
Смотрѣлъ я въ просторъ высоты,
Гдѣ слился съ вечерней звѣздою
Лучъ утренней, первой звѣзды.

И къ небу дрожащія руки
Простерлись съ безгласной мольбой,
И, внемля небесные звуки,
Я клялся разстаться съ землей.

И стали съ тѣхъ поръ мнѣ далеки
И лѣсъ, и вода, и поля,
Какъ эти случайныя строки,
Какъ пышный уборъ твой, земля!..

Земныя мечтанія, гдѣ вы?
Душа обручилась съ звѣздой,
И звѣздъ золотые напѣвы
Съ тѣхъ поръ неразлучны со мной...

Съ тѣхъ поръ я, безумный, тревожный,
Ужъ пѣсенъ цвѣтамъ не пою,
Взлелѣянъ мечтой невозможной,
Далекія звѣзды люблю!..

Фениксъ.

Какъ Фениксъ, сгорающій вѣчно,
Чтобъ снова изъ пепла возстать
И снова горѣть, и сіять,
И міру свѣтитъ безконечно,

Какъ Фениксъ, волшебная птица,—
Изъ-за́ моря Солнце встаетъ...
Видѣній ночныхъ вереница
Умчалась надъ безднами водъ,

И, полный печали бездонной,
Рыдая, какъ старый органъ,
Торжественный маршъ, похоронный
Заводитъ, гремя, Океанъ;

Разсыпались кудри сѣдые,
Какъ змѣи, вкругъ скалъ обвились...
Вотъ снова на волны родныя
Ниспали... Вотъ вновь поднялись...

И вѣчно напѣвъ погребальный
Рыдаетъ надъ безднами водъ,—
Но вѣченъ твой жребій печальный
Твой вопль никогда не замретъ...

Когда же твой рокотъ могучій
Заслышитъ Небесный Чертогъ,
Закроется черною тучей,
Загаситъ дрожащій востокъ,

И вспыхнетъ онъ краснымъ пожаромъ,
И грянетъ ударъ за ударомъ,
И молній свистящее жало
Лазури пронзитъ покрывало...

Но тотъ, кто отъ страха далекъ,
Кто бурю спокойно встрѣчаетъ,
Кто раны въ бою не считаетъ,
Тотъ вѣченъ, Небесный Чертогъ...

Все тщетно,—и бури порывъ
И адскаго вихря усилья...
Вонъ тучи умчались, раскрывъ
Свои исполинскія крылья...

Ты, Солнце, и ты, Океанъ,
Вы, свѣтлаго Неба Чертоги,
Не страшенъ для васъ ураганъ,
Вы вѣчны, безсмертны, какъ боги...

Какъ боги, въ порывахъ свободныхъ
Царите надъ жалкой землей...
Ужели въ страданьяхъ безплодныхъ
Ты сгибнешь, духъ огненный мой!..

Здѣсь счастливъ лишь тотъ, кто сгорая,
Къ лазури подъемлетъ свой взоръ,
Кто самъ, словно Фениксъ, сіяя,
Зажжетъ погребальный костеръ!..

* * *

Я спасенъ! Подо мной воютъ жадныя, адскія бездны,
Черный призракъ безумья меня стережетъ на пути...
Надо мной въ небесахъ снова лучъ загорается звѣздный,—
Я, рыдая, молюсь, и мнѣ радостно дальше итти...

Я спасенъ... Я цѣлую холодную, черную землю,
Я не буду всю жизнь по низинамъ безцѣльно брести...
Вѣчныхъ Сферъ я гармонію сердцемъ забившимся внемлю,
Я, рыдая, молюсь, и мнѣ радостно вѣчно итти. .

Эта грудь, какъ земля, вся изрыта соленою влагой,
Въ этомъ сердцѣ царила та ночь, что чернѣе смолы...
Почему же мой взоръ полонъ свѣтомъ, любовью, отвагой?!.
Почему на устахъ не проклятья, не стоны... хвалы?!.

Есть божественный мигъ, — эта жизнь вдругъ встаетъ передъ нами,
Словно сонъ, что когда-то плѣнялъ, и сжигалъ, и томилъ;
Конченъ путь на землѣ, но, эѳиръ разсѣкая крылами,
Мы умчимся туда, гдѣ горятъ миріады свѣтилъ...

За предѣлами звѣздъ, гдѣ скользятъ безтѣлесныя тѣни,
Гдѣ безплотные духи о вѣчномъ блаженствѣ поютъ,
Передъ образомъ дивнаго Данте склоняя колѣни,
Наши блѣдныя тѣни съ землей примиренье найдутъ!..

Черный Рыцарь.

Ad Rosam per Crucem...

Ни вздоха тайнаго, ни робкаго пожатья...
Уста безмолствуютъ, потупленъ взоръ очей...
И, если сонъ предастъ тебя въ мои объятья,
Пусть будетъ онъ мечтой предсмертною моей!

Пусть вѣчно спущено желѣзное забрало,
Пусть сердца вѣрный жаръ холодной сталью скрытъ!..
Въ томъ гаснетъ жизни свѣтъ, кто вырвалъ страсти жало!..
Спаси меня, мой конь, мой вѣрный мечъ, мой щитъ!..

И пусть другой возьметъ твое земное тѣло
И пламенемъ любви затеплитъ факелъ свой!
Моя любовь—свята!.. Безстрашно, гордо, смѣло,
Передъ тобой стою... Я—Черный Рыцарь твой!..

Я прихожу, какъ смерть, желѣзными шагами,
Мнѣ ложа брачнаго желаннѣй черный гробъ,
И смерть прекраснѣе любви съ ея звѣздами...
Пусть окропитъ заря горячими лучами
Покровъ серебряный и мой холодный лобъ!..

Не бойся этихъ глазъ, источенныхъ слезою,
Пусть мѣди тяжкій звонъ не устрашитъ тебя!
Мой черный щитъ горитъ нетлѣнною звѣздою...
Я—Черный Рыцарь твой, и я умру, любя!..

Пускай мой черный конь ужаснѣй всѣхъ драконовъ,
Надъ шлемомъ плаваютъ два черныя крыла,
Подъ тяжкою стопой дрожатъ ступени троновъ,
И, какъ змѣя, свиститъ холодная стрѣла!

Пусть я безмолвнѣе надгробныхъ изваяній,
Пусть мой звенящій шагъ встревожилъ твой чертогъ,—
Я не зажгу въ груди огонь земныхъ лобзаній,
Я Крестъ ношу въ груди, я сердце—Розой сжегъ!

Не трогаютъ души стыдливой менэстрели,
Доспѣховъ и меча не положу въ борьбѣ,—
Я слышалъ въ дѣтскихъ снахъ небесныя свирѣли,
Незримой лютни звонъ, что пѣли о тебѣ!..

Здѣсь, гдѣ чаруютъ слухъ сонеты донъ-Жуана,
Я—башня черная въ угрюмомъ забытьи;
Но тамъ, гдѣ полонъ сводъ рыданьями органа,
Доспѣхи мѣдныя расплавятъ слезъ ручьи!..

Въ моей душѣ звучатъ размѣрные терцины
Того, кто сердце сжегъ, отвергнувъ міръ земной,
И кто, молясь, облекъ безплотной красотой
Безсмертные листы „Comedia Divina“!..

Эллисъ.

Вѣнецъ Данте.

„Познавать, творить, любить — едино!“

Ницше.

I.

Въ наши дни смутныхъ, тревожныхъ до безумія, смѣлыхъ до дерзости, безплодныхъ до отчаянья исканій все новаго и новаго, въ жару и опьяненіи небывалой борьбы за *цѣльное* міросозерцаніе, борьбы, болѣе разрушающей, чѣмъ побѣдоносно-созидающей, въ наши дни коренныхъ пересмотровъ и переоцѣнокъ такъ страстно хочется порой бесѣдовать съ великими тѣнями прошлаго!..

Современная душа полна непримиримыхъ, мучительныхъ противорѣчій, быть-можетъ, неизвѣстныхъ прежде...

Если прежде страдали отъ скудости, мы гибнемъ отъ чрезмѣрности...

Мы беззавѣтно отдаемся красотѣ, и она устами Ш. Бодлэра заявляетъ, что зло прекраснѣе добра, устами и всей безумной жизнью О. Уайльда, — что все позволено во имя красоты...

Всего болѣе мы жаждемъ *познанія* и безстрашно отдаемся всѣмъ ужасамъ анализа, этого рака души, пока истина не заявитъ устами Ф. Ницше: „Нѣтъ никакихъ обязательствъ для познающаго!“...

Но тогда, быть-можетъ, будетъ уже поздно!..

А тѣ, кто, желая спасти *мораль*, оказываются противниками всего остального, не губятъ ли и ее, и себя?..

Мы поклоняемся искусству, но оно, лишенное слишкомъ часто мистическихъ корней, утрачиваетъ свой ароматъ и увядаетъ.

Мы крѣпнемъ, грубѣя, мы, утончаясь, вырождаемся!..

Въ то же самое время высокое, трагическое исканіе *цѣльнаго* идеала все неотступнѣе стучится къ намъ, требуя новыхъ жертвъ...

Что же удивительнаго, если наша безпокойная мысль, наше больное сердце прежде всего и охотнѣе всего устремляются къ тѣмъ эпохамъ, къ тѣмъ творцамъ, которые отмѣчены своей *цѣльностью*...

Между ними первый—Данте...

Въ близкомъ будущемъ мы постараемся показать, насколько *универсальный синтезъ*, созданный Данте и воплощенный въ его „Божественной Комедіи“, способенъ дать *вѣчныя* основы запросамъ человѣческаго духа. Теперь мы ограничимся тѣмъ, что воспроизведемъ рядъ безсмертныхъ поэтическихъ картинъ великаго флорентійца, бывшаго по выраженію Рескина „центральнымъ человѣкомъ міра“; изъ отдѣльныхъ, неувядаемыхъ *розъ* его творчества мы сплетемъ одинъ мистическій вѣнецъ, не забывая ни на мгновеніе о томъ, что этотъ вѣнецъ былъ и его мученическимъ вѣнцомъ!..

II.

Теперь, когда *всѣ ужасы* Данговскаго „Ада“ стали дѣйствительностью, тѣмъ, чѣмъ мы дышимъ, съ чѣмъ встрѣчаемся каждый мигъ, когда разбиты всѣ чистыя сердца, жизнь становится кошмаромъ и надъ каждымъ изъ насъ склоняется призракъ *отчаянья* и *безумія*; когда наша родина, такъ же какъ нѣкогда родина Данте превращена въ одну сплошную рану, которую не перестаетъ ни на мгновенье пытать желѣзо палачей, когда въ каждое мгновенье оскорбляется всё святое, все завѣтное, и нѣтъ путей спасенія — именно *теперь* всё болѣе и болѣе является понятнымъ неудержимое стремленіе склонить колѣна передъ тѣнью того, вся жизнь котораго было *одно страданье*, одна сплошная пытка, кто не зналъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, никакихъ компромиссовъ съ жизнью, находя высшій источникъ утѣшенія въ общеніи съ иными мірами, и чѣмъ молитвеннѣе и нѣжнѣе поклонялся Вѣчной Розѣ, тѣмъ непримиримѣе и безпощаднѣе ратовалъ противъ безчисленныхъ полчищъ враговъ Истины, Добра и Красоты!..

III.

Вѣчный, зловѣщій мракъ ада, подъ покровомъ котораго еще ужаснѣе пытки въ огнѣ и во льду, гдѣ не слышно ни одного вопля раскаянія, ни одного звука молитвы, гдѣ пѣтъ предѣла лишь злобѣ, мукамъ и *отчаянью*, но гдѣ замкнутъ со всѣхъ сторонъ горизонтъ, гдѣ строго размѣрена каждая пядь, гдѣ даже самый ужасъ глубоко продуманъ и закономѣренъ, и самыя проклятія и скрежетъ заключены въ стройно-созвучные терцины; нѣжный, робко-брезжащій разсвѣтъ *надежды* чистилища, гдѣ журчаніе океана антиподовъ гармонически сливается съ щебетаніемъ птицъ, и воспаленный взоръ ласкаетъ „дрожаніе моря", гдѣ возмездіе смѣняется *искупленіемъ*; ослѣпительный, безконечный свѣтъ небеснаго рая и вѣчная гармонія планетъ, впивая которую Данте достигаетъ высшихъ восторговъ созерцанія въ лицезрѣніи Бога... Не говорятъ ли намъ всѣ эти противоположные символы объ одномъ?

Путь внутреннихъ, глубочайшихъ переживаній, по которому ведетъ насъ Данте въ своей поэмѣ, разнообразенъ и безконеченъ. Цѣль его едина. То, безъ чего страдаютъ въ аду, чего жаждутъ въ чистилищѣ, съ чѣмъ блаженствуютъ въ раю—едино и неразрывно.

Данте сочеталъ въ одномъ мистическомъ аккордѣ, въ одномъ порывѣ экстаза созерцаніе Прекраснаго, стремленіе къ Совершенному Благу и прозрѣніе Истиннаго... Утопая въ безпредѣльномъ океанѣ вѣчнаго свѣта, просвѣтленный созерцаніемъ Беатриче, безтѣлесной, несказанной Красоты, Данте въ высшихъ сферахъ небеснаго рая, на лепесткахъ Вѣчной Розы узрѣлъ сонмы святыхъ мучениковъ, святое воинство,

Съ кѣмъ заключила бракъ Христова кровь святая...

Совершая свой полетъ съ Беатриче и молясь на ея вѣчную красоту, Данте не перестаетъ предлагать ей богословскіе и метафизическіе вопросы.

Но и созерцаніе Красоты, и исканіе Истины, и подвиги мученичества — всѣ эти пути для самого творца „Божественной Комедіи“ лишь средства богопознанія. Едва достигнувъ лицезрѣнія *Истинной Сущности*, Данте прерываетъ поэму...

Создавая на своемъ пути цѣлую систему символовъ, величайшій изъ поэтовъ все выше и выше влечетъ насъ, все болѣе и болѣе отрѣшая отъ всего земного, отъ всего того, что было для него символомъ злого, шутовского и безобразнаго... Когда же передъ нами загорается ослѣпительнымъ, лучистымъ свѣтомъ гигантскій вѣнчикъ Вѣчной Розы, земля скрывается вовсе изъ нашего взора и замолкаютъ на безмѣрной глубинѣ проклятія и жалобы отверженныхъ навсегда...

Данте не вѣрилъ въ окончательное торжество въ этомъ мірѣ добра, онъ не ждалъ раскаянія закоснѣлыхъ грѣшниковъ и не желалъ имъ прощенія...

Въ этомъ заключается одна изъ оригинальнѣйшихъ и наиболѣе ужасныхъ чертъ его мрачной, сосредоченной и замкнутой отъ міра и людей, великой души...

Онъ зналъ Истину, но его не поняли; онъ звалъ,—за нимъ не послѣдовали!..

Данте не могъ найти выхода, подобно многимъ и многимъ мистикамъ, въ игнорированьи реальнаго зла, въ убѣжденіи, что дѣйствительность — лишь призракъ; не могъ онъ вѣрить и въ возрожденіе *всего* человѣческаго рода... Отсюда и проистекаетъ та его ужасная послѣдовательность, которая многихъ рѣшительно оттолкнула отъ великаго пророка...

Но можетъ ли это помѣшать намъ теперь, когда ревниво скрываемое имъ сокровище обнаружено, самимъ пойти къ нему навстрѣчу?

IV.

Казелла.

Изъ пѣсни 2-й „Чистилища“.

Вергилій, исполняя совѣты Катона, указавшаго странникамъ путь въ чистилище, омылъ лицо Данте отъ грязи и копоти ада и препоясалъ его гибкими побѣгами тростника, возросшаго на пустынномъ брегѣ океана антиподовъ,

куда доселѣ не ступала смертная стопа... Оба странника робко и задумчиво блуждали по берегу океана.

Ланиты Авроры стали оранжевыми. Солнце показалось надъ моремъ, но вокругъ еще висѣлъ густой туманъ...

Тогда на встрѣчу странникамъ къ берегу причаливаетъ чудесный челнокъ, которымъ правитъ, помавая крыльями, Ангелъ Божій. На челнокѣ души вновь прибывшихъ въ чистилище. Онѣ радостно, довѣрчиво и съ любопытствомъ окружаютъ Данте, блѣднѣя отъ изумленія. Онѣ безпечно забыли цѣль своего пребыванія — страданіе... Одна изъ нихъ хочетъ обнять Данте; это Казелла, бывшій вѣрнымъ другомъ поэта при жизни, прекрасный пѣвецъ и музыкантъ; онъ нѣкогда обучалъ Данте музыкѣ...

Данте, узнавъ друга, также стремится обнять его, но — увы! — тщетно. Казелла теперь лишь призракъ, тѣнь; онъ объясняетъ Данте, что достигъ такъ поздно чистилища потому, что цѣлыхъ три мѣсяца напрасно проблуждалъ близъ устья Тибра. Нѣсколько разъ отвергнутый ангеломъ, онъ, наконецъ, былъ взятъ имъ въ ладью.

Здѣсь находится указаніе на юбилейный праздникъ римской церкви. Несомнѣнно здѣсь также и вліяніе классическихъ миѳовъ о скитаніяхъ душъ у Стикса.

Казелла поетъ по просьбѣ Данте одну изъ его канцонъ; души очарованы нѣжнымъ голосомъ пѣвца и чудными словами канцоны; но неумолимый голосъ долга въ образѣ Катона нарушаетъ общее очарованіе и властно зоветъ грѣшниковъ на гору очищенія, гдѣ ихъ ожидаютъ страданія... Таковъ суровый законъ искупленія!..

Какъ будто къ вѣстнику, въ чьей длани вѣтвь оливы,
Народъ стекается про вѣсти услыхать
И внемлетъ имъ, тѣснясь вокругъ толпой счастливой,—

Такъ взоры на меня стремилися вперять
Толпы блаженныхъ душъ въ безмолвномъ изумленьи,
Забывъ страданьями духъ грѣшный убѣлять.

Вдругъ тѣнь одна ко мнѣ приблизилась въ смущеньи,
Меня такъ ласково, такъ нѣжно обняла,
Что къ ней объятія простеръ я въ умиленьи...

(О тѣни! образъ вашъ лишь греза соткала!..)
Я позади ея смыкалъ трикраты длани,
Трикраты слабость ихъ ко мнѣ на грудь влекла;

Столь измѣнился я отъ тщетныхъ порываній,
Что отступила тѣнь съ улыбкою назадъ;
И рѣчью, полною чуть слышныхъ замираній,

Я былъ удержанъ вмигъ, печальный встрѣтивъ взглядъ,
И я узналъ ту тѣнь, всѣмъ сердцемъ умоляя,
Помедлить здѣсь, пока мгновенья пролетятъ.

И тѣнь сказала мнѣ: „И здѣсь, не измѣняя,
Земную свергнувъ плоть, свободною душой
Тебя люблю, тебѣ объятья раскрывая.

А ты зачѣмъ сюда проникъ своей стопой?“
—„О, мой Казелла! Здѣсь я нынѣ путь свершаю,
Чтобъ снова нѣкогда здѣсь путь свершался мой!..“

— „О, другъ! Что поздно такъ я здѣсь тебя встрѣчаю?“
Казелла мнѣ въ отвѣтъ: „Въ томъ нѣтъ вины моей:
Сей вождь [1]), что насъ влечетъ стезей, ведущей къ раю,

Ему угодныхъ лишь беретъ ладьей своей...
Но днесь три мѣсяца, какъ вѣстникъ утѣшенья
Пріемлетъ съ миромъ всѣхъ; я приступилъ смѣлѣй

Ко брегу волнъ, туда, гдѣ Тибръ въ своемъ теченьи
Сливается съ морской, соленою струей,
И былъ допущенъ имъ сюда, на путь спасенья;

Онъ къ устью Тибра вновь полетъ направилъ свой,
Туда, гдѣ сонмы душъ стекаются толпою,
Кто Ахеронтъ узрѣть не осужденъ судьбой“.

А я ему: „Когда попрежнему съ тобою
Здѣсь нѣжныхъ пѣсенъ даръ, что прежде умѣрялъ
Мои порывы всѣ, о сжалься надо мною!

[1]) Ангелъ.

Мой духъ больной, что плоть сюда съ собой призвалъ,
Порадуй пѣснями, — тяжелыми скорбями
Я душу истомилъ и сердце истерзалъ!..“

„Когда моя любовь бесѣдуетъ съ мечтами!..“
Запѣлъ онъ сладостно, и до сихъ поръ во мнѣ
Звучитъ та пѣснь съ ея прекрасными словами...

Учитель мой и я той пѣснѣ въ тишинѣ
Среди толпы тѣней, что были здѣсь впервые,
Внимали радостно, о всемъ забывъ вполнѣ;

За ней слѣдили мы, недвижные, нѣмые...
Се грозный старецъ вдругъ предсталъ, взывая къ намъ:
„Почто вы медлите, забывъ дѣла святыя?

О, нерадивые! Почто стоите тамъ?
Направьте въ высь стопы, пусть каждый очищаетъ
Съ души кору грѣховъ, что васъ гнететъ, очамъ

Видѣнье Господа всечасно затмеваетъ!..“
Какъ стадо голубей, что межъ пожатыхъ нивъ,
Не раздувая зобъ спѣсиво, вкругъ блуждаетъ,

Сбирая зёрна ржи, вдругъ крылья распустивъ,
Прочь разлетается испуганной семьею,
Въ тревогѣ ужаса о пищѣ позабывъ,

Такъ сонмъ тѣней къ горѣ поспѣшною стопою,
Забывъ о пѣніи вдругъ бросился бѣжать...
Какъ тотъ, кто въ бѣгѣ путь не видитъ предъ собою,

И мы пустились вслѣдъ, боясь отъ нихъ отстать.

V.

Явленіе Беатриче [1]).

Изъ пѣсни 30-й „Чистилища“.

Вмѣстѣ съ восходомъ зари очамъ Данте, просвѣтленнымъ предшествующими видѣніями, явленіемъ св. Ма-

[1]) Беатриче является Данте въ земномъ раю, находящемся на вершинѣ горы очищенія, по склонамъ которой расположены были круги чистилища.

тильды, воспѣвшей на берегу Лэты и Эвноэ чудеса Эдема, шествіемъ облеченныхъ въ серебряныя одежды старцевъ, видѣніемъ тріумфальной колесницы, затмившей своимъ блескомъ колесницу солнца, наконецъ, предстала прекрасная жена, въ одеждѣ огненнаго цвѣта, препоясанная зеленой вѣтвью оливы, подъ свѣтлымъ, бѣлымъ покрываломъ... Тайная сила открыла Данте, что передъ нимъ та, которую онъ чисто и пламенно любилъ всю жизнь... Да, это — Беатриче...

Но это уже не та подобная молодому ангелу восьмилѣтняя дѣвочка, которую онъ встрѣтилъ нѣкогда на свѣтломъ майскомъ праздникѣ у Портинари, это уже не та полная чистоты, нѣжности и стыдливости прекрасная донна, которая явилась юному Данте на улицахъ Флоренціи, какъ бы изваянной изъ мрамора, и исторгла изъ его рыцарскаго сердца безсмертные гимны любви и красоты, дивные сонеты „Новой Жизни“ (Vita Nuova)... О, какъ смерть преобразила ее, пожравъ ея земную, тѣлесную оболочку и освободивъ ея безсмертный и безгрѣшный духъ отъ всѣхъ земныхъ оковъ и страданій, а очи тѣхъ, кто любилъ ее, отъ искушеній, влекущихъ къ безднѣ...

. . . . . „Мое земное тѣло,
Что тамъ погребено, инымъ путемъ хотѣло
Твой духъ вести...
Я умерла... оно теперь распалось
И превратилось въ прахъ средь тлѣнія могилъ...“

— вѣщаетъ она спокойно и величественно, обращая свой строгій взоръ въ сторону горько рыдающаго Данте...

Вся длинная рѣчь Беатриче полна самыхъ горькихъ упрековъ и уничтожающаго негодованія по отношенію къ ея служителю немощному человѣку, Данте.

Увы, вся жизнь Данте,—сплошное заблужденіе передъ безпристрастнымъ судомъ Вѣчной Истины; и ему даны, какъ и всѣмъ въ этой жизни, только порывы и исканія; вѣчныя же идеи становятся доступными сознанію лишь въ мгновенія просвѣтленія и откровенія свыше; но даже и тогда созерцаніе ихъ сопряжено съ муками раскаянія и сознаніемъ грѣховности, немощности души.

Однако, за суровостью обвинительной рѣчи Беатриче скрывается глубокая женственная, чисто-материнская нѣжность и забота о немъ.

Много самыхъ тяжелыхъ и безкорыстныхъ страданій претерпѣла она, это совершенное и блаженное существо, видя паденія того, кто ей былъ тѣмъ болѣе дорогъ, чѣмъ больше заблуждался и страдалъ. Въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ этой канцоны, тамъ, гдѣ Беатриче горько упрекаетъ Данте за измѣну ея памяти, мы присутствуемъ при тончайшемъ и очень сложномъ переживаніи: такъ и кажется, что на мгновеніе разсѣется символическое значеніе Беатриче, и передъ изумленными взорами Данте явится снова прежній образъ той, которую онъ любилъ въ видѣ нѣжной донны...

Беатриче любила и продолжаетъ и послѣ своей смерти любить Данте! Съ этимъ въ тѣсной связи стоитъ и самая, такъ сказать, „завязка поэмы“. Самое загробное путешествіе Данте задумано и устроено Беатриче, скорбящей объ его заблужденіяхъ и грозящей ему гибели. Ужасъ при видѣ мученій грѣшниковъ долженъ возродить колеблющуюся надъ бездной душу Данте. Съ той же цѣлью она даетъ ему въ проводники и Вергилія... Однако, здѣсь, въ земномъ раю когда процессъ искупленія завершенъ и начинается откровеніе, Вергилій (Разумъ) долженъ оставить Данте; отнынѣ его вождь сама Беатриче...

Теперь, когда всѣ главныя испытанія побѣждены, мужество и нравственныя силы испытаны, Беатриче является ему, какъ символъ высшаго откровенія, — и изумленный, восхищенный Данте въ слезахъ склоняется передъ нею ницъ.

Символическіе цвѣта ея одежды, чудесная, мистическая колесница, изображающая святую церковь, сіяніе нѣжной, таинственной зари, гармоническое, ласковое пѣніе небесныхъ силъ и, наконецъ, вся рѣчь Беатриче служатъ тому доказательствомъ...

Въ концѣ этой обвинительной рѣчи Беатриче мы находимъ философскія идеи Данте о цѣли и смыслѣ человѣческаго существованія, которое, по его убѣжденію, заключается въ возможно большемъ отрѣшенія отъ чувствен-

ныхъ, земныхъ благъ и въ безконечномъ стремленіи души къ созерцанію Бога.

Разсвѣтомъ розовымъ былъ озаренъ востокъ,
Сіяли небеса чудесно надо мною,
Я взоръ вперялъ въ лазурь и, чуждъ земныхъ тревогъ,

Ликъ солнца созерцалъ безтрепетной душою;
Чуть умѣряя блескъ сіяющихъ лучей,
Его облекъ туманъ волнистой пеленою,

Чтобъ солнца свѣтлый ликъ не ослѣпилъ очей...
Надъ колесницею блестящею порхали,
Вкругъ рѣя, ангелы и радостно надъ ней[1])

Растеній облака изъ дланей разсыпали...
Покрова бѣлаго струи съ ея чела,
На ликъ, волнуяся стыдливо, ниспадали,

Оливы вѣтвь вокругъ станъ нѣжный обвила,
Одежда, какъ огонь багряный, пламенѣла,
Зеленой тогой грудь окутана была...

Тогда душа моя отъ страха онѣмѣла...
О много долгихъ лѣтъ доселѣ я не зналъ
Такого ужаса и счастья безъ предѣла!..

Въ тотъ мигъ не взоръ очей, что я въ нее вперялъ,
Но сила тайная ее душѣ открыла,—
Любви воскреснувшей я власть опять позналъ,

Любви, что дѣтскій умъ когда-то покорила.
Я снова былъ сраженъ, и вотъ въ душѣ моей
Опять высокая любви воскресла сила.

Душой смятенною я устремился къ ней:—
Такъ нѣжное дитя, томимое тоскою
И страхомъ, къ матери бѣжитъ въ слезахъ своей...

---

[1]) Беатриче.

О если бы тогда Вергилій былъ со мною,
Ему сказалъ бы я: „Отецъ мой, въ этотъ часъ
Огонь былой любви вновь овладѣлъ душою,

Вся кровь во мнѣ кипитъ, но ты покинулъ насъ,
Вергилій, мой отецъ, Вергилій, въ комъ спасенье
Сыскать меня призвалъ ея всесильный гласъ! [1])

Тогда въ раю земномъ, откуда прегрѣшенье
Древнѣйшей матери изгнало родъ людской,
Я омочилъ свой ликъ слезами сожалѣнья,

Омытый райскою, чистѣйшею росой...
— „О, Данте, не ропщи и слезъ не лей въ кручинѣ,
Что нѣтъ Вергилія въ печальный мигъ съ тобой;

Ты рану горшую оплакать долженъ нынѣ!..“
Какъ доблестный морякъ, взирая съ корабля,
Зоветъ свои суда, отставшія въ пустынѣ,

Она предстала мнѣ, едва заслышалъ я
То имя [2]), что она сказала, (поневолѣ
Я здѣсь его пишу [3]), къ ней робкій взоръ склоня,

Я созерцалъ ее, волнуяся все болѣ...
На колесницѣ, съ лѣвой стороны,
Она возсѣла тамъ, какъ будто на престолѣ,

И ликовали вкругъ небесныхъ силъ чины...
Съ другого берега она свой взоръ вперяла,
(Хотя ея черты чуть были мнѣ видны,—

Минервы вѣтвь, чело вѣнчая, ихъ скрывала...)
И такъ сказала мнѣ, огонь жестокихъ словъ,
Казалось мнѣ, она къ концу приберегала:

— „Я — Беатриче! Взоръ моихъ очей суровъ!..
Скажи, какъ ты дерзалъ войти на эти горы,
Гдѣ уготованъ рай для васъ, земли сыновъ?!.“

---

[1]) Вергилій, посланный Беатриче для руководства Данте въ его путешествіи, оставилъ его передъ входомъ въ земной рай.

[2]) Данте.

[3]) Т.-е. имя Данте. Свое имя поэтъ считаетъ недостойнымъ стоять рядомъ съ именемъ Беатриче.

Невольно я къ волнѣ склонилъ, робѣя, взоры,
И образъ свой въ волнѣ смущеннымъ увидалъ,
И снова ихъ отвелъ къ травѣ, стыдясь позора,

Что мнѣ чело давилъ и сердце мнѣ сжималъ.
Мнѣ строгой матерью она въ тотъ мигъ казалась,
Я, какъ грѣховный сынъ, предъ ней въ слезахъ стоялъ,

Въ ней нѣжность съ горечью суровою сливалась...
Когда жъ замолкла рѣчь, небесный хоръ запѣлъ, —
„In Te speravi, Domine“ [1]) раздалось;

До „Pedes meos“ хоръ едва псаломъ допѣлъ...
Какъ снѣгъ, что межъ деревъ на кряжахъ лежа горныхъ,
Хребтѣ Италіи, замерзъ и затвердѣлъ,

Отъ эсклавонскихъ бурь и вѣтровъ непокорныхъ,
Едва лишь грудь земли опять тепломъ вздохнетъ,
Сбѣгаетъ сѣтью струй и ручейковъ проворныхъ

И таетъ, какъ свѣча; какъ воскъ, что пламя жжётъ,—
Такъ я стоялъ безъ слезъ, но нѣжный голосъ пѣнья —
(Тѣ звуки вѣчныхъ сферъ гармонія ведетъ...) —

Проникнулъ въ сердце мнѣ, какъ сладкое волненье,
И въ пѣньи ангельскомъ постигъ я безъ труда
Къ скорбямъ души моей любовь и сожалѣнье;

И, мнилось, ихъ напѣвъ молилъ ее тогда:
—„Зачѣмъ въ его груди ты вызвала страданья?!.“
И въ мигъ растаяли въ душѣ покровы льда,—

Онъ превратился въ слезъ ручьи и воздыханья
И грудь мою согрѣлъ; изъ устъ и изъ очей,
Смѣшавшись, пролились и слезы, и рыданья...

Она же царственна въ недвижности своей
На правой сторонѣ чудесной колесницы
Вѣщала ангеламъ: „Ни черный мракъ ночей,

Ни ясный, вѣчный свѣтъ немеркнущей денницы
Не усыпляютъ васъ; подъ чудной властью сновъ
Вы не смежаете покорныя зѣницы;

---

[1]) 8-й Псаломъ.

Вамъ каждый шагъ отверстъ въ движеніи вѣковъ...
И я отвѣчу вамъ!.. Пусть мужъ, что тамъ рыдаетъ
За райскою рѣкой у тихихъ береговъ,

Свои страданія съ своимъ грѣхомъ сравняетъ!..
Вліяніемъ звѣздныхъ сферъ, что каждое зерно
Къ великой цѣли столь премудро направляетъ,

И благодатныхъ силъ, чьей властью суждено
Намъ путь направить свой, чьей силой испаренья
Стремятся къ небесахъ,—его душѣ дано,

Воскреснувъ, обновить—*всѣ* высшія стремленья,
Чтобъ лишь прекрасное въ его душѣ цвѣло...
Но, если сѣятель работалъ безъ умѣнья,

Не жди, чтобъ изъ сѣмянъ пригодное взросло...
Прямой дорогою я юными очами
Его влекла, и онъ презрѣлъ душою зло...

Когда жъ, стремясь впередъ, достигла я съ годами
Уже вторую грань земного бытія,
Онъ отдался другимъ, и вотъ, когда трудами

Съ нетлѣнной красотой душой сроднилась я,
Онъ охладѣлъ ко мнѣ своей душой ничтожной,
По ложному пути надъ бездною скользя;

Онъ взоры обратилъ на призракъ блага ложный,
Что духъ его манилъ безплодно за собой...
Обѣты лживые смутили духъ тревожный...

Увы! Напрасно я ночныхъ видѣній рой
Ему въ тиши ночей чудесно навѣвала,—
Не пробудилъ его призывъ горячій мой,

Онъ низко, низко палъ, не помогли бъ нимало
Мои порывы всѣ, когда бъ не узрѣлъ онъ
Грѣховный родъ людской... Но вотъ предъ нимъ предстало

Все племя жалкое, презрѣвшее законъ;
Я царство мертвецовъ, рыдая, посѣтила,
И, жаркою мольбой растроганъ и плѣненъ,

Его привелъ сюда тотъ мужъ, кого просила...
Онъ здѣсь законъ Творца, конечно бъ, преступилъ,
Когда бъ его стопа чрезъ Лэту преступила,—

И нераскаянный ея струи вкусилъ"!..

Пѣснь 31-я.

— „О, ты, блуждающій надъ райскою рѣкой! — [1])
Она промолвила, мнѣ въ сердце направляя
Словъ горькихъ лезвіе и духъ пронзая мой,—

— „Скажи, заслужена ль тобою рѣчь такая
И обвиненіе и горечь словъ моихъ?
Излей признаніе!"—Ея рѣчамъ внимая,

Возвысилъ голосъ я, но звукъ въ тотъ скорбный мигъ
Угасъ въ моихъ устахъ, и въ трепетѣ смущенья
Мой голосъ задрожалъ и горестно затихъ...

Она въ молчаніи ждала... Черезъ мгновенье
Опять промолвила: „Коль все въ душѣ твоей
Не смыла хладная струя рѣки забвенья, [2])

Отвѣть на рѣчь мою безъ ужаса, скорѣй!"
Смущеніе и страхъ такъ душу мнѣ тѣснили,
Что еле слышно: „Да!"— я могъ отвѣтить ей,

Но очи тайный смыслъ моихъ рѣчей открыли...
Какъ развивается при спускѣ лукъ тугой,
И падаетъ стрѣла и, ослабѣвши въ силѣ,

Не попадаетъ въ цѣль съ желанной быстротой,
Такъ я, измученный подъ бременемъ страданій,
Потоки пролилъ слезъ, утративъ голосъ свой...

---

[1]) Рѣчь Беатриче въ 31 пѣснѣ обращается непосредственно къ самому Данте, тогда какъ ранѣе она обращалась къ нему презрительно въ третьемъ лицѣ; горе и раскаяніе Данте смягчили его судію.

[2]) Т.-е. Лэты, въ волны которой св. Матильда погрузила Данте передъ тѣмъ.

Она вѣщала мнѣ: „Среди благихъ желаній,
Тебѣ ниспосланныхъ, что въ мірѣ томъ влекли
Тебя любить добро, что выше всѣхъ мечтаній,

Скажи, какіе рвы твой путь сдержать могли?
Среди какихъ оковъ, какихъ могущихъ звеній
Твой слабый духъ забылъ стезю святой любви?

Какія прелести въ погонѣ наслажденій
Ты на челѣ другихъ, безумецъ, увидалъ?“
И, горестно вздохнувъ, съ слезами сожалѣній,

Чуть разомкнувъ уста, я ей тогда сказалъ:
— „Едва твой свѣтлый ликъ изъ глазъ моихъ сокрылся,
Видъ призрачныхъ вещей мнѣ вновь доступенъ сталъ;

Ихъ ложной прелестью я вновь тогда плѣнился
И отвратилъ шаги!..“ Она вѣщала мнѣ:
„Когда бъ, безмолвствуя, все, въ чемъ теперь открылся,

Ты отъ меня сокрылъ, твои грѣхи вполнѣ
Мы все же вѣдали бъ: твой судія все знаетъ!..
Когда жъ спадаетъ съ устъ сознаніе въ винѣ,

Тогда небесный дворъ свой жерновъ обращаетъ
На остріе меча[1])... Чтобъ меньше ты унесъ
Позора отъ твоихъ невольныхъ заблужденій,

Чтобъ вновь напѣвъ сиренъ духъ жалкій не потрясъ,
Внимай моимъ рѣчамъ!.. Мое земное тѣло,
Что тамъ погребено — не лей потоки слезъ!—

Совсѣмъ инымъ путемъ тебя вести хотѣло!..
Пусть ни природы власть, ни весь искусства пылъ,—
Ничто восторговъ дать подобныхъ не сумѣло,

Какъ тѣло нѣжное мое, гдѣ заключилъ
Творецъ безсмертный духъ!.. Оно теперь распалось
И превратилось въ прахъ средь тлѣнія могилъ!..

---

[1]) Т.-е. остріе меча правосудія притупляется.

То счастіе тебѣ на долю не досталось...
Я умерла... Но что, скажи, могло съ тѣхъ поръ
Твой духъ привлечь къ себѣ? Лишь въ грудь твою
вонзалась

Стрѣла превратныхъ благъ, ихъ суетный позоръ
Ты долженъ былъ презрѣть, подняться надъ землею
И слѣдовать за мной, подъемля къ небу взоръ!..

А я,—я не была тогда уже земною...
И не могли тогда, какъ прежде, тяготить
На землю крылъ твоихъ и духъ смущать собою,

Чтобы ударамъ грудь виновную открыть,
Ни дѣва юная, ни суета иная,
Что на мгновеніе лишь можетъ насъ плѣнить!..

Птенецъ самъ ждетъ сѣтей, отъ нихъ не улетая,
Но оперенныхъ птицъ нельзя достичь стрѣлой,
Тенета хитрыя предъ ними разставляя!..“

Когда душа ослѣпла отъ слезъ, ей дано видѣть небо; когда тѣло сожжено пламенемъ чистилища, оно получаетъ способность возноситься; когда спина сломлена подъ тяжестью камней священной горы, за нею распустятся крылья ангела; когда очи истомились отъ пристальнаго созерцанія всѣхъ ужасовъ плоти, казнимой адомъ, они получатъ даръ прозрѣвать то, что не ограничено *воплощеніемъ*,—и тогда изъ проклятія и ужаса родится чистый трепетъ молитвы. Вотъ то, чему учитъ насъ Данте въ „Божественной Комедіи“.

Говорить о Данте — значитъ говорить о Беатриче, ибо, „прославивъ ее, какъ ни одинъ поэтъ не прославилъ женщины“, онъ навѣкъ сочеталъ свое имя съ именемъ той, которую любилъ...

Если образъ Беатриче неотразимъ и безконечно прекрасенъ, то прежде всего потому, что онъ *не ограниченъ воплощеніемъ*, не заключенъ ни въ какія опредѣленныя очертанія, не брошенъ на полотно кистью, не неподвиженъ, какъ все высѣченное рѣзцомъ ваятеля... Ея очертанія воздушны

и прихотливы, какъ облака, и каждая черта ея *музыкальна*!..

Каждое мгновенье Беатриче иная до тѣхъ поръ, пока красота не становится *невыразимой*...

Возносясь съ Данте въ обителяхъ „Рая“ отъ одного неба къ другому, отъ одной звѣзды къ другой, Беатриче, отвѣчая на его тревожные вопросы, задумчиво и загадочно улыбается его *тѣлесности*; орлиный взоръ ея вперяется въ высь, съ каждымъ новымъ міромъ, куда они вступаютъ, она все болѣе и болѣе преображается. Очи Данте ни на мгновеніе не отрываются отъ нея до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ не засіялъ Самъ Христосъ...

Беатриче не только прекрасна; она—сама Красота. Она не только украшена добродѣтелями, она—сама Добродѣтель; она отвѣчаетъ на всѣ вопросы, ибо она вся высшая Мудрость, ибо для нея вопросовъ быть не можетъ...

Но Беатриче не только воплощаетъ въ себѣ Красоту, Истину и Благо,—она соединяетъ ихъ въ высшее, неразрывное, живое *единство*. Таково глубокое *символическое* значеніе этого поэтическаго образа!..

Чѣмъ выше, прекраснѣе поэтическій образъ, тѣмъ онъ менѣе способенъ *воплотиться*, тѣмъ бо́льшій просторъ воображенію должно оставлять отраженіе всегда безплотной идеи въ мутномъ зеркалѣ человѣческаго творчества...

Воплощеніе любви въ новомъ существѣ, идеи мыслителя въ силлогизмѣ, откровенія красоты въ художественномъ образѣ, всякаго чувства во всякомъ словѣ—не есть ли это вмѣстѣ съ тѣмъ и невольное, неизбѣжное ограниченіе ихъ?

Въ этомъ мірѣ, доступномъ нашимъ чувствамъ, Красоты и Истины—нѣтъ; передъ нами лишь жалкія, блѣдныя *приближенія* къ нимъ, которымъ положенъ неумолимый предѣлъ косной матеріей, подобно тому, какъ наше тѣло—всегда лишь оковы духа!.. Самое несовершенное изъ искусствъ—*архитектура*—всего болѣе матеріально; оно распинаетъ мечту въ трехъ измѣреніяхъ; *живопись*, которая есть уже слѣдующая ступень — только въ двухъ; лишь *поэзія* умѣетъ передавать намъ трепетъ *самой мечты*, и лишь музыка *невыразимо*—прекрасна!..

Поэтому „Адъ“ Данте болѣе всего скульптуренъ, „Чистилище“ болѣе всего живописно и только „Рай“ музыкаленъ. Въ „Аду“ нѣтъ мѣста Беатриче, въ блѣдномъ свѣтѣ „Чистилища“ она лишь случайная гостья и только въ „Раю“ небесномъ Беатриче раскрываетъ свою всеобъемлющую сущность...

Тамъ образъ ея становится *музыкальнымъ*, самая рѣчь ея превращается въ пѣніе и музыку, а самая сущность ея—въ неудержимый, стремительный полетъ туда, гдѣ вращаются міры, недоступныя чувственному воспріятію и гдѣ дышитъ символъ Вѣчной Розы!.. Однако образъ Беатриче не только прекраснъ и ослѣпительно-гармониченъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и трогателенъ...

Изъ царства своего торжества, осыпанная дождемъ райскихъ цвѣтовъ и окруженная хоромъ ангеловъ, изъ самой *вѣчности* она какъ бы простираетъ свои незримыя объятія къ юнымъ, чистымъ годамъ Данте...

Женственныя черты той донны, которую нѣкогда любилъ смертный Данте, таинственно преобразуется въ тотъ вѣчный символическій образъ, который возникаетъ неизбѣжно передъ „очами души“, всякій разъ, когда мы коснемся предѣльной, мистической точки того, что принято называть „красотой“.

Этотъ *Вѣчно-Женственный образъ*, неразлучный во всѣ вѣка съ „готическими душами“ одинаково, встрѣчаетъ насъ и въ египетскихъ культахъ и на страницахъ древнихъ восточныхъ религіозныхъ откровеній и въ древне-греческихъ культахъ Афродиты Небесной и въ „Симпозіонѣ“ Платона и въ лучшихъ мѣстахъ древнихъ трагиковъ и въ титаническихъ образахъ „Откровенія Іоаннова“ и въ самыхъ завѣтныхъ мечтахъ средневѣковья, подслушанныхъ Рихардомъ Вагнеромъ... Этотъ святой образъ возноситъ на небо старца Фауста, достигшаго предѣла въ познаніи жизни сего міра... Не о немъ ли тщетно *безумно* мечтали всѣ великія „отверженныя души“, и альбатросъ Бодлэръ, и „невѣдомый изгнанникъ“ Лермонтовъ, видѣвшій очи, „полныя лазурнаго огня?“ Не его ли воспѣвалъ въ наши дни Вл. Соловьевъ въ образѣ Той, которую называлъ „своей Царицей?..“

Вѣчная заслуга Данте въ томъ, что, прославивъ Беатриче, онъ создалъ *высочайшій идеалъ женственности* и освятилъ самую ея идею...

Если этотъ образъ дремлетъ въ душѣ каждаго человѣка, то пусть же пробудится онъ при созерцаніи Беатриче, озаренной розовымъ свѣтомъ мистической зари и осыпанной тучей райскихъ цвѣтовъ, возсѣдающей на колесницѣ, свѣтъ которой затмилъ блескъ колесницы солнца...

VI.

Роза Вѣчности.

„Изъ пламя и свѣта
„Рождённое слово!..“
Лермонтовъ.

Ни одинъ поэтическій геній, ни одно мистическое прозрѣніе—даже въ моменты высшаго экстаза—ни прежде, ни послѣ не создали ничего равнаго „Раю“ Данте.

Никогда не ставилась поэтическому творчеству столь трудная и столь страшная задача...

Никто не умѣлъ такъ говорить о несказанномъ, возвысить духъ до созерцанія вѣчнаго, запечатлѣть въ ослѣпительныхъ образахъ то, что по самой сущности своей выше всякаго воплощенія...

„Рай“ Данте—царство небеснаго огня, гдѣ стираются всѣ земные звуки и краски, всѣ предѣлы и очертанія, исчезаетъ все, ограниченное черезъ воплощеніе. Это—царство безконечнаго и безграничнаго, царство гармоніи и свѣта, торжествующее побѣду надъ смертью и тлѣніемъ. „Рай“ Данте—цѣлая грандіозная система символовъ, сотканныхъ изъ лучей и связанныхъ между собою въ одно стройное, великое цѣлое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Рай“ Данте — попытка построить на основаніи научныхъ данныхъ эпохи цѣльную и архитектурно-законченную систему вселенной, дать астрономическое и космологическое истолкованіе міра...

Она явилась тогда, когда не была порвана связь между познаніемъ и созерцаніемъ, между разумомъ и вѣрою...

Путеводительницей Данте по сферамъ небеснаго рая является уже сама *Беатриче,* просвѣтленная и болѣе прекрасная, чѣмъ звѣзды... Она и Данте возносятся съ горы чистилища все выше и выше, отъ одной звѣзды къ другой, отъ одного неба къ другому, восторженно внимая таинственную гармонію звѣздныхъ сферъ, бесѣдуя о вѣчныхъ тайнахъ міросданія и высшихъ вопросахъ вѣры...

Цѣль ихъ чудеснаго, неудержимаго полета, цѣль всѣхъ ихъ порывовъ и стремленій — лицезрѣть „Истинную Сущность", т.-е. Бога.

Однако, прежде, чѣмъ достигнуть этой высшей, конечной точки созерцанія, человѣческое сознаніе должно послѣдовательно пройти цѣлый рядъ предварительныхъ ступеней, разрѣшить рядъ важнѣйшихъ вопросовъ, пережить много откровеній, созерцать безконечныя вереницы видѣній. Иначе душа не выдержитъ божественнаго свѣта и ослѣпнетъ!..

Такова основная идея „Рая" и вмѣстѣ съ тѣмъ и общій планъ третьей части поэмы Данте.

Прежде, чѣмъ достигнуть селеній праведныхъ, насладиться звуками ихъ гимновъ, возносящихъ хвалы Пречистой Дѣвѣ, прежде, чѣмъ вмѣстѣ съ Бернардомъ, послѣднимъ руководителемъ, обозрѣть лучезарные лепестки Небесной Розы, сотканные изъ душъ праведныхъ, гигантскій вѣнчикъ которой смотрится въ безпредѣльный океанъ чистаго, ослѣпительнаго свѣта, находя въ его волнахъ свое повторенное изображеніе и любуясь своимъ великолѣпіемъ, прежде, чѣмъ пасть въ безгласной мольбѣ передъ Пречистой,—много должна пережить душа!..

И передъ взорами возносящагося Данте проносятся безконечные, безчисленные небесные міры: и „блѣдная жемчужина" луна, медленно бѣгущая въ вѣчномъ просторѣ неба, „гдѣ всякое мѣсто есть рай", и вращающійся въ болѣе свѣтлой небесной сферѣ Меркурій, гдѣ среди блаженныхъ сонмовъ Данте встрѣчаетъ императора Юстиніана, повѣствующаго ему исторію Римскаго Орла; и красавица-пла-

нета Венера, — звѣзда *чистой*, земной любви, украшающая собой третье небо.

Возносясь до слѣдующаго неба, Данте ступаетъ на солнце, лучистый свѣтъ котораго затмѣвается сіяющимъ вѣнцомъ изъ двѣнадцати блаженныхъ душъ, поющихъ и пляшущихъ. Тамъ св. Ѳома разсказываетъ ему ангельскую жизнь Франциска Ассизскаго; вокругъ перваго свѣтозарнаго вѣнца загорается второй, и двойная гирлянда сверкающихъ, какъ пламя, душъ сочеталась въ звѣздной пляскѣ, образуя дивный вѣнецъ Аріадны.

Но все выше и выше возносятся они,—Беатриче, устремивъ взоръ въ небо, а Данте, взирая на нее...

Вокругъ рѣютъ блаженныя души въ видѣ огненныхъ вихрей и безконечныхъ свѣтящихся гирляндъ, переплетенныхъ въ причудливыя арабески, ликующихъ на этомъ праздникѣ пѣнія и пламени, и съ каждымъ мигомъ Беатриче становится все прекраснѣе и прекраснѣе...

Такъ достигаютъ они неба Марса, гдѣ блещутъ въ видѣ гигантскаго креста души святыхъ мучениковъ, ратоборцевъ за вѣру Христову, на крестѣ же сіяетъ Самъ Христосъ... Мерцаніе и трепетъ лучей образуютъ вокругъ Него сладостную гармонію, подобную нѣжнымъ аккордамъ незримой арфы... Души святыхъ, сотканныя въ огненныя буквы, воспроизводятъ стихи библіи, проповѣдующіе справедливость; онѣ непрестанно мѣняютъ форму своихъ сочетаній и горятъ, подобно драгоцѣннымъ каменьямъ; отъ нихъ во всѣ стороны на безграничномъ просторѣ исходятъ безчисленныя мерцанія. Тамъ узнаетъ Данте отъ Каччіагвиды свою печальную судьбу, предстоящее ему изгнаніе.

Данте возносится на Юпитеръ и созерцаетъ тамъ вѣнчанный императорскій орелъ, который проклинаетъ современныхъ христіанскихъ правителей и прославляетъ древнихъ...

Поэтъ достигаетъ Сатурна, гдѣ вкушаютъ блаженство отшельники... Но здѣсь все безмолвно, ибо смертный не вынесъ бы звуковъ ихъ пѣсенъ... Въ сферѣ неба неподвижныхъ звѣздъ Данте видитъ среди сонмовъ ангеловъ нисходящими Іисуса и Марію; тамъ Данте бесѣдуетъ о вѣрѣ съ самимъ Петромъ; тамъ сіяніе апостола любви, Іоанна,

затмѣваетъ даже образъ Беатриче; тамъ Данте находитъ душу перваго человѣка Адама.

Однако поэтъ и на высотѣ небесъ не забываетъ злобу людей и внимаетъ съ содраганіемъ грозной обвинительной рѣчи Петра противъ пастырей Церкви; здѣсь при видѣ вѣчныхъ красотъ девятаго неба поэтъ горько оплакиваетъ алчность людей и проклинаетъ развращающія ихъ правительства.

Достигнувъ эмпирея, Данте замѣчаетъ, что красота Беатриче стала невыразимою...

Передъ нимъ, сіяя, протекаетъ огненная рѣка, по берегамъ которой роскошные цвѣты дышатъ всѣми прелестями весны; искры, вылетая изъ ея струй, обращаются въ купахъ цвѣтовъ въ драгоцѣнные камни и чудные топазы, снова погружающіеся въ рѣку.

Данте орошаетъ свои рѣсницы,—и мгновенно рѣка становится круглой; ликованіемъ преобразуются цвѣты и травы, и поэтъ созерцаетъ отверстыми оба собранія неба. Свѣтлый, безмѣрный кругъ, первоисточникъ всякаго сіянія, оказывается гигантской Розой, лепестки которой сотканы изъ блаженныхъ душъ, изъ сонмовъ св. воинства; на лепесткахъ ослѣпительной Розы порхаютъ ангелы.

Данте созерцаетъ общій видъ рая и молитъ святыхъ дать миръ земнымъ тревогамъ и бурямъ Беатриче исчезаетъ. Вмѣсто нея поэта сопровождаетъ св. Бернардъ Онъ молитъ Дѣву Марію въ пламенномъ гимнѣ помочь Данте узрѣть Бога...

Святая Роза.

Изъ пѣсни 31-й „Рая“.

Тамъ Розой Вѣчности, взоръ смертный ослѣпляя,
Святое воинство предстало предо мной;
(Съ нимъ заключила бракъ Христова кровь святая).

Иное Воинство, какъ пчелъ жужжащій рой
Порхая вкругъ, хвалы немолчно воспѣвало
Тому, Кто ихъ облекъ небесной красотой...

Какъ пчелы, сладкій медъ собравъ въ цвѣтахъ сначала,
Спѣшатъ туда, гдѣ плодъ немолчныхъ ихъ трудовъ
Благоуханье льетъ,—такъ воинство слетало

Къ цвѣтку, что сотканъ былъ изъ яркихъ лепестковъ,
Чтобъ вновь летѣть туда, гдѣ вѣчно пребываетъ
Любовь, пребудетъ тамъ до гибели вѣковъ...

Ихъ лики, словно огнь, что́ блещетъ и сіяетъ;
Ихъ крылы—золото; съ чистѣйшей бѣлизной
Одежды ихъ никто и снѣга не сравняетъ...

Крылами чуть плеща, ихъ лучезарный рой
На Розы лепестки спускался, разливая
Вокругъ любовь и миръ обильною струей,

Ихъ въ лонѣ Господа чудесно почерпая..
Такъ между Розою и Богомъ душъ семья
Порхала, ясный свѣтъ Его не затмевая...

Тотъ свѣтъ божественный земные всѣ края,
Его достойные, столь сильно проникаетъ,
Что для него преградъ назвать не смѣю я!..

О царство мирное, гдѣ радость обитаетъ,
Гдѣ души древнія и новыя парятъ,
Гдѣ каждая душа въ восторгѣ устремляетъ

Къ Единой Точкѣ [1]) свой любовью полный взглядъ!
О пусть твои лучи, всѣ звѣзды озаряя,
Въ насѣ души бѣдныя чудесно исцѣлятъ,

На наши бури свѣтъ безсмертный проливая!..

. . . . . .

Какъ пилигримъ, что храмъ въ сіяніи огней
Узрѣвъ, своей мечты завѣтной обрѣтая

Осуществленіе, уже въ душѣ своей
О храмѣ чудномъ томъ сложилъ повѣствованье,
Вкушаетъ счастіе, и нѣтъ его святѣй,—

---

[1]) Истинная Сущность, т.-е. Богъ.

Такъ я, узрѣвъ тотъ свѣтъ въ восторгахъ созерцанья,
Весь рай и ввысь, и внизъ очами пробѣгалъ
И лики, полные небеснаго сіянья,

Съ ихъ безмятежною улыбкой, созерцалъ...
И милосердіемъ и радостнымъ привѣтомъ,
Украшены, въ вѣнцахъ, гдѣ райскій свѣтъ сіялъ,

Они возвысили мой духъ своимъ совѣтомъ!..

VII.

Данте, достигнувъ въ тридцать третьей пѣсни „Рая“ *экстатическаго просвѣтлѣнія,* символически высшей точки небеснаго рая, той „лучезарной Точки, вокругъ которой вращаются всѣ девять сферъ“, т.-е. отрѣшившись отъ воздѣйствія всѣхъ девяти сферъ чусвтвенности, — проситъ святого Бернарда помолиться Дѣвѣ Маріи и черезъ Ея предстательство удостоиться „высшей степени блаженства“—видѣнія Св. Троицы.

Св. Бернардъ, раскрывщій догматъ о непорочномъ зачатіи, „украшенный блескомъ Маріи, какъ утренняя заря украшается сіяніемъ солнца“, въ пламенной молитвѣ, обращенной къ св. Дѣвѣ, умоляетъ Ее дать возможность смертному (т.-е. Данте) удостоиться лицезрѣнія Бога. Страшно и загадочно звучатъ его слова:

О никогда досель блаженства созерцанья
Столь пламенно себѣ просить я не дерзалъ,
Какъ жажду для него!

Первая же строка „La sancta oratione“ св. Бернарда по казываетъ, какъ глубоко проникъ Данте въ самую сущность отношеній Христа и Дѣвы Маріи:

О Дѣва—Мать, *Дщерь* Сына Твоего!..

Послѣдующія обращенія къ Ней являются перломъ всей „Divina Comedia“, соединяя въ себѣ неразрывно всѣ главныя грани генія ея творца: полное простосердечіе и глу-

бокую мудрость, красоту образовъ и мистическое прозрѣніе, корни котораго лежатъ за предѣлами всякой образности и даже языка, необычайное богатство содержанія и краткость, доведенную до послѣдней степени классической простоты.

Не менѣе ярко въ этой молитвѣ отпечатлѣлись и другія черты Данте, соединившаго въ себѣ всестороннее пониманіе пороковъ и страстей, такое осужденіе всего человѣчества, которое превратило первую часть его поэмы въ подобіе страшнаго суда, изрекаемаго однимъ человѣкомъ надъ всей исторіей человѣческаго рода,—съ самыми высшими порывами души къ безконечному совершенству, которые заставляли и заставляютъ сопоставлять Данте съ великими основателями новыхъ религій и святыми подвижниками.

Вѣющая еще въ „Vita nuova“ и выраженная въ ни съ чѣмъ не сравнимыхъ образахъ его безстрастная, чистомистическая любовь къ Беатриче, невольно сливается съ этой молитвой, обращенной къ „просвѣтившей плоть“ Маріи Дѣвѣ... Весь рай соединяетъ свои напѣвы съ словами этой молитвы, когда она переходитъ въ просьбу о томъ, чтобы любовь Данте навсегда осталась „чистой“!..

Данте даетъ понять, что достиженіе подобной одухотворенности есть послѣдняя степень; дальше — уже *откровеніе*, символизованное имъ въ видѣ — *лицезрѣнія Самого Бога*. Но достиженіе этой степени для смертнаго, грѣховнаго человѣка, каковымъ онъ самъ является, невозможно безъ „щедротъ“ Пресвятой Дѣвы, безъ помощи и озаренія свыше, даже безъ чуда, ибо передъ этой просьбой св. Бернардъ прямо указываетъ на сверхъестественность ея:—*О, Царица! Ты можешь все!..*

Такъ одинъ Данте умѣлъ сочетать глубокій скептическій взглядъ на сущность человѣческой природы *съ безконечнымъ стремленіемъ къ Небу*, подобно тому, какъ никто изъ поэтовъ до него и послѣ него не достигъ равнаго ему совершенства въ сочетаніи верховныхъ идеаловъ *Красоты и Добра*, поэзіи и мистики, никто не сумѣлъ такъ избѣжать двухъ крайностей, одинаково гибельныхъ, — красоты формы, красоты, не признающей ничего, ни выше, ни даже рядомъ съ

собою (Бодлэръ, Уайльдъ),—и отвлеченнаго сухого морализированья (кантовскій категорическій императивъ)...

Молитва св. Бернарда — одно изъ самыхъ сильныхъ и прекрасныхъ проявленій генія Данте.

Молитва св. Бернарда къ Дѣвѣ Маріи.

Изъ 33-й пѣсни „Рая".

Тебѣ, о Дѣва-Мать, Дщерь Сына Твоего,
Молюсь! Ты вознеслась превыше всѣхъ смиреньемъ,
Для Вышней Воли Цѣль творенія всего!..

Ты насъ прославила, сроднила съ искупленьемъ,
Ты просвѣтила плоть,— и Самъ Творецъ Благой
Не погнушался стать межъ насъ Своимъ твореньемъ.

Какъ солнечнымъ лучомъ, лучомъ любви святой
Взростила Розу Ты; здѣсь, миръ вкушая вѣчный,
Ты —Солнце благости полуденной порой...

Живой надежды тамъ — Источникъ безконечный!..
Кто ищетъ благодать безъ помощи Твоей,
Въ томъ крылъ не развернетъ, — увы! — порывъ сердечный!..

Ты намъ прибѣжище; Ты въ благости Своей
Всѣмъ, кто Тебя зоветъ, щедроты разсыпаешь,
Спѣшишь навстрѣчу просьбъ, моленій и скорбей

И милосердіе на падшихъ изливаешь...
Ты — состраданіе и милость безъ конца,
Непостижимо Ты въ Себѣ соединяешь

Все, что есть высшаго въ твореніи Отца!..
Сей мужъ,[1]) чьи взоры вглубь вселенной проникали
И всѣ созданія Премудраго Творца

---

[1]) Т.-е. самъ Данте.

Отъ страшныхъ, адскихъ безднъ до рая созерцали,
Передъ Тобою днесь съ мольбой покорной палъ,
Чтобъ силу высшую Твои щедроты дали,

Чтобъ нынѣ высшее блаженство онъ позналъ...
О никогда, клянусь, восторговъ созерцанья
Себѣ столь дерзостно молить я не дерзалъ,

Какъ для него молю... Услышь мои воззванья,
Я нынѣ всѣ мольбы въ одну мольбу солью,—
Пусть тучи смертности единый лучъ сіянья

Разсѣетъ безъ слѣда; пусть передъ нимъ, молю,
Блаженство высшее предстанетъ... О Царица,
Ты можешь все свершить... Пускай любовь свою [1])

Онъ чистой сохранитъ, пускай въ груди смирится
Порывъ земныхъ страстей предъ властью Твоей...
Днесь Беатриче ницъ, молясь, спѣшитъ склониться

И длани вознести; весь рай вокругъ нея
Съ моей молитвою напѣвъ соединяетъ;
О томъ, о чемъ молю, о чемъ взываю я,

Соборъ блаженныхъ душъ Марію умоляетъ!..

VIII.

„Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“.

Послѣдніе строфы „Рая“ пробуждаютъ въ душѣ еще большій ужасъ, чѣмъ самыя сильныя картины „Ада“, но это совсѣмъ иной ужасъ: въ немъ нѣтъ ни отвращенія, ни бѣшенства; напротивъ, онъ сливается съ чувствами высшаго

---

[1]) Т.-е. свое обожаніе, свой культъ къ Беатриче.

благоговѣнія и умиленія, сущность его—сознаніе собственнаго *ничтожества*... Едва затерялись въ безбрежности послѣдніе звуки молитвы св. Бернарда, на оратора устремились „очи, которыя любитъ и уважаетъ самъ Господь“... Это—глаза Дѣвы Маріи, слуху которой были угодны блачестивыя молитвы...

Пречистую Дѣву, высшую божественную красоту, Данте не могъ облечь даже въ тотъ человѣческій обликъ, въ какой облекъ Беатриче, упоминая, конечно, намѣренно лишь о Ея глазахъ!

Св. Бернардъ, улыбаясь, приглашаетъ Данте вперить взоры въ высь; зрѣніе Данте становится болѣе чистымъ и проникаетъ въ лучъ высочайшаго свѣта, онъ приближается къ конечному предѣлу всѣхъ желаній, онъ видитъ *святую Троицу*...

Въ ликѣ *Слова* человѣчество соединено съ Божествомъ.

Описывая видѣніе св. Троицы, Данте сознаетъ всю невозможность своей задачи и прямо заявляетъ,—

„Да, всѣ слова мои—лишь жалкое мерцанье!..

Онъ сравниваетъ свое видѣніе съ состояніемъ сознанія, получившаго смутное впечатлѣніе отъ сновидѣнія, сущность и отдѣльныя черты котораго невозможно передать словами...

Прежде всего Данте видитъ ослѣпительный свѣтъ, взирая на который онъ „расточаетъ свое зрѣніе“; въ самой глубинѣ его онъ находитъ всѣ *страницы* вселенной переплетенными любовью въ одинъ *томъ;* по мѣрѣ созерцанія свѣта духовное зрѣніе Данте крѣпнетъ, и передъ его очами появляются три гигантскихъ круга трехъ цвѣтовъ; одинъ изъ нихъ является отраженіемъ другого, третій кругъ кажется „выходящимъ *одинаково* какъ изъ одного круга, такъ и изъ другого“ [1]).

Внутри второго, отраженнаго круга заключено изображеніе человѣческаго лика... Мгновенно видѣніе скрывается.

---

[1]) Символизація католическаго догмата „filioque“

Изъ 33-й пѣсни „Рая“.

И тамъ, гдѣ пламенѣлъ верховный яркій Свѣтъ,
Три круга огненныхъ я узрѣлъ въ то мгновенье,—
И въ каждомъ кругѣ тамъ сверкалъ особый цвѣтъ.

Казалось, кругъ одинъ—другого отраженье,
Какъ отблескъ радуги, гдѣ радуга блеститъ...
Кругъ третій въ первыхъ двухъ обрѣлъ свое рожденье—

Для взоровъ пламени являлъ живого видъ...
. . . . . .
О, Вѣчный Свѣтъ! Рожденъ былъ кругъ второй тобою,
Твой отраженный лучъ въ его лучахъ горитъ,

(Хоть взоръ скользнулъ по нимъ съ мгновенной быстротою)...
Въ томъ кругѣ образъ нашъ [1]) въ волненьи узрѣлъ я,
Онъ въ цвѣтѣ огненномъ сіялъ передо мною,

Я созерцалъ тотъ ликъ, свой взоръ въ него вперя...

Эллисъ.

---

[1]) Второй кругъ—вторая ипостась Св. Троицы.

Изъ св. Іоанна Златоуста.

СЪ ПРОЗЫ.

Музыка словъ и созвучія пѣсни намъ духъ услаждаютъ;
Грустно ли стало тебѣ? Давятъ ли думы, иль трудъ?
Горе-ли? — Пѣсня поется; и стихъ вдохновенный поэта
Душу больную живитъ, силы, отраду дастъ.

Съ пѣснью ввѣряетъ полямъ земледѣлецъ зерно золотое;
Съ пѣснью матросы гребутъ; пѣснями въ долгую ночь
Жены тоску разгоняютъ, мужей ожидая съ дороги...
Пѣсню и няня поетъ у колыбели дѣтей...

Пойте же, пойте, о други, пѣснь радости, пѣснь Христу Богу!
Выше всѣхъ пѣсенъ она: отзвукъ въ ней слышенъ небесъ!
Душу отъ грѣшной земли, отъ горя, борьбы и страданій
Въ лучшій, заоблачный міръ, къ Богу уноситъ она!

П. Астровъ.

Свѣтъ на Пути.

Свѣтъ на Пути (по-санскритски *Swata Pantaia*) глубокомистическое произведеніе древней Индіи. Нигдѣ мистицизмъ не былъ разработанъ съ такой полнотой и глубиной, такъ вдохновенно и съ такой поэзіей, какъ въ Индіи. Мистическая философія Индіи — грандіознѣйшая и глубочайшая въ мірѣ. Зачатки ея мы встрѣчаемъ еще въ *гимнахъ Ведъ* (нѣкоторые изъ нихъ создались за 2000 лѣтъ до Р. Х., т.-е. около 4000 лѣтъ до нашего времени), но гораздо полнѣе и глубже мистицизмъ въ *Brahmanas* (богословскій отдѣлъ Ведъ). Здѣсь выступаетъ то *Исканіе Бога въ себѣ* (Я въ я), которое проходитъ черезъ всю индусскую философію, составляя ея существенное содержаніе и отличительный характеръ. Здѣсь уже выступаетъ разработка того внутренняго метода, который въ гимнахъ Ведъ едва, едва проскальзываетъ. Результатомъ этого глубокаго исканія своего внутренняго міра (труды многихъ святыхъ и пророковъ древней Индіи Muni и Rishi) явились *Упанишады* (*Upânishads*), т.-е., богословско-философскіе комментаріи Ведъ (IX в. Д. Р. Х). Позднѣе, въ кастѣ Кшатріевъ, зародилось самостоятельное религіозное движеніе, которое шло въ двухъ направленіяхъ: 1) въ *чисто-религіозномъ* и 2) въ *религіозно-философскомъ*. Въ этомъ послѣднемъ направленіи создались шесть знаменитыхъ, великихъ, философскихъ школъ (*Dharishanas*), легшихъ въ основу позднѣйшаго развитія религіи и философіи Индіи, въ основу всего *Индуизма*, самой мистической религіи въ мірѣ. Эти шесть философскихъ системъ слѣдующія: 1) *Mizanja* (или *Purana*), 2) *Vedanta* (или *Uttara*), 3) *Sankhya*, 4) *Yogha* (или *Yoghai*), 5) *Nyayah* и 6) *Vayseshika*. Всѣ эти философскія системы по своей глубинѣ и поэзіи могутъ быть названы *мистическимъ вѣнцомъ Индіи*, да, пожалуй, и всего человѣчества. Въ нихъ *мисти-*

ческое вѣдѣніе поднимается до недосягаемой высоты. Изъ шести вышеупомянутыхъ философскихъ системъ самая молодая (VII вѣкъ до Р. Хр.) *Vayseshika*—твореніе великаго мудреца-пророка ***Muni-Kanada***, который и считается (по преданію и по стилистическимъ даннымъ) авторомъ *Свѣта на Пути*, этого чуднаго мистическаго творенія, гдѣ глубоко-философски и поэтично выражено, какъ на духовномъ *Пути внутренняго исканія Бога въ себѣ*, и Ищущій обрѣтаетъ свѣтъ безконечный и въ духовномъ храмѣ своего наисокровеннѣйшаго внутренняго бытія встрѣчаетъ своего внутренняго духовнаго Учителя. Предлагаемое здѣсь русское изложеніе *Свѣта на Пути* представляетъ собою лишь переводъ съ англійскаго перевода *М. Коллинзъ* [1]) (сдѣланнаго съ санскритскаго подлинника), изданнаго англійскимъ отдѣломъ Теософическаго Общества.

Свѣтъ на Пути.

I.

Наставленія сіи начертаны для всѣхъ учениковъ: внимай имъ.

Раньше, чѣмъ очи могутъ видѣть, они должны быть уже недоступны слезамъ. Раньше, чѣмъ ухо можетъ слышать, оно должно утратить чувствительность. Ранѣе, чѣмъ голосъ можетъ говорить въ присутствіи Учителя, онъ долженъ лишиться способности оскорблять. Прежде, чѣмъ душа можетъ предстать передъ учителемъ, ея стопы должны быть омыты кровью сердца.

1. Искорени въ себѣ тщеславіе.

Тщеславіе есть первое преткновеніе: великій соблазнъ для человѣка, возвышающагося надъ своими ближними. Оно есть наипростѣйшая форма исканія награды. Людей ума и могущества оно безпрестанно отвлекаетъ отъ ихъ высшихъ дарованій. Тѣмъ не менѣе, оно—необходимый наставникъ: въ устахъ результаты его обращаются въ прахъ и пепелъ. Подобно изгнанію и смерти, оно открываетъ подъ конецъ человѣку, что трудиться для себя, значитъ трудиться для

---

[1]) Переводъ текста здѣсь сдѣланъ съ англійскаго изданія „*Light on the Path*“, by M. Collinz, а расположеніе статей и примѣчаній по французскому изданію „*La Lumière sur le Sentier*“, изданному французскимъ отдѣломъ Теософическаго Общества.

разочарованія. Но хотя это первое наставленіе и представляется столь простымъ и легкимъ, не упускай его скоро, ибо пороки обыкновеннаго человѣка претерпѣваютъ сложное превращеніе и вновь появляются въ измѣненномъ видѣ въ сердцѣ ученика. Легко сказать: „Я не хочу быть тщеславнымъ“, но не легко сказать: „Когда Учитель будетъ читать въ моемъ сердцѣ, то онъ найдетъ его вполнѣ чистымъ“. Истинный артистъ, трудящійся изъ любви къ своему творенію, иногда тверже стоитъ на настоящемъ пути, нежели иной оккультистъ, воображающій, что онъ отдалилъ отъ себя интересъ, но который въ сущности лишь расширилъ предѣлы опыта и желаній и перенесъ интересъ на то, что касается его болѣе широкой области жизни. Тотъ же принципъ прилагается и къ двумъ другимъ простымъ, повидимому, наставленіямъ. Обдумай ихъ и не поддайся обману твоего собственнаго сердца, такъ какъ у порога ошибка теперь еще можетъ быть исправлена. Но храни въ себѣ это наставленіе: оно возрастетъ и принесетъ плоды, иначе же тебѣ придется горько страдать, если бы оно распалось.

2. Искорени въ себѣ желаніе жизни.
3. Искорени въ себѣ желаніе роскоши.
4. Трудись, какъ трудятся самолюбивые.

Уважай жизнь такъ, какъ тѣ, кто ее желаютъ. Будь счастливъ, какъ счастливы тѣ, которые живутъ для счастья.

Ищи въ сердцѣ корень зла и исторгни его. Онъ живетъ въ сердцѣ посвященнаго ученика такъ же плодотворно, какъ и въ сердцѣ человѣка страсти. Искоренить его въ себѣ можетъ лишь сильный. Слабый долженъ ждать, пока этотъ корень разовьется, принесетъ плодъ и умретъ. И растенье это живетъ и растетъ вѣка. Оно цвѣтетъ, когда человѣкъ уже накопилъ въ себѣ безчисленное количество своихъ жизней. Желающій вступить на путь могущества долженъ исторгнуть корень этотъ изъ своего сердца. И тогда сердце будетъ истекать кровью, и вся жизнь человѣка покажется совсѣмъ разрушенною. Нужно перенести это испытаніе: оно можетъ встрѣтиться на первой ступени трудной лѣствицы, ведущей къ пути жизни, такъ же, какъ можетъ встрѣтиться и на послѣдней. Но помни, о ученикъ, что испытаніе это должно быть перенесено, и укрѣпи силу твоей души для этого урока. Не живи ни въ настоящемъ ни въ будущемъ, но въ вѣчномъ. Этотъ гигантскій терній не можетъ тамъ цвѣсти: это пятно жизни сотрется истинною атмосферою вѣчной мысли.

5. Искорени въ себѣ всякое чувство отчужденія.

Не воображай, что ты можешь стоять въ сторонѣ отъ человѣка дурного или неразумнаго: эти люди — ты самъ, хотя бы и въ меньшей степени, чѣмъ твой другъ, или твой Учитель. Если же ты допустишь въ себѣ развитіе мысли о твоей отчужденности отъ всякаго дурного предмета или человѣка, то, поступая такъ, ты создашь Карму, которая свяжетъ тебя съ этимъ предметомъ или человѣкомъ, пока твоя душа не сознаетъ, что она не можетъ быть отдѣльна. Помни, что грѣхъ и стыдъ міра есть *твой* грѣхъ и стыдъ, ибо ты *есть часть міра*. Твоя Карма неразрывна съ великой Кармой. И прежде, чѣмъ ты можешь достичь познанія, ты долженъ пройти повсюду одинаково: будетъ ли тамъ грязно, или чисто. Поэтому помни, что та запятнанная одежда, коснуться которой тебѣ претитъ, могла быть твоею вчера, можетъ стать твоею завтра. И если ты съ ужасомъ отвернешься отъ нея, когда она попадетъ на твои плеча, то она еще крѣпче прильнетъ къ тебѣ. Самооправдывающійся человѣкъ готовитъ себѣ ложе тины. Воздерживайся потому, что воздержаніе хорошо, но не для того, чтобы сохранить себя чистымъ.

6. Искорени въ себѣ желаніе ощущенія.

7. Искорени въ себѣ жажду къ славѣ.

8. Теперь ты одинокъ, потому что ничто изъ того, что воплощено, ничто изъ того, что имѣетъ сознаніе, что оно есть нѣчто отдѣльное, ничто изъ того, что находится внѣ Вѣчнаго, не можетъ тебѣ помочь. Изучай, начиная съ ощущенія и наблюдай его, ибо такъ только можешь ты начать науку самопознанія и подняться на первую ступень лѣствицы. Расти какъ цвѣтокъ растетъ: безсознательно, но горячо раскрывающій свою душу небесамъ. Такъ долженъ и ты стремиться впередъ, чтобы раскрыть свою душу передъ Вѣчностью. Но должно то быть Вѣчное, а не желаніе славы, что влечетъ впередъ твое могущество и красоту. Потому что въ первомъ случаѣ ты развиваешь въ себѣ богатство чистоты, во второмъ же — укрѣпляешь сильною страстью только личный ростъ.

9. Желай только то, что внутри тебя.

10. Желай только то, что внѣ тебя.

11. Желай лишь недосягаемаго.

12. Ибо внутри тебя свѣтъ міра — единственный свѣтъ, могущій освѣщать Путь. Если ты неспособенъ замѣтить его внутри себя, то излишне искать его въ другомъ мѣстѣ. Онъ внѣ тебя потому, что когда ты его достигъ, то себя

ты потерялъ. Онъ недосягаемъ потому, что онъ всегда отступаетъ. Ты вступишь въ полосу свѣта, но никогда не коснешься Пламени.

13. Горячо желай могущества.

14. Пламенно желай мира.

15. Выше всего желай обладанія.

16. Потому что обладаніе это должно принадлежать лишь чистой душѣ и быть равно распредѣлено между всѣми чистыми душами и, такимъ образомъ, сдѣлаться настоящимъ свойствомъ объединеннаго цѣлаго. Жажда такого обладанія можетъ держаться въ чистой душѣ такъ, что ты можешь накопить сокровища для сего объединеннаго духа жизни, который есть твое единственное истинное „Я“. Миръ, котораго ты будешь желать, есть тотъ священный миръ, который ничто не можетъ нарушить, и въ которомъ душа растетъ подобно священному цвѣтку надъ тихими водами. И сила, которую ученикъ будетъ желать, есть та сила, которая сдѣлаетъ его ничтожнымъ въ глазахъ людей.

17. Ищи Путь:

Эти два слова покажутся, быть-можетъ, слишкомъ незначительными, чтобы стоять отдѣльно. Ученикъ можетъ сказать: „Если бы я вполнѣ изучилъ эти мысли, нашелъ ли тогда бы я Путь?“ Но не спѣши пройти мимо: остановись и подумай немного: тотъ ли это Путь, который ты желаешь найти, или же это лишь неясный, отдаленный обликъ въ твоихъ видѣніяхъ большихъ высотъ, на которыя ты намѣреваешься подняться и того великаго будущаго, которое тебѣ предстоитъ? Будь остороженъ: объ этомъ Пути слѣдуетъ подумать ради его самого, но не по отношенію къ твоимъ стопамъ, которыя бутутъ итти по немъ.

Здѣсь есть связь между этимъ (17, I) наставленіемъ („Ищи Путь“) и тѣмъ (17, II), которое гласитъ: *Въ наисокровеннѣйшей глубинѣ вопрошай Единаго о тѣхъ тайнахъ, которыя Онъ вѣки вѣковъ хранитъ для тебя.* Когда послѣ вѣковъ борьбы и многихъ побѣдъ выиграна послѣдняя битва, когда заданъ вопросъ о конечной тайнѣ, тогда ты готовъ къ дальнѣйшему пути. Когда же конечная тайна этого великаго урока раскрыта, то въ ней раскрыта и тайна новаго Пути,— Пути, лежащаго внѣ всякаго человѣческаго опыта и вполнѣ находящагося за предѣлами человѣческаго пониманія или воображенія. На каждомъ изъ этихъ пунктовъ необходимо долго остановиться и хорошо ихъ обдумать. По отношенію къ каждому изъ этихъ пунктовъ нужно быть увѣреннымъ, что этотъ Путь избранъ ради него самого. Истина и Путь идутъ сперва, за ними же слѣдуетъ жизнь.

18. Ищи Путь, уходя внутрь себя.

19. Ищи Путь, смѣло выступая впередъ.

20. Ищи Путь, но не одною тропой. Для каждаго человѣка есть своя тропа, кажущаяся ему наиболѣе желательной.

Однако, Путь нельзя найти ни исключительно однимъ благоговѣніемъ, ни исключительно религіознымъ созерцаніемъ, ни горячимъ движеніемъ впередъ, ни трудомъ самопожертвованія, ни прилежнымъ наблюденіемъ жизни. Ни одно изъ этихъ качествъ не подвинетъ ученика болѣе, чѣмъ на одну ступень. *Всѣ* ступени необходимы, чтобы составить лѣствицу. Человѣческіе пороки дѣлаются ступенями лѣствицы, одинъ за другимъ, по мѣрѣ того, какъ они преодолены. Человѣческія добродѣтели неизбѣжно являются ступенями. Насколько, однако, онѣ всѣ вмѣстѣ созидаютъ прекрасную атмосферу и счастливое будущее, настолько онѣ являются безполезными, будучи взяты порознь. *Вся* природа человѣка должна мудро приниматься во вниманіе тѣмъ, кто желаетъ вступить на Путь. И каждый человѣкъ по отношенію къ самому себѣ есть Путь, Истина и Жизнь. Но онъ есть Путь тогда только, когда онъ твердо охватываетъ всю индивидуальность и силою своей пробужденной духовности признаетъ индивидуальность эту не за самаго „себя“, но за то, что онъ страданьемъ создалъ для себя и чѣмъ онъ (пока его ростъ медленно развиваетъ его интеллектъ) намѣревается постигнуть жизнь *за* предѣлами индивидуальности. Когда онъ сознаетъ, что его поразительно-сложная отдѣльная жизнь существуетъ именно для этого, тогда на самомъ дѣлѣ (и *тогда* только) онъ — на Пути. Ищи Путь, погружаясь въ таинственныя и славныя глубины твоего собственнаго наисокровеннѣйшаго бытія. Ищи его въ проявленіяхъ каждаго опыта, пользуясь чувствомъ для познанія роста и индивидуальности, а также красотою и мракомъ тѣхъ другихъ божественныхъ отблесковъ, которые борятся около тебя и образуютъ ту расу, къ которой ты принадлежишь. Ищи Путь, изучая законы бытія, законы природы, законы сверхъестественнаго. Ищи его, ставя свою душу въ глубокое повиновеніе той Звѣздѣ, которая горитъ внутри. И пока ты будешь неустанно бдѣть и обожать, этотъ свѣтъ будетъ непоколебимо расти, уси-

ливаясь. Тогда знай, что ты нашелъ начало Пути. Когда же ты достигнешь его конца, то его свѣтъ внезапно превратится въ *Свѣтъ Безконечный*.

Ищи путь, провѣряя каждый твой опытъ. И помни, что когда я говорю это, то я не говорю: „Поддайся обольщеніямъ чувствъ, чтобы ихъ узнать". Прежде ты могъ такъ поступать. Когда же ты избралъ Путь и вступилъ на него, то ты уже не можешь безъ стыда поддаваться этимъ искушеніямъ, но ты можешь ихъ взвѣсить, безстрашно ихъ изучать, можешь ихъ наблюдать, цѣнить и довѣрчиво ждать, когда пробьетъ *тотъ* часъ, въ который эти искушенія уже не будутъ тебя безпокоить. Но не осуждай того человѣка, который имъ поддается. Протяни имъ руку помощи какъ брату-страннику, стопы котораго отяжелѣли отъ дорожной пыли. Помни, о ученикъ, что хотя и велика можетъ быть пропасть между грѣшникомъ и праведникомъ, но она еще больше между праведникомъ и достигшимъ познанія. Она неизмѣрима между праведникомъ и стоящимъ на порогѣ божественности. Поэтому, будь остороженъ, чтобы не вообразить слишкомъ рано, что ты есть нѣчто отдѣльное отъ массы. Когда ты найдешь начало Пути, то звѣзда души твоей обнаружитъ свой свѣтъ. И черезъ этотъ свѣтъ ты постигнешь, какъ великъ тотъ мракъ, среди котораго онъ свѣтитъ. Умъ и сердце остаются во мракѣ, пока не выиграна первая большая битва. Не поражайся и не устрашайся этимъ. Пристально взирай на сей маленькій свѣтъ, и онъ вырастетъ. Но пусть твоя внутренняя темнота поможетъ тебѣ понять безпомощность тѣхъ, которые не видали никакого свѣта и души которыхъ погружены въ глубокій мракъ. Не порицай ихъ. Не отворачивайся отъ нихъ, но постарайся немного облегчить тяжелую карму, тяготѣющую надъ міромъ.

21. Ищи цвѣтокъ въ его расцвѣтѣ, ищи его въ той тишинѣ, которая слѣдуетъ за бурей не раньше.

Онъ вырастетъ, разовьется, дастъ стебли и листья, пока продолжается буря, пока длится битва.

Но не раньше, чѣмъ вся личность человѣка распадется и растаетъ, не раньше, чѣмъ она сохранится божественнымъ отблескомъ, создавшемъ ее только какъ предметъ для важнаго испытанія и опытности, не раньше, чѣмъ вся природа соберется и сольется со своимъ высшимъ „Я", не раньше распустится цвѣтокъ. Тогда наступитъ ясное спокойствіе въ утомленной душѣ. И въ глубокомъ молчаніи предстанетъ таинственное явленіе, которое докажетъ, что Путь найденъ. Назови его какимъ хочешь именемъ. Это голосъ, который говоритъ тогда, когда нигдѣ никого нѣтъ. Это идущій вѣстникъ, — вѣстникъ

безъ формы и вещества: *Раскрывшійся цвѣтокъ души.* Это Голосъ Безмолвія. Его нельзя описать никакой метафорой. Но его можно почувствовать послѣ, увидѣть и желать — даже среди ярости бури. Спокойствіе можетъ продолжиться и одно мгновенье и вѣка Но кончится и оно. Твердо носи его съ собою. Еще разъ и еще битва должна быть дана и выиграна.

Раскрытіе цвѣтка составляетъ славный моментъ, когда пробуждается *сознаніе* и вмѣстѣ съ нимъ приходятъ: довѣріе, знаніе, мудрость. Въ первый моментъ душа останавливается въ изумленіи, слѣдующій же моментъ удовлетворенія есть — *Безмолвіе.*

Все вышеприведенное составляетъ первую часть наставленій, начертанныхъ на стѣнахъ храма Познанія. Вопрошающіе получатъ отвѣтъ. Желающіе читать прочтутъ, желающіе учиться — научатся.

„Вопрошающіе получатъ отвѣтъ". Но такъ какъ обыкновенный человѣкъ вопрошаетъ непрерывно, то его голосъ не слышенъ, потому что онъ вопрошаетъ однимъ умомъ, а голосъ ума слышенъ только на томъ планѣ, гдѣ дѣйствуетъ умъ. Вопрошать — значитъ ощущать внутренній голодъ, желаніе духовнаго вдохновенія. Читать — значитъ читать духовными очами.

Миръ да будетъ съ тобою.

Знай, о ученикъ, что тѣ, которые прошли черезъ безмолвіе, почувствовали его миръ и постигли его силу, желаютъ, чтобы и ты тоже прошелъ бы черезъ него. Поэтому въ храмѣ Познанія (когда онъ способенъ въ него вступить) ученикъ всегда найдетъ своего Учителя. Когда ученикъ готовъ учиться, тогда онъ принятъ и призванъ. Но учиться невозможно ранѣе, чѣмъ не выиграна первая великая битва. Разъ выдержана буря и достигнутъ миръ, то учиться всегда возможно, даже если нерѣшительный ученикъ колеблется и сворачиваетъ въ сторону. *Голосъ Безмолвія* остается внутри его, и хотя бы ученикъ и совершенно покинулъ Путь, въ одинъ прекрасный день этотъ Путь ему отзовется. И тогда съ воплемъ и страданіемъ ученикъ самъ пожелаетъ вернуться. Поэтому я говорю: *Миръ да будетъ съ тобою!*

Взгляни на три истины: онѣ равны между собою.

II.

Изъ нѣдръ Безмолвія (которое, такъ сказать, есть миръ) возстанетъ Голосъ и возвѣститъ: „Это не хорошо, ты собралъ жатву и теперь ты долженъ сѣять“. И зная, что этотъ голосъ есть самъ Голосъ Безмолвія, ты будешь повиноваться.

Ты, который теперь ученикъ уже, способный стоять, способный слышать, способный видѣть, способный говорить, ты, который побѣдилъ желанія и достигъ самопознанія, ты, узрѣвшій душу въ ея расцвѣтѣ, познавшій ее и слышавшій Голосъ Безмолвія, — ступай въ Храмъ Познанія и прочти, что тамъ начертано для тебя.

Имѣть способность *стоять*, значитъ имѣть вѣру. Быть способнымъ *слышать*, значитъ открыть дверь души. Имѣть способность *видѣть*, значитъ достигнуть духовнаго пониманія. Быть способнымъ *говорить*, означаетъ достиженіе возможности помогать другимъ. Когда *побѣждено желаніе*, то это значитъ, что извѣстно, какъ слѣдуетъ относиться къ себѣ и слѣдить за собою. Достигнуть самопознанія, значитъ отступить внутрь себя, откуда личный человѣкъ можетъ быть наблюдаемъ безпристрастно. Увидѣть душу въ ея расцвѣтѣ, означаетъ пріобрѣтеніе въ тебѣ самомъ мгновеннаго проблеска преображенія, которое можетъ превратить тебя въ сверхчеловѣка. Познать—значитъ окончить великую задачу пристальнаго смотрѣнія на пылающій свѣтъ, не опуская очей и не падая отъ ужаса, какъ передъ какимъ-нибудь страшнымъ признакомъ. Это случается съ иными, и тогда, побѣда почти что одержанная, можетъ быть потеряна. Слышать Голосъ Безмолвія, означаетъ понимать, что единственно-истинное руководство приходитъ изнутри. Войти въ храмъ Познанія, значитъ достигнуть того состоянія, когда изученіе становится возможнымъ. Тогда много словъ будетъ написано для тебя и написано огненными буквами. *Ибо когда ученикъ готовъ то Учитель тоже готовъ.*

1. Держись въ сторонѣ грядущей битвы, и хотя бы ты и сражался, не будь воиномъ.

2. Ищи Воина и пусть онъ сражается въ тебѣ.

3. Принимай Его распоряженія для битвы, и повинуйся имъ.

4. Повинуйся Воину не какъ полководцу, но какъ бы самому себѣ, чтобы произносимыя Имъ слова были бы вы-

раженіемъ твоихъ сокровенныхъ желаній, потому что Онъ есть ты самъ, но безконечно болѣе мудрый и сильный. — Ищи Его. — Внѣ пыла и жара битвы, ты можешь пройти мимо, не найдя Его. И Онъ тебя не узнаетъ раньше, чѣмъ ты самъ Его узнаешь. И если твой зовъ встрѣтитъ Его отзывчивый слухъ, то Онъ будетъ сражаться въ тебѣ и наполнитъ Собою внутреннюю пустоту. И если это такъ, то ты можешь идти на битву спокойно и неутомимо, стоя въ сторонѣ и оставивъ Его сражаться за тебя. И тогда тебѣ невозможно будетъ нанести невѣрный ударъ. Но если ты не будешь искать Воина, если ты пройдешь мимо Него, тогда нѣтъ тебѣ защиты. Твой умъ станетъ метаться и твое сердце будетъ неувѣренно: Отъ пыли битвы взоръ твой и твои чувства затуманятся, и ты не отличишь твоихъ друзей отъ твоихъ враговъ.

Воинъ этотъ — ты самъ. Но ты смертенъ и подверженъ грѣху. Онъ же вѣченъ и непоколебимъ: Онъ есть вѣчная истина: Если Онъ взошелъ въ тебя и сдѣлался твоимъ Воиномъ, то впредь уже Онъ никогда тебя не покинетъ. И въ день Великаго Мира Онъ сольется съ тобою воедино.

Ищи Воина и прислушайся къ Нему сперва въ твоемъ собственномъ сердцѣ. Прежде всего ты скажешь: Это не здѣсь: когда я ищу, то нахожу лишь разладъ. — Ищи глубже. Если ты снова разочаруешься, то остановись и снова ищи еще глубже: тамъ ты услышишь гармоничную мелодію: тотъ сокровенный источникъ каждаго человѣческаго сердца. Много разъ можетъ она быть совершенно скрытой и безмолвной, но она тамъ. Въ самой глубинѣ твоей природы найдешь ты: вѣру, надежду и любовь. Ищущій зло отказывается смотрѣть внутрь себя, закрываетъ уши напѣву своего сердца и отвращаетъ очи передъ свѣтомъ своей души. Онъ поступаетъ такъ, думая, что легче жить желаніемъ. Но въ глубинѣ жизни — сильный, не знающій преградъ, потокъ, который нельзя задержать. Обильный источникъ течетъ тамъ. Найди его, и ты увидишь, что даже самое убогое созданіе составляетъ его часть (хотя человѣкъ и закрываетъ на это глаза, созидая для себя внѣшній призракъ ужаса.) Всѣ существа, среди которыхъ ты борешься, — суть отблески Божества. Та иллюзія, которою ты живешь, до того обманчива, что трудно угадать, гдѣ ты сначала обнаружишь нѣжный голосъ сердецъ другихъ людей. Но знай, что онъ, несомнѣнно, — внутри тебя: Ищи его тамъ и, разъ услыхавъ его, ты легче распознаешь его вокругъ себя.

5. Внимай пѣснопѣнію жизни.

6. Запечатлѣй въ своей памяти ту мелодію, которую ты слышишь.

7. Учись у нея гармоніи.

8. Теперь ты можешь стоять прямо, твердый какъ скала, среди вихрей, повинуясь Воину, который есть ты самъ и который есть твой Повелитель. Беззаботно предоставь Ему распоряжаться, не безпокоясь объ исходѣ битвы. Ибо важно лишь одно: чтобы Воинъ побѣдилъ, а ты знаешь, что пасть Онъ не можетъ. Итакъ, стоя спокойно и бдительно, пользуйся тѣмъ, что ты пріобрѣлъ, страдая и уничтоживъ страданія. Лишь отзвуки великаго Пѣснопѣнія доходятъ до ушей твоихъ: ты еще только человѣкъ. Но если ты станешь внимать Пѣснопѣнію, — хорошо запомни его, чтобы ничто изъ дошедшаго до тебя не потерялось, и старайся въ немъ постигнуть окружающую тебя тайну. Со временемъ ты уже не будешь нуждаться въ учителѣ, ибо какъ индивидуальное имѣетъ голосъ, такъ же его имѣетъ и То, въ чемъ индивидуальное существуетъ. Сама жизнь есть никогда неумолкаемое Слово. И рѣчь ея не есть крикъ, какъ ты это предполагаешь (будучи глухимъ); ея рѣчь есть Пѣснопѣніе: Познай черезъ него, что ты — часть гармоніи. Учись у него повиноваться законамъ гармоніи.

9) Учись мудро вникать въ сердца людей.

Никто тебѣ ни врагъ ни другъ, — всѣ люди одинаково твои учители. Врагъ твой становится тайною, которую слѣдуетъ раскрыть: даже если бы на это потребовались годы. Твой другъ становится частью самого тебя, расширеніемъ самого тебя. Одно лишь еще труднѣе познать: Это — твое собственное сердце. Не раньше, чѣмъ распутаны узы личности, не ранѣе можно начать видѣть эту глубокую тайну самого себя. Не ранѣе, чѣмъ ты станешь въ сторонѣ отъ личности, ни въ какомъ случаѣ раньше не предстанетъ она твоему пониманію. Тогда, но не прежде ты можешь обрѣсти ее и руководить ею. Тогда, но не ранѣе, можешь ты располагать всѣми ея силами и посвятить ее достойному служенію.

10. Внимательно наблюдай окружающую тебя жизнь.

11. Еще внимательнѣе взирай на твое собственное сердце.

12. Потому что сквозь твое сердце проходитъ тотъ единственный свѣтъ, который можетъ освѣтить жизнь и представить ее ясной твоимъ очамъ.

Изучай сердца людей, чтобы познать тотъ міръ, въ которомъ ты живешь и частью котораго ты хочешь стать. Наблюдай ту непрестанно мѣняющуюся и движущуюся жизнь, которая окружаетъ тебя, потому что ее составляютъ сердца людей. И по мѣрѣ того, какъ ты научишься познавать ихъ строеніе и значеніе, ты постепенно научишься познавать и болѣе великое слово жизни.

13. Слово приходитъ лишь съ познаніемъ. Достигни познанія, и ты достигнешь слова.

Невозможно помогать ближнимъ, пока ты въ самомъ себѣ не обрѣлъ вѣры. Когда ты вступишь въ храмъ познанія, развивъ свои силы и уже не будучи связанъ чувствами, тогда ты откроешь, что внутри тебя есть тотъ источникъ, о которомъ рѣчь.

Послѣ этого наставленія, я не могу прибавить ни слова къ тому, что уже написано:

Мой миръ я его даю тебѣ.

---

14. Научившись пользоваться внутреннимъ чувствомъ, поборовъ желанія чувствъ внѣшнихъ, побѣдивъ стремленія чувствъ внутреннихъ, пріобрѣтя желанія индивидуальной души и достигнувъ познанія, будь теперь готовъ, о ученикъ, вступить на стезю дѣйствительности. Путь найденъ тобою: приготовся его пройти.

15. Вопрошай землю, воздухъ, воды о тѣхъ тайнахъ, которыя они хранятъ для тебя: Развитіе твоего внутренняго чувства позволитъ тебѣ сдѣлать это.

16. Вопрошай святыхъ земли о тѣхъ тайнахъ, которыя они хранятъ для тебя: Твоя побѣда надъ желаніями твоихъ внѣшнихъ чувствъ даетъ тебѣ право на то.

17. Въ сокровеннѣйшей глубинѣ вопрошай Единаго о тѣхъ тайнахъ, которыя Онъ вѣки вѣковъ хранитъ для тебя.

Великая и трудная побѣда твоя надъ желаніями индивидуальной души есть трудъ многихъ вѣковъ, поэтому не думай получить воздаяніе раньше, чѣмъ накопятся вѣка опытности.

Когда время познанія сего наставленія наступило, то человѣкъ уже на порогѣ стать болѣе, чѣмъ человѣкомъ.

18. Познаніе, которое теперь твое только потому, что твоя душа объединилась со всѣми чистыми душами и съ тѣмъ, что есть наисокровеннѣйшаго, познаніе это есть вошедшая въ тебя Истина Всевышняго. Если ты ей измѣнишь, если ты не воспользуешься ею или пренебрежешь твоимъ познаніемъ, то для тебя возможно паденіе даже и теперь. Даже и великіе низвергаются съ этой высоты, не будучи въ силахъ выдержать тяжесть, не будучи въ силахъ пройти далѣе. Поэтому взирай впередъ съ неустаннымъ благоговѣніемъ и будь готовъ къ битвѣ.

19. Начертано, что на порогѣ Божественности невозможно установленіе какого бы то ни было закона и не можетъ быть никакого руководителя. Тѣмъ не менѣе, для просвѣщенія ученика окончательная борьба можетъ быть выражена такъ:

Твердо держи то, что не имѣетъ ни вещества ни существа.

20. Внимай лишь тому голосу, который не издаетъ звука.

21. Взирай лишь на то, что одинаково незримо какъ внутреннему, такъ и внѣшнему чувству.

Миръ да будетъ съ тобою.

Перев. **П. Батюшковъ.**

Камни.

ЛЕГЕНДА.

Изгнанные изъ рая, первые люди горько рыдали. Поразившій ихъ грозный приговоръ тяготѣлъ надъ ними уже не первый день, не второй и не третій, и—они сознавали это—былъ непреложенъ. Врата свѣтлаго рая закрылись навсегда. Тамъ, гдѣ былъ входъ въ него, сомкнулись высокіе, пустынныеи, угрюмые утесы, едва только, они плача, покинули райскіе сады, — и только тамъ, высоко наверху, на ихъ вершинахъ мерцалъ дивнымъ сіяніемъ отсвѣтъ райскаго нетлѣннаго свѣта. Тамъ, наверху, стоялъ ангелъ, блестящій и сіяющій, въ рукахъ у него былъ огненный мечъ...

Кругомъ все было мрачно и темно. Непріютной выглядѣла земля. Казавшійся имъ безконечнымъ ея просторъ, отданный имъ и ихъ будущему потомству, не манилъ ихъ къ себѣ,—напротивъ, устрашалъ. Куда итти? Страшна казалась неизвѣстная даль... Что дѣлать? Какъ бороться противъ заполонившихъ землю волчецъ и терній? Они не знали.

И они каждый день приходили сюда, къ замкнувшимся передъ ними вратамъ рая и, взирая на нихъ, горько рыдали. Онъ опускалъ на руку голову, отягощенную заботами,—то, чего онъ раньше не вѣдалъ. Она, доселѣ не знавшая страха, радостная и свободная, теперь содрогалась; и трепетно приникала первая жена къ первому мужу, ему ввѣряя себя, чувствуя уже въ немъ своего защитника, но также и будущаго властелина.

Отъ времени до времени они озирались, но тотчасъ отворачивали пугливые взоры. Гдѣ были мирныя райскія картины, недавно еще плѣнявшія глазъ? Враждебнымъ

казалось все вокругъ. Нѣмая, въ таинственномъ покоѣ лежала земля, изборожденная глубокими оврагами и ущельями, вздувшаяся горами, перерѣзанная стремительными рѣками и потоками. Она казалась въ своемъ оцѣпенѣломъ молчаніи грозной силой, съ которой придется бороться не на жизнь, а на смерть. А море неукротимое, не желавшее повиноваться новому назначенному ему владыкѣ, бушевало, рвалось и металось, страшнымъ натискомъ налетало на берегъ и въ дикомъ ревѣ пѣло про свою несокрушимую мощь. Темно было кругомъ. Послѣ райскаго свѣта казалось, что мракъ стоитъ надъ ними и вокругъ. Тяжело дышалось груди.

Тутъ и тамъ копошились животныя. Недавно еще они были ихъ вѣрными служителями и друзьями; теперь они глядѣли непріязненно и издали, не рѣшаясь еще возмутиться явно, скалили клыки и грозно разѣвали пасти. Давно ли они слушались одного голоса любимаго ими господина и мирно играли другъ съ другомъ, веселя его? Теперь вражда замѣчалась между ними; она росла замѣтно съ каждымъ днемъ. Левъ, накладывая лапу на ягненка, уже не ласкалъ его, но дѣлалъ ему больно, и змѣя, уставясь на горленку, приводила ее въ тревожное и тяжелое оцѣпенѣніе. И въ измѣнившемся взглядѣ ихъ глазъ, и въ измѣнившемся обращеніи уже чувствовалось то новое, что внесъ съ собою въ міръ грѣхъ, совершенный первыми людьми: зло, страхъ и страданіе. И виновники этого страшились міра, искаженнаго ихъ грѣхомъ, и отворачивались, и скрывали свои лица, и тяжко вздыхали.

Сверху на нихъ смотрѣлъ ангелъ.

То былъ прекрасный духъ. На челѣ его свѣтилось сіяніе кротости; лучезарные глаза были полны любви и состраданія. Онъ въ рукѣ держалъ огненный мечъ но, казалось, не былъ бы въ состояніи поднять его.

Онъ стоялъ наверху и смотрѣлъ на первыхъ людей. Онъ видѣлъ ихъ тутъ каждый день. Ихъ вздохи, рыданія и жалобы доходили до него. Земля и ему казалась мрачной, темной, ужасающе негостепріимной. Жалость проникала ему въ сердце.

Онъ смотрѣлъ вокругъ. Солнце ходило по небу и освѣщало землю. Оно каждый вечеръ, багряное, какъ кровь, опускалось въ темныя волны моря и каждое утро, золотое, выходило изъ-за горъ и разбрызгивало свои лучи по всему небосводу. И мѣсяцъ по ночамъ блуждалъ по небесному пространству и проливалъ внизъ свой, предназначенный ему, серебряный свѣтъ. Все было такъ, какъ велѣно было Богомъ,—но земля все-таки казалась ему темной, и люди,—думалъ онъ,—должны были безконечно страдать, лишенные свѣта.

Глядѣлъ внизъ ангелъ, и свѣтлыя, чистыя слезы катились медленно изъ его глазъ по лучезарному лику.

Тихо надъ его главой въ неизмѣнномъ круженіи проходили свѣтила. У каждаго изъ нихъ былъ свой свѣтъ, свое пламя, — красное, голубое, зеленое, желтое. Бѣлымъ, непорочнымъ свѣтомъ теплилась утренняя звѣзда.

И сказалъ имъ ангелъ:

— О, звѣзды! Взгляните на землю. Видите ли вы, какъ она темна. Неужели не жаль вамъ бѣдныхъ людей, изгнанныхъ отъ райскаго блаженства? Если каждая изъ васъ удѣлила бы имъ часть своего свѣта, я бросилъ бы его на землю. Можетъ-быть, на ней стало бы тогда свѣтлѣе!

Безмолвно наклоняя голову, одна за другой согласились звѣзды, тихо проносясь мимо.

Ангелъ протянулъ руку къ небосводу и съ каждой звѣзды срывалъ по лучу, который она давала ему охотно; и вотъ онъ, радостный, бросилъ на землю пригоршню свѣтлыхъ лучей, разнообразныхъ по цвѣту,—красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ и желтыхъ,—и бросалъ ихъ еще и еще, все снова и снова... И вотъ, наконецъ, кинула ему свой непорочный бѣлый лучъ утренняя звѣзда, и онъ, счастливый, бросилъ внизъ и его, самый лучшій, самый свѣтлый лучъ, который, думалъ онъ, больше другихъ долженъ былъ осчастливить землю...

Но только теперь,—онъ замѣтилъ,—на землѣ не становилось свѣтлѣе. Смущенный, сталъ онъ глядѣть внизъ. Лучи, брошенные имъ, не оставались на землѣ, но скрывались быстро въ глубину ея, будто прячась.

Испугался ангелъ: неугодное, видно, сдѣлалъ онъ Богу.

Взглянулъ онъ въ высь и смутился еще больше: увидѣлъ онъ, что летитъ къ нему, оставляя за собой горящій слѣдъ, грозный и прекрасный архангелъ, вѣстникъ Божій; и на лицѣ его онъ прочелъ суровый укоръ.

И остановился передъ нимъ архангелъ; строгостью блистало его чело; неумолимъ былъ взглядъ его горѣвшихъ справедливымъ гнѣвомъ очей.

Не сводя съ него сверкающаго взора, спросилъ архангелъ:

— Какъ осмѣлился ты, братъ мой, на такой своевольный поступокъ?

Смутился передъ безпощаднымъ взоромъ ангелъ, на челѣ котораго сіяли кротость и милосердіе, и, опустивъ долу свои лучезарныя очи, тихо сказалъ:

— „Братъ мой! Я глядѣлъ на землю и на первыхъ людей, прогнѣвившихъ Господа. Они страдаютъ и мучатся, потому что земля темна и непріютна, а они привыкли къ райскому свѣту, миру и блаженству; и для нихъ вѣдь создалъ ихъ Господь. Я думалъ облегчить имъ ихъ страданія!“.

— Люди страждутъ, потому что преступили заповѣдь Создателя своего!—отвѣтствовалъ архангелъ.—Или думалъ ты жалостью своей перечить Божьему правому суду?

— „Они такъ мучатся...—кротко прошепталъ ангелъ, не поднимая глазъ. — Что будутъ дѣлать они среди тьмы? “

— Неужели, братъ мой, ты думалъ измѣнить мудро рѣшенное въ Высшемъ Совѣтѣ? — гнѣвно сказалъ архангелъ. — Гляди!

Ангелъ робко взглянулъ.

И простеръ свой жезлъ Божій вѣстникъ. И вотъ разверзла и обнажила передъ ними нѣдра свои недвижная земля. И узрѣлъ ангелъ: всѣ лучи, которые онъ бросилъ внизъ, были тамъ, въ глубинѣ земли, блестѣли и переливались яркими, разноцвѣтными огнями.

— Земля приняла ихъ въ себя, но они окаменѣли въ ней! — сказалъ архангелъ. — Они не живые лучи, льющіеся съ неба, какими создалъ ихъ Богъ. Они мертвы!

Но и камнями они были прекрасны. Они ярко горѣли въ темныхъ нѣдрахъ, и у каждаго былъ свой цвѣтъ, свой

блескъ и своя красота. Но ярче всѣхъ и лучше былъ бѣлый непорочный камень, застывшій лучъ утренней звѣзды.

— Люди назовутъ эти камни драгоцѣнными! — сказалъ строго архангелъ. — Безумецъ, смотри, что ты сдѣлалъ! Люди будутъ биться другъ съ другомъ изъ-за этихъ камней, почитая ихъ за сокровища, люди будутъ злобствовать, и завидовать, и ненавидѣть другъ друга изъ-за нихъ. Живые лучи небесныхъ свѣтилъ предназначены давать людямъ чистую радость. Ты самовольно сорвалъ ихъ съ неба, и вотъ они заключены въ темницу. Люди отыщутъ ихъ въ ихъ гробахъ, но свѣтлыхъ чувствъ они уже не возбудятъ въ сердцахъ людей.

Поникъ свѣтлокудрой главой ангелъ, и лицо его омрачилось печалью.

— Познай теперь грядущія времена! — воскликнулъ архангелъ. И онъ снова властно простеръ свой жезлъ. — Смотри!

И увидѣлъ ангелъ: мракъ, нависшій надъ землею, былъ уже не такъ теменъ; словно клубы густого дыма медленно расползались во всѣ стороны. На землѣ свѣтлѣло. Дивился ангелъ, а передъ нимъ проносились вѣка, тысячелѣтія неизмѣнной чредой... И вотъ, — увидѣлъ онъ, — земля уже не была дика и пустынна, земля была населена размножившимся родомъ людскимъ, земля не произращала одни волчцы и терніи, но красовалась добрыми злаками, плодами и цвѣтами, покорилась своему господину. Онъ властвовалъ надъ ней, и рѣки, горы и ущелья уже не были ему преградой, но служили его цѣлямъ. И видѣлъ ангелъ: море глухо ревѣло, и металось, и билось, но признало власть владыки. И ему же служили животныя, исконные враги его; будучи сильнѣе его, они принуждены были покориться силѣ его ума... Все свѣтлѣло на землѣ... Люди перестали чуждаться другъ друга, люди жили общинами и научились видѣть въ общественной жизни залогъ своего преуспѣянія. Люди создавали искусства и наслаждались ими; люди начинали любить красоту, истину и добро и ставить ихъ выше всѣхъ другихъ благъ... Становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй... Люди ошибались и падали, познавали свои ошибки и, неустанно работая, шли

передъ. И отпадали водно за другимъ тяготѣвшія надъ ними заблужденія... И все,что омрачало ихъ жизнь,—кровавыя пытки и казни, кровопролитныя войны—начинало внушать имъ отвращеніе. И вотъ люди поняли, что они всѣ братья. Люди начинали любить миръ и блага, которыя онъ приноситъ, люди бросали оружіе и спѣшили въ объятья другъ къ другу, и въ вѣчномъ мирѣ и братскомъ союзѣ народы работали всѣ вмѣстѣ, чтобы осуществить на землѣ царство истины и добра... И на землѣ стало совсѣмъ свѣтло... Такъ свѣтло, что солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды казались тусклыми.

Глядѣлъ въ грядущее вѣковъ ангелъ, и ликъ его все свѣтлѣлъ и свѣтлѣлъ. Унынiе покидало его; онъ весь сіялъ радостнымъ упованіемъ передъ великимъ будущимъ земли. Онъ уже не боялся ни мрака на землѣ, ни слабыхъ силъ человѣка.

И сказалъ архангелъ:

— Неразумный братъ мой! Развѣ ты не понялъ, что Господь и Владыка, низвергнувъ человѣка на проклятую имъ землю, вложилъ въ его душу то, что должно снять съ нея проклятіе? О братъ мой, что значитъ мракъ, окружающій землю, что значатъ брошенные тобой сверху лучи яркихъ звѣздъ, что такое сіяніе солнца и блескъ мѣсяца передъ тѣмъ свѣтомъ, который есть въ человѣкѣ, потому что это свѣтъ Божій? И онъ не померкнетъ, но будетъ расти и обоймета вселенную и проникнетъ весь родъ людской. И такъ да будетъ, пока свѣтъ неизреченный, свѣтъ райскій не снизойдетъ вторично на землю!

И ангелъ воздѣлъ руки къ небу и, поднявъ просвѣтленный взоръ горѣ, въ восторгѣ восхвалилъ Господа и сказалъ:

— „Аминь. Да будетъ!“

В. Харузина.

Весенняя элегія.

Одна сижу средь вешнихъ вербъ.
Грустна сижу — сижу въ кручинѣ.
Надъ головой снѣговый серпъ
Повисъ, грустя, въ пустынѣ синей...

А были дни — далекій другъ —
Въ заросшемъ паркѣ мы бродили.
Молчалъ. Но пальцы нѣжныхъ рукъ,
Дрожа, сжимали стебли лилій.

Молчали мы. На склонѣ дня
Рыдалъ рояль въ старинномъ домѣ.
На склонѣ дня ты велъ меня,
Отдавшись ласковой истомѣ,

Въ зеленоватый полусвѣтъ
Прохладно-зыблемыхъ акацій,
Гдѣ на дорожкѣ силуэтъ
Обозначался бѣлыхъ грацій.

Тѣней невѣрная игра
Подъ нимъ пестрила цоколь твердый,
Въ бассейны ленты серебра
Бросали мраморныя морды...

Теперь блѣдна межъ юныхъ вербъ
Сижу одна. Брожу въ кручинѣ.
Одна гляжу, какъ вешній серпъ
Блеститъ, летитъ въ пустынѣ синей.

Андрей Бѣлый.

„Мы ждемъ его возвращенія“.

Стояло лѣто. Разрывались ожерелья дней. День за днемъ — золотой, росяный, бирюзовый, жемчужный — падали въ чашу безвременья. Такъ дни летѣли. Но дни затуманились. Стояла засуха. Россіи грозилъ недородъ. Солнце казалось рубиномъ подъ вуалью — значитъ, горѣли лѣса. Мы были такъ измучены. Чувствовалось наше одиночество. Давно не видали никого изъ своихъ, милыхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали его пріѣзда. Часто ходили на станцію. Гуляли вдоль платформы. Ждали извѣстій. Извѣстій не было. И вотъ получили его письма. Обѣщалъ пріѣхать. Могли слушать милый голосъ. Не разъ такъ бывало: передъ свиданіемъ обыкновенно проносилась странная тяжесть, разливавшаяся въ атмосферѣ, точно гигантская сѣрая птица съ дымными крыльями. И горѣли лѣса. И разстилалась гарь. Нравилась, пожалуй, эта дымка, воплощавшая въ окружающемъ боль души!..

Помню день его пріѣзда.

Съ утра шелъ дождь. Днемъ парило. Сосны не качались. Калоши расплывались въ мягкой глинѣ, когда мы шли его встрѣчать.

Прибыли на платформу въ моментъ прихода поѣзда. Напряженно искали широкополой, коричневой шляпы и такой же крылатки. Увидали. Онъ пробѣжалъ мимо насъ за носильщикомъ. Шляпа была на немъ, хотя и широкополая, но соломенная. Синее пальто несъ онъ въ рукахъ. Сѣрые волосы побѣлѣли. Еще согнулся.

Мы его окликнули. Не слышалъ. Минуту спустя, пожималъ намъ руки. Смѣялся, снявъ шляпу, откинувъ съ чела

пряди волосъ. Казалось, въ нашей радости онъ замѣтилъ нѣчто вопросительное, искательное. Смущался, щурясь голубыми, подслѣповатыми глазами и протирая пенснэ.

Съ обѣихъ сторонъ было много пережито несообщеннаго другъ другу. Это создавало атмосферу отчужденности въ самой радости встрѣчи.

На возвратномъ пути сообщалъ о своемъ трудѣ, „*Задачи и методы синтетической философіи*“ и о поѣздкахъ на сѣверъ, а мы любовно вглядывались въ близорукое лицо и съ тайной грустью отмѣчали на немъ морщины. Жадно прислушивались къ словамъ, но не приставали съ вопросами. Въ боязливой стыдливости обнаружилась сила нашей дружбы. Знали, что и самъ разскажетъ намъ все на вечерней зорѣ...

Онъ пошелъ отдохнуть. Да и мы разошлись — я и сестра. Было неловко остаться намъ съ глазу на глазъ, было неловко смотрѣть въ глаза. Боялись заговорить о немъ въ его отсутствіи.

Приливъ счастья — тихій, пьяный, слегка грустный, — уносилъ сердце, какъ прежде. Невольно пѣлись знакомыя слова,—

„Сіяй же, указывай путь,
Веди къ недоступному счастью
Того, кто надежды не зналъ...
И сердце утонетъ въ восторгѣ
При видѣ... тебя.

Вошла сестра. Мнѣ стало стыдно.

За обѣдомъ онъ разсуждалъ о текущихъ событіяхъ: „Меня поражаетъ отношеніе общества къ марксизму!..“ Но отъ меня не укрылось, что сюртукъ его черезчуръ ветхъ. Съ горькимъ упрекомъ откинулся на спинку стула, какъ будто онъ былъ виноватъ, что пронзилъ мнѣ сердце своей бѣдностью. Но онъ не замѣтилъ моего волненія. Сестра тоже.

Бѣлый день улеталъ съ вѣтеркомъ. Наплывалъ красный вечеръ. Между нами возникла уютная близость, которую онъ вносилъ своимъ появленіемъ, безъ которой томились— уютность, приласкавшая насъ. Глаза его засіяли, какъ звѣзды. Длинными руками перебиралъ ненужные предметы

и заявлялъ о синтетическомъ характерѣ русской философіи и о многомъ другомъ... Отказываюсь передать смыслъ его словъ. Нельзя запечатлѣть всѣхъ молній. Стучалъ ножемъ по столу, портя скатерть... Это было первое звено въ цѣпи откровеній, которыя онъ постигъ. Ужъ пропѣли красные пѣтухи вечера. Бѣлый день канулъ въ бездну ночи. Отовсюду ринулись тѣни, успокоились — пали на все. Мы суевѣрно придвинулись къ нашему милому, старому другу. Онъ теперь молчалъ... Свистнула птичка и какъ будто пожаловалась на что-то.

Внезапно сестра сказала печально и торопливо, что она устала, и что съ нимъ быть хорошо. Вотъ онъ уѣдетъ. Хлынетъ старое. Тоскливый ужасъ камнемъ падетъ на сердце. Сказала, и слезы блеснули невольно. Но онъ молчалъ, добродушно глядя на насъ и, какъ мнѣ казалось, лукаво. Вдругъ хлынула радость, мнѣ захотѣлось ему подсказать его тайну. Онъ сидѣлъ молчаливый, опоясанный счастьемъ. Одна рука покоилась на перилахъ террассы. На другую склонилъ голову. И сестра взяла его широкую руку. Взяла и поцѣловала со словами „Пусть сердце утонетъ въ восторгѣ при видѣ тебя.“ И не противился. Казалось, не слушалъ сестры весь ушедши въ безмолвіе. Знакомыя волны опять уносили. Опять послѣ долгой разлукѣ. я хотѣлъ сказать о несказанномъ но подумалъ: „Онъ знаетъ все“. Но онъ молчалъ.

Сверкающій метеоръ тихо понесся надъ нами. И растаялъ. Вся осталось попрежнему. Только глубокая грусть отуманила взоръ старика. Разошлись со свѣчами въ рукахъ Глубокой ночью я гулялъ. Мнѣ казалось — окрестности улыбались луной, а липы слишкомъ вытягивались, бросая тѣни. Глубокой ночью облака, какъ событія, наплывали отовсюду. Въ комнатѣ сестры не потухала свѣча. Значитъ, и сестра не спала. Мы сладко терзались несказаннымъ.

Глубокой ночью не разъ подходилъ къ его двери, чтобъ приложиться къ замочной скважинѣ. Виднѣлась сутулая спина, склоненная надъ столомъ; не было видно головы, припавшей къ рукописи: писалъ о задачахъ и методахъ синтетической философіи или о многомъ другомъ...

Утромъ свистѣли синицы. Было холодно и туманно. За рѣкой прыгалъ красный пѣтухъ: тамъ развели костеръ, и теперь пламень лизалъ синюю мглу.

Неловко встрѣтились за чаемъ на террасѣ, точно стыдясь другъ друга. Онъ былъ въ синемъ пальто. Онъ казался блѣдный и грустный, сказалъ, что уѣдетъ. На его сапогахъ я замѣтилъ заплату. Ноющая боль поднялась въ моей груди. Я не задерживалъ его.

Крѣпко пожали руки на станціи. „Скоро увидимся,“ — это былъ послѣдній привѣтъ, о которомъ такъ часто вспоминаемъ теперь, въ эти зимніе вечера, когда вьюга плачетъ надъ старымъ домомъ.

Скоро онъ побѣжалъ за носильщикомъ въ вагонъ московскаго поѣзда. Въ послѣдній разъ его фигура мелькнула въ окнѣ вагона! Онъ устанавливаетъ надъ головой чемоданчикъ. Сестра закивала ему. Онъ насъ не замѣтилъ.

Недавно появился въ печати его незаконченный трудъ: *„Задачи и методы синтетической философіи“*...

Недавно я былъ на его могилѣ. Снѣгъ кружился у моихъ ногъ, и я все смотрѣлъ на трепещущій огонекъ лампадки.

Теперь въ эти зимніе дни мы часто говоримъ съ сестрой о томъ, что произошло между нами троими. Но мы останавливаемся больше на немъ, чѣмъ на словахъ, обращенныхъ къ намъ. Намъ страшно въ нихъ разбираться. Мы теперь позабыли будущее: вѣдь онъ былъ весь — будущее, но онъ отошелъ въ прошлое. Прошлое опять заслоняетъ все. Мы многое забываемъ и обращаемся къ обыденности. Съ нами ужъ нѣтъ никого изъ своихъ, милыхъ.

День за днемъ — золотой, бирюзовый, метельный — тихо падаетъ въ чашу безвременья...

Андрей Бѣлый.

О научномъ догматизмѣ.

I.

Философія (т.-е. любовь къ мудрости) у древнихъ охватывала весь кругозоръ, доступный человѣческому знанію. Объектомъ ея была вся дѣйствительность. Нельзя было говорить о руслѣ ея, потому что кто станетъ говорить о руслѣ моря? Мысль, какъ отважный челнъ, бороздила поверхность моря здѣсь и тамъ. Береговой гранитъ не сжималъ простора. Истина, какъ и ложь, не разбивалась о несокрушимыя стѣны опредѣленныхъ методовъ. Вотъ почему въ изрѣченіяхъ древнихъ философовъ произволъ сочетается съ прозрѣніемъ. Вотъ почему за произвольнымъ построеніемъ, какъ за прозрачнымъ стекломъ, выросталъ реальный смыслъ его. Среди наиболѣе достовѣрныхъ для насъ истинъ врядъ ли можно найти такую, которая не была бы формулирована въ греческой философіи. Развитіе нашихъ знаній имѣетъ глубокую связь съ умозрѣніями древнихъ грековъ и въ значительной мѣрѣ ими опредѣляется. Стоитъ только вспомнить атомизмъ Демокрита. Нельзя отрицать связи Аристотеля съ позднѣйшими натуръ-философами. Въ первоначальныхъ, апріористическихъ истинахъ древнихъ грековъ, какъ бы онѣ ни казались наивными, мы узнаемъ наши формулы, объективно установленныя. И обратно: наши эмпирическія формулы при попыткахъ истолковать ихъ логически приведутъ насъ къ созданію совершенно произвольныхъ гипотезъ. Гипотезы эти приняты, однако, подъ высокое покровительство науки. И подобно тому какъ въ древности за произвольнымъ умозрѣніемъ сквозилъ реальный смыслъ, отчего са-

мая мысль, облеченная въ форму умозрѣнія, двоилась, такъ въ настоящее время въ твердо установленныя наукой формулы начинаетъ врываться здѣсь и тамъ туманъ метафизическихъ исканій. Дюбуа-реймоновскій возгласъ „ignoramus et semper ignorabimus“, какъ тревожный сигнальный рожокъ, возвѣстилъ намъ, что человѣческая мысль опять приблизилась къ безднѣ. И однако человѣчество въ лицѣ ея лучшихъ представителей, можетъ-быть, именно послѣ сигнала тревоги съ какой-то сладостной поспѣшностью устремилось на опасныя кручи, утопая въ горномъ туманѣ. Въ результатѣ та же двойственность въ постановкѣ вопроса объ истинномъ знаніи, усугубляемая разговорами о научно-философскихъ синтезахъ, возводящихъ часто неотчетливость въ обязательный принципъ отвлеченнаго мышленія.

Тысячелѣтняя работа мысли привела насъ къ упорядоченію того, что мы и прежде знали въ общемъ видѣ. Человѣчество трудилось надъ возведеніемъ гранитныхъ береговъ мысли. Теперь воздвигнуты эти граниты здѣсь и тамъ. Движеніе мысли сковано. Во всѣхъ случаяхъ развитіе мысли свободно въ одномъ лишь направленіи. Положимъ, все это достигнуто. Но вотъ изобрѣтены аэростаты, и мы, поднявшись на извѣстную высоту, нестѣсняемые гранитами, опять купаемся въ голубомъ морѣ произвола. Для установленія вѣчныхъ границъ познанія невозможно ограничиваться вопросами о томъ, апріорно ли наше умозрѣніе, или покоится на данныхъ опыта. Для этого нужно переродить самое небо, а этого не въ состояніи исполнить мы при помощи такъ называемыхъ точныхъ методовъ, приводящихъ къ числу и мѣрѣ лишь поверхность нашего мышленія, а не голубое воздушное пространство души.

Дѣйствительность многогранна. Мы можемъ перемѣнять положеніе на граняхъ дѣйствительности, но не самыя грани. При этомъ передъ нами открывается картина все тѣхъ же граней, но только въ различныхъ соотношеніяхъ. Приводя въ порядокъ элементы познанія, мы не въ состояніи измѣнить эти элементы. Отъ насъ зависитъ установить характеръ соотношеній. Мы въ состояніи перегруппировать элементы A, B, C, D въ ACDB, ADBC, ADCB,

BACD, DACB и т. д. Мы не въ состояніи „А“ приравнять „М“. Возникаетъ вопросъ объ отношеніи безъ относящихся.

Въ настоящую минуту мы стоимъ не на тѣхъ граняхъ познанія, на какихъ стояла греческая мысль. Но мы не можемъ не видѣть того же, что и мыслители древности. Легкомысленно спорить о самихъ объектахъ познанія. Важно уяснить себѣ разность въ порядкѣ познанія всѣхъ же объектовъ.

Философія нашего времени, если она желаетъ вступить на болѣе правильный путь, должна предоставить объекты познанія циклу соотвѣтствующихъ наукъ. Наоборотъ: выработкѣ наиболѣе раціональнаго порядка соотношеній, различно преломляющихъ граней познанія, долженъ быть посвященъ весь трудъ философа. Такая задача выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о методѣ. Въ вопросѣ о нахожденіи объединяющаго метода, дающаго относительную свободу догматизму различныхъ научныхъ методовъ, сказывается единственно въ этой формѣ доступное намъ стремленіе къ синтезу — построеніе великой міровой башни къ небу. Такое стремленіе полагаетъ за самый синтезъ первоначальное установленіе порядка и границъ между различными дисциплинами духа. Разъ установлены эти границы, выступаетъ вопросъ 1) о преодолѣніи ихъ всѣхъ указаніемъ на догматизмъ отдѣльной дисциплины. Гдѣ у насъ единая наука, отъ лица которой говорили Контъ и Спенсеръ? Передъ нами безконечность несвязуемыхъ „логій“. 2) О самоограниченіи духа до полнаго отрицанія всѣхъ дисциплинъ, кромѣ одной, если она принята какъ основная. Первое рѣшеніе вопроса грозитъ привести насъ къ полной безсодержательности въ уясненіи явленій міра. Второе грозитъ насъ на вѣки заключить въ тюрьму. Слѣдуетъ такимъ образомъ рѣшить вопросъ, чтобы, не раздробивъ навѣки свою душу многогранной призмой различныхъ методовъ, не впасть ни въ ограниченность ни въ безсодержательность.

Но разъ душа раздроблена и нѣтъ выхода къ новому единству, вопросъ о синтезѣ необходимо кончается *смѣшеніемъ языковъ*, т.-е. хаосомъ и безуміемъ, какъ при построеніи Вавилонской башни.

Европейская культура приступила къ циклопическимъ постройкамъ (Эйфелева башня, Статуя Свободы, тридцати-этажные дома и т. д.). Дай Богъ, чтобы эти постройки были доведены до конца. Иначе титаны, заложившіе основанія этихъ построекъ, будутъ низвержены въ Тартаръ. Мы должны оправдать ихъ начинанія; а то *иныя постройки будутъ возводиться на фундаментахъ критицизма и психологіи — всѣсвѣтныя казармы духа съ одиночными заключеніями, лишенными свѣта и воздуха.*

II.

Исторія развитія любой науки рисуетъ намъ картину послѣдовательнаго выдѣленія ея изъ философіи. Это выдѣленіе происходитъ по мѣрѣ нарастанія опытнаго матеріала, относящагося къ соотвѣтствующей сферѣ знаній. Стремленіе объединить разрозненные элементы знанія выдвигаетъ вопросы, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ примѣненія къ нимъ спеціальныхъ методовъ. Пока данные вопросы въ данной сферѣ знанія разсматриваются съ общефилософской точки зрѣнія, этимъ методамъ нѣтъ мѣста. Выработка спеціальныхъ методовъ знаменуетъ отдѣленіе отъ философіи извѣстной дисциплины. Совершается постепенный переходъ отъ философіи къ наукѣ. Кругъ вопросовъ, разсматриваемыхъ съ общей точки зрѣнія, разбивается на отдѣльныя сферы. Эти сферы разрастаются и существуютъ, какъ самостоятельное цѣлое. Окраска ихъ зависитъ отъ примѣненій къ нимъ спеціальныхъ методовъ. Въ этотъ періодъ развитія человѣческихъ знаній философія должна терпѣть рядъ пораженій. Она оказывается всякій разъ выбитой изъ своихъ позицій. Со всѣхъ сторонъ въ сферу ея дѣятельности вторгаются методы различныхъ наукъ. Кругъ ея дѣятельности безконечно суживается. Въ точкѣ соприкосновенія ея съ любыми научными методами возникаетъ рядъ конфликтовъ. Научная индукція каждый разъ твердо и увѣренно вонзается въ расплывчатыя границы философскаго апріоризма.

Наступаетъ роковой моментъ для философіи. Она оказывается безъ объектовъ изслѣдованія. Все, что когда-либо

ей принадлежало, отходить къ наукѣ. То, что недавно казалось льдяной вершиной знанія, оказывается бѣлымъ облачкомъ, повисшимъ надъ горой. Тихо снимается сіяющее облачко и, тая, расплывается въ лазури. Философія, сформировавъ несокрушимую гору знаній, сама оказывается въ положеніи бездомнаго скитальца. Вотъ покидаетъ она скалу знаній; но скала, не повитая облачкомъ, уже не восхищаетъ нашей души.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ.

Душа, изсушенная мудростью, глубоко тоскуетъ о потерянномъ раѣ—о дѣтской легкости, *о порхающемъ мышленіи*.

Крѣпость на горѣ, осажденная войсками различныхъ національностей, взята. Со всѣхъ сторонъ по горнымъ тропинкамъ шествуютъ побѣдоносные отряды, каждый отрядъ самостоятельно завоевалъ себѣ путь къ вершинѣ. На вершинѣ они сталкиваются, недоумѣвая, что произошло. Солидарность не нарушалась, пока существовалъ общій врагъ. Разъ крѣпость взята, возникаетъ вопросъ, кто же взялъ ее? Каждая часть желаетъ водрузить свой флагъ на крѣпости. Невольные союзники оказываются врагами.

При взаимномъ соприкосновеніи методовъ различныхъ наукъ выступаетъ рельефнѣй ихъ разнородность. Каждая наука, ограниченная со всѣхъ сторонъ смежными науками, не рисуетъ первоначально отчетливой границы. Наоборотъ, она стремится распространить свой методъ на сосѣднія науки. Возникаетъ тогда убѣжденіе, что данныя различныхъ дисциплинъ возможно сочетать въ согласномъ аккордѣ. Въ любой наукѣ поэтому наблюдается стремленіе перевести данныя сосѣднихъ наукъ въ свои термины. Такой переводъ всегда возможенъ, ежели пренебречь нѣкоторой неточностью. Неточность возникаетъ неизбѣжно, разъ термины одной науки переводятся въ термины другой, макси-

мальная точность результатовъ изслѣдованія, выдѣляющая любую науку изъ общей философіи въ приложеніи къ данному кругу явленій, достигалась именно благодаря существованію своеродныхъ методовъ науки. Да и кромѣ того: разъ мы допустимъ въ принципѣ возможность истолкованія одного цикла явленій въ терминахъ другого, то мы можемъ распространить методъ любой науки на всѣ другія, располагая ихъ въ зависимости отъ близости разнообразныхъ методовъ къ методу данной науки, т.-е. къ основному. Но спеціалистъ любой науки отчетливѣй видитъ достоинство своихъ методовъ. Его наука представляется ему фокусомъ, къ которому сходятся лучи всѣхъ знаній. Тогда существуетъ столько фокусовъ знаній, сколько существуетъ наукъ. Наблюдая развитіе каждой науки, намъ приходится считаться съ ея дифференціаціей. Любая вѣтвь науки способна распасться на множество самостоятельныхъ вѣточекъ. Изъ любой вѣточки, какъ изъ окна, передъ нами открывается необъятность. Съ увеличеніемъ горизонтовъ извѣстнаго въ ариѳметической прогрессіи увеличиваются и горизонты неизвѣстнаго въ прогрессіи геометрической. Наше знаніе опредѣляется отношеніемъ къ нашему незнанію; прогрессъ углубляетъ бездну незнанія. Получается впечатлѣніе, что съ прогрессомъ мы пятимся, какъ раки, назадъ, ибо прогрессъ опредѣляется геометрическимъ отношеніемъ: увеличивая числитель отношенія вдвое, а знаменатель вчетверо, мы уменьшаемъ дробь отношенія вдвое. Дифференціація науки ведетъ насъ къ полному хаосу. Хаосъ этотъ обнаруживается двумя противоположными путями: 1) безмѣрнымъ приближеніемъ мрака неизвѣстности къ поверхностямъ сознанія; ибо, измѣняя геометрическое отношеніе между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ все въ одномъ направленіи, видимость извѣстнаго и сознательнаго уменьшается безконечно. 2) Хаосъ обнаруживается и безконечной дифференціаціей наукъ, отчего можетъ существовать столько же научныхъ міропониманій, носящихъ характеръ выдержанности, сколько существуетъ дисциплинъ, т.-е. безконечное количество міропониманій. Допустивъ это, мы должны будемъ признаться, что научное міропониманіе будущаго должно безконечно прибли-

жаться къ полной безпринципности, т.-е. къ упадочничеству. Ученые будущаго рисуются намъ типичными декадентами.

Оставаясь на чисто научной точкѣ зрѣнія, мы никогда не получимъ объективныхъ соотношеній между различными научными методами: установить такое соотношеніе было бы подъ силу спеціалисту всѣхъ наукъ; но невозможно быть такимъ спеціалистомъ. Съ приведеніемъ же различныхъ методовъ къ одному получается аберрація этихъ методовъ, зависящая отъ степени близости наукъ къ наукѣ, принятой за основную. Пользованіе системой такихъ приведенныхъ къ основному методовъ не давало бы истинной картины явленій; оно лишало бы даже явленія ихъ относительной правильности. Всюду истинная картина соотношенія явленій отличалась бы отъ картины ихъ, возникающей въ приведенной къ единству системѣ наукъ, какъ отличается лицо отъ изображенія его въ выпукломъ или вогнутомъ зеркалѣ.

Но, быть-можетъ, возможно преодолѣть аберрацію методовъ, послѣдовательно разсматривая міръ сквозь множество научныхъ системъ, въ которыхъ всѣ науки приводятся къ различнымъ знаменателямъ; быть-можетъ, мы получили бы представленіе объ истинной картинѣ міра. Тогда работа мысли объ организаціи истиннаго міропониманія отличалась бы отъ работы научнаго истолкованія явленій міра при помощи спеціальныхъ методовъ; обнаружился бы методологическій догматизмъ отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ, и вопросъ былъ бы перенесенъ на почву критики научныхъ методовъ.

Какъ бы то ни было, наука, какъ система знаній, не въ состояніи намъ дать общаго принципа. Между тѣмъ отсутствіе объединяющаго начала лишаетъ насъ навсегда права имѣть [какое-либо міровоззрѣніе. Наличностью жетѣхъ или иныхъ принциповъ осмысливается жизнь. Слѣдовательно, мы обречены или на *безсмысленное* существованіе, или должны надѣть *методологическія шоры* и при этомъ сознательно. Во второмъ случаѣ мы или близоруки, или неискренни. Въ первомъ случаѣ намъ грозитъ отчаяніе или глупость. Кромѣ того: говоря, что жизнь безсмысленна,

мы становимся въ оппозицію самимъ себѣ, ибо мы *живемъ*. Мы должны погибнуть, истребить себя, чтобы нарушить противорѣчіе. Смыслъ жизни въ такомъ случаѣ опредѣляется нашей гибелью.

Глядя на жизнь со спеціальной, методологической точки зрѣнія, мы подчиняемъ живое содержаніе конкретныхъ явленій методу, т.-е. чему-то самому для себя не существующему. То, что оформливаетъ *нѣчто* имѣя служебное значеніе, возводится тогда въ самое *нѣчто*. И поскольку возводится *нѣчто несуществующее*, т.-е. пустота, постольку жизнь превращается въ организацію смерти.

Итакъ, научное изъясненіе явленій жизни, если расширяется его служебное, подчиненное значеніе до общаго, принципіальнаго, ведетъ неминуемо къ исчезновенію самой жизни. Тутъ обнаруживается нигилистическій характеръ самой науки. Не существуетъ науки, какъ міропониманія. Существуетъ рядъ методовъ, пріуроченныхъ къ изслѣдованію соотношеній между феноменами дѣйствительности съ игнорированіемъ основы этихъ явленій. Устанавливается функціональная зависимость здѣсь и тамъ. Любопытно сближать различные методы другъ съ другомъ. Слѣдуетъ помнить, что эти сближенія не имѣютъ никакого рѣшающаго значенія ни въ развитіи сближаемыхъ методовъ, ни въ уясненіи міровыхъ процессовъ. Трезвое отношеніе къ наукѣ переноситъ мысль о сходствѣ методовъ къ мысли о ихъ различіи. Расширеніе любой науки стоитъ въ связи съ углубленіемъ ея методовъ, отчего эти методы становятся все болѣе и болѣе ей, и только ей, свойственными. Каждая наука очерчиваетъ отчетливо свои границы. Всѣ науки являются намъ рѣзко обособленными и способными въ то же время подойти къ любому явленію жизни, со своей, спеціальной точки зрѣнія. Математикъ способенъ приложить теорію вѣроятностей съ соціальнымъ явленіемъ, психологъ воленъ строить соціальную психологію. Все это не лишаетъ права соціолога искать независимыхъ соціальныхъ законовъ. И рѣшающій голосъ долженъ остаться за нимъ. Наоборотъ: изучая соціальные инстинкты муравьевъ, соціологъ лишь косвенно подойдетъ къ изученію жизни муравьевъ.

При такой постановкѣ вопроса методъ, первоначально для насъ слитый съ явленіемъ, все болѣе и болѣе отстаетъ отъ него. Передъ нами *нѣчто*, по существу необъяснимое, и рядъ методовъ, разнообразно преломляющихъ это *нѣчто*. Мы получаемъ при этомъ относительную объективность результатовъ. Но если существуетъ столько относительно объективныхъ и, слѣдовательно, научныхъ уясненій явленія, сколько существуетъ методовъ, слѣдуетъ отказаться отъ *всяческаго* толкованія явленій міра или освободить явленіе отъ *многосмысленныхъ* толкованій его. *Въ результатѣ опять-таки критика методовъ.*

Но вопросъ о правильности метода подчиняетъ научное толкованіе міровыхъ феноменовъ теоріи познанія. Философія, изгнанная изъ низшихъ догматическихъ сферъ мысли, гдѣ она сложила оружіе передъ наукой, является теперь передъ нами въ совершенно новой роли. Не претендуя на содержательность, но оставаясь на формальной точкѣ зрѣнія, она наноситъ совершенно непоправимые удары наукѣ, пытающейся сочетать форму съ содержаніемъ. И поскольку форма даннаго ряда явленій, опредѣляемая этимъ рядомъ, возникала путемъ индуктивнымъ, постольку эта форма является абсолютно истинной лишь для даннаго цикла явленій. Съ расширеніемъ области ея примѣненія обнаруживается ея недостаточность.

Теоретическая философія, оперируя исключительно съ различными формами мысли, легко обнаруживаетъ дефекты различныхъ методовъ.

Андрей Бѣлый.

О пессимизмѣ.

Характеръ того или иного міропониманія зависитъ не только отъ психическаго здоровья общества, но и отъ чисто внѣшнихъ условій, вліяющихъ на складъ физической жизни. Пессимистическая доктрина смотритъ на бытіе какъ на зло. Она ставитъ адептовъ своихъ въ неминуемое столкновеніе со всѣмъ міромъ. Между тѣмъ мы никогда не въ силахъ размежевать границы между собой и міромъ. Не только дѣйствительность вліяетъ на насъ, но и мы вліяемъ на дѣйствительность. Отрицаніе дѣйствительности равносильно самоотрицанію. Пусть міръ — ничто, но тогда и мы—ничто. Но если *все*—ничто, то и обратно: *ничто есть все*. Отправляясь отъ себя въ отрицаніи дѣйствительности, неминуемо приходимъ къ абсурду, отрицая отрицателя вмѣстѣ съ отрицаемымъ. Но если это такъ, если орудіе критики упраздняетъ себя, то вѣдь дѣйствительность отъ этого не упразднится: упразднится наше отношеніе къ ней. Теоретическій пессимизмъ, проведенный послѣдовательно, вооружается на себя. Но онъ необходимъ, какъ временное отношеніе къ міру: лишь послѣ него осязательно убѣждаешься въ томъ, что источникъ, придающій цѣнность всему окружающему, имѣетъ несравненно болѣе глубокое основаніе, нежели мы доселѣ предполагали. Понятіе о бытіи и небытіи является теперь понятіями діалектическими, соотносительными. Мы понимаемъ, что небытіе существуетъ необходимо, какъ дополненіе къ бытію. И обратно.

Теоретическій пессимизмъ необходимо связанъ съ такъ называемымъ индивидуализмомъ. Онъ выдвигаетъ оцѣнку

дѣйствительности краеугольнымъ камнемъ своей доктрины. Поэтому онъ необходимо опирается на непосредственную оцѣнку дѣйствительности, данной намъ какъ нѣчто внутренне осязательное. Но оцѣнка дѣйствительности не является задачей теоретической философіи. Теоретическая философія разсматриваетъ необходимыя формальныя понятія, связанныя съ дѣйствительностью, она не касается нашего отношенія къ этимъ формамъ. Внося оцѣнку дѣйствительности въ уясненіе ея формъ, пессимизмъ смѣшиваетъ понятіе о причинѣ съ понятіемъ о цѣли. Не даромъ нѣкоторые мыслители остроумно опредѣляютъ цѣлесообразность, какъ причинность наизнанку. Одинъ принципъ опирается на методъ логическій пониманія дѣйствительности. Методъ другого невозможенъ безъ нѣкоторыхъ психологическихъ предпосылокъ, которыя Мюнстербергеръ правильно отдѣляетъ отъ общихъ предпосылокъ психофизіологіи: мы утверждаемъ, что цѣлесообразность, выдвигая безраздѣльную цѣльность переживанія, ставитъ это переживаніе въ отношеніе независимое къ теоретико-познавательнымъ формамъ. Смѣшеніе методовъ губительно для основъ пессимистической доктрины: чисто умозрительныя основы опираются на нѣчто конкретное изнутри постигаемое нами. Слѣдуетъ или перейти въ область чистаго мышленія, или отказаться отъ всякой теоретики своихъ личныхъ переживаній. Но, переходя въ область чистаго мышленія, мы лишаемъ согласно Вундту, Конту, Рилю и др. основной принципъ мышленія всякой субстанціальности. Методъ научнаго мышленія не останавливается на логической формѣ закона основанія, сводя эту форму къ математическому символу функціональной зависимости.

Не можетъ существовать выдержанной теоріи пессимизма. *Теорія* и *оцѣнка настроенія*, лежащаго въ основѣ этой теоріи — вѣдь тутъ contradictio in adiecto. А если не можетъ существовать теоріи пессимизма, то не можетъ быть вообще никакого пессимизма. Мрачное настроеніе не можетъ имѣть безконечной длительности. Для непосредственнаго ощущенія непрерывнаго чувства унынія необходимо постоянное увеличеніе интенсивности этого чувства:

въ противномъ случаѣ въ силу психологическаго закона отношеній мы не испытывали бы ровно ничего. Непрерывный же ростъ чувствъ, выражающихъ неудовольствіе, нарушая нормальное отправленіе органическихъ функцій, неминуемо или пресѣкается, напримѣръ, помѣшательствомъ или смертью того, кто ихъ испытываетъ; или же происходитъ анестезія чувствъ, или же ростъ ихъ разрѣшается въ трагическомъ разрядѣ, гдѣ совершается переходъ отъ неудовольствія къ удовольствію. Запечатлѣвается посредствомъ такого рода переживаній, изображеніе которыхъ въ образныхъ символахъ объединяется такъ называемымъ очищеніемъ (κάθαρσις). Всюду передъ нами вырастаетъ предѣлъ для развитія пессимистическихъ настроеній. А разъ общій колоритъ, покрывающій дѣйствительность, хотя бы въ одномъ мѣстѣ нарушенъ, и мы испытываемъ хотя бы въ одинъ моментъ жизни чувства, противоположныя доминирующимъ, мы не имѣемъ право называть себя пессимистами, ибо временная мѣра не можетъ играть никакой роли въ субъективныхъ переживаніяхъ. Не даромъ мистики, пережившіе моментъ экстаза, называютъ Вѣчность застывшимъ мигомъ. Если же мы начнемъ сознательно обобщать наши переживаніи, мы переходимъ невольно въ область теоріи, несостоятельность которой такъ явно бросается въ глаза.

Шатки основы теоретическаго пессимизма. Велико значеніе его, какъ показателя переходной эпохи. Незначителенъ формальный смыслъ пессимизма. Моральный смыслъ его является указателемъ на перевалъ философской мысли въ религіозную сферу. Здѣсь впервые философская мысль обязательно встрѣчается съ чуждыми ей вліяніями. Поневолѣ она даетъ имъ случайную оцѣнку. Важно то, что она считается съ ними. Философія не есть здѣсь предметъ абстрагирующаго мышленія. Она просачивается въ жизнь, сплавляетъ разнородныя дисциплины духа, чтобы онѣ не оставались безъ вліянія на способъ нашего отношенія къ міру. Доселѣ философія развивала познаніе въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ. Пессимизмъ, выдвигая реально иные способы пониманія, только производитъ конфликтъ между самыми методами пониманія.

Два русла ведутъ изъ пессимизма. Одно русло существенно связуетъ пессимизмъ съ религіозной доктриной пассивныхъ религій, какъ то: буддизмомъ и ведантизмомъ. Здѣсь столкновеніе обоихъ методовъ разрѣшается механически въ компромиссъ. Методъ логическій, извнѣ покрывая данныя внутренняго опыта, даетъ имъ только моральный смыслъ, и при этомъ самъ лишается собственной силы, являясь чѣмъ-то оформливающимъ. Реальная сила мышленія пропадаетъ при столкновеніи съ реальными данными внутренняго опыта. Но, утверждая эти данныя, пессимизмъ придаетъ имъ формальный смыслъ. Міръ оказывается фатой, наброшеной на пустоту—маской пустоты. Понятно тяготѣніе Шопенгауэра къ Упанишадамъ. Въ буддизмѣ мы находимъ наиболѣе благопріятныя условія для развитія философскаго критицизма. Понятіе о Мокшѣ (Нирванѣ) есть предѣльное понятіе, характеризующее пессимизмъ, какъ практическій выводъ изъ критицизма. Сочиненія Дармакирти одного изъ *шести украшеній буддизма*, напоминаютъ Конта. Шопенгауэръ — маленькій, европеизованный Шанкара безъ глубины и проникновенія послѣдняго. Другое русло, считаясь съ реальными слѣдствіями пессимизма, переходитъ въ трагизмъ. Трагизмъ старается изнутри разорвать сѣрую паутину пессимизма. Онъ пресуществляетъ пессимистическія эмоціи. Внѣшнее устраненіе ихъ не гарантируетъ насъ отъ мысли, что онѣ съ новой силой нахлынутъ. Расширяя и углубляя пессимистическія эмоціи, мы на основаніи еще не выясненной въ психологіи, но частой связи между противоположно обостренными чувствами какъ бы перегоняемъ скорбь въ радость. Пессимистическое уныніе переходитъ въ трагическій ужасъ, какъ въ свой предѣлъ, чтобы разрѣшиться трагическимъ очищеніемъ явно религіознаго характера. Необходимъ коренной внутренній переломъ, обусловливающій большую легкость въ пользованіи матеріаломъ психической жизни. Нѣкоторые элементы этого матеріала (вѣра въ безусловное, напримѣръ) должны вступить въ столкновеніе съ другими элементами (общими формами познанія), вызывая въ насъ мучительное чувство разлада, чтобы этотъ матеріалъ былъ сведенъ къ одной неразрывной цѣльности. Устанавливая

основаніе всѣхъ жизненныхъ противорѣчій въ противоположеніи между сущностью и видимостью, трагизмъ сливаетъ сущность съ видимостью въ образъ символическаго единства. Организація символизма переживаній непроизвольно религіозна. Религія непроизвольно символична. Свободное же творчество символовъ непроизвольно теургично (богодѣйственно). Теургизмъ лежитъ въ основѣ активныхъ религій.

Объединеніе обоихъ выходовъ изъ пессимизма возможно лишь съ образованіемъ понятія о символическомъ Единствѣ, одинаково отражающемся какъ въ разновидныхъ образахъ переживаній, такъ и въ многообразныхъ видахъ умственныхъ построеній.

Андрей Бѣлый.

Нѣсколько словъ о міросозерцаніи Чичерина.

Что можетъ быть отвратительнѣе тупого самомнѣнія и ограниченнаго самодовольства, изображеннаго на лицѣ человѣка, или, еще хуже, большими буквами написаннаго на ликѣ цѣлой націи! Но не менѣе отталкиваютъ слезливое самоуниженіе и полное отсутствіе благородной гордости. И то и другое свидѣтельствуетъ о безнадежномъ застоѣ въ мысли и въ дѣйствіи. Для бодраго творчества необходима вѣра въ себя, а для нея—сознаніе хотя нѣкотораго достигнутаго успѣха.

Въ жизни народовъ великія дѣла обыкновенно слѣдуютъ за великими ученіями; достаточно вспомнить первые вѣка христіанства реформацію и революціонный періодъ. Наша родина не совершала еще великихъ дѣлъ; она не можетъ пока гордиться своими подвигами, но своими мыслями, своими учителями она можетъ и должна гордиться. Они создали для нея царство идей, показали ей возвышенные образцы жизнепониманія и вдохновили могучими творческими замыслами.

Только пророки и философы могутъ быть учителями жизни, и Россія имѣетъ своихъ философовъ. *Владиміръ Соловьевъ* и *Борисъ Чичеринъ*—вотъ ея представители въ міровой мысли. Всякій, кто только вращался въ сферѣ философскихъ идей, признаетъ за ними право считаться самостоятельными міровыми мыслителями.

Незнакомство съ ними на Западѣ, который прославился своими философскими заслугами, и, безъ сомнѣнія, былъ бы способенъ къ компетентной оцѣнкѣ, объясняется, главнымъ

образомъ, тѣмъ, что долговременная роль маститаго учителя философіи пріучила его игнорировать молодое творчество учениковъ. Если же и въ Россіи популярность ихъ далеко не соотвѣтствуетъ ихъ научному значенію, то это лишь подтверждаетъ истину, что философская мысль никогда не можетъ стать достояніемъ толпы. Даже русская интеллигенція еще не доросла вполнѣ до сознательнаго уваженія къ философіи.

Да и вообще слава философа обыкновенно идетъ за нимъ на разстояніи. Она не похожа на мишурную славу любимцевъ толпы, которыхъ быстро возвеличиваютъ, но еще быстрѣе забываютъ. Во всякомъ случаѣ раскрытіе всего значенія Чичерина и Соловьева для Россіи—есть дѣло будущаго.

Въ настоящей замѣткѣ о Чичеринѣ я не имѣю въ виду написать его некрологъ съ обычнымъ перечисленіемъ прошлыхъ трудовъ и заслугъ; мнѣ хотѣлось бы лишь указать въ немногихъ словахъ, почему пробудившаяся въ Россіи философская мысль должна обратиться къ своему отечественному философу и что она можетъ найти у него въ отвѣтъ на свои запросы. Личность Чичерина, его жизнь, его поступки отошли въ прошлое, но его мысль, его безсмертный духъ живутъ въ будущемъ. „Человѣкъ,—говоритъ *Фехнеръ*,—въ настоящей жизни создаетъ себѣ будущее духовное тѣло, разлитое во всемъ, что было ему близко, или съ чѣмъ онъ былъ какимъ-либо образомъ связанъ“ [1]).

Имя Чичерина я связывалъ съ именемъ Владиміра Соловьева не только потому, что это фактически два самыхъ значительныхъ русскихъ мыслителя; эта связь должна сохраниться и для лучшаго уразумѣнія каждаго философа, для ихъ характеристики. При всей противоположности ихъ міровоззрѣній, которая привела къ оживленной полемикѣ между ними существуетъ и нѣчто общее, связующее ихъ умы, безъ чего никакія взаимныя возраженія были бы невозможны.

Прежде всего и тотъ и другой восприняли философскую мысль Запада, прошли черезъ ея школу (поэтому они и

[1]) Приведено въ книгѣ Чичерина „Наука и религія“ стр. 203.

могутъ притязать на общефилософское значеніе) и стали на высшую философскую точку зрѣнія *идеализма*. Только это дало имъ право и возможность возражать другъ другу; ибо низшая точка зрѣнія не можетъ оспаривать высшую: она не понимаетъ ее; высшая же не должна спорить съ низшей, а лишь поучать ея. Отсюда—полная безплодность споровъ между позитивизмомъ и идеализмомъ. Позитивизмъ постоянно видитъ въ идеализмѣ какого-то врага, который что-то хочетъ отнять у него, лишить его почвы. Онъ совершенно не понимаетъ, что идеализмъ *признаетъ всѣ* его „позитивныя" утвержденія, но только прибавляетъ къ нимъ и еще нѣчто высшее.

Позитивистъ подобенъ человѣку, зажмурившему глаза и упорно утверждающему, что глаза обманываютъ, а не лжетъ только одно осязаніе. Зрячій, который убѣждаетъ его открыть глаза, говоря, что это гораздо удобнѣе, вовсе не собирается отнять у него осязанія, или подорвать довѣріе къ этому чувству. Онъ говоритъ только, что осязаніе, руководимое зрѣніемъ гораздо совершеннѣе оріентируетъ въ мірѣ, чѣмъ слѣпое нащупываніе. Точно такъ же идеалистъ вовсе не собирается отнять у позитивиста опытъ и положительную науку; онъ утверждаетъ лишь, что опытъ невозможенъ безъ *умозрѣнія*, что *„созерцанія безъ понятій слѣпы"* (Кантъ).

Тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія о „понятіяхъ", а признаетъ лишь чувственный опытъ,—безнадежно слѣпъ, и всякія попытки исцѣлить его—напрасны.

И Чичеринъ и Соловьевъ жили и учили въ эпоху господства въ русскомъ обществѣ и въ русской наукѣ позитивизма и матеріализма, „среди людей, которые забыли даже, что существуетъ свѣтъ Божій и готовы закидать каменьями того, кто дерзаетъ о немъ помянуть" [1]). Поэтому умственное разстояніе между этими философами и громаднымъ большинствомъ ихъ современниковъ было громадно, и только теперь мысли ихъ могутъ быть оцѣнены и поняты. Они оставили намъ обширное духовное наслѣдство; къ сожалѣнію, даже составъ его извѣстенъ далеко не всѣмъ.

---

[1]) Предисловіе къ книгѣ Чичерина „Наука и религія".

Одна изъ лучшихъ книгъ Чичерина („Положительная философія и единство науки") посвящена уничтожающей критикѣ позитивизма. Отъ нея русскіе позитивисты всѣхъ лагерей спасаются въ единственное, но вѣрное убѣжище, въ asylum ignorantiae. Это произведеніе входитъ въ составъ нашей философской мысли, какъ pars destruens, предохраняющая ее отъ „низменностей реализма".

Прекрасную критику эмпиризма находимъ еще въ его книгѣ о „Наукѣ и религіи". Владиміръ Соловьевъ точно такъ же посвящаетъ много блестящихъ страницъ доказательству несостоятельности позитивной доктрины.

Въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ позитивизму и эмпиризму и въ идеалистической точкѣ зрѣнія — главная общность воззрѣній двухъ философовъ. Далѣе, между ними устанавливается противоположеніе.

Мысль, поднявшаяся до критическаго идеализма, находитъ далѣе два рѣзко обозначенныхъ пути. Она встрѣчаетъ ихъ начало въ узловомъ пунктѣ, гдѣ перекрещиваются всѣ нити предшествующей и послѣдующей философской мысли, въ Кантѣ. Эти два пути открыты нѣмецкой послѣкантовской философіей. На одинъ путь вступаетъ Фихте въ своей первой системѣ, и затѣмъ Гегель, который даетъ ему полное развитіе. Здѣсь утверждается, что законы разума суть законы природы, что *изъ разума можно вывести* и построить *все* истинно сущее, утверждается *тождество мышленія и бытія*, и поэтому всемогущество разума. На другой путь вступаетъ Якоби, и затѣмъ Фихте во второй системѣ своей (въ „назначеніи человѣка" Фихте опредѣленно намѣчаетъ этотъ путь). Здѣсь утверждается наоборотъ, что хотя разумъ и можетъ мыслить бытіе, но вывести бытіе изъ разума, доказать, что дѣйствительно *существуетъ нѣчто*, что я мыслю, а не *только моя мысль*—невозможно. Поэтому *бытіе* истинно-сущее дается намъ не разумомъ (и не чувственностью, конечно, ибо она всегда представляетъ только состояніе субъекта), а какъ-то иначе, именно: *вѣрою* или *интуиціей*, безъ которой все превратилось бы въ сплошную иллюзію.

На первый путь, путь чистаго *раціонализма*, вступаетъ Чичеринъ, и естественно дѣлается послѣдователемъ Ге-

геля. По второму пути, которому часто дается названіе *мистицизма*,—идетъ Владиміръ Соловьевъ. Отсюда проистекаетъ полемика, возникшая между ними. Чичеринъ подвергаетъ критикѣ воззрѣнія своего достойнаго соперника въ полемическомъ сочиненіи „Мистицизмъ въ наукѣ". Соловьевъ возражаетъ ему въ „Вопросахъ философіи и психологіи".

Не слѣдуетъ, однако, думать, что Чичеринъ является пассивнымъ послѣдователемъ Гегеля. Его можно лишь въ томъ смыслѣ назвать ученикомъ Гегеля, въ какомъ Фихте можно назвать ученикомъ Канта. Здѣсь дается такое самостоятельное и глубокое развитіе основныхъ началъ учителя, какое подъ силу только первоклассному философскому уму.

Главнымъ стремленіемъ, вдохновлявшимъ философа Чичерина и ярко выступающимъ во всѣхъ его произведеніяхъ, должно признать неудержимое влеченіе къ *всестороннему синтезу*, къ единству *системы*. Оно соединялось въ немъ съ необычайной широтой умственнаго горизонта. Философія, религія, природа, исторія, политика—все это обнималось его мощнымъ духомъ и сливалось въ единую систему, превращалось въ обширное, стройное и свѣтлое зданіе разума.

Владиміръ Соловьевъ справедливо оцѣнилъ Чичерина, назвавъ его „самымъ многосторонне-образованнымъ и систематичнымъ умомъ между современными русскими, а можетъ-быть, и европейскими учеными".

Какъ синтетическій философскій умъ, Чичеринъ стремился всегда *объяснять*, а *не отрицать*; ибо та точка зрѣнія сама признаетъ себя недостаточной, которая, не будучи въ состояніи объяснить явленія, ввести его въ систему, принуждена ограничиться слѣпымъ отрицаніемъ. Этимъ она отрицаетъ самое себя. Приступая къ завершенію своей системы, къ высшему синтезу науки и религіи, Чичеринъ говоритъ о послѣдней: „Очевидно, мы имѣемъ тутъ явленіе, которое нельзя легкомысленно отвергать: его надобно изучить и понять. Въ наше время невозможно уже пробавляться ссылкою на заблужденіе, на обманъ, на невѣжество: эти общія фразы, которыми нѣкогда можно было

дѣйствовать на неопытные умы, утратили свою обаятельную силу“ [1]). И однако именно такими ничтожными фразами отдѣлываются представители позитивизма при объясненіи религіи. „Положительная“ наука, желающая отправляться отъ явленій, принуждена объявить одно изъ важнѣйшихъ явленій въ исторіи человѣчества—иллюзіей, обманомъ! Но не сама ли она считала *явленія* единственно тведой почвой, единственно достовѣрными?

Точно такъ же относится „реализмъ“ и ко всѣмъ другимъ фактамъ сознанія, которыя онъ не въ состояніи объяснить: онъ или вычеркиваетъ ихъ, объявляя непознаваемыми, или просто молчитъ, гдѣ уже нельзя отрицать. Такъ поступаетъ онъ въ отношеніи къ пространству и времени. Ясно, что безконечное пространство и безконечное время никто въ опытѣ не воспринималъ (даже и опытъ рода человѣческаго ничего не даетъ здѣсь). Никто не испыталъ также *будущаго*, въ наступленіи котораго мы убѣждены. Наконецъ математика, эта точнѣйшая и достовѣрнѣйшая изъ наукъ, составляетъ вѣчный камень преткновенія для всѣхъ позитивистовъ.

Необыкновенная путаница опытныхъ объясненій математики прекрасно изображена у Чичерина въ главѣ IV „Науки и религіи“.

Позитивизмъ принужденъ отрицать абсолютное значеніе истинъ математики и естествознанія, абсолютное значеніе моральнаго закона и вообще всякую возможность познанія абсолютнаго. Не слишкомъ ли многое отрицаетъ эта доктрина, чтобы претендовать на научность? Если такъ многое непонятно ей, то не лишена ли она вообще всякаго пониманія?

Дѣйствительно, мы убѣждаемся, что позитивизмъ въ своемъ увлеченіи отрицаніемъ отрицаетъ, наконецъ, и самого себя. Если вообще нѣтъ абсолютной истины, то и доктрина позитивизма не есть абсолютная истина, а только одно изъ возможныхъ утвержденій. Какъ оцѣнить, какое изъ нихъ вѣрнѣе? Для этого нуженъ абсолютный критерій истины, а позитивизмъ не признаетъ его.

---

[1]) „Наука и религія“, предисловіе.

Ясно, что безъ такого критерія нѣтъ познанія. Даже самое понятіе „относительнаго“ необходимо предполагаетъ понятіе „абсолютнаго“, въ сравненіи съ которымъ оно и признается „относительнымъ“, или *не абсолютнымъ*.

Абсолютнымъ критеріемъ, судьею истины, Чичеринъ признаетъ *разумъ*, съ его всеобщими законами, которые управляютъ мышленіемъ и, слѣдовательно, объектами мышленія, т.-е. управляютъ всѣмъ вообще.

Это, конечно, не разумъ отдѣльныхъ людей, а разумъ сверхъ индивидуальный, всеобщій, вселенскій разумъ.

Онъ и есть само абсолютное, или истинно-сущее, и оно вполнѣ познаваемо для человѣка, ибо человѣкъ причастенъ ему по своей природѣ, которая представляетъ сочетаніе конечнаго съ безконечнымъ, относительнаго съ абсолютнымъ. Только потому, что единый разумъ управляетъ всѣмъ, люди могутъ познавать общій для всѣхъ міръ, управляемый общими законами; иначе было бы столько міровъ, сколько людей, и люди не понимали бы другъ друга. Мы находимъ эту мысль у великаго праотца Гегеля, у Гераклита: „τοῖς ἐγρηγορόσιν ἕνα καὶ κοινὸν κόσμον εἶναι, τῶν δὲ κοιμωμένων ἕκαστον εἰς ἴδιον ἀποστρέφεσθαι“ [1]).

Какъ полдневное солнце, единый разумъ даетъ людямъ общій свѣтъ; ночью же каждый зажигаетъ свой свѣтильникъ [2]). Высшая мудрость, къ которой стремится философія состоитъ именно въ уразумѣніи этого вселенскаго логоса.

„Εἶναι γὰρ ἓν τὸ σοφόν, ἐπίστασθαι γνώμην, ὁτέη ἐκυβέρνησε πάντα διὰ πάντων“ [3]), говоритъ Гераклитъ.

Эти великія и вѣчныя идеи преемственно переходятъ отъ греческаго мудреца Гераклита къ нѣмецкому философу Гегелю и къ русскому мыслителю Чичерину.

Послѣдній въ своемъ главномъ философскомъ произведеніи („Наука и религія“), посредствомъ блестящаго анализа

---

[1]) Бодрствующіе имѣютъ единый и общій міръ, но каждый дремлющій обращается къ своему отдѣльному. (См. Diels. Die Fragmente der Vorsokratiker, 1903).

[2]) Ср. кн. С. Трубецкой „Метафизика въ древн. Греціи“. Гераклитъ.

[3]) „Единственная мудрость, это—познавать разумъ, который властвуетъ надъ всѣмъ“. Ibid.

опытнаго познанія, или положительной науки, приводитъ къ признанію, что опытъ не можетъ существовать и долженъ разсыпаться въ ничто безъ регулирующихъ опытъ всеобщихъ законовъ разума. Признаніе такихъ абсолютныхъ законовъ разума, составляющихъ всеобщую и единую систему, необходимо приводитъ и даже прямо заключаетъ въ себѣ признаніе *абсолюта*, или *идею Бога*.

Строго раціональнымъ путемъ приходитъ Чичеринъ къ понятію Божества, какъ высшему и предѣльному синтезу познанія. Онъ вполнѣ вѣренъ своему методу. Въ предисловіи къ „Наукѣ и религіи“ онъ сказалъ: „Богословскія изслѣдованія и размышленія могутъ удовлетворять убѣжденныхъ уже въ истинѣ извѣстной религіи, но не въ состояніи убѣдить тѣхъ, которые покинули религіозную почву. Какъ скоро возбужденъ испытующій разумъ, такъ ему одному принадлежитъ верховное рѣшеніе занимающихъ его задачъ“.

Но можетъ ли человѣкъ, ограниченное существо, подниматься къ Богу, можетъ ли конечный разумъ сознавать абсолютъ? Спрашивать объ этомъ излишне, ибо это *фактъ* сознанія, который ясно раскрытъ въ предыдущемъ.

Если бы у человѣка не было идеи *абсолютнаго*, истинносущаго, то какъ могъ бы онъ стремиться къ познанію *абсолютной истины?*

Восходя отъ ограниченнаго къ абсолютному, только и можетъ человѣкъ познавать. Познаніе состоитъ въ этомъ. „Ψυχῆς ἐστι λόγος ἑαυτὸν αὔξων“ [1]). Человѣкъ есть сочетаніе небеснаго съ земнымъ.

Такимъ образомъ, собственный разумъ человѣка возвышается до абсолютнаго разума, до богопознанія. Но человѣкъ не есть только мысль, только познаніе. Каждая мысль сопровождается чувствомъ. Всеобъемлющая идея Божества должна вызывать въ душѣ человѣческой особое чувство, неудержимо захватывающее ее; это чувство есть *переживаніе* вѣчнаго и абсолютнаго, или *религіозное* чувство. „Оно, какъ и всѣ другія чувства,—говоритъ Чичеринъ,—можетъ

---

[1]) Душѣ свойственъ разумъ (логосъ), расширяющій самъ себя“ Гераклитъ. Ibid.

затемняться и даже совершенно заглушаться другими цѣлями и стремленіями. Многіе въ извѣстный періодъ жизни могутъ не находить его въ себѣ. Но какъ скоро человѣкъ углубляется въ себя, какъ скоро передъ внутреннимъ его сознаніемъ раскрывается глубочайшій тайникъ его души, гдѣ мысль и совѣсть совпадаютъ, такъ онъ не можетъ чувствовать своей зависимости отъ окружающаго его безконечнаго бытія и стремленія къ единенію съ этимъ бытіемъ“ [1]).

Это—тотъ самый могучій радостный аффектъ, который называется у Спинозы „интеллектуальной любовью къ Богу“, и который у мудраго и свободнаго властно подчиняетъ себѣ всѣ другіе аффекты души. Раціоналистъ и пантеистъ Спиноза былъ философомъ глубоко религіознымъ; „Его насквозь проникалъ высокій міровой духъ; безконечное было для него началомъ и концомъ, вселенная—его единственною и вѣчною любовью; онъ былъ полонъ религіи“. Такъ говоритъ Шлейэрмахеръ, защищая Спинозу отъ несправедливыхъ обвиненій въ атеизмѣ. Эти нападенія прекрасно отражены Куно-Фишеромъ и Владиміромъ Соловьевымъ („Понятіе о Богѣ“ въ защиту философіи Спинозы т. VIII). Можетъ ли вообще философъ быть атеистомъ?—спрашиваетъ Куно-Фишеръ и отвѣчаетъ на это отрицательно.

Быть атеистомъ, это значитъ отрицать свою связь съ безпредѣльнымъ міровымъ цѣлымъ, не чувствовать ее, не сознавать, не переживать; это значитъ утверждать только себя въ своекорыстномъ существованіи, не понимая ничего другого. Такой философіи быть не можетъ, ибо это уже не любовь къ мудрости, а нѣчто обратное.

Однако весьма часто религіозное чувство существуетъ безсознательно, въ скрытомъ видѣ; иногда оно можетъ быть обнаружено въ томъ, кто всего болѣе открещивается отъ религіозныхъ представленій и считаетъ себя атеистомъ.

Когда естествоиспытатель, строго придерживающійся опыта, при неожиданномъ открытіи останавливается въ нѣмомъ изумленіи передъ невѣдомыми доселѣ тайнами природы, — въ немъ говоритъ, несомнѣнно, религіозное чув-

---

[1]) „Наука и религія“ стр. 215.

ство. Неправда, что у него нѣтъ Бога; природа—его Богъ. Его можно упрекать въ идолопоклонствѣ, но не въ атеизмѣ.

Погружаясь въ глубины міросозданія, созерцая земную красоту, неожиданно блеснувшую среди житейскаго праха, преклоняясь передъ святымъ дѣяніемъ „единаго изъ малыхъ сихъ", человѣческій духъ переживаетъ вѣчность въ преходящемъ мгновеніи, чувствуетъ дыханіе Всеединаго, сметающее весь соръ души, и ощущаетъ вдохновенную радость очищенія и освобожденія.

Не всѣ, конечно, понимаютъ, какая сила одушевляетъ ихъ въ эти минуты, которыя никогда не забываются; но для философа это вполнѣ ясно. Онъ умѣетъ находить единое во многомъ.

Во всемъ предыдущемъ я старался показать, какъ философское мышленіе неизбѣжно влечетъ за собою религіозное чувство; послѣднее составляетъ тотъ божественный Эросъ, который вдохновляетъ философа къ неустанному исканію. Безъ него мысль предпочла бы погрузиться въ успокоеніе Нирваны. Этотъ Эросъ, это стремленіе къ безконечному (unendliches Streben, какъ выражался Фихте) раскрывается въ полной ясности на высотѣ философской мысли, какъ первоначальная сила, руководившая всѣми исканіями человѣческаго разума отъ первой ступени до послѣдней.

Такимъ образомъ, правильно будетъ сказать, что безсознательное религіозное чувство, импульсъ всякаго истиннаго творчества, приводитъ человѣка къ философскимъ идеямъ; правильнѣе, чѣмъ если мы скажемъ, что философскія идеи приводятъ къ религіозному чувству; въ сущности онѣ только раскрываютъ то, что раньше существовало безсознательно.

Чичеринъ, какъ истинный раціоналистъ, идетъ въ своей дедукціи отъ познанія къ религіи; онъ истолковываетъ ее, какъ *чувство*, сопровождающее *идею* (въ сущности вполнѣ въ духѣ Спинозы). При этомъ, однако, онъ отстаиваетъ самостоятельное и вѣчное значеніе религіознаго чувства и расходится съ своимъ учителемъ, Гегелемъ. Онъ не согласенъ съ послѣднимъ въ томъ, что религія есть низшая

ступень философскаго сознанія: „Собственная діалектика Гегеля обнаруживаетъ несостоятельность этого взгляда. Философія относится къ религіи, какъ чистая мысль къ живому единенію, то-есть, какъ отвлеченно общее начало къ конкретному единству“ [1]). Ясно поэтому, что собственныхъ *идей* религія не имѣетъ: идеи ея—суть идеи, доставленныя философіей; а посему онѣ вполнѣ доступны философскому анализу и должны діалектически развиваться. Безъ этого чувство вѣры можетъ устремляться къ конечному и ограниченному вмѣсто абсолютнаго, можетъ стать фетишизмомъ, суевѣріемъ.

„Философское мышленіе приготовляетъ человѣка къ болѣе полному религіозному общенію съ Богомъ, ибо полнота общенія зависитъ отъ полноты пониманія“ [2]).

То, что, дѣйствительно, *достойно вѣры*, должно быть *достовѣрно* для разума, должно съ честью вынести его испытаніе.

„Испытуйте все, — говоритъ апостолъ,—и хорошаго держитесь“ (I Солун. V, 21). „Истинная вѣра отличается отъ суевѣрія именно тѣмъ, что она способна вынести испытаніе“ [3]).

„Когда разуму противополагается откровеніе, и отъ человѣка требуется вѣра въ это откровеніе, онъ, какъ разумное существо, обязанъ спросить: гдѣ доказательство, что это откровеніе Божіе? Иначе нѣтъ причины, почему бы онъ не повѣрилъ Ведамъ или Корану такъ же, какъ Евангелію. Доказательство же можетъ представить единственно разумъ“ [4]).

Я привелъ эти тексты, чтобы показать, что въ той „вѣрѣ“, которую признаетъ и обосновываетъ Чичеринъ, нѣтъ ничего мистическаго, никакого элемента тайны; все ясно и проницаемо для всемогущаго разума.

Но абсолютныя начала разума руководятъ не только человѣческимъ познаніемъ, а и практическою дѣятельностью человѣка. Разумъ не только теоретиченъ, а и практиченъ.

---

[1]) „Наука и религія“ 226.
[2]) Ibid. 233.
[3]) Ibid. 230.
[4]) Ibid.

Въ абсолютномъ разумѣ находитъ человѣкъ вѣчныя правила для своихъ дѣйствій. Поэтому верховный разумъ является не только критеріемъ истины, а и критеріемъ *добра*.

Искусство состоитъ въ воплощеніи идей: чѣмъ полнѣе реализована отвлеченная идея, тѣмъ образъ прекраснѣе. Но всеединый разумъ есть источникъ всѣхъ идей, онъ же, слѣдовательно, источникъ и критерій *красоты*.

Логосъ есть начало и конецъ всего. Теперь вполнѣ ясно, что переживанія *добра* и *красоты*—суть въ сущности религіозныя переживанія, созерцанія осуществленнаго и воплощеннаго Божества.

Мы достигли, наконецъ, вершины всей философской системы, ея послѣдняго синтеза: это логосъ, какъ всеединый источникъ истины, добра и красоты.

Чтобы оцѣнить всю полноту и величіе системы, слѣдуетъ, еще обратить вниманіе на отношеніе ея къ тѣмъ направленіямъ мысли, съ которыми она полемизируетъ, какъ напр. къ матеріализму, реализму, утилитаризму и т. д.; здѣсь нѣтъ узкаго отрицанія: эти ученія объяснены какъ необходимыя ступени въ развитіи разума; всѣ они ведутъ въ концѣ-концовъ къ познанію истины. Аналитическія эпохи предшествуютъ синтетическимъ.

„Тѣ, которые умѣютъ возвыситься надъ увлеченіями современности и понять всемірный ходъ человѣческаго разума, знаютъ что эти точки зрѣнія составляютъ не болѣе, какъ временныя ступени, черезъ которыя проходитъ духъ, но которыя онъ скоро покидаетъ для болѣе полнаго и высокаго развитія“ [1]). Здѣсь Чичеринъ вполнѣ является преемникомъ Гегеля; онъ продолжаетъ его замыселъ построить систему всѣхъ системъ.

Міросозерцаніе Чичерина возвышенно, но не мистично; оно не обезцѣниваетъ земное, чтобы перенестись къ небесному, но стремится все сочетать и примирить во всеобъемлющемъ синтезѣ.

„Поднять глаза кверху нужно не съ тѣмъ, чтобы отлетѣть отъ земли и унестись въ невѣдомую область, а

---

[1]) Ibid. 232.

съ тѣмъ, чтобы, оставаясь на землѣ и пользуясь ея богатствами, окинуть взоромъ все необъятное пространство неба и уразумѣть великую связь, соединяющую высшее съ низшимъ, небесное и земное“ [1]).

Философская система Чичерина подобна пирамидѣ, основаніе которой покоится на твердой почвѣ науки, вершина которой уходитъ въ безпредѣльную высь.

Онъ являетъ собою яркій образъ мыслителя аристотелевскаго типа, тогда какъ Владиміръ Соловьевъ приближается болѣе всего къ Платону. Гёте прекрасно характеризуетъ эти два вѣчныхъ типа человѣческаго мышленія.

„Платонъ находится въ отношеніи къ міру, какъ блаженный духъ, которому угодно прожить въ немъ нѣкоторое время. Аристотель же относится къ міру, какъ его архитекторъ. Онъ очерчиваетъ огромную площадь для своего зданія, собираетъ для него отовсюду матеріалы, кладетъ ихъ какъ бы слоями и такимъ образомъ возводитъ зданіе въ видѣ правильной пирамиды, между тѣмъ какъ Платонъ ищетъ неба, подобно обелиску или даже остроконечному пламени“ [2]).

Б. Вышеславцевъ.

---

[1]) Предисловіе къ „Наукѣ и религіи“.

[2]) „Geschichte der Farbenlehre“.

Свобода совѣсти.

Религіозная проблема поставлена передъ русскимъ обществомъ, которое долгое время не отдавало себѣ отчета въ ея жизненномъ смыслѣ. Конечно, самый принципъ свободы совѣсти признавался, какъ нравственная аксіома, но признавался, такъ сказать, отвлеченно: въ немъ видѣли не основу свободной религіозной жизни, а лишь возстановленье нарушенной справедливости, которая требуетъ для всѣхъ равенства въ личныхъ правахъ; религіозныя ограниченья въ такомъ же смыслѣ осуждались общественнымъ правосознаньемъ, какъ ограниченья сословныя. Но едва ли достаточно останавливала на себѣ вниманіе чисто-религіозная сторона свободы совѣсти. Получалось впечатлѣніе, что въ интересахъ господствующей Церкви скорѣе поддерживать нетерпимость, чѣмъ бороться съ ней—и, надо сказать, среди представителей Церкви отношеніе къ этой свободѣ часто высказывалось болѣе, чѣмъ холодное; не такъ давно съ церковной каѳедры „свобода совѣсти“ отождествлялась со „свободой отъ совѣсти“. На миссіонерскихъ съѣздахъ раздавались призывы къ организаціи правильной борьбы противъ сектантства, раздавались поздніе отголоски инквизиторскихъ настроеній. Рядомъ съ этимъ вообще Церковь была какъ бы отрѣзана отъ живыхъ силъ страны, и потому не могла имѣть на нихъ никакого вліянія. Объ эту оторванность ея разбивались даже попытки привить ей извѣстный клерикализмъ — попытки, всегда сразу изобличавшія свою искусственность. Можно сказать, эти долгіе годы поселили среди образованныхъ классовъ въ Россіи самое скептическое отношеніе къ возможности для нашей

Церкви стать самостоятельной исторической силой. Публицистическая проповѣдь В. С. Соловьева привлекала и плѣняла многихъ, но она не создавала теченія въ общественной мысли и общественной совѣсти, не создавала послѣдователей: самыя своеобразныя части міросозерцанія В. Соловьева казались причудливой, ненужной игрой его ума. Мало было недеждъ вообще, менѣе всего удѣлялось ихъ религіозному возрожденію.

Мы переживаемъ другое время — время полной переоцѣнки всѣхъ общественно-политическихъ цѣнностей. То, что многими годами накапливалось въ глубинѣ общественнаго сознанія, неудержимо выходитъ наружу, на свѣтъ Божій. Какъ неотложная задача, встаетъ передъ русской жизнью обезпеченье правъ личности и между ними — права религіознаго самоопредѣленія. Свобода вѣроисповѣданій возвѣщается, какъ реформа ближайшаго времени, въ правительственныхъ актахъ; за нее подымаетъ свой голосъ Церковь. Оспаривать необходимость и своевременность осуществленія этой свободы не рѣшаются даже недавніе защитники принужденія въ дѣлахъ вѣры — не рѣшаются изъ одного чувства приличія.

Этотъ поворотъ знаменательнымъ образомъ совпадаетъ съ пробудившимся въ русскомъ обществѣ интересомъ къ религіознымъ и религіозно-философскимъ вопросамъ. Конечно, интересъ этотъ слишкомъ новъ, и едва ли можно высказаться о его глубинѣ и прочности. Важно, однако, что напряженное вниманіе къ дѣламъ дня не закрываетъ вѣчнаго, непреходящаго; быть-можетъ, существуетъ даже сознаніе часто скрытой, но всегда несомнѣнной связи между этимъ временнымъ и вѣчнымъ. Открываютъ принципы соціальной справедливости, отъ которой мы ожидаемъ обновленія общественныхъ отношеній, въ огненномъ призывѣ еврейскихъ пророковъ, въ увѣщаніяхъ учителей Церкви; и, конечно, и за предѣлами еврейско-христіанскаго міра легко найти отзвуки этихъ вѣчныхъ заповѣдей, которымъ мы склонны приписывать слишкомъ новое происхожденье. Среди самой Церкви начинается, повидимому, реакція противъ формализма и пассивнаго отношенія къ великимъ вопросамъ, волнующимъ русское общество.

Итакъ, свобода совѣсти, какъ принципъ, на которомъ долженъ зиждиться гражданскій порядокъ и законодательство, кажется, можетъ считаться завоеваннымъ. Но отъ принципа до его проведенія въ жизнь еще далеко. Чѣмъ болѣе мы цѣнимъ извѣстныя духовныя блага, тѣмъ болѣе естественно наше опасенье, что это благо будетъ предоставлено лишь въ половинѣ. Между тѣмъ ничто не поддается такъ легко компромиссу, какъ именно свобода совѣсти.

Разъ она признана, то должна быть признана вполнѣ. Границами для свободы исповѣданій должны сдѣлаться лишь требованія общественнаго и государственнаго самосохраненія, да и то понимаемыя въ буквальномъ, а не въ расширенномъ смыслѣ. Часто употребляютъ здѣсь reductio ad absurdum, противопоставляя требованію свободы совѣсти наличность такихъ сектъ, какъ скопцовъ или извѣстнаго въ Индостанѣ братства убійцъ. Очевидно, однако, здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о вѣрованіи, а о преступныхъ дѣяніяхъ, караемыхъ закономъ. Напротивъ того, если не съ точки зрѣнія формальнаго права, то съ точки зрѣнія здравой политики и нравственнаго чувства нельзя приравнивать къ такого рода преступленіямъ отказъ отъ военной службы, который далъ поводъ къ преслѣдованіямъ сектантовъ. Трудно подозрѣвать Б. Н. Чичерина въ равнодушіи къ правамъ и интересамъ государства, и однако онъ на страницахъ своей Политики наглядно убѣждаетъ, насколько репрессіи здѣсь вреднѣе послѣдствій, могущихъ произойти для безопасности государства при отказѣ отъ военной службы такихъ сектъ, какъ духоборы, мениониты и т. п.

И здѣсь исторія показываетъ намъ, какъ медленно, съ какимъ великимъ трудомъ вводился въ жизнь принципъ свободы совѣсти, кажущійся намъ теперь неотчуждаемымъ завоеваніемъ западно-европейской гражданственности, какъ упорно отказывались примириться съ этой свободой положительныя исповѣданія даже тогда, когда она была введена закономъ. Всего сорокъ лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ знаменитаго Силлабуса Пія IX, гдѣ религіозная свобода признана не только заблужденіемъ, но и грѣхомъ, началомъ, разлагающимъ нравственный строй общества. Борьба англійскихъ католиковъ за равноправность была обставлена немного

меньшими затрудненіями, чѣмъ борьба протестантовъ за право открытаго исповѣданія въ католическихъ странахъ. Отъ нетерпимости клерикальной мало отстаетъ и боевой антиклерикализмъ, которымъ слишкомъ богата французская политическая лѣтопись послѣднихъ лѣтъ и который въ борьбѣ съ Силлабусомъ и декреталіями не останавливается и передъ всяческими нарушеніями декларацiи правъ человѣка и гражданина. Наконецъ, тамъ, гдѣ пали всѣ законодательныя преграды, остаются глубоко укоренившіеся предразсудки; застарѣлая враждебность Гетто разрушена, но не разрушенъ антисемитизмъ съ его человѣконенавистническими проявленіями.

Эти мысли, однако, никоимъ образомъ не должны насъ примирять съ ограниченіями религіозной свободы въ Россіи. Само позднее вступленіе ея на этотъ путь налагаетъ на нее особыя обязательства воспользоваться руководствомъ историческаго опыта. Нельзя возвращаться къ тому, что уже пережито нравственнымъ сознаньемъ всѣхъ культурныхъ странъ, нельзя не считаться со всѣмъ, такъ сказать, моральнымъ капиталомъ, накопленнымъ новѣйшей исторіей. Въ этомъ, быть-можетъ, великое счастье народовъ, позднѣе пріобщающихся свободнымъ формамъ жизни: они могутъ сократить стадіи компромиссовъ и переходовъ, для нихъ возможна бо́льшая смѣлость въ устройствѣ общежитія. Отрицать это значитъ отрицать всякій смыслъ за историческимъ опытомъ народовъ, всякое нравственное единство историческаго процесса.

Въ частности по отношенію къ Россіи не трудно видѣть, что въ ней нѣтъ никакихъ реальныхъ препятствій къ водворенію полной свободы совѣсти. Православной Церкви чужды традиціи боевого клерикализма: она всегда занимала положеніе слишкомъ зависимое относительно государства, чтобы у ней развилось посягательство на полновластіе. Религіозная нетерпимость у насъ исходила, главнымъ образомъ, не отъ Церкви, а отъ государства; Церковь здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, лишь слѣдовала за свѣтской властью. Въ силу этого установленіе полной вѣротерпимости въ Россіи неизмѣримо легче, чѣмъ въ странахъ католическихъ.

Интересамъ государства такая полная свобода не только не противорѣчитъ, но, напротивъ, настоятельно ими диктуется. Лишь на почвѣ ея можетъ быть достигнуто мирное сожительство различныхъ народностей, населяющихъ наше отечество. Ничто не обостряетъ въ такой степени національныя страсти и ненависти, ничто не подкапываетъ такъ глубоко самый фундаментъ государственной крѣпости Россіи, какъ религіозныя стѣсненія и гоненія. Они возстановляютъ противъ даннаго порядка самыя интимныя чувства, оскорбляемыя вмѣшательствомъ въ дѣла совѣсти. Несомнѣнно, первый шагъ къ разрѣшенію національнаго вопроса Россіи,—а отъ правильнаго его разрѣшенія зависитъ не только ея внѣшняя мощь, но и внутренній миръ,—заключается въ признаніи за всѣми вѣрами полной равноправности. Въ особенности необходимо покончить съ политикой, которая видѣла въ православіи орудіе руссификаціи нашихъ окраинъ. Эта политика плачевнымъ образомъ отразилась на нравственномъ авторитетѣ православной Церкви и принесла ей великій вредъ. Вообще принадлежность къ данному исповѣданію не должна сопровождаться никакимъ deminutio capitis. Неравноправность гражданскихъ правъ есть первый шагъ по пути религіознаго гоненія; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ уже законодательство римской имперіи IV вѣка. Здѣсь моральныя соображенія идутъ вполнѣ параллельно требованіямъ здравой государственной политики.

Слѣдовать имъ обоимъ тѣмъ легче, что придется считаться лишь съ устарѣвшимъ текстомъ законодательства, а еще болѣе всякаго рода временныхъ правилъ и распоряженій, которымъ вовсе не соотвѣтствуютъ ни нравы, ни укоренившіеся предразсудки, враждебные религіозной свободѣ. У насъ нѣтъ народнаго фанатизма въ дѣлахъ вѣры, который перевоспитывается лишь поколѣніями. Самая полная реформа въ этомъ направленіи не будетъ обгонять общественнаго сознанія, а лишь удовлетворитъ его настоятельные запросы.

Свобода религіи есть необходимый коррелатъ свободы науки; нельзя себѣ представить второй тамъ, гдѣ нѣтъ первой. Иначе всегда останутся, такъ сказать, заповѣдныя

области знанія, доступъ куда изслѣдователю будетъ преграждаться всевозможными препятствіями. Если религія вообще нуждается въ какихъ-нибудь внѣшнихъ средствахъ, для своего огражденія, то совершенно естественно, что ея охранители полагаютъ научной критикѣ извѣстные предѣлы. Подобныя опасенія представляются для непредубѣжденнаго ума и непосредственнаго чувства странными: не скрывается ли въ нихъ тайная неувѣренность въ религіозной истинѣ самой по себѣ? Напротивъ того, такая заботливость вполнѣ понятна у людей, въ глазахъ которыхъ религія цѣнна не сама по себѣ, а какъ гарантія общественнаго и государственнаго порядка. Но очевидно, что эта точка зрѣнія и есть наиболѣе оскорбительная для всякаго искренняго религіознаго чувства. Оно должно бороться съ ней, какъ должны бороться всѣ цѣнящіе достоинство разума и совѣсти. Лишь при полной свободѣ, какъ науки, такъ и религіи, возможно естественное разграниченіе этихъ двухъ великихъ и безсмертныхъ областей человѣческаго духа.

Наконецъ, свобода выбирать религію, очевидно, предполагаетъ и свободу не имѣть никакой религіи, свободу невѣрія. Принудительная и даже поощряемая религіозность есть всегда школа лицемѣрія и деморализаціи. Намъ кажется мало понятной непослѣдовательность великаго учителя религіозной терпимости Джона Локка, когда онъ, установивъ ея нравственную обязательность, отказываетъ въ ней католикамъ и невѣрующимъ. Первые въ его глазахъ опасны, ибо составляютъ государство въ государствѣ; вторые—потому, что, не имѣя необходимой санкціи нравственности, являются какъ бы по существу людьми неспособными исполнять своихъ обязанностей. Для насъ странно въ настоящее время такое грубое пониманіе связи между религіей и нравственностью. Мы знаемъ, что самое полное искреннее отрицаніе можетъ соединяться съ самымъ высокимъ, нравственнымъ развитіемъ и безкорыстной любовью къ человѣчеству, съ полнымъ самопожертвованіемъ. Многіе исповѣдники теоретическаго матеріализма положили „душу свою за други своя“, какъ многіе официальные миссіонеры христіанства связали свое имя съ самыми варварскими страницами европейской исторіи. Въ искреннемъ и честномъ

невѣріи скрывается гораздо больше истинной религіозности, чѣмъ въ равнодушіи, которое довольствуется внѣшностью, а тѣмъ болѣе во всякихъ попыткахъ приспособить религію къ различнымъ постороннимъ цѣлямъ. Сколько людей лишь путемъ скепсиса и отрицанія, горькаго и ожесточеннаго, могли найти свой путь въ Дамаскъ! Чѣмъ глубже и индивидуальнѣе религіозное развитіе, тѣмъ болѣзненнѣе испытываетъ оно грубыя воздѣйствія извнѣ направить его въ опредѣленное русло.

Нельзя на пути свободы останавливаться на полдорогѣ, нельзя бояться самаго рѣзкаго отрицанія. Религіозная истина шире всѣхъ догматовъ, всѣхъ опредѣленныхъ исповѣданій. Ея непреходящая сила въ томъ, что она отражается въ каждой преходящей стадіи человѣческаго исканья. Самое отрицаніе ея, какъ отрицанье ограниченности ея исторической формы, служитъ великому дѣлу, расчищая дальнѣйшій путь. Высшее выраженье вѣры въ мощь религіозныхъ понятій есть полная и абсолютная свобода совѣсти—единственный даръ, который можетъ принести Божеству человѣчество. И чѣмъ ближе стоитъ Россія къ религіозной свободѣ, тѣмъ съ большимъ жаромъ мы должны откидывать мысль о компромиссахъ, которые не допустили бы ея полнаго воплощенья. Пусть сметены будутъ остатки всякой нетерпимости, пусть не будетъ ими омраченъ новый день русской исторіи, пусть онъ принесетъ всей нашей землѣ равный миръ, всѣмъ нашимъ собратьямъ — равное благоволенье.

С. Котляревскій.

Свободная совѣсть.

Мы живемъ въ моментъ, исключительно серьезный и важный не только для нашей родины, но, пожалуй, и для всего человѣчества. Повсюду, во всѣхъ областяхъ жизни, и духовной, и общественной, назрѣла потребность въ реформахъ, идетъ глухая критическая работа переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, замѣчается напряженное исканіе новыхъ путей, новыхъ формъ и новыхъ принциповъ: и въ политической, и въ соціальной жизни, и въ искусствѣ, и въ философіи, и въ наукѣ, и въ религіи. Повсюду намѣчаются и зарождаются новыя теченія и направленія, вездѣ кипитъ и кристаллизуется будущее.

Всякое новое движеніе является разрушительнымъ по отношенію къ старому. Но, чтобъ быть плодотворнымъ, оно должно не только разрушать, но и созидать. Въ переходныя эпохи, подобныя переживаемой нами, всегда не только пересматриваются старые руководящіе принципы, но и создаются новые; все созданное *теперь*—долго будетъ руководить жизнью, властвовать надъ умами и чувствами; каждая ошибка, сдѣланная теперь, тяжело отразится на всемъ будущемъ, а посѣянное добромъ дастъ обильную жатву въ отдаленномъ потомствѣ.

Современное движеніе во всѣхъ областяхъ жизни и мысли имѣетъ, несомнѣнно, освободительный характеръ. Но по нашему глубокому убѣжденію какое бы то ни было освобожденіе возможно лишь при наличности и подъ условіемъ свободной совѣсти. Совѣсть есть самоопредѣленіе человѣка по отношенію къ себѣ и всему, его окружающему. Ея

неумолчный и правдивый голосъ даетъ оцѣнку всѣмъ отношеніямъ человѣка, какъ къ актамъ его собственной внутренней жизни, такъ и къ фактамъ окружающей его дѣйствительности, слѣдовательно, опредѣляетъ эти отношенія, а черезъ нихъ — и всю дѣятельность человѣка.

Всякое насиліе и произволъ надъ совѣстью, всякая фальшь въ ней самой отражаются насиліемъ и произволомъ въ дѣятельности человѣка, а, слѣдовательно, и въ общественной жизни, ибо она есть сумма человѣческихъ дѣятельностей.

Совѣсть свободна, когда она только одинъ чистый голосъ души человѣческой, голосъ его внутренняго я, „говорящій въ безмолвіи“; когда нѣтъ надъ ней никакого внѣшняго насилія и гнета; нѣтъ въ ней самой никакихъ внутреннихъ, давящихъ и искажающихъ ее путъ, предубѣжденій и предразсудковъ.

Совѣсть свободна, когда она трагична, т.-е. когда свобода не даромъ дается человѣку, но выстрадана имъ, выношена и рождена въ жестокихъ мукахъ сомнѣній и раскаянія.

Совѣсть свободна, когда она не разнузданна; когда ея оцѣнки не произвольны; когда она руководствуется опредѣленнымъ критеріемъ, подчинена строгимъ нормамъ, цѣнитъ и судитъ при яркомъ свѣтѣ свободно избраннаго и освобождающаго идеала, подобно тому, какъ и въ политической жизни свобода есть свобода законности, а не безправія.

Подчиненіе свободно избранному или свободно сознанному идеалу или принципу, — есть необходимое условіе свободы совѣсти.

Этотъ свободно избранный идеалъ, чтобъ быть освобождающимъ, долженъ быть проникнутъ освободительными началами. Такимъ въ нашихъ глазахъ является прежде всего вѣчное, міровое, проникающее жизнь всей вселенной начало любви. Живая, трагическая, т.-е. выстраданная и искупляющая, христіанская любовь къ Богу, ко всему живущему и къ самому себѣ, проникающая все существо человѣка, вожженная въ его душу огнемъ мистическихъ переживаній, одна способна очистить, закалить и освободить совѣсть, а, слѣдовательно, и переопредѣлить всѣ отно-

шенія людей къ жизни и къ самимъ себѣ, передѣлать и людей, и жизнь, создать новое, блаженное будущее для обновленнаго человѣчества.

Другимъ великимъ, безсмертнымъ началомъ всякаго освободительнаго, т.-е. прежде всего освобождающаго совѣсть, идеала должна являться истина, воплощающаяся въ знаніи, особенно въ его высшихъ формахъ — философіи и наукѣ. Знаніе освѣщаетъ человѣку вселенную и жизнь, указываетъ его мѣсто въ мірозданіи, подчиняетъ ему всю природу и его самого, дѣлаетъ его властелиномъ своей судьбы, и, приближая его къ всевѣдѣнію и всемогуществу, освѣщая, очищая отъ заблужденій и предразсудковъ, а, слѣдовательно, и освобождая его разумъ и совѣсть, ведетъ его къ сверхчеловѣческому разумному, свѣтлому существованію. Но для этого и знаніе должно быть трагично, выстрадано; должно проникать всю душу человѣка, срастись съ ней въ одно нераздѣльное цѣлое.

Третье освобождающее совѣсть, а черезъ нее и жизнь, начало — красота, воплощающаяся въ искусствѣ. Эстетичная совѣсть, проникнутая красотой, взявшая ее мѣриломъ жизненныхъ отношеній и поступковъ, — свободна, потому что свобода — красива, потому что всякое подчиненіе совѣсти, т.-е. свободнаго духа, внѣшнему гнету, всякій произволъ есть нравственное уклоненіе, уродство, а уродство всегда безобразно. Только черезъ эстетическій трагизмъ свободной совѣсти красота можетъ проникнуть во всѣ человѣческія отношенія, пропитать собою грубую, прозаичную жизнь, претворить ее въ царство красоты, свѣта, поэзіи и звуковъ, превратить ее въ великую Божественную мистерію.

Ни одно изъ этихъ трехъ освобождающихъ началъ само по себѣ недостаточно для полнаго освобожденія совѣсти, а черезъ нея и жизни. Любовь можетъ быть слѣпа, знаніе — сухо и прозаично, красота—зла. Лишь совмѣстное дѣйствіе всѣхъ трехъ принциповъ, лишь идеалъ, въ которомъ нераздѣльно сливается въ живомъ синтезѣ, въ дивной живой гармоніи любовь, истина и красота; лишь взаимопроникновеніе этихъ трехъ началъ и совѣсти можетъ, дѣйствительно, освободить эту послѣднюю. Свободна вполнѣ

лишь совѣсть, озаренная свѣтомъ живого синтеза любви, знанія и красоты.

Но какъ разъ этотъ синтезъ въ настоящее время кажется недостижимымъ. Никогда еще вѣчный разладъ между религіей и знаніемъ, вѣрой и сомнѣніемъ, сердцемъ и разумомъ не былъ такъ силенъ, какъ теперь; никогда еще онъ не чувствовался такъ остро и болѣзненно. Между тѣмъ никогда еще стремленіе къ примиренію между ними не было такъ сильно, какъ теперь, когда такъ велика потребность въ освобожденіи жизни, для чего необходимо освобожденіе совѣсти, немыслимое безъ синтеза вышеуказанныхъ трехъ началъ.

Измученная этимъ проклятымъ вопросомъ, какъ больное дитя въ тѣсной люлькѣ, мятется душа современнаго человѣчества, ища выходъ изъ этого противорѣчія. Одни,—и такихъ большинство,—отчаявшись найти его, отвергаютъ или науку, или религію, и этимъ искажаютъ укорачиваютъ и уродуютъ свободу своей совѣсти; другіе подмѣняютъ живой синтезъ механическимъ соединеніемъ, мертвымъ синкретизмомъ обоихъ началъ. Ни то ни другое не можетъ привести къ полной, гармонической и живой свободѣ совѣсти, а черезъ нее,—къ полной, гармонической и живой свободѣ жизни. Вмѣстѣ съ нашимъ великимъ учителемъ В. С. Соловьевымъ мы видимъ единственный выходъ изъ противорѣчія между религіозной интуиціей и позитивнымъ знаніемъ въ мистическомъ вѣдѣніи, которое въ одно и то же время сверхсознательно и религіозно, и позитивно.

Трагизмъ и принципность совѣсти, ея трагически свободное подчиненіе трагически, т.-е. черезъ страданіе и искупленіе освобождающему идеалу—необходимыя условія лишь внутренней свободы совѣсти. Чтобы совѣсть была вполнѣ свободна, необходима и внѣшняя свобода ея, то освобожденіе отъ внѣшняго гнета и насилія, о которомъ мы говорили выше. Это внѣшнее давленіе на совѣсть человѣка можетъ происходить лишь отъ внѣшнихъ условій его жизни, главнымъ образомъ, отъ условій его общественной жизни. Но общественная жизнь есть сумма дѣятельностей членовъ

общества, дѣятельностей, опредѣляемыхъ совѣстью. Съ другой стороны, общественная жизнь опредѣляется тѣми формами, въ которыя она отливается, и въ которыхъ она протекаетъ. Слѣдовательно, она—компромиссъ между совѣстью и общественными формами. Но во всякомъ компромиссѣ обѣ стороны дѣлаютъ взаимно уступки и находятся въ извѣстномъ взаимоотношеніи. Перемѣны въ одной отражаются на другой. Такъ и тутъ. Порабощеніе или освобожденіе совѣсти вызываютъ соотвѣтствующія перемѣны и реформы въ общественномъ строѣ, и, наоборотъ, общественныя формы вліяютъ на совѣсть, порабощаютъ ее, или, давая ей большую свободу, способствуютъ внутренней работѣ человѣка надъ совѣстью, воспитываютъ свободныхъ людей. Такимъ образомъ, свободныя учрежденія—необходимое условіе свободы совѣсти, а свободная совѣсть—необходимое условіе свободы общественныхъ формъ. Въ освободительномъ движеніи оба процесса—внутренней работы надъ освобожденіемъ собственной совѣсти и внѣшней работы надъ улучшеніемъ формъ общественной жизни—должны итти рядомъ, рука объ руку; одинъ безъ другого немыслимъ. Только оба вмѣстѣ, въ гармоническомъ, вѣчномъ прогрессивномъ развитіи они могутъ привести человѣчество къ обновленію и воскресенію, къ новой прекрасной жизни.

Итакъ, живой, трагическій синтезъ началъ любви, истины и красоты въ одномъ сіяющемъ идеалѣ; живой и трагическій синтезъ идеала и совѣсти, т.-е. живое и трагическое проникновеніе этимъ свѣтлымъ идеаломъ свободной отъ внѣшнихъ воздѣйствій совѣсти; живое и трагическое подчиненіе всей личной и общественной жизни велѣніямъ этой озаренной совѣсти, выработка высшихъ, прогрессивныхъ общественныхъ формъ согласно этимъ велѣніямъ, — вотъ путь къ освобожденію, основа всякаго освободительнаго движенія.

Но переживанія свободы, любви, истины и красоты въ основѣ и существѣ своемъ религіозны; религіозна и самая идея синтеза. Эти безсмертныя начала одни могутъ спасти человѣчество, и они же воплотились въ ученіи нашего Божественнаго Спасителя. Мы твердо вѣримъ, что настанетъ время,

когда въ великомъ, живомъ Христовомъ синтезѣ сольются въ одно идеалъ, совѣсть и жизнь; когда сольются чувства, мысли, желанія, слова, дѣла и вся жизнь человѣческая въ одну дивную гармонію, одну великую мистерію Любви и Единенія; когда свободное человѣчество въ свободной жизни свободно сольется въ огнѣ любви, въ свѣтѣ истины, въ блескѣ красоты въ одно великое цѣлое, въ одну великую душу, въ одну вселенскую Церковь, — и тогда настанетъ страшный часъ: „Ей гряди, женихъ! Невѣста готова!“

М. Эртель.

Троичное начало и его общественное приложеніе [1]).

Вл. С. Соловьева.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Троичное начало и его общественное приложеніе.

Истинная Церковь — храмъ Бога и тѣло Его, таинственная Богоневѣста—едина, какъ и Самъ Богъ. Но единство единству рознь. Есть единство отрицательное, отъединенное и безплодное, ограничивающееся исключеніемъ всякой множественности. Оно представляетъ простое отрицаніе, логически предполагающее то, что оно отрицаетъ, и проявляющее себя, какъ начало, произвольно установленное, числа неопредѣленнаго. Ибо ничто не препятствуетъ разуму признать нѣсколько простыхъ и совершенно равныхъ между собою единствъ и затѣмъ умножать ихъ число до безконечности. И если нѣмцы по праву зовутъ такой *процессъ* „дурной безконечностью“ (die schlechte Unendlichkeit) [2]), то простое единство, представляющее его основаніе, ко-

[1]) Въ нѣмецкомъ языкѣ *schlecht* — дурной и *schlicht* — простой представляютъ въ сущности одно и то же реченіе; это обстоятельство подало Гегелю поводъ къ его каламбуру, имѣвшему успѣхъ въ германской философіи. Впрочемъ, уже Аристотель высказалъ ту же мысль, не прибѣгая къ игрѣ словъ.

[2]) Настоящая статья является переводомъ третьей части сочиненія Владиміра Соловьева: „La Russie et l'Église universelle“, изданнаго за границей и не вошедшаго въ собраніе его сочиненій. Эта часть представляетъ собою отдѣльное философское цѣлое.

нечно, можетъ быть обозначено, какъ *дурное единство.* Но есть единство истинное, не противополагающее себя множественности, не исключающее ея, но, въ спокойномъ обладаніи присущимъ ему превосходствомъ, господствующее надъ своей противоположностью и подчиняющее ее своимъ законамъ. Дурное единство есть пустота и небытіе: истинное есть бытіе *единое, все* въ себѣ заключающее. Это положительное и плодотворное единство, возвышаясь надъ всякой ограниченной и множественной дѣйствительностью, непрестанно пребываетъ тѣмъ, что оно есть, и содержитъ въ себѣ, опредѣляетъ и обнаруживаетъ живыя силы, единообразныя причины и многообразныя качества всего существующаго. Исповѣданіемъ этого совершеннаго единства, производящаго и обнимающаго все, и начинается символъ вѣры христіанской: *во единаго Бога Отца Вседержителя* (παντοκράτορα).

Это свойство положительнаго единства (всеединства или всеполноты) присуще всему, что есть или должно быть безусловнымъ въ своемъ родѣ. Таковъ въ существѣ своемъ всемогущій Богъ, таковъ въ своей идеѣ человѣческій разумъ, имѣющій возможность постигнуть все, таковой должна быть, наконецъ, истинная Церковь, по существу своему вселенская, т.-е. обнимающая въ своемъ живомъ единствѣ человѣчество и весь міръ.

Истина едина и одна въ томъ смыслѣ, что не можетъ быть двухъ истинъ, безусловно независимыхъ одна отъ другой, а тѣмъ болѣе противоположныхъ одна другой. Но именно въ силу этого единства, единая существующая истина, не допуская въ себѣ никакого ограниченія, произвола и исключительности, не можетъ быть частичной и односторонней, а потому должна заключать основанія всего существующаго въ логической системѣ, должна довлѣть для объясненія всего. Точно такъ же и истинная Церковь едина и одна въ томъ смыслѣ, что не можетъ быть двухъ истинныхъ Церквей, независимыхъ одна отъ другой, а тѣмъ болѣе борющихся между собой. Но посему истинная Церковь, какъ единственно возможная организація богочеловѣческой жизни, должна обнимать въ реальной системѣ всю полноту нашего существованія, должна опредѣлять всѣ

обязанности, удовлетворять всѣмъ истиннымъ потребностямъ, отвѣчать на всѣ человѣческія стремленія.

Реальное единство Церкви находитъ свое выраженіе и огражденіе въ церковной монархіи. Но разъ Церковь, будучи единой, должна быть вселенской, т.-е. обнимать все въ извѣстномъ порядкѣ, то и церковная монархія не можетъ оставаться безплодной, но должна породить изъ себя всю совокупность силъ, устрояющихъ существованіе общества. И если монархія св. Петра, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, представляетъ намъ отображеніе божественнаго единства и въ то же время реальную и необходимую основу для постепеннаго объединенія человѣчества, то мы увидимъ далѣе въ послѣдующемъ развитіи общественныхъ силъ христіанства не только отображеніе творческой силы, пребывающей въ Божествѣ, но и дѣйствительное средство связать всю совокупность бытія человѣческаго съ полнотой жизни божественной.

Когда мы говоримъ о существѣ живомъ, что оно есть, мы необходимо приписываемъ ему нѣкое единство, нѣкую двойственность и нѣкую троичность. Мы имѣемъ единство, ибо дѣло идетъ о существѣ. Мы имѣемъ и двойственность, ибо мы не можемъ утверждать, что какое-либо существо есть, не утверждая въ то же время, что оно есть нѣчто, что оно имѣетъ опредѣленную объективность. Такимъ образомъ, двѣ основныхъ категоріи всякаго существа суть: его бытіе, какъ реальнаго субъекта, и его объективная сущность, или его идея (смыслъ его бытія). Наконецъ, мы находимъ въ живомъ существѣ и троичность: субъектъ существа связанъ тремя различными способами съ принадлежащей ему по существу объективностью; онъ обладаетъ ею, во-первыхъ, по самому факту своего существованія, какъ реальностью въ себѣ, какъ своей внутренней субстанціей; онъ обладаетъ ею, во-вторыхъ, въ своемъ личномъ *дѣйствіи*, какъ необходимомъ проявленіи этой субстанціи; онъ обладаетъ ею, наконецъ, и въ-третьихъ, въ живомъ чувствѣ обладанія присущимъ ему бытіемъ и дѣятельностью, въ томъ обращеніи на самого себя, которое является слѣдствіемъ существованія, проявленнаго въ дѣйствіи. Наличность, если не одновременная, то, по край-

ней мѣрѣ, послѣдовательная этихъ трехъ видовъ существованія безусловно необходима для устроенія живого существа. Ибо если несомнѣнно, что личное дѣйствіе и чувство предполагаютъ реальное существованіе даннаго субъекта, то не менѣе вѣрно и то, что реальность, вовсе лишенная способности дѣйствовать и чувствовать, не была бы живымъ существомъ, а чѣмъ-то косным и мертвымъ.

Несомнѣнно, что указанныя нами три формы существованія имѣютъ, разсматриваемыя въ себѣ, вполнѣ положительный характеръ. Какъ реально существующій субъектъ есть нѣчто большее, чѣмъ мысленное существо, такъ субъектъ, дѣйствующій и чувствующій, есть нѣчто большее, чѣмъ пассивное вещество или слѣпая сила. Но въ порядкѣ природномъ во всѣхъ созданныхъ существахъ составныя формы существованія цѣльнаго не встрѣчаются никогда во всей ихъ чистотѣ: онѣ въ данномъ случаѣ нераздѣльны съ нѣкоторыми ограниченіями и нѣкоторыми отрицаніями, которыя глубоко искажаютъ ихъ положительный характеръ. Дѣйствительно, если созданное живое существо и имѣетъ реальное существованіе, то оно никогда не принадлежитъ ему какъ фактъ абсолютный и первоначальный; его реальность зависитъ отъ внѣшней причины, такое существо не абсолютно въ себѣ. Такъ точно и личное дѣйствіе созданнаго существа не представляетъ никогда чистаго, простого, исключительнаго проявленія его внутренняго бытія, но оно необходимо опредѣляется стеченіемъ обстоятельствъ и вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, или, по крайней мѣрѣ, осложняется идеальной возможностью другого проявленія. Наконецъ, чувство самосознанія въ созданномъ существѣ, проистекая изъ случайнаго существованія и внѣшнимъ образомъ обусловленной дѣятельности, не зависитъ отъ самого существа ни въ своемъ качествѣ, ни въ своемъ количествѣ, ни въ своей продолжительности. Итакъ, конечное существо, не имѣющее изначальнаго бытія *въ себѣ* и не дѣйствующее исключительно *черезъ себя*, не можетъ и обратиться вполнѣ *къ себѣ*, но всегда нуждается во внѣшнемъ дополненіи.

Другими словами, конечное существованіе никогда не имѣетъ основанія своего бытія въ самомъ себѣ, и для

оправданія или окончательнаго объясненія факта этого существованія необходимо связать его съ существомъ абсолютнымъ или Богомъ. Утверждая бытіе Сего послѣдняго, мы необходимо должны приписать Ему три основныхъ формы полнаго бытія. Такъ какъ реальное существованіе, дѣйствіе и сознаніе обладанія имй суть чисто положительные въ себѣ атрибуты, то они не могутъ отсутствовать въ существѣ абсолютномъ. Если оно существуетъ, то не какъ мысленное существо, но какъ реальность; если оно реальность, оно — не реальность мертвая и косная, но существо, проявляющее себя въ присущемъ ему дѣйствіи; наконецъ, если оно дѣйствуетъ, то не какъ слѣпая сила, но съ сознаніемъ себя самого, ощущая свое бытіе и сознавая свое самопроявленіе. Лишенное этихъ атрибутовъ, оно не было бы Богомъ, но низшей природой, менѣе, чѣмъ человѣкомъ. Но на томъ же основаніи, на которомъ мы утверждаемъ, что Богъ есть Богъ, т.-е. безусловное и верховное существо, Ему должны быть приписаны основныя формы полнаго существованія лишь въ томъ, что онѣ содержатъ существеннаго и положительнаго, отстраняя всякую идею, не проистекающую изъ самого понятія о бытіи, но связанную лишь съ положеніемъ существа обусловленнаго. Такъ реальное бытіе, присущее Богу, не можетъ быть дано Ему, какой-либо внѣшней причиной, а потому представляетъ фактъ первоначальный и несводимый Богъ имѣетъ бытіе въ Себѣ и черезъ Себя; реальность, принадлежащая Ему прежде всего, чисто внутренняя, она есть абсолютная субстанція. Равнымъ образомъ присущая Богу дѣятельность или существенное проявленіе не можетъ ни опредѣляться ни усложняться какой-либо посторонней причиной, а потому представляетъ чистое и совершенное (абсолютно адекватное) *воспроизведеніе* Его собственнаго бытія, Его единичной субстанціи. Это воспроизведеніе не можетъ быть ни новымъ созданіемъ, ни раздѣленіемъ божественной субстанціи: она не можетъ быть создана, ибо существуетъ отъ вѣчности, и она не можетъ быть раздѣлена, ибо она не есть что-либо матеріальное, но чистая актуальность. Богъ, имѣющій ее въ Себѣ, проявляетъ ее для Себя и воспроизводитъ Себя въ чисто вну-

треннемъ актѣ. Черезъ этотъ актъ Онъ достигаетъ обладанія Собою, т.-е. своей абсолютной субстанціей, не только какъ существующей, но и какъ проявленной.

Такимъ образомъ, полнота существованія Бога не выводитъ Его изъ Себя, не ставитъ Его ни въ какое внѣшнее соотношеніе: она совершенна въ себѣ и не предполагаетъ существованія чего-либо внѣ себя.

Въ трехъ основныхъ формахъ Своего бытія Богъ соотносится исключительно къ своей собственной субстанціи. 1) Онъ обладаетъ ею *въ Себѣ*, въ первомъ актѣ (абсолютный *фактъ*). 2) Онъ владѣетъ ею *по Себѣ*, проявляя или производя ее изъ Себя Самого во второмъ актѣ (абсолютное *дѣйствіе*). 3) Онъ владѣетъ ею, возвращаясь въ Себя, вновь находя въ ней, путемъ третьяго акта, совершенное единство Своего существа и Своего проявленія (абсолютное *обладаніе*). Онъ не можетъ обладать ею, не проявивъ ея, и Онъ не можетъ проявить ея, не имѣя ее въ Себѣ. Такимъ образомъ, эти три акта, эти три состоянія или эти три отношенія (въ данномъ случаѣ эти термины совпадаютъ) неразрывно связаны между собой и суть различныя, но равныя выраженія Божества во всей Его полнотѣ. Проявляя Свою внутреннюю субстанцію или воспроизводя Себя черезъ Свое собственное дѣйствіе, Богъ не имѣетъ никакого посредника и не испытываетъ никакого внѣшняго воздѣйствія, которое могло бы исказить Его воспроизведеніе или сдѣлать его неполнымъ: произведеніе поэтому совершенно равно производящему во всемъ, кромѣ именно этого отношенія, по которому одинъ есть производящій, а другое— произведеніе. И какъ все Божество содержится въ Своемъ воспроизведеніи, такъ Оно все содержится и въ соединенномъ съ симъ чувствѣ обладанія. Не связанное ни съ какимъ внѣшнимъ условіемъ, это обладаніе не можетъ быть случайнымъ состояніемъ, *инадекватнымъ* безусловному существу Бога: оно есть прямой и полный результатъ Божественнаго существованія и Божественнаго дѣйствія. *Богъ, какъ обладающій, исходитъ изъ Себя Самого, поскольку Онъ и производящій и произведеніе.* И такъ какъ третій терминъ (исходящій) опредѣляется только двумя первыми, вполнѣ между собой равными, то онъ необходимо равенъ имъ во

всемъ, кромѣ именно того отношенія, по которому онъ исходитъ отъ нихъ, а не *vice versa*.

Эти три акта, не будучи раздѣльными частями абсолютной субстанціи, не могутъ также быть послѣдовательными фазами Божественнаго существованія. Если идея *части* предполагаетъ пространство, то идея *фазы* предполагаетъ время. Отстраняя эти двѣ формы созданной природы, мы необходимо утверждаемъ, что абсолютная субстанція содержится въ трехъ видахъ Божественнаго существованія не только безъ раздѣленія, но и внѣ послѣдовательности. А это предполагаетъ въ абсолютномъ единствѣ Божественной субстанціи три относительныхъ субъекта или три ипостаси. Дѣйствительно, если бы три вида абсолютнаго существованія могли быть *послѣдовательными*, то достаточно было бы одного субъекта; одна ипостась могла бы послѣдовательно находиться въ трехъ различныхъ отношеніяхъ къ своей субстанціи. Но существо абсолютное, не измѣняясь во времени, не можетъ, какъ таковое, и входить въ послѣдовательную эволюцію; три конститутивныхъ вида полноты его существованія необходимо одновременны и *совѣчны* въ немъ. Съ другой стороны, очевидно, что одинъ и тотъ же субъектъ (ипостась) не можетъ полагать себя въ одно и то же время, какъ непроявленный, какъ проявленный и какъ исходное этого проявленія. Итакъ, необходимо допустить, что каждый изъ видовъ Божественнаго существованія всегда представленъ отличнымъ относительнымъ субъектомъ, что онъ вѣчно ипостазируется, и что, слѣдовательно, въ Богѣ мы имѣемъ три совѣчныя ипостаси. Эта необходимость можетъ быть представлена еще и съ другой точки зрѣнія. Такъ какъ въ первомъ видѣ своего существованія Богъ, какъ непроизведенный и необнаруженный (но воспроизводящій и обнаруживающій Себя), представляетъ необходимо истинный субъектъ или ипостась, и такъ какъ второй видъ Божественнаго существованія (Богъ, какъ воспроизведенный и обнаруженный) совершенно равенъ первому во всемъ, кромѣ специфической разницы ихъ взаимнаго отношенія, то по необходимости разъ первый видъ является ипостасью, то и второй является ею. Ибо единственная относительная разница, отличающая ихъ, связана не съ понятіемъ ипостаси, а съ

понятіями производить и быть произведеннымъ. Такъ, если одинъ есть ипостась производящая, то другой—ипостась произведенная. То же разсужденіе вполнѣ примѣнимо къ третьему виду Божественнаго существованія, исходящему отъ двухъ первыхъ, поскольку Богъ черезъ завершеніе Своего проявленія возвращается въ Себя въ абсолютномъ обладаніи Своимъ проявленнымъ существомъ[1]). Устраняя изъ этого послѣдняго отношенія идею времени и образъ послѣдовательнаго процесса, мы необходимо приходимъ къ признанію третьей ипостаси, совѣчной съ другими двумя и исходящей изъ нихъ обѣихъ, какъ ихъ единство или ихъ окончательный синтезъ, замыкающій кругъ Божественной жизни. Обладаніе въ Богѣ (Богъ, какъ обладающій) не можетъ быть неравно Его дѣйствію и Его изначальной реальности: если поэтому эти послѣднія суть различныя ипостаси, то и первое будетъ тѣмъ же.

Троичность ипостасей или субъектовъ въ единствѣ абсолютной субстанціи есть истина, данная намъ въ Божественномъ Откровеніи и въ непогрѣшимомъ ученіи Церкви. Мы только что видѣли, что эта истина представляется нашему разуму съ необходимостью и можетъ быть выведена логически, разъ мы признаемъ, что Богъ *есть* въ положительномъ и полномъ смыслѣ этого термина. Божественное Откровеніе не только научило насъ тому, что существуютъ три ипостаси въ Богѣ, но оно, кромѣ того, обозначило ихъ специфическими именами; и намъ потребуется лишь допол-

---

[1]) *Примѣчаніе редакціи:* Книга „La Russie et l'Église universelle" написана Владиміромъ Соловьевымъ въ тотъ періодъ его жизни, когда религіозная мысль его находилась подъ значительнымъ вліяніемъ католическаго вѣропониманія, что и отразилось на отдѣльныхъ мысляхъ этого труда. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что печатаемая здѣсь третья часть этого сочиненія не представляетъ собой догматическаго изложенія христіанскаго вѣроученія, а является попыткой философскаго оправданія основныхъ идей христіанства, философіей христіанства, какъ понималъ ее нашъ великій философъ. Указать частныя уклоненія въ мысляхъ автора въ сторону католическаго вѣропониманія христіанства — дѣло православной богословской или философской критики. Но возможность подобныхъ оговорокъ и возраженій не лишаетъ это произведеніе его глубокаго философско-апологетическаго значенія по отношенію къ христіанству вообще.

нить нашу предшествующую аргументацію, чтобы показать, что эти имена не взяты произвольно, но что они вполнѣ отвѣчаютъ самой идеѣ Троичности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Три Божественныхъ ипостаси; собственный смыслъ ихъ именъ.

Богъ обладаетъ положительнымъ и полнымъ бытіемъ Онъ Богъ Живой. Гдѣ жизнь, тамъ и воспроизведеніе. Воспроизведеніе или порожденіе есть причинность *по преимуществу*, дѣйствіе, присущее живой полнотѣ существа. Въ этой совершенной причинности производящая причина должна, во-первыхъ, *содержать въ себѣ* свое произведеніе или результатъ своего дѣйствія, ибо если она не имѣла его въ себѣ самой, она могла бы быть лишь причиной случайной, а не истинной причиной произведенія. Эта первая фаза жизни безусловной, гдѣ живой результатъ дѣйствія какъ бы поглощенъ въ единствѣ первоначальной причины, представляетъ лишь необходимую предпосылку второй фазы — актуальнаго дѣйствія, гдѣ производящій отличается *actu* отъ своего произведенія, дѣйствительно, *порождаетъ* его. Но мы уже знаемъ, что непосредственное произведеніе абсолютнаго существа не можетъ зависѣть отъ какой-либо второстепенной или участвующей причины, которая нарушала бы чистоту производящаго дѣйствія, а потому оно необходимо представляетъ воспроизведеніе, безусловно адэкватное первой причинѣ. Такимъ образомъ, вѣчный процессъ божественной жизни не можетъ остановиться на второмъ терминѣ, на дифференціаціи или на раздвоеніи абсолютнаго существа, какъ происходящаго и какъ произведенія. Ихъ равенство и тождество ихъ субстанціи дѣлаютъ то, что проявленіе ихъ актуальной и относительной разницы (въ актѣ порожденія) необходимо приходитъ къ новому проявленію ихъ единства. И это единство не есть простое повтореніе единства первоначальнаго, въ коемъ безусловная причина содержитъ и поглощаетъ въ себѣ результатъ своего дѣйствія. Такъ какъ сіе послѣднее проявилось актуально и представляется равнымъ производящему, они

необходимо должны войти въ отношеніе *взаимности*. Эта взаимность не существуетъ въ актѣ порожденія (гдѣ порождающій не порожденъ и *vice versa*), а потому необходимо требуетъ новаго акта, опредѣляемаго одновременно и первой причиной и ея консубстанціональнымъ произведеніемъ. А такъ какъ дѣло идетъ объ основномъ и внутреннемъ отношеніи къ Божественной Сущности, этотъ новый актъ не можетъ быть случайностью или преходящимъ состояніемъ, но онъ отъ вѣчности представленъ или ипостазированъ въ третьемъ субъектѣ, исходящемъ отъ двухъ первыхъ и представляющемъ ихъ актуальное и живое единство въ единой абсолютной субстанціи.

Послѣ данныхъ объясненій намъ легко будетъ усмотрѣть, что имена Отца, Сына и Духа, данныя тремъ ипостасямъ безусловно сущаго, не только не метафоры, но находятъ въ Божественной Троицѣ свое существенное и полное приложеніе, между тѣмъ какъ въ природномъ порядкѣ вещей эти термины могутъ примѣняться лишь несовершенно и приблизительно. И для начала, по отношенію къ первымъ двумъ, когда мы говоримъ *отецъ* и *сынъ*, мы не имѣемъ въ виду обозначить тѣмъ какую-либо другую идею, кромѣ идеи ближайшаго отношенія между двумя ипостасями одной и той же природы, по существу равными между собой, но изъ коихъ первая даетъ лишь существованіе второй и не получаетъ онаго отъ нея, а вторая получаетъ лишь свое существованіе отъ первой и не даетъ онаго ей. Отецъ, *поскольку онъ отецъ*, отличается отъ сына лишь тѣмъ, что онъ его произвелъ, и сынъ, *поскольку онъ сынъ*, отличается отъ отца лишь тѣмъ, что онъ его произведеніе.

Это—все, что содержится въ идеѣ отчества, какъ таковой. Но очевидно, что эта опредѣленная идея, столь ясная и обособленная, не приложима въ своей чистотѣ и полнотѣ ни къ одному изъ видовъ созданныхъ существъ, намъ извѣстныхъ: не приложима въ своей полнотѣ, ибо въ порядкѣ природы отецъ лишь частичная причина существованія сына, и сынъ лишь отчасти получаетъ свое существованіе отъ отца; не приложима въ своей чистотѣ, ибо внѣ специфическаго отличія существованія даннаго и принятаго, между отцами и дѣтьми въ естественномъ порядкѣ мы находимъ безчисленное множество индивидуальныхъ различій,

вполнѣ чуждыхъ самой идеѣ отчества и сыновности. Чтобы найти истинное приложеніе этой идеи, нужно возвыситься до Существа безусловнаго. Въ немъ мы видѣли отношеніе отчества и сыновности во всей его чистотѣ, ибо Отецъ и есть одна и единственная причина Сына; въ Немъ мы видѣли это отношеніе во всей его полнотѣ, ибо Отецъ даетъ Сыну все Его существованіе, и Сынъ ничего не имѣетъ въ Себѣ, чего не получилъ бы отъ Отца. Между Ними существуетъ безусловная разница по отношенію къ акту существованія и безусловное единство во всемъ остальномъ. Будучи *Двумя*, Они могутъ соединиться въ соотношеніи актуальномъ и произвести совмѣстно новое проявленіе абсолютной субстанціи; но такъ какъ эта субстанція принадлежитъ Имъ *совмѣстно* и безраздѣльно, то произведеніе ихъ взаимнаго дѣйствія можетъ быть лишь раскрытіемъ и утвержденіемъ ихъ единства, побѣдоносно исходящаго изъ Ихъ актуальнаго различія. И такъ какъ это синтетическое единство Отца и Сына, проявляющихся, какъ таковые, не можетъ быть представлено ни Отцомъ, какъ таковымъ, ни Сыномъ, какъ таковымъ, то оно необходимо должно быть уставлено въ третьей ипостаси, которой имя Духа вполнѣ приличествуетъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, именно въ этой третьей ипостаси Божественное бытіе черезъ внутреннее самораздвоеніе (въ актѣ порожденія) приходитъ къ проявленію Своего безусловнаго единства, возвращается въ Себя, утверждаетъ Себя, какъ истинно безконечное, владѣетъ и обладаетъ Собою въ полнотѣ Своего сознанія. А въ этомъ и заключается специфическій характеръ духа (въ его внутреннемъ, метафизическомъ и психологическомъ смыслѣ), поскольку мы отличаемъ его отъ души, разсудка и т. п. И съ другой стороны, Божество достигаетъ Своего внутренняго завершенія въ третьей Своей ипостаси; и въ частности именно въ ней Богъ владѣетъ свободой дѣйствовать внѣ Себя и приводить въ движеніе внѣшнюю среду. Но вѣдь совершенная свобода дѣйствія и движенія и характеризуетъ духъ, во внѣшнемъ или физическомъ смыслѣ этого слова—πνεῦμα, *spiritus*, т.-е. дуновеніе, дыханіе. А разъ ни въ одномъ созданіи нельзя найти ни этого совершеннаго обладанія собою, ни этой безусловной свободы внѣшняго дѣйствія, то мы имѣемъ право утвер-

ждать, что ни одно существо въ порядкѣ природы не есть духъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и что единственный духъ въ собственномъ смыслѣ есть Духъ Божій—Святый Духъ.

Если необходимо допустить три ипостасныхъ вида во внутреннемъ развитіи Божественной жизни, то допущеніе большаго числа ихъ является невозможнымъ. Отправляясь отъ полноты существованія, необходимо присущей Богу, мы должны сказать, что для Бога недостаточно простое существованіе *въ Себѣ*, но что Онъ необходимо проявляетъ это существованіе *для Себя*, и этого еще не достаточно, если Онъ не обладаетъ этимъ проявленнымъ существованіемъ въ утвержденіи Своей безусловной тождественности, Своего ненарушимаго единства, побѣдно полагающаго Себя въ самомъ актѣ внутренняго раздвоенія. Но разъ это послѣднее утвержденіе, это совершенное обладаніе своимъ абсолютнымъ существомъ дано, имманентное развитіе Божественной жизни закончено. Имѣть Свое существованіе, какъ чистый актъ въ Себѣ, проявлять его для Себя въ безусловномъ дѣйствіи и въ совершенствѣ обладать имъ — вотъ все, что можетъ совершать Богъ, не выходя изъ Своего внутренняго бытія; если Онъ совершаетъ что-либо другое, то это уже не въ области Своей имманентной жизни, но внѣ Себя, въ субъектѣ, который не есть Богъ.

Прежде чѣмъ перейти къ этому новому субъекту, отмѣтимъ особенно, что троичное развитіе Божественной жизни, въ вѣчности уставленное въ трехъ ипостасяхъ, не только не умаляетъ единства безусловнаго бытія или верховной монархіи, но представляетъ лишь полное ихъ выраженіе, и это по двумъ существеннымъ основаніямъ. Божественная монархія выражается, во-первыхъ, въ нераздѣльномъ единствѣ и неразрывной связи трехъ ипостасей, совершенно не имѣющихъ существованія въ раздѣльномъ состояніи. Не только Отецъ никогда не имѣетъ *бытія* безъ Сына и Духа, какъ Сынъ никогда не имѣетъ *бытія* безъ Отца и Духа, а Сей послѣдній безъ первыхъ двухъ, но необходимо допустить еще и то, что Отецъ есть *Отецъ* или первое начало, лишь по скольку Онъ порождаетъ Сына и поскольку Онъ вмѣстѣ съ Нимъ есть причина исхожденія Святаго Духа.

Отецъ вообще есть обособленная ипостась, и именно первая ипостась, лишь въ троичномъ соотношеніи и въ

силу этого соотношенія. Онъ не могъ бы быть безусловной причиной по преимуществу, если бы Онъ не имѣлъ въ Сынѣ Свое безусловное проявленіе и если бы Онъ не находилъ въ Духѣ взаимное и возсоединяющее единство причины и слѣдствія.

Это справедливо и *(mutatis mutandis)* въ отношеніи двухъ другихъ ипостасей. Съ другой стороны, несмотря на эту взаимную зависимость, или скорѣе по причинѣ ея, каждая изъ трехъ ипостасей обладаетъ безусловной полнотой Божественнаго бытія. Отецъ не является никогда ограниченнымъ Своимъ существованіемъ въ Себѣ или абсолютной и первоначальной реальностью (*actus purus*), Онъ выражаетъ эту реальность въ дѣйствіи, Онъ дѣйствуетъ, Онъ обладаетъ, но Онъ никогда не совершаетъ этого одинъ,—Онъ дѣйствуетъ всегда черезъ Сына и Онъ обладаетъ всегда съ Сыномъ и въ Духѣ. Сынъ, съ своей стороны, есть не только безусловное дѣйствіе или проявленіе, Онъ имѣетъ также и бытіе въ Себѣ и обладаніе этимъ бытіемъ, но Онъ имѣетъ ихъ лишь въ Своемъ совершенномъ единствѣ съ двумя другими ипостасями: Онъ имѣетъ бытіе въ Себѣ Отца и обладаніе со Святымъ Духомъ. Сей послѣдній, наконецъ, какъ безусловное единство двухъ первыхъ, есть необходимо то, что Они суть, и владѣетъ *actu* всѣмъ, что Они имѣютъ, но Онъ есть это и владѣетъ этимъ черезъ Нихъ и съ Ними.

Итакъ, каждая изъ трехъ ипостасей имѣетъ абсолютное бытіе и притомъ во всей полнотѣ: въ реальности, въ дѣйствіи и въ обладаніи. Каждая поэтому есть истинный Богъ. Но такъ какъ эта безусловная полнота Божественнаго бытія принадлежитъ каждой изъ ипостасей лишь совмѣстно съ другими и въ силу нерасторжимой связи, ихъ соединяющей, то отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ трехъ боговъ. Ибо чтобы сосчитать ипостаси, нужно имѣть ихъ въ раздѣльности другъ отъ друга. Но ни одна изъ нихъ, отдѣленная отъ другихъ, не можетъ быть истиннымъ Богомъ, да она не можетъ и *быть* при такомъ условіи. Позволительно *представлять* себѣ Святую Троицу, какъ три отдѣльныхъ существа, ибо иначе мы не можемъ себѣ ея представить. Но недостаточность воображенія не можетъ служить доказательствомъ противъ истинности раціональной идеи, ясно и раздѣльно опознанной въ чистой мысли. Поистинѣ есть только одинъ не-

раздѣльный Богъ, вѣчно осуществляющійся въ трехъ ипостасныхъ фазахъ безусловнаго существованія, и каждая изъ этихъ фазъ, всегда внутренно дополняемая двумя другими, содержитъ въ себѣ и представляетъ Божество въ Его цѣлости и является истиннымъ Богомъ въ единствѣ и черезъ единство, а не черезъ исключеніе и въ отдѣльномъ состояніи.

Это дѣйствительное единство трехъ ипостасей зависитъ отъ единства начала, и въ этомъ заключается второе основаніе Божественной монархіи, или, лучше сказать, второй аспектъ этой монархіи. Въ Троицѣ есть только одна первая причина — Отецъ, и отсюда исходитъ опредѣленный порядокъ, по которому онтологически Сынъ зависитъ отъ Отца, а Духъ Святый отъ Отца и Сына. Этотъ порядокъ основанъ на самомъ троичномъ отношеніи. Ибо очевидно, что дѣйствіе предполагаетъ реальность, а обладаніе предполагаетъ и то и другое вмѣстѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Божественная Сущность и Ея троякое проявленіе.

Богъ есть. Эта аксіома вѣры находитъ себѣ подтвержденіе въ философствующемъ разумѣ, который, по самой природѣ своей, стремится найти абсолютное и необходимое бытіе, т.-е. такое бытіе, которое имѣетъ все основаніе своего существованія въ себѣ, само себя объясняетъ и можетъ служить объясненіемъ всему. Отправляясь отъ этого основного понятія, мы различили въ Богѣ: тройной субъектъ, предполагаемый полнотою его существованія, и объективную сущность или абсолютную субстанцію, коей этотъ субъектъ владѣетъ въ трехъ различныхъ отношеніяхъ—въ чистомъ или первоначальномъ актѣ, во вторичномъ или обнаруженномъ дѣйствіи и въ третьемъ состояніи или совершенномъ обладаніи самимъ собою. Мы показали, что эти три отношенія не могутъ быть обоснованы ни на раздѣленіи частей, ни на послѣдовательности фазъ (оба эти условія равно несовмѣстимы съ понятіемъ Божества), а это предполагаетъ въ единствѣ безусловной сущности вѣчное существованіе трехъ относи-

тельныхъ субъектовъ или единосущныхъ и нераздѣльныхъ ипостасей, коимъ священныя имена христіанскаго откровенія — Отецъ, Сынъ и Духъ — довлѣютъ въ собственномъ и преимущественномъ смыслѣ. Теперь надлежитъ опредѣлить и назвать саму абсолютную объективность, единую субстанцію сей Божественной Троицы.

Она — едина; но разъ она не можетъ быть вещью среди вещей, частнымъ объектомъ, она и есть универсальная субстанція или *все въ единствѣ*. Владѣя ею, Богъ владѣетъ всѣмъ въ ней; она есть полнота или абсолютная всеобщность бытія, предшествующая всякому частичному существованію и превосходящая оное.

Эта универсальная субстанція, это абсолютное единство есть существенная Премудрость Божія (Khocmah, Σοφία). Она владѣетъ скрытой мощью всего, сама же во владѣніи Бога, и притомъ троякимъ образомъ. Она сама говоритъ это: *Iahvé qanani reshith darco, qedem miphealav, meaz.—Господь созда мя начало путій Своихъ въ дѣла Своя*·—И далѣе: *Meholam nissacti, merosh, miqadmé arets.—Прежде вѣкъ основа мя, въ началѣ, прежде неже землю сотворити* [1]). И дабы дополнить и объяснить этотъ тройственный образъ существованія, она прибавляетъ еще: *Vaëhieh etslo, amon, vaëhieh shaashouim iom iom—бѣхъ при Немъ устрояющи: Азъ бѣхъ, о ней же радовашеся, на всяко же день веселяхся предъ лицемъ Его на всяко время* [2]). *Прежде вѣкъ бѣхъ при Немъ* —Онъ обладаетъ мною въ Своемъ вѣчномъ существѣ; *въ началѣ устрояющи*—въ безусловномъ дѣйствіи; *прежде неже землю сотворити основа мя и веселяхся* — въ чистомъ и совершенномъ обладаніи. Другими словами, Богъ обладаетъ Своей единой и универсальной субстанціей или Своей существенной Премудростью, какъ вѣчный Отецъ, какъ Сынъ и какъ Святый Духъ. Такимъ образомъ, имѣя одну и ту же единую объективную субстанцію, сіи три божественныхъ субъекта единосущны.

Премудрость открыла намъ, въ чемъ состоитъ ея дѣйствіе,— она устрояетъ вселенную (бѣхъ устрояя). Она теперь скажетъ намъ также, въ чемъ состоитъ ея обладаніе: *mesakheqeth lephanav becol heth; mesakheqeth bethebél artso, veshahashonhaï*

---

[1]) Прит. Сал. VIII, 22, 23.

[2]) Ibid, VIII, 30.

eth - bené Adam — веселяхся предъ лицемъ Его на всяко время; егда веселящеся вселенную совершивъ, и веселящеся о сынѣхъ человѣческихъ [1]) — веселясь предъ лицемъ Его во все время, веселясь на земномъ кругу Его, и радость моя была съ сынами человѣческими.

Въ чемъ же это веселіе Божественной Премудрости и почему находитъ она высшую себѣ радость въ сынахъ человѣческихъ?

Богъ въ абсолютной Своей субстанціи обладаетъ полнотою бытія. Онъ единъ во всемъ, и Онъ содержитъ все въ Своемъ единствѣ. Эта всеобщность предполагаетъ множественность, но множественность, сведенную къ единству, актуально объединенную. И въ Богѣ, Который вѣченъ, это объединеніе также вѣчно; въ Немъ неопредѣленная множественность никогда не существовала, какъ таковая, никогда не проявлялась *actu*, но она отъ вѣка была подчинена и сведена къ абсолютному единству въ трехъ его нераздѣльныхъ видахъ: къ единству бытія простого или въ себѣ — въ Отцѣ; къ единству активно проявленнаго бытія — въ Сынѣ, Который есть непосредственное дѣйствіе, образъ и Слово Отца; наконецъ, къ единству бытія, проникнутаго чувствомъ полнаго обладанія собой самимъ — въ Святомъ Духѣ, Который есть общее сердце Отца и Сына. Но если вѣчно актуальное состояніе абсолютной субстанціи (въ Богѣ) состоитъ въ томъ, чтобы быть всѣмъ въ единствѣ, ея потенціальное состояніе (внѣ Бога) состоитъ въ томъ, чтобы быть всѣмъ въ раздѣленіи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ неопредѣленнымъ и анархическимъ множествомъ, — хаосомъ или τὸ ἄπειρον грековъ, съ *schlechte Unendlichkeit* нѣмцевъ, съ *tohouva—bohou* Библіи Эта антитеза Божественнаго Существа отъ вѣка устранена, сведена на положеніе чистой возможности самымъ фактомъ Божественнаго существованія, первымъ его актомъ. Абсолютная и универсальная субстанція фактически принадлежитъ Богу, Онъ вѣчно и изначала есть все въ единствѣ: Онъ есть, и этого достаточно для того, чтобы хаосъ не существовалъ. Но этого не достаточно для Самого Бога, который не только — бытіе, но и бытіе совершенное. Не достаточно утверждать, что

---

[1]) Прит. Сал. VIII, 30—31.

Богъ есть, нужно имѣть возможность сказать, почему Онъ есть. Существовать первоначально, подавить хаосъ и держать все въ единствѣ актомъ Своего Всемогущества — въ этомъ заключается Божественный фактъ, требующій себѣ *обоснованія*. Богъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, что Онъ *фактически* могущественнѣе хаоса; Онъ *по праву* долженъ быть таковымъ. А чтобы имѣть право побѣдить хаосъ и въ вѣчности обратить его въ небытіе, Богъ долженъ быть болѣе *истиннымъ*, чѣмъ хаосъ. Онъ проявляетъ Свою истину, противопоставляя хаосу не только актъ Своего Всемогущества, но еще и разумное основаніе или идею. Онъ поэтому необходимо *различаетъ* Свою совершенную всеобщность отъ хаотической множественности и на всякое возможное проявленіе этой послѣдней отвѣчаетъ въ Словѣ Своемъ идеальнымъ проявленіемъ истиннаго единства, разумнымъ основаніемъ, доказывающимъ интеллектуальное или логическое безсиліе хаоса, стремящагося къ самоутвержденію. Заключая все въ единствѣ безусловнаго Всемогущества, Богъ необходимо заключаетъ все и въ единствѣ универсальной идеи. Богъ сильный долженъ быть и Богомъ истиннымъ, Верховнымъ Разумомъ. Посягательствамъ безконечно многообразнаго хаоса Онъ долженъ противопоставить не только Свое чистое и простое Бытіе, но также и цѣльную систему идей, основаній или вѣчныхъ истинъ, изъ коихъ каждая въ своей неразрывной логической связи со всѣми другими представляетъ торжество единства опредѣленнаго надъ анархической множественностью, надъ дурной безконечностью. Тенденція хаотическая, побуждающая каждое отдѣльное существо утверждать себя въ своей исключительности, какъ будто оно есть все, осуждается какъ ложная и неправая въ системѣ вѣчныхъ идей, отводящей каждому опредѣленное мѣсто въ безусловной всеобщности и проявляющей такимъ образомъ наравнѣ съ истиной Бога Его судъ и Его правду.

Но торжество разума и истины еще недостаточно для Божественнаго совершенства. Разъ дурная безконечность или хаосъ есть принципъ по существу своему *ирраціональный*, то логическое и идеальное обнаруженіе его лживости не есть дѣйствительный способъ для внутренняго его подавленія. Истина обнаружена, свѣтъ возсіялъ, но тьма оста-

лась тѣмъ же, чѣмъ была: *и свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ.* Истина есть раздвоеніе и раздѣленіе, она—единство относительное, ибо утверждаетъ существованіе своей противоположности, какъ таковой, различая себя отъ нея. Богу же нужно безусловное единство. Ему нужна возможность объять въ Своемъ единствѣ само противополагающее себя начало, явивъ Себя высшимъ по отношенію къ нему, не только въ истинѣ и правдѣ, но еще и въ благости. Безусловное превосходство Бога должно проявиться не только *противъ* хаоса, но и *для* него, даруя ему болѣе, чѣмъ онъ заслуживаетъ, дѣлая его участникомъ полноты абсолютнаго существованія, доказуя ему путемъ внутренняго и живого опыта, а не путемъ объективно разумнаго основанія только, превосходство Божественной полноты надъ пустой множественностью дурной безконечности. Каждому проявленію возставшаго хаоса Божество должно быть въ силахъ противопоставить не только актъ *мощи*, подавляющій противный актъ, не только разумное основаніе или *идею*, уличающую его во лжи и отлучающую его отъ истиннаго бытія, но еще и *благость*, его проникающую, внутренно его измѣняющую и свободно приводящую его къ единству. Это тройное объединеніе всего, эта тройная побѣдоносная реакція Божественнаго принципа противъ хаоса *возможнаго* есть внутреннее и вѣчное проявленіе безусловной субстанціи Бога или Его существенной премудрости, которая — мы это знаемъ — есть все въ единствѣ. Сила, истина и благость или, иначе, могущество, справедливость и милосердіе или, еще иначе, реальность, идея и жизнь — всѣ эти относительныя выраженія для обозначенія безусловной всеобщности суть объективныя опредѣленія Божественной субстанціи, соотвѣтствующія Троицѣ ипостасей, отъ вѣка обладающихъ ею. И неразрывная связь трехъ лицъ Верховнаго Существа съ необходимостью проявляется въ объективности Ихъ единой субстанціи, три аттрибута или главныхъ качества коей находятся во взаимной другъ отъ друга зависимости и равно необходимы Божеству. Богъ не могъ бы проникать и исполнять хаосъ Своимъ милосердіемъ, если бы Онъ не отличался отъ него истиной и правдой, и Онъ не могъ бы отличаться отъ него или отлучать его отъ Себя, если бы Онъ не обнималъ его въ Своемъ могуществѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Душа міра, основа творенія, пространства, времени и механической причинности.

Мы можемъ понять теперь, что означаетъ „веселіе“ вѣчной Премудрости, о которомъ она говоритъ намъ въ Священномъ Писаніи. Она „веселится“, вызывая передъ Богомъ безчисленныя возможности всѣхъ внѣ-божественныхъ существованій и снова поглощая ихъ въ Его всемогуществѣ, Его безусловной истинѣ и безконечномъ милосердіи. Въ этомъ веселіи Своей существенной Премудрости, Единый и Троичный Богъ, подавляя силу возможнаго хаоса, озаряя его тьму и проникая его бездну, внутренно чувствуетъ въ Себѣ и отъ вѣка подтверждаетъ Самому Себѣ, что Онъ могущественнѣе, истиннѣе и добрѣе, чѣмъ всякое возможное существо внѣ Него. Въ этомъ веселіи Его Премудрости Ему обнаруживается, что все положительное принадлежитъ Ему на дѣлѣ и по праву, что Онъ отъ вѣка владѣетъ въ Себѣ безконечнымъ сокровищемъ всѣхъ реальныхъ силъ, всѣхъ истинныхъ мыслей, всѣхъ даровъ и всякой благодати.

Въ двухъ первыхъ существенныхъ качествахъ Божества Богъ могъ бы ограничиться имманентнымъ самопроявленіемъ [1]), вѣчнымъ веселіемъ Своей Премудрости; какъ всемогущій, справедливый и истинный, Онъ, конечно, могъ бы удовольствоваться торжествомъ надъ анархическимъ существованіемъ въ Себѣ, во внутренней несомнѣнности Своего безусловнаго превосходства. Но этого недостаточно для благости и милосердія. Въ этомъ третьемъ качествѣ Божественная Премудрость не можетъ находить себѣ удовлетворенія въ объектѣ чисто идеальномъ, она не можетъ остановиться на реализаціи только возможной, на простомъ веселіи. Если въ Своемъ могуществѣ и въ Своей истинѣ *Богъ есть все*, то въ Своей любви Онъ хочетъ, чтобы *все было Богомъ*. Онъ хочетъ, чтобы внѣ Его Самого была дру-

[1]) Имманентнымъ по отношенію къ Богу и трансцендентнымъ по отношенію къ намъ.

гая природа, которая постепенно становилась бы тѣмъ, что Онъ есть отъ вѣка—абсолютнымъ всѣмъ. Чтобы самой достигнуть до Божественной всеобщности, чтобы войти въ свободное и взаимное отношеніе съ Богомъ, эта природа должна быть отдѣленной отъ Бога и въ то же время соединенной съ Нимъ. Отдѣленной въ своемъ реальномъ основаніи, которое есть земля, и соединенной въ своей идеальной вершинѣ, которая есть человѣкъ. Въ особенности въ видѣніи земли и человѣка вѣчная премудрость и являла свое веселіе передъ Богомъ грядущаго: mesakheqeth bethebél artso, veshahashouhaï eth bené Adam.

Мы знаемъ, что возможность хаотическаго существованія, отъ вѣка содержащаяся въ Богѣ, вѣчно подавляется Его могуществомъ, осуждается Его истиной, уничтожается Его благостью. Но Богъ любитъ хаосъ и въ его небытіи, и Онъ хочетъ, чтобы сей послѣдній существовалъ, ибо Онъ сумѣетъ вернуть къ единству мятежное существованіе, Онъ сумѣетъ наполнить безконечную пустоту изобиліемъ Своей жизни. Поэтому Богъ даетъ свободу хаосу. Онъ удерживаетъ противодѣйствіе ему Своего всемогущества въ первомъ актѣ Божественнаго бытія, въ стихіи Отца, и тѣмъ выводитъ міръ изъ его небытія.

Если мы не хотимъ отречься отъ самой идеи Божества, мы не можемъ допустить внѣ Бога бытія въ себѣ, существованія реальнаго и положительнаго. Внѣбожественное не можетъ быть поэтому ничѣмъ другимъ, какъ *измѣненнымъ или обращеннымъ* Божественнымъ. И это мы и видимъ прежде всего въ специфическихъ формахъ конечнаго существованія, отдѣляющихъ нашъ міръ отъ Бога. Дѣйствительно, этотъ міръ сложился внѣ Бога путемъ формъ протяженности, времени и механической причинности. Но эти три условія не представляютъ ничего реальнаго и положительнаго, они лишь отрицаніе и превращеніе Божественнаго существованія въ его главныхъ категоріяхъ.

Мы различили въ Богѣ: во 1-хъ, Его абсолютную *объективность*, представленную Его субстанціей или сущностью, которая есть все въ нераздѣльномъ единствѣ; во 2-хъ, Его безусловную *субъективность* или Его внутреннее существованіе, представленное въ его цѣлокупности тремя неразрыв-

ными ипостасями, обусловливающими и дополняющими себя взаимно; наконецъ, въ 3-хъ, Его свободную относительность или Его отношеніе къ тому, что не есть Онъ Самъ, представленную сначала *веселіемъ* Божественной Премудрости, затѣмъ твореніемъ (и—какъ мы увидимъ впослѣдствіи—воплощеніемъ). Общій характеръ Божественнаго бытія въ этихъ трехъ категоріяхъ или съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія есть его *автономія* или совершенная автократія, отсутствіе всякаго внѣшняго опредѣленія. Богъ автономенъ въ Своей объективной субстанціи, ибо, будучи всѣмъ въ себѣ самой она не можетъ опредѣляться ничѣмъ; Онъ автономенъ въ Своемъ субъективномъ существованіи, ибо оно имѣетъ безусловную полноту въ своихъ трехъ совѣчныхъ и ипостасныхъ фазахъ, совмѣстно объемлющихъ всю совокупность бытія; наконецъ, Онъ автономенъ въ Своемъ отношеніи къ тому, что не есть Онъ, ибо это *другое* опредѣляется къ существованію единственно свободнымъ актомъ Божественной воли. Такимъ образомъ обозначенныя нами три категоріи суть лишь различныя формы и выраженія Божественной автономіи. И именно поэтому въ земномъ мірѣ, который есть лишь обращенный образъ Божества, мы находимъ три соотвѣтствующія формы міровой *гетерономіи*: протяженность, время и механическую причинность. Если объективное и существенное выраженіе Божественной автократіи есть *все въ единствѣ, omnia simul in uno*, то гетерономная объективность протяженности состоитъ, напротивъ, въ томъ, что каждая часть внѣбожественнаго міра отдѣлена отъ всѣхъ остальныхъ; это есть пребываніе каждаго внѣ всего и всего внѣ каждаго, это—обратное понятію цѣлокупности. Такимъ образомъ, нашъ міръ, поскольку онъ составленъ изъ протяженныхъ частей, представляетъ обращеніе Божественной *объективности*. Точно такъ же если субъективная автономія Божественнаго существованія находитъ свое выраженіе въ равной актуальности и во внутренней и неразрывной связи трехъ опредѣленій этого существованія, пополняющихъ другъ друга, но не слѣдующихъ другъ за другомъ, то гетерономная форма времени представляетъ намъ, напротивъ, неопредѣленную послѣдовательность моментовъ, *оспаривающихъ другъ*

у друга существованіе. Каждый изъ этихъ моментовъ, чтобы воспользоваться актуальностью, долженъ исключить всѣ остальные, и всѣ эти моменты вмѣсто того, чтобы взаимно дополнять другъ друга, взаимно подавляютъ другъ друга и становятся каждый на мѣсто другого, никогда не достигая цѣлокупности и полноты существованія. Наконецъ, какъ творческая свобода Бога есть окончательное выраженіе его автономіи, такъ гетерономія внѣбожественнаго міра окончательно проявляется въ механической причинности, въ силу коей внѣшнее дѣйствіе даннаго существа никогда не представляетъ непосредственнаго результата его внутренняго акта, но необходимо опредѣляется сцѣпленіемъ матеріальныхъ причинъ или условій, независимыхъ отъ самаго дѣятеля.

Отвлеченный принципъ протяженности заключается въ томъ, что два объекта, двѣ части всего, не могутъ занимать одновременно одно и то же мѣсто, и что равнымъ образомъ одинъ объектъ, одна часть всего не можетъ находиться одновременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ. Это — законъ раздѣльности или объективнаго взаимоисключенія между частями всего. Отвлеченный принципъ времени заключается въ томъ, что два внутреннихъ состоянія субъекта (состоянія сознанія по современной терминологіи) не могутъ совпасть въ одномъ актуальномъ моментѣ, и что равнымъ образомъ отдѣльное состояніе сознанія не можетъ сохраниться, какъ актуально тождественное въ теченіе двухъ различныхъ моментовъ существованія; это—законъ постояннаго разъединенія внутреннихъ состояній всякаго субъекта. Наконецъ, согласно отвлеченному принципу механической причинности, ни одинъ актъ и ни одинъ феноменъ не происходитъ произвольно или самъ собою, но вполнѣ опредѣляется другимъ актомъ или феноменомъ, который самъ есть лишь результатъ третьяго и т. д.; это — законъ чисто внѣшняго и случайнаго отношенія феноменовъ. Легко усмотрѣть, что эти три основанія или эти три закона выражаютъ лишь общее *стремленіе*, направленное къ раздробленію и разложенію тѣла вселенной, къ лишенію его всякой внутренней связи и къ лишенію его частей всякой солидарности. Это усиліе или эта тенденція есть самая суть внѣбожественной природы

или хаоса. Усиліе предполагаетъ *волю*, а воля предполагаетъ психическій субъектъ или *душу*. Какъ міръ, который эта душа усиливается произвести,—раздробленное, разъединенное все, сдерживаемое лишь чисто внѣшней связью,— какъ этотъ міръ есть противоположность и обратная сторона Божественной всеобщности, такъ *душа міра* сама есть противоположность или антитипъ существенной Премудрости Божіей. Эта душа міра есть тварь и первая изъ всѣхъ тварей, *materia prima* и истинный *substratum* нашего сотвореннаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, разъ ничто не можетъ существовать реально и объективно внѣ Бога, внѣбожественный міръ не можетъ быть, какъ мы уже сказали, ничѣмъ другимъ, какъ міромъ Божественнымъ, субъективно видоизмѣненнымъ и обращеннымъ: онъ—только ложный аспектъ или иллюзорное представленіе Божественной всеобщности. Но для самого этого иллюзорнаго существованія нуженъ еще субъектъ, который, ставъ на ложную точку зрѣнія, воспроизводитъ въ себѣ искаженный образъ истины. Этотъ субъектъ не можетъ быть ни Богомъ, ни Его существенною Премудростью, поэтому необходимо допустить, какъ принципъ творенія въ собственномъ смыслѣ отличный субъектъ, душу міра. Какъ тварь, она не имѣетъ вѣчнаго существованія въ самой себѣ, но она отъ вѣка существуетъ въ Богѣ въ состояніи чистой мощи, какъ сокрытая основа вѣчной Премудрости. Эта возможная и будущая Мать внѣбожественнаго міра соотвѣтствуетъ, какъ идеальное дополненіе, вѣчно актуальному Отцу Божества.

Въ своемъ качествѣ чистой и неопредѣленной мощи, душа міра имѣетъ двойной и измѣнчивый характеръ (ἡ ἀόριστος δυάς): она можетъ пожелать существованія для себя внѣ Бога, она можетъ стать на ложную точку зрѣнія хаотическаго и анархическаго существованія, но она можетъ также низвергнуть себя передъ Богомъ, свободно привязаться къ Божественному Слову, привести все созданіе къ совершенному единству и отождествиться съ вѣчной Премудростью. Но, чтобы достигнуть этого, душа міра должна сначала существовать въ дѣйствительности, какъ отличная отъ Бога. Вѣчный Отецъ создалъ ее поэтому, сдержавъ актъ Своего Всемогущества, отъ вѣка подавлявшаго слѣ-

пое желаніе анархическаго существованія. Это желаніе, ставъ актомъ, обнаружило душѣ возможность противоположнаго желанія; и, такимъ образомъ, сама душа получила, какъ таковая, независимое существованіе, хаотическое въ своей непосредственной актуальности, но способное, измѣнившись, перейти въ свою противоположность. Воспріявъ идею хаоса, давъ ей относительную (для нея) реальность, душа приходитъ къ желанію освободиться отъ этого нестройнаго существованія, волнующагося безъ цѣли и смысла въ безднѣ тьмы. Раздерганная во всѣ стороны слѣпыми силами, оспаривающими другъ у друга исключительное существованіе, разорванная, раздробленная, обращенная въ пыль безчисленнаго множества атомовъ, душа міра испытываетъ смутное, но глубокое желаніе единства. Этимъ желаніемъ она привлекаетъ дѣйствіе Слова (Божества дѣятельнаго или Божества въ Его проявленіи), которое сначала открывается ей въ общей и неопредѣленной идеѣ вселенной, міра единаго и нераздѣльнаго. Это идеальное единство, реализуясь на основѣ хаотической протяженности, принимаетъ форму неопредѣленнаго пространства или безпредѣльности. *Все*, воспроизведенное, представленное или созданное въ воображеніи душою въ ея состояніи хаотическаго раздѣленія не можетъ перестать быть *всѣмъ*, потерять окончательно свое единство; и разъ его части не хотятъ дополнять и проникать другъ друга въ положительной и живой совокупности, онѣ принуждены, хотя и исключая взаимно другъ друга, тѣмъ не менѣе, оставаться вмѣстѣ, сосуществовать въ формальномъ единствѣ неопредѣленнаго пространства—вполнѣ внѣшнемъ и пустомъ образѣ субстанціальной и объективной всеобщности Бога. Но душѣ недостаточно внѣшней безпредѣльности; она хочетъ испытать еще и внутреннюю цѣлокупность существованія субъективнаго. Эта цѣлокупность, которая вѣчно господствуетъ въ Божественной Троицѣ, заслонена для хаотической души неопредѣленной послѣдовательностью случайныхъ и безразличныхъ моментовъ, которую называютъ временемъ. Эта ложная безконечность, налагающая цѣпи на душу, побуждаетъ ее желать истины; и на это желаніе Божественное Слово отвѣчаетъ внушеніемъ новой идеи. Своимъ дѣй-

ствіемъ на душу Верховная Троица отражается въ потокѣ неопредѣленной продолжительности въ образѣ трехъ временъ. Желая осуществить для себя дѣйствительность въ ея цѣломъ, душа принуждена дополнять каждый данный моментъ своего существованія воспоминаніемъ, болѣе или менѣе затемненнымъ, прошедшаго безъ начала и ожиданіемъ, болѣе или менѣе смутнымъ, будущаго безъ конца.

И, какъ глубокое и недвижимое основаніе этого измѣнчиваго отношенія, являются три главныхъ состоянія самой души, ея тройное положеніе по отношенію къ Божеству, уставленное для нея въ формѣ трехъ временъ. Состояніе ея первоначальнаго поглощенія въ единствѣ Вѣчнаго Отца, ея вѣчное пребываніе въ Немъ, какъ чистой мощи или простой возможности,—отнынѣ опредѣляется, какъ *прошлое* души; состояніе ея отдѣленія отъ Бога въ слѣпой силѣ хаотическаго желанія представляетъ ея настоящее; и возвращеніе къ Богу, возсоединеніе съ Нимъ, является предметомъ ея стремленій и ея усилій — идеальнымъ ея будущимъ.

Какъ надъ анархическимъ раздѣленіемъ протяженныхъ частей Слово Божіе устанавливаетъ для души формальное единство пространства; какъ на фонѣ хаотической смѣны моментовъ Оно создаетъ идеальную троичность временъ, такъ на основѣ механической причинности Оно обнаруживаетъ конкретную связь всего въ законѣ всемірнаго тяготѣнія, который внутренней силой связываетъ всѣ разсѣянныя въ ихъ раздробленіи части хаотической дѣйствительности, дабы создать изъ нихъ одно цѣльное и устойчивое тѣло, первую матеріализацію души міра, первую основу дѣйствованія для существенной Премудрости.

Такъ, путемъ слѣпого и хаотическаго усилія, навязывающаго душѣ существованіе безконечно *раздѣленное* въ его частяхъ, исключительно *послѣдовательное* въ его моментахъ и *механически* опредѣленное въ его феноменахъ; путемъ противоположнаго желанія самой души, стремящейся къ единству и всеобщности и путемъ дѣйствія Божественнаго Слова, отвѣчающаго этому стремленію, — путемъ соединенной дѣятельности этихъ трехъ двигателей, міръ низшій или внѣбожественный обрѣтаетъ свою относительную

реальность или, по библейскому выраженію, полагаются основанія земли. Но, въ идеѣ творенія, Библія, какъ и разумъ теософическій, не раздѣляетъ низшаго міра отъ міра высшаго, земли отъ неба.

Мы видѣли, дѣйствительно, какъ Вѣчная Премудрость вызывала возможности ирраціональнаго и анархическаго существованія, дабы противопоставить имъ соотвѣтственныя проявленія безусловной мощи, истины и благости. Эти Божественныя противодѣйствія, представляющія въ имманентной жизни Бога лишь веселіе игры, дѣлаются устойчивыми и становятся реальными существованіями, когда противобожественныя возможности, вызывающія ихъ, перестаютъ быть чистыми возможностями. Такимъ образомъ, созданію низшаго или хаотическаго міра необходимо соотвѣтствуетъ созданіе міра высшаго или небеснаго: Bereshith bara Elohim eth hashammaïm v'eth haaréts.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Высшій міръ. Свобода чистыхъ духовъ.

Bereshith — ἐν ἀρχῇ или, вѣрнѣе, ἐν κεφαλαίῳ [1]) — *in principio, seu potius in capitulo* (въ началѣ или, вѣрнѣе, во главѣ).

Нужно совершенно не понимать духа еврейскаго языка, а также и общаго духа древняго Востока, чтобы полагать, что эти слова, коими начинается книга *Бытія*, представляютъ не болѣе какъ неопредѣленное нарѣчіе, въ родѣ нашихъ современныхъ: сначала и т. п. Когда еврейскій народъ употреблялъ существительное, онъ бралъ эту форму въ прямомъ ея значеніи, т.-е. дѣйствительно думалъ о существѣ или реальномъ объектѣ, обозначаемомъ этимъ существительнымъ. А несомнѣнно, что еврейское слово

---

[1]) Такъ терминъ „bereshith" переведенъ (по свидѣтельству *Hexaples* Оригена) *Акивлою*, знаменитымъ учителемъ, къ которому Талмудъ прилагаетъ слова псалма: „Ты—прекраснѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ".

reshith, переводимое ἀρχή, *principium*, есть настоящее существительное женскаго рода. Соотвѣтствующій мужской родъ есть *rosh*, *caput*, *глава*. Этотъ послѣдній терминъ употребляется еврейской теологіей, въ преимущественномъ его смыслѣ, для обозначенія Бога — верховной и безусловной главы всего существующаго. Но что можетъ представлять, съ этой точки зрѣнія, *reshith* — женскій родъ отъ *rosh*? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ не нужно прибѣгать къ кабалистическимъ фантазіямъ. Библія налицо, чтобы дать намъ безспорное рѣшеніе. Въ главѣ VIII *Притчей Соломоновыхъ*, уже приведенныхъ нами, существенная Премудрость, Khocma, говоритъ намъ (ст. 22): *Jahveh qanani reshith darco — Іегова обладалъ мною, какъ основаніемъ* (женскій родъ) *пути Своего* (Господь созда мя начало путей Своихъ). Такимъ образомъ, вѣчная Премудрость и есть *reshith*, женское начало или глава всякаго существованія, какъ Іегова, Ягве — Елогимъ. Тріединый Богъ есть *rosh*, его активное начало или глава. Но согласно книгѣ *Бытія*, Богъ создалъ небо и землю въ этой *reshith*, въ Своей существенной Премудрости. Это обозначаетъ, что сказанная Божественная Премудрость представляетъ не только существенное и актуальное всеединство абсолютнаго существа или субстанцію Бога, но и содержитъ въ себѣ объединяющую мощь раздѣленнаго и раздробленнаго мірового бытія. Будучи завершеннымъ единствомъ всего въ Богѣ, она становится также и единствомъ Бога и внѣбожественнаго существованія. Она представляетъ такимъ образомъ истинную причину творенія и его цѣль — принципъ, въ которомъ Богъ создалъ небо и землю. Если она субстанціонально и отъ вѣка пребываетъ въ Богѣ, то, дѣйствительно, осуществляется она въ мірѣ, послѣдовательно воплощается въ немъ, приводя его къ все-болѣе и болѣе совершенному единству. Она есть *reshith* въ началѣ — плодотворная идея безусловнаго единства, единое могущество, долженствующее объединить все; она есть *Malkhouth* (Βασιλεία, Regnum, Царство) въ концѣ — Царствіе Божіе, совершенное и вполнѣ осуществленное единство Творца и творенія. Она не есть душа міра, — душа міра только носительница, среда и субстратъ ея реализаціи. Она сближается

съ душой міра черезъ дѣйствіе Слова и возводитъ ее послѣдовательно къ все болѣе и болѣе полному и дѣйствительному отождествленію съ собой. Душа міра, разсматриваемая въ ней самой, есть неопредѣленный субъектъ творенія, равно доступный злой основѣ хаоса и Слову Божію. *Khocma*, Σοφία, Божественная Премудрость не душа, но ангелъ хранитель міра, покрывающій своими крылами всѣ созданія, дабы мало-по-малу вознести ихъ къ истинному бытію, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья свои. Она — субстанція Святаго Духа, носившагося надъ водной тьмою нарождающагося міра. *Ve rouakh* (женскій родъ) *Elohim merakhépheth hal pené hammaïm.* — Но будемъ слѣдовать порядку священнаго повѣствованія: *Bereshith bara Elohim eth hashammaïm v' eth haarets.* Намъ не нужно дѣлать изслѣдованій, чтобы знать, какъ надо понимать здѣсь послѣдній терминъ *haarets* — *Земля*. Боговдохновенный писатель не замедлилъ объяснить намъ значеніе его: *vehaarets*, говоритъ онъ, *haïethah tohou va bohou*.. И Земля была хаосомъ. Но если подъ Землею въ библейскомъ разсказѣ творенія надо понимать хаосъ, міръ низшій и внѣбожественный въ его хаотическомъ состояніи, то очевидно, что терминъ hashammaïm, небеса, который священный текстъ ставитъ въ тѣсное отношеніе съ землею, какъ противоположнымъ полюсомъ творенія, указываетъ намъ высшій міръ или невидимый міръ *божественныхъ противодѣйствій*, уставленныхъ или осуществленныхъ опредѣленнымъ образомъ, какъ противовѣсъ хаотическому существованію.

Этотъ невидимый міръ не безъ основанія обозначенъ по-еврейски (равно какъ и въ древнеславянскомъ) словомъ, поставленнымъ въ *двойственномъ* числѣ (оно въ языкахъ западныхъ передается множественнымъ). Это двойственное соотвѣтствуетъ основному дѣленію міра Божественнаго.

Мы знаемъ, что производящая причина (ἀρχὴ τῆς γενήσεως) творенія есть актъ воли, по коему Богъ воздерживается отъ подавленія Своимъ Всемогуществомъ возможной дѣйствительности хаоса, или перестаетъ противодѣйствовать этой возможности путемъ особой силы, присущей первой Его ипостаси, ограничиваясь противодѣйствіемъ второй и третьей — путемъ правды, милости, истины и благодати.

Разъ первая ипостась Пресвятой Троицы, Вѣчный Отецъ, воздержался отъ противодѣйствія возможности хаоса въ присущемъ Ему свойствѣ (черезъ подавленіе его Своимъ Всемогуществомъ), и въ этомъ заключалось первое условіе или производящая причина творенія (основаніе, по коему Богъ Отецъ есть Творецъ міра по преимуществу), изъ этого слѣдуетъ, что для образованія сферы Божественныхъ противодѣйствій хаосу остаются лишь особо присущія двумъ другимъ ипостасямъ проявленія; это обстоятельство и опредѣляетъ основную причину двойственности невидимаго міра. Мы имѣемъ: во-1-хъ, систему творческихъ (непосредственныхъ) противодѣйствій *Слова*, составляющихъ идеальный или умопостигаемый міръ въ собственномъ смыслѣ, сферу чистыхъ умовъ, объективныхъ идей, ипостазированныхъ Божественныхъ мыслей; и во-2-хъ, систему противодѣйствій Святаго Духа, болѣе конкретныхъ, болѣе субъективныхъ и болѣе живыхъ, составляющихъ духовный міръ, сферу чистыхъ духовъ или ангеловъ.

Въ этой творческой сферѣ Слова и Святаго Духа Божественная субстанція, существенная Премудрость опредѣляется и является въ основномъ ея качествѣ, какъ лучезарное и небесное существо, отдѣленное отъ тьмы земной матеріи. Сфера, присущая Отцу, есть абсолютный свѣтъ, свѣтъ въ себѣ, неимѣющій никакого отношенія къ тьмѣ. Сынъ или Слово есть какъ бы проявленный свѣтъ, то—бѣлый лучъ, освѣщающій внѣшніе предметы, не проникая въ нихъ, но отражаясь на ихъ поверхности. Наконецъ, Святый Духъ есть лучъ, который, преломленный внѣбожественной средой, разлагается и создаетъ надъ этой средой небесный спектръ семи первоверховныхъ духовъ, какъ бы семи цвѣтовъ радуги.

Чистые умы, составляющіе міръ *идей*, суть существа безусловно созерцательныя, безстрастныя и неизмѣнныя. Неподвижныя звѣзды на небесахъ невидимаго міра, они выше всякаго желанія, всякой воли, а, слѣдовательно, и всякой свободы. Чистые духи или ангелы имѣютъ субъективное существованіе болѣе полное или болѣе конкретное. Независимо отъ интеллектуальнаго созерцанія, имъ знакомы аффективныя и волевыя состоянія, они имѣютъ движеніе и свободу.

Но свобода чистыхъ духовъ далеко несходна съ той, которую мы знаемъ по нашему собственному опыту. Не будучи подчиненными объективнымъ ограниченіямъ матеріи, пространства и времени, а также всему механизму физическаго міра, ангелы Бога имѣютъ власть предуставить все свое послѣдующее бытіе единымъ *внутреннимъ* актомъ своей воли. Они свободны стать за Бога или противъ Него; но такъ какъ, по своей природѣ (въ качествѣ непосредственныхъ созданій Бога), они изначала владѣютъ высокой степенью свѣта и силы, то они дѣйствуютъ съ полнымъ пониманіемъ дѣла и съ полной дѣйствительностью успѣха и не могутъ раскаиваться въ своихъ поступкахъ. Въ силу самаго совершенства и величія ихъ свободы, они могутъ примѣнить ее лишь въ одномъ рѣшительномъ актѣ, разъ навсегда. Внутреннее рѣшеніе ихъ воли, не встрѣчая никакой внѣшней задержки, вызываетъ немедленно всѣ свои послѣдствія и *исчерпываетъ* свободу воли. Чистый духъ, который свободно самоопредѣляется къ Богу, немедленно вступаетъ въ обладаніе Божественной Премудрости и становится какъ бы органическимъ и нераздѣльнымъ членомъ Божества: любовь къ Богу и добровольное участіе въ Божественномъ дѣйствіи составляютъ отнынѣ его природу. Съ своей стороны, духъ, самоопредѣлившійся въ противоположномъ смыслѣ, также не можетъ уже болѣе измѣнить своего рѣшенія. Ибо онъ принялъ его, зная вполнѣ, что онъ дѣлаетъ, и могъ получить лишь то, чего желалъ. Онъ желалъ отдѣлиться отъ Бога, ибо въ немъ зародилось отвращеніе къ Богу. Это отвращеніе не могло имѣть ни малѣйшаго основанія, ибо въ Богѣ не можетъ быть и тѣни какого-либо зла, могущаго оправдать или объяснить враждебное къ нему чувство; эта вражда есть простой и чистый актъ духовной воли, имѣющій все свое основаніе въ себѣ самомъ и недоступный никакому видоизмѣненію: она становится самой природой или сущностью падшаго ангела. Независимая отъ какой-либо причины и какого-либо внѣшняго и временнаго обстоятельства въ своемъ нравственномъ актѣ, безусловно владѣя собою, противобожественная воля по необходимости вѣчна и безвозвратна. То — безконечная бездна, куда немедленно повергается мятежный духъ, и

откуда онъ можетъ посылать свои лучи въ присущемъ ему направленіи, сквозь природный хаосъ, физическое твореніе и до предѣловъ Божественнаго міра. Да вѣдь онъ и зналъ хорошо, опредѣляясь противъ Бога, что въ полѣ дѣйствія ему недостатка не будетъ; ибо Божественная воля уже вызвала тогда изъ небытія душу міра, пробудивъ въ ней хаотическое желаніе—основу и матерію всего творенія. Эта міровая душа есть неопредѣленный и необусловленный принципъ (ἄπειρον καὶ ἀόριστον), и она всегда будетъ въ извѣстной мѣрѣ сообщать этотъ характеръ всему, что произойдетъ отъ нея. Такъ явится огромная смѣшанная среда, которая останется въ колеблющемся положеніи между Богомъ и Его противникомъ, доставляя сему послѣднему средства питать свою ненависть, осуществлять свой мятежъ и продолжать свою борьбу. Его существованіе не будетъ поэтому неподвижнымъ и пустымъ, ему дастся обильная и разнообразная дѣятельность, но общее направленіе и внутреннее качество всего, что онъ сдѣлаетъ, будутъ заранѣе опредѣлены первоначальнымъ актомъ его воли, отдѣлившимъ его отъ Бога. Измѣнить этотъ актъ, вернуться къ Богу для него безусловно невозможно. Противоположное ученіе Оригена, осужденное Церковью, показываетъ намъ, что этотъ столь возвышенный духовно и столь богато одаренный умъ имѣлъ, тѣмъ не менѣе, лишь очень недостаточную идею о сущности нравственнаго зла, что онъ, впрочемъ, и доказалъ при другихъ обстоятельствахъ, прибѣгнувъ къ чисто матеріальному и внѣшнему средству для избавленія себя отъ дурныхъ страстей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Три главныхъ ступени космогоническаго процесса.

Въ мысли Бога небеса и земля, міръ высшій и міръ низшій, созданы были вмѣстѣ въ единомъ основаніи, которое есть существенная Премудрость — безусловное единство всего. Единеніе небесъ и земли, положенное въ основаніи (*reshith*), въ началѣ творческаго дѣла, должно быть

осуществлено фактически путемъ космогоническаго и историческаго процесса, приводящаго къ совершенному проявленію этого единства въ *Царствѣ* Божіемъ (*malkhout*). Единство, дѣйствительно осуществленное, предполагаетъ предварительное раздѣленіе,—раздѣленіе, проявляющееся въ хаотическомъ существованіи земли, существованіи пустомъ и безплодномъ, погруженномъ въ тьму (*khoshée*) и въ бездну (*tehom*). Задача лежала въ томъ, чтобы заполнить эту бездну, освѣтить эту тьму, оплодотворить это безплодное лоно и, наконецъ, путемъ совокупнаго дѣйствія обоихъ міровъ вызвать къ жизни полуземное и полунебесное существованіе, способное объять въ своемъ единствѣ всю совокупность творенія и связать ее съ Богомъ свободной и живой связью, воплотивъ въ созданномъ образѣ вѣчную Премудрость Божества.

Космическій процессъ есть послѣдовательное объединеніе низшаго или земного міра, созданнаго въ началѣ въ состояніи хаоса и розни—*tohou va bohou*. Въ этомъ процессѣ, какъ это открываетъ намъ священное повѣствованіе книги Бытія, усматриваются двѣ основы или два производящихъ двигателя,—одинъ безусловно дѣятельный—Богъ въ Своемъ Словѣ и Своемъ Духѣ,—и другой, частью содѣйствующій своей собственной силой Божественному порядку и предначертаніямъ и осуществляющій ихъ, частью представляющій лишь чисто пассивную и матеріальную стихію. Дѣйствительно, когда рѣчь идетъ о созданіи растеній и животныхъ, написано: *vaïomer Elohim: tad'shé haarets deshe heseb maz'riah zerah*, и т. д.—*и рече Богъ: да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя*, и т. д.; и далѣе *vattotsé haarets deshe heseb maz'riah zerah leminehou*, и т. д.—*и изнесе земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію*. И еще дальше: *vaïomer Elohim: totsé haarets nephesh chaïah leminah*, и т. д.—*и рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду*.—Такимъ образомъ, очевидно, что Богъ не создаетъ непосредственно различныя проявленія физической жизни, но что Онъ лишь опредѣляетъ, направляетъ и устанавливаетъ творческую силу этого, именуемаго *землею*, дѣятеля, то-есть земной природы, первой матеріи, души низшаго міра. Эта душа въ самой себѣ есть лишь неопредѣленная и безпорядочная сила, но сила, способная стре-

миться къ Божественному единству, жаждущая союза съ небесами. Но это желаніе и отвѣчаютъ Своимъ дѣйствіемъ Слово и Духъ Божіи, внушая невѣдающей душѣ все болѣе и болѣе совершенныя формы объединенія небеснаго съ земнымъ и побуждая осуществить ихъ въ средѣ низшаго міра. Но такъ какъ душа этого міра представляетъ собою неопредѣленную двойственность (ἀόριστος δυάς), то она доступна также дѣйствію и противобожественнаго начала, которое, не будучи въ состояніи подчинить себѣ высшую Премудрость, осаждаетъ ея низшій противообразъ, душу міра, дабы принудить ее пребывать въ хаосѣ и раздорѣ и производить вмѣсто осуществленія единства небесъ и земли въ стройныхъ и правильно восходящихъ формахъ безпорядочныя и фантастическія чудовища. Такимъ образомъ, космическій процессъ, будучи, съ одной стороны, мирной встрѣчей, любовью и бракомъ двухъ дѣятелей—небеснаго и земного,—съ другой стороны, представляетъ борьбу на смерть Божественнаго Слова и адскаго начала за власть надъ міровою душою. Отсюда слѣдуетъ, что дѣло творенія, какъ процессъ вдвойнѣ сложный, можетъ совершать свое движеніе лишь медленно и постепенно.

Что оно не есть *непосредственное* дѣло Божіе, это, какъ мы видѣли, вполнѣ опредѣленно говоритъ намъ Библія. И ея священныя слова въ полной мѣрѣ подтверждаются на дѣлѣ. Если бы созданіе нашего физическаго міра исходило прямо и исключительно отъ Самого Бога, то оно было бы дѣломъ безусловно совершеннымъ—спокойнымъ и стройнымъ произведеніемъ, не только въ цѣломъ, но и въ каждой изъ его частей.

Но дѣйствительность далеко не отвѣчаетъ такой идеѣ. Лишь со Своей точки зрѣнія, обнимающей все (*kol asher hosah*) однимъ взглядомъ—sub specie aeternitatis—Богъ могъ объявить твореніе совершеннымъ—*tob méod*, *добро зѣло*. Что же касается отдѣльныхъ частей дѣла, разсматриваемыхъ въ нихъ самихъ, то онѣ заслуживаютъ въ устахъ Бога лишь относительнаго одобренія или не заслуживаютъ никакого. Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, Библія находится въ полномъ согласіи съ человѣческимъ опытомъ и научной истиной. Если мы станемъ разсматривать земной

міръ въ его настоящемъ состояніи и въ особенности въ его геологической и палеонтологической исторіи, хорошо и документально обоснованной въ наши дни, мы откроемъ въ немъ характерную картину процесса тяжелой работы, опредѣленной разнородными началами, приходящими весьма не скоро и путемъ великихъ усилій къ устойчивому и стройному единству. Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ безусловно совершеннымъ созданіемъ — непосредственнымъ дѣломъ одного Божественнаго *художника* (*artifex*). Наша космическая исторія есть медленное и мучительное рожденіе. Мы видимъ въ ней ясные признаки внутренней борьбы, потрясенія и насильственные перевороты, слѣпые поиски наощупь, незаконченныя попытки неудавшихся созданій чудовищные выкидыши. Всѣ эти допотопныя чудища, эти *палеозои—мегатеріумы, плезіозавры, ихтіозавры, птеродактили* и т. д., могутъ ли они принадлежать къ совершенному и непосредственному творенію Бога? Если каждый родъ этихъ чудовищныхъ созданій былъ *tob méod (добро зѣло)*, почему же они окончательно исчезли съ нашей земли, уступивъ мѣсто болѣе удачнымъ, болѣе стройнымъ и лучше уравновѣшеннымъ формамъ.

Твореніе есть постепенный и упорный процессъ; это— библейская и философская истина, такъ же какъ и фактъ естественной науки. Процессъ, предполагая несовершенство, предполагаетъ тѣмъ самымъ опредѣленный прогрессъ, состоящій во все болѣе и болѣе глубокомъ и полномъ объединеніи матеріальныхъ элементовъ и анархическихъ силъ, въ преображеніи *хаоса* въ *космосъ*, въ живое тѣло, могущее послужить для воплощенія Божественной Премудрости. Не входя въ космогоническія подробности, я укажу только на три основныхъ, конкретныхъ ступени этого объединяющаго процесса. Мы уже обратили вниманіе на первую изъ этихъ опредѣленныхъ ступеней во *всеобщемъ тяготѣніи*, которое дѣлаетъ изъ низшаго міра относительно компактную массу и создаетъ матеріальное тѣло вселенной. Это и есть *механическое единство* всего. Части вселенной, хотя и оставаясь внѣшними по отношенію другъ къ другу, тѣмъ не менѣе сдержаны вмѣстѣ неразрывной цѣпью—силою притяженія. Какъ бы онѣ ни упорствовали въ своемъ эгоизмѣ, онъ ули-

чается во лжи непобѣдимымъ влеченіемъ, толкающимъ ихъ одну къ другой—первоначальнымъ проявленіемъ космическаго *альтруизма.* Міровая душа достигаетъ своей первой реализаціи, какъ универсальное единство, и празднуетъ свое первое единеніе съ Божественной Премудростью. Но, побуждаемая творческимъ словомъ, она стремится къ единству болѣе совершенному; и въ этомъ стремленіи она освобождается отъ узъ вѣсомой массы и преобразуетъ свою мощь въ новую матерію, утонченную и разрѣженную, получившую названіе *эѳира.* Слово овладѣваетъ этой идеализованной матеріей, какъ преимущественной носительницей Его образующаго дѣйствія; оно разноситъ токи невѣсомыхъ во всѣ части вселенной; покрываетъ всѣ члены космическаго тѣла эѳирной сѣтью; обнаруживаетъ относительныя различія этихъ частей, ставитъ ихъ въ опредѣленныя отношенія и создаетъ такимъ образомъ второе космическое единство, болѣе совершенное и болѣе идеальное—*единство динамическое,* осуществленное въ свѣтѣ, электричествѣ и всѣхъ другихъ невѣсомыхъ, представляющихъ лишь видоизмѣненія или превращенія одного и того же дѣятеля. Характеръ этого дѣятеля есть чистый альтруизмъ, это—безпредѣльное расширеніе, непрерывный актъ отдачи себя. Какъ ни совершенно въ самомъ себѣ динамическое единство міра, оно лишь объемлетъ матеріальную массу во всѣхъ ея частяхъ; но оно не овладѣваетъ ими внутренно, не проникаетъ ихъ до глубины ихъ существа, не перерождаетъ ихъ. Міровая душа, *земля,* видитъ въ лучезарномъ эѳирѣ идеальный образъ своего небеснаго возлюбленнаго, но реально не соединяется съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, она постоянно стремится къ этому единенію, она не хочетъ ограничиться созерцаніемъ небесъ и блистающихъ свѣтилъ, погруженіемъ въ эѳирныя токи,—она поглощаетъ *свѣтъ,* претворяетъ его въ *жизненный огонь* и, какъ плодъ этого новаго союза, выводитъ изъ нѣдръ своихъ всякую *душу живую* въ обоихъ царствахъ растеній и животныхъ. Это новое единство—*единство органическое,* имѣющее основаніемъ и средой неорганическую матерію и эѳирные токи, тѣмъ болѣе совершенно, что оно даетъ форму и управляетъ тѣломъ болѣе сложнымъ при посредствѣ болѣе дѣятельной

и болѣе универсальной души. Въ растеніяхъ жизнь проявляется объективно въ ея органическихъ формахъ, животными она, кромѣ того, *чувствуется* въ ея движеніяхъ и субъективныхъ эффектахъ; наконецъ, человѣкомъ она *понимается* въ ея безусловномъ принципѣ.

Земля, которая въ началѣ была пуста, покрыта тьмою и безóбразна, дабы затѣмъ постепенно быть объятой свѣтомъ, получить форму и расчлененіе; земля, которая лишь, въ третью космогоническую эпоху, неопредѣленно почувствовала и смутно, какъ бы во снѣ, выразила свою творческую мощь въ формахъ растительной жизни—этихъ первыхъ сочетаніяхъ праха земного съ красотою небесъ—земля, которая въ этомъ мірѣ растеній впервые выходитъ изъ себя навстрѣчу небеснымъ вліяніямъ, затѣмъ отдѣляется отъ себя въ свободномъ движеніи четвероногихъ и возвышается надъ собой въ воздушномъ полетѣ птицъ,—земля, разливъ свою душу живую въ безчисленныхъ породахъ растительной и животной жизни,—сосредоточивается, наконецъ, возвращается въ себя и облекается въ форму, дозволяющую ей встрѣтить Бога лицомъ къ лицу и пріять непосредственно отъ Него дыханіе жизни духовной. Здѣсь земля *познала* небо и *познана* имъ. Здѣсь обѣ грани творенія, Божественное и внѣбожественное, высшее и низшее, дѣйствительно, становятся единымъ, соединяются актуально и обладаютъ сознаніемъ чувства этого единства. Ибо воистину познать другъ друга можно лишь въ реальномъ единеніи: совершенное познаніе должно быть *реализовано*, и реальное единеніе должно быть *идеализировано*, чтобы стать совершеннымъ. Вотъ почему единеніе по преимуществу, союзъ половъ, именуется въ Библіи *знаніемъ* *). Вѣчная Премудрость, которая по основѣ своей есть единство всего, и въ своемъ цѣломъ—единство противоположнаго, единство свободное и обоюдное—находитъ, наконецъ, субъектъ, въ которомъ и черезъ котораго она можетъ осуществить себя вполнѣ. Она находитъ его и радуется сему. *Мое веселіе*,—говоритъ она,—мое веселіе по преимуществу *о сынѣхъ человѣческихъ*.

*) *И пріятъ жену свою* (Іосифъ). *И не знаяше ея.* Матѳея гл. I, ст. 24 и 25.

Прим. перевод.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Тройное Воплощеніе Божественной Премудрости.

И созда Богъ человѣка—персть отъ земли.—Et formavit Futurus Deorum hominem—pulvis (sic) ex humo (vajitser Iahveh Elohim eth haadam haphar min haaadmah).

Если земля вообще обозначаетъ душу низшаго міра, то *персть* земли указываетъ на состояніе униженія или уничтоженія этой души, когда она отказывается отъ самоутвержденія и самовозвеличенія въ слѣпомъ желаніи анархическаго существованія; — когда, отстраняя всѣ внушенія ада и въ совершенномъ смиреніи отказываясь отъ всякаго сопротивленія и отъ всякой борьбы противъ небеснаго Слова, она получаетъ способность постигнуть Его истину, присоединиться къ Его дѣйствію и положить въ себѣ основанія царства Божія. Это смиренное состояніе, эта безусловная воспріимчивость земной природы объективно выражены въ созданіи человѣка (*humus—humilis—homo*); чувственная и представляющая душа физическаго міра становится *разумной* душой человѣчества. Достигнувъ внутренней связи съ небесами, созерцая умопостигаемый свѣтъ, она можетъ объять въ идеальномъ единствѣ (черезъ сознаніе и разумъ) все существующее. Универсальное существо въ идеѣ, въ своей разумной мощи (образъ Божій), человѣкъ долженъ, дѣйствительно, стать подобнымъ Богу, осуществляя активно свое единство въ полнотѣ творенія. Сынъ земли, по низшей, отъ нея данной ему жизни, онъ долженъ вернуть землѣ эту жизнь, преображенной въ свѣтѣ и въ духѣ животворящемъ. Если въ немъ, черезъ его разумъ, земля возвысилась до небесъ, то имъ же, черезъ его дѣйствіе, небеса низойдутъ и исполнятъ землю; черезъ него весь внѣбожественный міръ долженъ стать однимъ живымъ тѣломъ — полнымъ воплощеніемъ Божественной Премудрости.

Лишь въ человѣкѣ твореніе соединяется съ Богомъ совершеннымъ образомъ, т.-е. свободно и взаимно, ибо, благодаря своей двойной природѣ, одинъ человѣкъ можетъ

сохранить свою свободу и всегда оставаться нравственнымъ дополненіемъ Бога, все тѣснѣе и тѣснѣе соединяясь съ Нимъ въ послѣдовательномъ рядѣ сознательныхъ усилій и обдуманныхъ дѣйствій. Есть изумительная діалектика въ жизненномъ законѣ двухъ міровъ. Само сверхприродное совершенство свободы чистаго духа, отсутствіе всякаго внѣшняго ограниченія дѣлаетъ то, что эта свобода, проявляясь вполнѣ, исчерпывается въ одномъ актѣ; и духовное существо теряетъ свою свободу отъ преизбытка ея. Напротивъ, помѣхи и препятствія, противопоставляемыя внѣшней средою природнаго міра осуществленію нашихъ внутреннихъ актовъ—ограниченный и обусловленный характеръ человѣческой свободы дѣлаетъ человѣка болѣе свободнымъ, чѣмъ ангелы, даетъ ему возможность сохранить свою свободную волю и непрестанно пользоваться ею, оставаясь, даже послѣ паденія, дѣятельнымъ сотрудникомъ дѣла Божія. Поэтому вѣчная Премудрость и находитъ свою радость не въ ангелахъ, а въ сынахъ человѣческихъ.

Внутренній смыслъ существованія человѣка есть на первомъ мѣстѣ внутреннее и идеальное единеніе земной мощи и Божественнаго акта, Души и Слова и на второмъ мѣстѣ свободное осуществленіе этого единенія во всей совокупности внѣбожественнаго міра. Такимъ образомъ, въ этомъ сложномъ существѣ есть и центръ и периферія — человѣческая личность и міръ человѣческій, индивидуальный человѣкъ и человѣкъ соціальный или собирательный. Человѣческій индивидуумъ, будучи, въ себѣ или субъективно, единеніемъ Божественнаго Слова и человѣческой природы, долженъ приступить къ осуществленію объективному или для себя этого единенія, ставъ на путь внѣшняго раздвоенія. Чтобы, дѣйствительно, познать себя въ своемъ единствѣ, человѣкъ долженъ былъ различить себя, какъ субъекта познающаго или дѣятельнаго (мужъ — человѣкъ въ собственномъ смыслѣ), отъ себя же, какъ объекта познаннаго или пассивнаго (женщина). Такимъ образомъ, противопоставленіе и единеніе Божественнаго Слова и земной природы воспроизводятся для самого человѣка въ различіи и единеніи половъ.

Человѣческая *сущность* или природа вполнѣ представлена индивидуальнымъ человѣкомъ (оба пола); общественное состояніе не можетъ ничего прибавить къ этому; но оно безусловно необходимо для расширенія и развитія человѣческаго *существованія,* для актуальнаго осуществленія всего того, что *in potentia* содержится въ человѣческомъ индивидуумѣ. Лишь въ обществѣ человѣкъ можетъ достигнуть своей окончательной цѣли—вселенскаго возсоединенія всего внѣбожественнаго существованія. Но человѣчество природное (мужъ, жена и общество), въ томъ видѣ, какъ оно является слѣдствіемъ космогоническаго процесса, содержитъ въ себѣ лишь возможность подобнаго возсоединенія. Разумъ и сознательность мужчины, сердце и инстинктъ женщины, наконецъ, законъ солидарности или альтруизма, составляющій основу всякаго общества,—суть лишь прообразы дѣйствительнаго Богочеловѣческаго единства, ростокъ, который долженъ еще взойти, расцвѣсть и принести плодъ свой. Послѣдовательное развитіе этого ростка совершается въ процессѣ всемірной исторіи; и тройной приносимый имъ плодъ есть: совершенная женщина или обоготворенная природа, совершенный мужъ или человѣко-Богъ, и совершенное общество, какъ совершенное общеніе Бога съ людьми—окончательное воплощеніе вѣчной Премудрости.

Существенное единство человѣческаго существа въ мужѣ, женѣ и обществѣ обусловливаетъ нераздѣльное единство Божественнаго воплощенія въ человѣчествѣ. Человѣкъ въ собственномъ смыслѣ этого слова (мужъ) уже содержитъ въ себѣ, *in potentia*, всю сущность человѣческую; лишь для того, чтобы осуществить ее *actu*, онъ долженъ, во-первыхъ, раздвоиться или объективировать свою матеріальную сторону въ личности женской, и, во-вторыхъ, умножиться или объективировать всю общность своего умопостигаемаго существа въ множественности индивидуальныхъ существованій, органически связанныхъ между собой и составляющихъ солидарное цѣлое—человѣческое общество. Такъ какъ жена есть лишь дополненіе мужа и общество лишь его распространеніе или его проявленіе въ цѣломъ, то въ сущности есть только одно человѣческое существо. И единеніе его съ Богомъ, хотя и необходимо тройственное, пред-

ставляетъ, тѣмъ не менѣе, лишь одно бого-человѣческое существо,—воплощенную Σοφία, центральное и вполнѣ личное обнаруженіе которой есть Іисусъ Христосъ; женственное дополненіе—Святая Дѣва и вселенское распространеніе—Церковь. Святая Дѣва соединена съ Богомъ чисто воспринимающей и пассивной связью; Она родила второго Адама, какъ земля родила перваго, уничтоживъ себя въ совершенномъ смиреніи; здѣсь нѣтъ поэтому *взаимности* или содѣйствія въ собственномъ смыслѣ. Что же касается Церкви, то она не соединена съ Богомъ *непосредственно,* но черезъ воплощеніе Христа, Котораго она—продолженіе. Такимъ образомъ одинъ Христосъ есть истинно Бого-человѣкъ, человѣкъ въ непосредственномъ и взаимномъ (активномъ) единеніи съ Богомъ.

Созерцая въ Своей вѣчной мысли Святую Дѣву, Христа и Церковь, Богъ и далъ Свое безусловное одобреніе всему творенію, объявивъ его *tob meod, добро зѣло.* Это и было главнымъ предметомъ великаго веселія, испытаннаго Божественной Премудростью при мысли о сынахъ человѣческихъ; она видѣла въ этой мысли единую чистую и непорочную дщерь Адама, она видѣла въ ней Сына человѣческаго по преимуществу, единаго праведнаго, она видѣла въ ней, наконецъ, человѣческое множество, объединенное въ формѣ единственнаго въ своемъ родѣ общества, основаннаго на любви и истинѣ. Она созерцала въ этой формѣ свое будущее воплощеніе и въ дѣтяхъ Адама своихъ собственныхъ дѣтей; и она радовалась, видя, что они оправдываютъ предначертаніе поставленное ею передъ лицомъ Божіимъ. *И оправдися премудрость отъ чадъ своихъ* (Матѳ. XI, 19).

Человѣчество, соединенное съ Богомъ во Святой Дѣвѣ, во Христѣ, въ Церкви есть реализація существенной Премудрости или абсолютной субстанціи Бога, ея созданная форма, ея воплощеніе. Дѣйствительно, мы имѣемъ здѣсь одну и ту же субстанціальную форму (обозначаемую Библіей, какъ *сѣмя жены*, т.-е. *Софіи*), обнаруживающуюся въ трехъ послѣдовательныхъ и пребывающихъ проявленіяхъ, реально различныхъ, но по существу нераздѣльныхъ, принимающую имя Маріи въ своемъ женскомъ олицетвореніи, Іисуса

въ своемъ мужскомъ олицетвореніи—и сохраняя свое собственное имя для своего полнаго и всемірнаго явленія въ совершенной Церкви будущаго, Невѣстѣ и Женѣ Слова Божія.

Эта тройная реализація существенной Премудрости въ человѣчествѣ есть религіозная истина, которую православные христіане исповѣдуютъ въ своемъ ученіи и являютъ въ своемъ богослуженіи. Если бы подъ существенной Премудростью Бога надлежало понимать исключительно лицо Іисуса Христа, то какъ возможно было бы примѣнить къ Святой Дѣвѣ всѣ тѣ тексты *мистическихъ* книгъ, въ которыхъ говорится объ этой Премудрости? Между тѣмъ это примѣненіе, которое съ древнѣйшихъ временъ имѣло мѣсто въ богослуженіи, какъ Церкви латинской, такъ и Церкви греческой, получило въ наши дни церковно-учительную санкцію въ буллѣ Пія IX о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы. Съ другой стороны, есть тексты писанія, которые и православные и католическіе учителя Церкви прилагаютъ то къ Святой Дѣвѣ, то къ Церкви (напримѣръ, текстъ Апокалипсиса о женѣ, облеченной въ солнце, вѣнчанной звѣздами и имѣющей мѣсяцъ подъ ногами своими). Наконецъ, невозможно сомнѣваться въ тѣсной связи и совершенной аналогіи между индивидуальнымъ человѣчествомъ и соціальнымъ человѣчествомъ Христа, его природнымъ тѣломъ и его тѣломъ мистическимъ. Въ таинствѣ причащенія личное тѣло Господа таинственнымъ, но реальнымъ образомъ становится объединяющимъ началомъ Его собирательнаго тѣла—общины вѣрныхъ. Такимъ образомъ Церковь, обожествленное человѣческое общество, имѣетъ въ сущности ту же субстанцію, какъ и лицо воплощеннаго Христа, Его человѣческую индивидуальность,—и сія послѣдняя не имѣетъ другого происхожденія и другой сущности, кромѣ человѣческой природы Святой Дѣвы, Богоматери; изъ чего слѣдуетъ, что организмъ богочеловѣческаго воплощенія, имѣя въ Іисусѣ Христѣ единый личный и дѣйственный центръ, имѣетъ также въ тройномъ своемъ обнаруженіи одно и то же субстанціональное основаніе—тѣлесность Божественной Премудрости, поскольку она сокрыта и обнаружена въ низшемъ мірѣ: то—міровая

душа, вполнѣ обращенная, очищенная и отождествленная съ самой Премудростью, какъ матерія отождествляется съ формою въ единомъ конкретномъ и живомъ существѣ. И совершенная реализація этой бого-матеріальной субстанціи, этого *сѣмени жены* есть прославленное и воскресшее человѣчество—храмъ Бога и тѣло Его, Богоневѣста.

Христіанская истина въ этомъ окончательномъ видѣ, какъ полное и конкретное воплощеніе Божества, особенно привлекала религіозную душу русскаго народа, съ самыхъ первыхъ временъ его обращенія въ христіанство. Посвящая древнѣйшіе свои храмы святой Софіи, субстанціональной Премудрости Бога, русскій народъ далъ этой идеѣ новое выраженіе, неизвѣстное грекамъ (которые отождествляли Софію съ Логосомъ).

Тѣсно связывая Святую Софію съ Богоматерью и Іисусомъ Христомъ, религіозное искусство нашихъ предковъ, тѣмъ не менѣе, отчетливо различала ее отъ Того и Другой, изображая ее въ образѣ отдѣльнаго Божественнаго существа. Она была для нихъ небесной сущностью, скрытою подъ видимостью низшаго міра, лучезарнымъ духомъ возрожденнаго человѣчества, ангеломъ-хранителемъ земли, грядущимъ и окончательнымъ явленіемъ Божества.

Такъ, на ряду съ *индивидуальнымъ,* человѣческимъ образомъ Божества,—на ряду съ Богоматерью и Сыномъ Божіимъ,—русскій народъ зналъ и любилъ подъ именемъ Святой Софіи *соціальное* воплощеніе Божества въ Церкви Вселенской. И этой идеѣ, открытой религіозному чувству нашихъ предковъ,—этой истинно національной и безусловно вселенской идеѣ намъ и надлежитъ теперь дать раціональное выраженіе. Дѣло въ томъ, чтобы дать ясную форму живой мысли, зародившейся въ древней Руси, и которую новая Россія должна повѣдать міру.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Человѣкъ — Мессія. Хаосъ человѣческій. Первоначальные элементы троичнаго общества.

Посредникъ между небесами и землею, человѣкъ былъ предназначенъ быть вселенскимъ Мессіей, спасти міръ отъ хаоса, приведя его къ единенію съ Богомъ, воплотивъ въ формахъ творенія вѣчную Премудрость. Это призваніе возлагало на человѣка тройное служеніе: онъ долженъ былъ быть *священникомъ* Бога, *царемъ* низшаго міра и *пророкомъ* ихъ безусловнаго единенія; священникомъ Бога, принося въ жертву ему свой личный произволъ, человѣческій эгоизмъ; царемъ низшей природы, подчиняя ее себѣ по божественному закону; пророкомъ единенія въ стремленіи къ безусловной цѣлости существованія, осуществляя постепенно путемъ постояннаго совмѣстнаго дѣйствія благодати и свободы, все болѣе и болѣе перерождая и видоизмѣняя внѣбожественную природу до универсальной и совершенной ея интеграціи — ἡ ἀποκείτα στάσις τῶν πάντων. Подчиниться Богу и подчинить себѣ природу, чтобы спасти ее, — вотъ въ двухъ словахъ мессіанический законъ. Человѣкъ отвергъ его и предпочелъ достигнуть цѣли *непосредственно*, самъ, нарушивъ порядокъ, опредѣленный Божественнымъ разумомъ. Онъ захотѣлъ объединиться съ низшей природой произвольно, въ силу своего собственнаго желанія, полагая этимъ путемъ присвоить себѣ безусловную царскую власть, *неограниченное* самодержавіе, равное Божіему. Онъ не захотѣлъ подчинить свою царскую власть своему первосвященничеству и посему сталъ неспособнымъ удовлетворить своимъ истиннымъ стремленіямъ, исполнить свое пророческое призваніе. Безпорядочное желаніе единенія съ низшей природой должно было необходимо подчинить человѣка этой природѣ; и, какъ неизбѣжное слѣдствіе, человѣкъ долженъ былъ принять отличительныя черты матеріальнаго и внѣбожественнаго міра, долженъ былъ видоизмѣниться по образцу и по подобію сего послѣдняго. Между тѣмъ мы знаемъ, что существенный характеръ природы внѣ Бога вы-

ражается: во-первыхъ, неопредѣленной множественностью въ пространствѣ или безконечнымъ дѣленіемъ частей; во-вторыхъ, неопредѣленнымъ измѣненіемъ во времени или безконечнымъ разобщеніемъ моментовъ; и, — какъ результатомъ этого двойного раздѣленія, — въ-третьихъ, превращеніемъ всякой причинности въ механизмъ. Правда, что это могущество безконечнаго дробленія и всемірнаго раздора, существенный характеръ хаоса, ограничено въ твореніи дѣйствіемъ объединяющаго Слова, которое на хаотическомъ основаніи строитъ Космосъ. Но въ низшей природѣ (до появленія человѣка) основа хаоса не подавлена, онъ пребываетъ, какъ огонь подъ пепломъ, какъ господствующее направленіе, готовое проснуться при первомъ случаѣ. Въ этомъ качествѣ могущество хаоса и перешло къ падшему человѣку, создавъ то, что обычно называютъ природнымъ человѣчествомъ, но что на самомъ дѣлѣ есть человѣчество хаотическое. Въ этой человѣческой массѣ мы ясно различаемъ три основныхъ черты внѣбожественной природы. Безконечное дробленіе матеріальныхъ частей въ пространствѣ выражается въ человѣческомъ родѣ неопредѣленной и анархической множественностью сосуществующихъ индивидуумовъ; безконечному разобщенію моментовъ во времени соотвѣтствуетъ въ существованіи человѣчества неопредѣленная смѣна поколѣній, оспаривающихъ другъ у друга настоящее и по очереди замѣщающихъ другъ друга; наконецъ, матеріальный механизмъ физическаго міра переходитъ въ человѣчество подъ формой гетерономіи или неизбѣжности рока, подчиняющей волю человѣка силѣ вещей, его внутреннее существо господствующему вліянію внѣшней среды и временныхъ обстоятельствъ.

Мы знаемъ, однако, что паденіе человѣка могло отсрочить, но не истребить его призваніе. Благодѣтельныя узы пространства, времени и механической причинности, хотя и удаляя его отъ верховной цѣли, мѣшали ему въ то же время безусловно и окончательно потерять ее изъ виду. Неопредѣленная множественность индивидуумовъ—паденіе, если разсматривать ее въ ней самой, — есть первое условіе спасенія для человѣчества. Ибо если одна часть этого множества все болѣе и болѣе распространяетъ первород-

ный грѣхъ, отягчая его все новыми преступленіями, то всегда остается нѣсколько праведныхъ, чтобы ослабить дѣйствіе зла и приготовить среду для будущаго спасенія; благодаря этому неопредѣленному умноженію, Авель былъ замѣщенъ Сиѳомъ, на мѣсто Саула сталъ Давидъ. Неопредѣленная смѣна поколѣній есть второе условіе спасенія: они не исчезаютъ безъ того, чтобы не оставить каждое что-либо, облегчающее дѣло его наслѣдниковъ, вырабатывающее болѣе совершенную историческую форму, болѣе удовлетворяющее истиннымъ стремленіямъ человѣческой души. Такимъ путемъ то, что не могло обнаружиться ни въ Евѣ, ни въ Ѳамари, ни въ Рахавѣ, ни въ Руѳи, ни въ Вирсавіи,—обнаружилось съ наступленіемъ временъ въ Маріи.

Наконецъ, гетерономія нашего существованія есть третье условіе спасенія, не менѣе необходимое, чѣмъ два первыхъ. Ибо если бы человѣческая воля, какъ добрая, такъ и злая, имѣла непосредственную дѣйственность, человѣчеству и творенію пришелъ бы неминуемый конецъ. Братоубійца Каинъ не замедлилъ бы повергнуться въ бездну ада, прежде чѣмъ построить городъ и положить основанія древней цивилизаціи; добрый Сиѳъ вознесся бы на небо или, по крайней мѣрѣ, въ преддверье онаго, какъ братъ его Авель, не давъ жизни предкамъ Іисуса Христа; и низшій міръ, земля, лишенная своего центра единства и дѣйствія, вновь ниспала бы въ печальное состояніе tohou va bohou, въ которомъ она была до творенія. И никого не осталось бы тогда для радости и веселія вѣчной Премудрости.

Итакъ, если наше порабощеніе условіямъ матеріальнаго міра и есть послѣдствіе нашего паденія и кара грѣха, мы видимъ, что эта кара есть благодѣяніе, и что это необходимое послѣдствіе зла есть необходимое средство безусловнаго блага.

Какъ хаотическая земля не могла избѣгнуть космогоническаго дѣйствія Слова, преобразившаго ее въ уравновѣшенный, просвѣтленный и живой міръ, такъ и человѣческій хаосъ, созданный паденіемъ эдема, долженъ былъ подчиниться теогоническому воздѣйствію того же Слова, стремящемуся къ перерожденію его въ духовное человѣчество, реально объединенное, просвѣщенное Божественной исти-

ной и живущее жизнью вѣчной. Образъ Человѣка-Мессіи, отвергнутый первымъ Адамомъ, не уничтожился въ природномъ человѣчествѣ, но только былъ сведенъ къ состоянію скрытой возможности; Онъ остался въ человѣчествѣ, какъ живое зерно—сѣмя жены (сія есть Софія), частично и постепенно осуществляясь, чтобы, наконецъ, воплотиться во второмъ Адамѣ. Этотъ теогоническій процессъ, созданіе троичнаго Человѣка, Человѣка-Мессіи или Человѣка-Бога, путемъ коего Божественная Премудрость воплощается въ совокупности вселенной—этотъ процессъ представляетъ въ порядкѣ времени три главныхъ ступени: во-первыхъ, рядъ мессіаническихъ предвосхищеній въ природномъ человѣчествѣ или въ человѣческомъ хаосѣ—до христіанства; во-вторыхъ, явленіе индивидуальнаго Мессіи въ лицѣ Іисуса Христа; и въ-третьихъ, мессіаническое преображеніе всего человѣчества или развитіе Христіанскаго Міра.

До Іисуса Христа человѣчество, лишенное реальнаго центра, было лишь организмомъ въ возможности,— въ дѣйствительности же налицо были лишь отдѣльные органы, племена, города и націи, изъ которыхъ нѣкоторые стремились ко всемірному владычеству,—что уже было предвосхищеніемъ будущаго единства. Но въ каждой изъ этихъ разъединенныхъ частей человѣчества независимо отъ того, стремилась ли она, или нѣтъ, стать на мѣсто всего подъ видомъ вселенской монархіи, съ самаго начала заключалось нѣкоторое осуществленіе, въ соціальной области, мессіанической или троичной формы, стремящееся представить собою въ болѣе или менѣе узкихъ предѣлахъ всю совокупность человѣческаго существованія.

Эта троичная форма широко обоснована въ человѣческомъ существѣ. Всякое человѣческое существованіе слагается изъ трехъ главныхъ опредѣленій: во-первыхъ, изъ совершившихся фактовъ, сохраненныхъ традиціей прошлаго, во-вторыхъ, изъ актовъ и трудовъ, возложенныхъ потребностями настоящаго, и въ-третьихъ, изъ стремленій къ лучшему положенію, опредѣленныхъ болѣе или менѣе совершеннымъ идеаломъ будущаго.

Существуетъ очевидная аналогія, но и существенная разница, между этими тремя устрояющими видами человѣ-

ческаго существованія и тремя соотвѣтствующими видами существованія Божественнаго (оставляя въ сторонѣ ипостасный характеръ сихъ послѣднихъ). Общее основаніе этой разницы то, что въ Богѣ, какъ существѣ безусловномъ, первый видъ *всецѣло* опредѣляетъ второй, и оба вмѣстѣ всецѣло опредѣляютъ третій, въ которомъ божественное бытіе окончательно овладѣваетъ собою, въ полной мѣрѣ сознаетъ это и пользуется этимъ обладаніемъ. Человѣкъ, напротивъ, — чтобы упомянуть здѣсь только о третьемъ видѣ его субъективности — не можетъ обладать актуально всей совокупностью существованія, которая для него лишь болѣе или менѣе отдаленное будущее. Это будущее, идеально предвосхищенное, не можетъ быть предметомъ обладанія въ собственномъ смыслѣ, но только предметомъ стремленія.

Въ нашей матеріальной или животной жизни эта троичная форма уже существуетъ, но въ ней она скорѣе природный символъ, чѣмъ дѣйствительность. Совершившійся фактъ представленъ здѣсь отшедшимъ поколѣніемъ, отцами или предками. Дѣйствительность—это настоящее поколѣніе, люди сегодняшняго дня; наконецъ, природныя стремленія къ будущему воплощаются въ дѣтяхъ, въ грядущемъ поколѣніи. Троичная форма имѣетъ здѣсь, очевидно, чисто относительный и въ сущности обманчивый характеръ: природная жизнь усиливается установить и остановить разъ навсегда опредѣленныя отношенія, но она никогда не достигаетъ этого, и каждое поколѣніе неизмѣнно проходитъ черезъ состоянія будущаго, настоящаго и прошедшаго, чтобы исчезнуть въ небытіи и забвеніи. Каждое поколѣніе стремится завладѣть всѣмъ настоящимъ, но такъ какъ каждое имѣетъ одинаковое право на это владѣніе, то ни одно не можетъ достигнуть его въ дѣйствительности; и всѣ послѣ безплодныхъ усилій удержать потокъ временнаго существованія, поглощаются имъ одно за другимъ. Но эта постоянная смѣна поколѣній не исчерпываетъ всего человѣческаго существованія. Здѣсь мы имѣемъ лишь *человѣчество животное,* и есть еще человѣчество соціальное, которое никогда не было ограничено матеріальной дѣйствительностью, которое никогда не довольствовалось преслѣдованіемъ и удер-

жаніемъ реальнаго факта существованія. Человѣческое общество на самыхъ низшихъ ступеняхъ своего развитія всегда подъ фактъ подкладывало принципъ, подъ дѣйствительность—идею.

Настоящее мгновенье, дѣйствительность для человѣческаго общества никогда не бываетъ ни чисто механическою послѣдовательностью во времени—чистымъ postea его прошлаго,—ни чисто механическимъ и временнымъ антецедентомъ, простымъ antea его будущаго: эта дѣйствительность всегда связана съ двумя другими опредѣленіями внутренней и духовной связью, устанавливающей его прошедшее и будущее, и если и не останавливающей потока матеріальнаго существованія, то, по крайней мѣрѣ, направляющей этотъ потокъ въ опредѣленное русло и преображающей дурную безконечность природнаго времени въ систему историческаго развитія. Во всякомъ человѣческомъ обществѣ, сколь бы варварскимъ оно ни было, существуютъ внѣ и выше матеріальныхъ интересовъ минуты, религіозная *традиція* и пророческій *идеалъ*. Прошедшее вмѣсто того, чтобы быть безпощадно замѣщеннымъ, по способу тѣхъ дикарей, которые убиваютъ и съѣдаютъ своихъ престарѣлыхъ родителей, сохраняется съ сыновнимъ благоговѣніемъ какъ основа и пребывающая санкція дѣйствительности; и будущее вмѣсто страха передъ нимъ, какъ безпощаднымъ рокомъ или принесенія его въ жертву на огнѣ эгоизма, какъ дѣтей, сжигаемыхъ въ раскаленномъ кумирѣ Молоха, призывается и представляется, какъ истинная цѣль и истинное основаніе бытія настоящаго, его радость и вѣнецъ. Такимъ образомъ, во главѣ каждаго человѣческаго общества мы видимъ болѣе или менѣе различенную троицу правящихъ классовъ, отчасти связанную, но никогда не отождествляющуюся съ естественнымъ тройнымъ соотношеніемъ послѣдовательныхъ поколѣній. На первомъ мѣстѣ — *священники* или *жрецы*, соотвѣтствующіе отцамъ, старому поколѣнію. И дѣйствительно, первоначально въ жизни разсѣянныхъ племенъ и семей, первосвященническое служеніе исполнялось отцами семействъ, а домашній очагъ былъ главнымъ алтаремъ. Однако, даже въ этомъ первобытномъ состояніи отецъ представлялъ нѣчто большее, чѣмъ част-

ный фактъ природнаго отчества: онъ связанъ былъ въ своемъ первосвященническомъ достоинствѣ съ безусловнымъ фактомъ божественнаго отчества, съ тѣмъ вѣчнымъ прошлымъ, которое предшествовало всяческому существованію и обусловило его. Въ различіе отъ животныхъ, въ лицѣ человѣческихъ отцовъ матеріальное порожденіе стало общественнымъ учрежденіемъ и религіозной властью. И если живой отецъ былъ священникомъ, посредникомъ между настоящимъ и прошедшимъ, *усопшій* предокъ, возвращаясь въ міръ невидимый, смѣшивался съ самимъ безусловнымъ прошлымъ, съ вѣчнымъ Божествомъ, становился предметомъ культа. Культъ предковъ, дѣйствительно, есть всеобщій элементъ религіи [1]). Такимъ образомъ, священство непосредственнаго прошлаго, живыхъ отцовъ, священниковъ, связывало человѣческое настоящее съ болѣе отдаленнымъ и болѣе общимъ прошлымъ, съ таинственными фактами, предшествующими и опредѣляющими наше существованіе съ безусловной необходимостью. На второмъ мѣстѣ мы видимъ классъ *воиновъ*, которые силою и смѣлостью обезпечивали обществу дѣйствительныя средства существованія, удовлетворяли насущнымъ потребностямъ данной минуты. Этотъ классъ естественно пополнялся по преимуществу сыновьями семействъ, настоящимъ поколѣніемъ. И хотя старое поколѣніе принимало также участіе въ военныхъ предпріятіяхъ, но, однако, не Пріамъ или Несторъ, а именно Гекторъ и Ахиллъ предводительствовали воинами, уступая вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйно первое мѣсто старымъ отцамъ, лишь только дѣло шло о томъ, чтобы получить путемъ жертвъ благорасположеніе боговъ. Такимъ образомъ, отношеніе между двумя первыми главными классами общества въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуетъ отношенію между двумя поколѣ-

---

[1]) Это положеніе было развито въ наше время съ нѣкоторой долей преувеличенія Фюстель-де-Куланжемъ (Cité antique) и съ значительно большей степенью преувеличенія Гербертомъ Спенсеромъ (Sociologie) Нетрудно отдѣлить истинную и весьма важную основу этихъ идей отъ ошибочныхъ выводовъ, проистекающихъ (въ особенности у англійскаго ученаго) отъ слишкомъ исключительной и ограниченной точки зрѣнія.

ніями природной жизни — настоящимъ и прошедшимъ. Но если бы эта аналогія шла дальше, если бы *будущее* соціальнаго тѣла оказалось тоже представленнымъ лишь грядущимъ поколѣніемъ или преимущественно имъ, дѣтьми, замѣщающими своихъ прародителей съ тѣмъ, чтобы самимъ быть замѣщенными ихъ собственнымъ потомствомъ, и такъ далѣе,—соціальное существованіе смѣшалось бы съ дурной безконечностью природной жизни, не было бы больше исторіи, не было бы больше прогресса, но лишь постоянная и безполезная смѣна. На самомъ дѣлѣ, это обстоитъ не такъ. Въ каждомъ обществѣ существовалъ съ древнѣйшихъ временъ, кромѣ священниковъ и воиновъ, разрядъ людей всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній, которые предвосхищали человѣческое будущее и отвѣчали на идеальныя стремленія того общества, среди котораго они жили. Въ природной жизни третье опредѣленіе вмѣсто того, чтобы быть дѣйствительнымъ единствомъ второго и перваго, является въ сущности лишь ихъ простымъ повтореніемъ. Грядущее поколѣніе представляетъ будущее лишь обманчивымъ и преходящимъ образомъ, подобно тому, какъ въ неопредѣленномъ рядѣ одинъ членъ не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ всякій другой. Въ порядкѣ природной послѣдовательности новое поколѣніе, оттого лишь, что оно явилось послѣ старыхъ, само по себѣ еще не ушло дальше нихъ, не стало ближе къ идеалу и совершенству. Поэтому истинный общественный прогрессъ требуетъ, независимо отъ безконечной смѣны поколѣній, чтобы были и дѣйствительные представители будущаго, люди, воистину сдѣлавшіе шагъ впередъ въ духовной жизни, способные удовлетворить стремленіямъ своихъ современниковъ и представить данному обществу его идеалъ, въ той мѣрѣ, въ какой оно можетъ постичь его, а они сами осуществить его. Этихъ людей идеальнаго будущаго я называю общимъ именемъ *пророковъ*. Обычно подъ этимъ словомъ понимаютъ кого-либо, предсказывающаго будущее.

Между гадалкой и истиннымъ пророкомъ приблизительно та же разница, какъ между атаманомъ шайки разбойниковъ и законнымъ главою великаго государства, или еще между отцомъ первобытной семьи, приносящимъ жертву

душамъ предковъ, и папою, преподающимъ свое благословеніе urbi et orbi и открывающимъ небо для душъ чистилища. Но помимо этой разницы, зависящей отъ болѣе или менѣе широкаго круга дѣятельности, слѣдуетъ сдѣлать еще и другое различіе. Можно предсказывать будущее не только на словахъ, но также и на дѣлѣ, предвосхищая частично состоянія и отношенія, не принадлежащія къ современному положенію человѣчества. Это и есть пророчество въ собственномъ смыслѣ, представляющее, кромѣ того, неопредѣленный рядъ видоизмѣненій и степеней. Африканскій волшебникъ имѣетъ, напримѣръ, власть вызывать по своему желанію дождь и вёдро или претендуетъ на таковую. Эта высшая власть человѣческой воли надъ силами и явленіями матеріальной природы есть свойство человѣческаго существа, поскольку таковое находится въ совершенномъ единеніи съ творческимъ и всемогущимъ Божествомъ. Такое единеніе, вообще чуждое нашему настоящему состоянію, есть лишь идеальная цѣль, отдаленное будущее, къ которому мы стремимся; и пользованіе властью, относящейся къ этому будущему состоянію, есть предвосхищеніе грядущаго или актъ пророческій. Но даръ волшебника, не обладающаго религіозными и нравственными условіями сверхъестественной силы и даже не знающаго ихъ, не есть истинное пророчество; и если онъ, дѣйствительно, пользуется ею, то лишь чисто эмпирическимъ путемъ. Съ другой стороны, даже въ случаѣ, если бы эта магическая сила была лишь мошеннической претензіей, она, тѣмъ не менѣе, является предвосхищеніемъ,—хотя бы лишь въ желаніи и стремленіи,—высшаго состоянія, идеальнаго будущаго, ожидающаго человѣка. И, переходя отъ африканскаго волшебника къ истинному христіанскому чудотворцу, какимъ былъ св. Францискъ Ассизскій, мы находимъ въ его чудесахъ ту же власть человѣческой воли, которую имѣетъ или присвоиваетъ себѣ надъ силами внѣшней природы волшебникъ дикаго племени. Эта власть ограничена въ обоихъ случаяхъ; ибо чудотворная сила величайшихъ святыхъ не была никогда ни постоянной въ своей продолжительности, ни универсальной въ своемъ приложеніи. Но великая разница заключается въ томъ, что святой знаетъ и обладаетъ глав-

нымъ внутреннимъ условіемъ сверхъестественной власти для человѣка—нравственнымъ единеніемъ съ Божествомъ. Такимъ образомъ, его власть, основанная на нравственномъ превосходствѣ, есть вѣрный и прямой, хотя слабый и ограниченный, образъ Божественнаго Всемогущества, которое представляетъ не слѣпую силу, но логическое слѣдствіе существеннаго и присущаго безусловному существу совершенства. Въ той мѣрѣ, какъ святой участвуетъ въ этомъ совершенствѣ, онъ причастенъ и Божественному могуществу, представляя собой предвосхищеніе нашего конечнаго состоянія, не только дѣйствительное, но и внутренно истинное, совершенное въ себѣ, хотя и неполное съ внѣшней стороны.

Сравнимъ теперь, въ совершенно другой области пророческаго служенія, великаго греческаго мудреца и еврейскаго *nabi*. Платонъ въ своей республикѣ даетъ намъ идеалъ человѣческаго общества, организованнаго на основахъ справедливости и разума. Этотъ идеалъ есть предвосхищеніе будущаго, осуществленнаго отчасти европейскимъ обществомъ среднихъ вѣковъ[1]). Итакъ Платонъ былъ пророкомъ, но онъ былъ имъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ африканскій волшебникъ—чудотворецъ: онъ не обладалъ истинными условіями, при которыхъ его идеалъ долженъ былъ получить свое осуществленіе, и не зналъ даже ихъ. Онъ не понималъ, что для справедливаго и раціональнаго устройства соціальнаго бытія справедливость и человѣческій разумъ недостаточны; что идеалъ справедливаго и мудраго общества, задуманный философомъ, долженъ быть оплодотворенъ соотвѣтствующимъ нравственнымъ дѣйствіемъ со стороны самого общества. Для того, чтобы устроиться по идеалу добра, дѣйствительное общество, порабощенное зломъ, должно быть спасено и возрождено. Но отвлеченное размышленіе не спасаетъ. Хотя и предвосхищая соціальную *истину,* идеализмъ Платона не обладалъ *путемъ* къ его достиженію и не могъ дать *жизни* своему

---

[1]) Смотри, между прочимъ, по поводу этой аналогіи между республикой Платона и республикой христіанской, *Ранке* въ его *Всемірной Исторіи.*

замыслу. Въ этомъ и заключается великая разница между философскимъ пророчествованіемъ эллиновъ и религіознымъ пророчествованіемъ евреевъ. Израильскій *nabi*, которому истина открывалась черезъ личное отношеніе къ живому Богу, Богу исторіи, предвосхищалъ идеальное будущее не путемъ отвлеченной мысли, но душою и сердцемъ. Онъ пробивалъ путь, онъ пробуждалъ жизнь. Въ его пророчествахъ заключался, какъ у Платона, идеалъ совершеннаго общества; но этотъ идеалъ никогда не отдѣлялся имъ отъ внутренняго условія, опредѣлявшаго его осуществленіе—отъ свободнаго и дѣятельнаго единенія человѣчества съ Богомъ. И истинные nebiim, конечно, знали, что это единеніе совершается путемъ длиннаго и сложнаго богочеловѣческаго процесса, въ рядѣ взаимныхъ дѣйствій и связей между Богомъ и человѣкомъ. И они знали это не только, какъ общій принципъ, но они знали и открыто заявляли въ каждый данный моментъ, что человѣчество въ его временномъ центральномъ органѣ, — въ еврейскомъ народѣ,— должно было дѣлать, чтобы съ успѣхомъ участвовать въ движеніи впередъ богочеловѣческаго дѣла. Ихъ дѣйствіе было полнымъ, ибо, съ одной стороны, они указывали на безусловную цѣль въ отдаленномъ будущемъ и, съ другой стороны, давали для настоящей минуты дѣйствительное средство, могущее двинуть человѣчество къ этой цѣли. Такимъ образомъ, соединяя подъ общимъ терминомъ пророчества всѣ человѣческія предвосхищенія идеальнаго будущаго, мы вполнѣ отдаемъ себѣ отчетъ въ существенной и громадной разницѣ, отдѣляющей не только бѣсовскихъ заклинателей, но даже наиболѣе возвышенныхъ геніевъ мірского человѣчества отъ истинныхъ пророковъ живаго Бога.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мессіанское пріуготовленіе у индусовъ, у грековъ и у евреевъ.

Въ началѣ исторіи каждый отецъ семьи является священникомъ или жрецомъ, каждый сынъ въ семьѣ—воинъ на равномъ правѣ со всѣми другими и подчиняется только временнымъ предводителямъ. Но по мѣрѣ того, какъ соціальное единство расширяется и организуется, частные священники начинаютъ объединяться въ одно сословіе, образующее спеціально религіозное общество, духовенство, болѣе или менѣе сосредоточенное вокругъ лица одного главнаго священника, первосвященника; въ то же время дѣятельная часть населенія стремится установиться и организоваться подъ властью владыки, который уже не только военный предводитель на время войны, но и глава общества во времена мира, во всѣхъ дѣлахъ и практическихъ вопросахъ, порождаемыхъ усложненной общественной жизнью. Когда общество перестаетъ быть простой семьей, многообразные интересы не примиряются болѣе непосредственно естественнымъ родствомъ и очевидной необходимостью тѣсной солидарности, а потому происходятъ столкновенія, начинается борьба, и безпристрастная власть становится необходимой для возстановленія равновѣсія. Такимъ образомъ, главная обязанность мирнаго владыки есть судъ, какъ мы это видимъ во всѣхъ первобытныхъ государствахъ. Вести народы на поляхъ битвъ и судить ихъ споры во времена міра—вотъ тѣ двѣ главныя потребности, которымъ долженъ удовлетворять монархическій институтъ при своемъ зарожденіи.

Между тѣмъ какъ раздробленные и разсѣянные элементы духовнаго и природнаго тѣла человѣчества собирались такимъ образомъ подъ дѣйствіемъ историческаго Слова въ частныя единства церквей и зачаточныхъ государствъ, душа человѣчества, повторяя въ болѣе широкомъ масштабѣ фазы космогоническаго процесса, развертывала свои усилія, дабы войти во все болѣе и болѣе близкую связь съ духомъ вѣчной Премудрости.

Въ Индіи душа человѣчества, проявляясь сначала въ учрежденіяхъ мудрецовъ и святыхъ ортодоксальнаго браманизма, затѣмъ въ ученіи ортодоксальнаго мудреца Капилы, основателя философіи *Санкья*, и окончательно въ новой религіи Будды Шакья-Муни, познала и полюбила Безусловное въ особенности подъ *отрицательной* его формой, какъ противоположность внѣбожественному состоянію, природѣ міра. Здѣсь въ первый разъ она глубоко почувствовала суету матеріальной жизни, въ ней зародилось непреодолимое отвращеніе къ этой кажущейся жизни, которая скорѣе смерть, чѣмъ жизнь, разъ она безпрерывно пожираетъ себя, не имѣя возможности найти себѣ устоя и удовлетворенія.

Но отвращеніе къ ложной жизни еще не открывало жизни истинной. И душа человѣческая, въ ея индійскомъ проявленіи, хотя и утверждала съ полной несомнѣнностью и изумительной силой, что безусловное не находится въ жизни матеріальной, что оно не природа и не міръ, тѣмъ не менѣе, не была способна познать и высказать, гдѣ оно находится и что оно есть. Но вмѣсто того, чтобы сознаться въ этой неспособности и поискать ея причинъ, индійская мудрость признала свое безсиліе за послѣднее слово истины и провозгласила, что Безусловное заключено въ Небытіи, что оно есть не-существованіе—Нирвана.

Индія, въ лицѣ своихъ мудрецовъ, служила нѣкоторое время національнымъ органомъ всемірной душѣ человѣчества, когда эта послѣдняя поняла суетность природнаго существованія и освободилась отъ путъ слѣпого желанія. То былъ, дѣйствительно, всемірный актъ этой души, когда Буддой и его учениками овладѣла эта мысль и это чувство, и они стали утверждать, что Безусловное не есть нѣчто, что оно не есть что-либо изъ существующаго въ природѣ. Душѣ человѣчества необходимо было пройти черезъ эту отрицательную истину, прежде чѣмъ воспріять положительную идею Безусловнаго. Но мудрость или, скорѣе, безуміе Востока состоитъ въ томъ, что онъ принимаетъ относительную и предварительную истину за истину полную и окончательную. Вина того лежитъ не на человѣческой душѣ, но на душѣ тѣхъ мудрецовъ и націй, кото-

рые приняли ихъ ученіе. Остановясь на необходимой, но низшей ступени всемірнаго процесса, эти націи не остановили историческаго прогресса, но сами остались внѣ поступательнаго движенія человѣчества, погруженныя въ варварскій партикуляризмъ. Всемірная душа покинула ихъ и стала искать у другихъ націй духовныхъ органовъ для новыхъ своихъ объединеній съ Божественной сущностью. Во вдохновенныхъ мудрецахъ, поэтахъ и художникахъ Эллады она познала и полюбила Безусловное уже не какъ Небытіе буддизма, но какъ платоновскую Идею и идеальный міръ, вѣчную систему умопостигаемыхъ истинъ, отраженныхъ здѣсь на землѣ въ чувственныхъ формахъ Красоты.

Эллинскій идеализмъ былъ великой истиной, болѣе положительной и болѣе полной, чѣмъ индійскій нигилизмъ, но это еще не была совершенная окончательная истина,— доколѣ идеальный міръ разсматривался съ чисто теоретической и эстетической точки зрѣнія, доколѣ онъ былъ лишь предметомъ созерцанія внѣ реальности и жизни или осуществлялся исключительно въ поверхностныхъ формахъ пластической красоты. Если идеальный міръ болѣе истиненъ, чѣмъ міръ матеріальный, онъ не можетъ быть безсильнымъ по отношенію къ этому послѣднему. Онъ долженъ проникнуть его, внутренно побѣдить, возродить. Умопостигаемый свѣтъ высшаго міра долженъ перелиться въ моральную и практическую жизнь низшаго міра; Божественная воля должна совершиться на землѣ, какъ и на небесахъ. Слово Божіе—не только солнце истины, отражающееся въ мутномъ потокѣ природной жизни: Оно еще и благодѣтельный ангелъ, нисходящій въ этотъ потокъ, дабы очистить его воды, дабы отомкнуть, подъ тиной страстей и подъ пескомъ человѣческихъ заблужденій, источникъ воды живой, текущій въ вѣчность. Греческая мудрость, какъ и мудрость индусовъ, хотѣла остановиться окончательно на той ступени истины, которой она достигла. Послѣднее слово этой греческой мудрости—философія неоплатониковъ—настаивала еще болѣе, чѣмъ самъ Платонъ, на чисто теоретическомъ или созерцательномъ характерѣ практической жизни. Истинный мудрецъ, по Платону, долженъ быть чуждъ всякой

практической цѣли, всякой дѣятельности, всякаго общественнаго интереса. Онъ долженъ бѣжать отъ этого міра, чтобы возвыситься сначала путемъ отвлеченнаго размышленія до умопостигаемаго міра, и потомъ быть экстатически поглощеннымъ безыменной бездной безусловнаго единства. Протей человѣческихъ заблужденій въ глубинѣ своей существо тождественное, и эта тождественность проявляется въ особенности въ окончательныхъ результатахъ системъ, повидимому, разнородныхъ. Такъ, конечное поглощеніе въ неизреченномъ Безусловномъ неоплатонизма отличается отъ буддійской Нирваны лишь по формѣ словеснаго выраженія. Если обѣ великія арійскія націи ограничиваются въ конечномъ результатѣ этимъ отрицательнымъ откровеніемъ абсолютнаго, то положительное откровеніе создало себѣ національный органъ въ семитическомъ народѣ евреевъ. Жизнь и религіозная исторія человѣчества сосредоточились въ этомъ единственномъ народѣ, потому что только онъ искалъ въ Безусловномъ живаго Бога, Бога *исторіи*: окончательное будущее человѣчества было пріуготовано и открыто въ этомъ народѣ, потому что онъ одинъ видѣлъ въ Богѣ не только *того, кто есть*, (сущаго) но и *того, кто будетъ* (грядущаго) Ягве, Бога будущаго. Спасеніе пришло отъ евреевъ, и могло прійти только отъ нихъ, потому что они одни понимали истинное спасеніе—не въ *поглощеніи* Нирваной черезъ нравственное и физическое самоубійство, не въ *отвлеченіи* духа въ чистой идеѣ путемъ теоретическаго созерцанія, но въ освященіи и возрожденіи всего человѣческаго существа и всего существованія его путемъ живой нравственной и религіозной дѣятельности, въ вѣрѣ и дѣлахъ, въ молитвѣ, трудѣ и милосердіи.

Если индусы и эллины остановились на частичныхъ аспектахъ Божества, которые они имѣли безуміе принять за цѣлое, превращая такимъ образомъ истину въ заблужденіе, то евреи получили черезъ посредство ихъ религіи откровенія живой зачатокъ Божественной сущности въ ея полной и окончательной истинѣ.

Я не говорю, что эта сущность была открыта имъ одновременно во всемъ ея безусловномъ совершенствѣ: напротивъ, ея обнаруженія были постепенны и весьма несовер-

шенны, но они были *реальны и истинны*. То не были отдаленные отблески и разсѣянные лучи Божественной идеи, освѣтившіе духъ одинокаго мудреца,—то были существенныя проявленія самой Божественной Премудрости, вызванныя личнымъ дѣйствіемъ Слова и Святаго Духа и обращенныя ко всей націи въ ея соціальномъ существѣ. Божественная Премудрость не только входила въ разумѣніе израильтянъ, она овладѣвала ихъ сердцемъ и ихъ душою, и въ то же время она являлась имъ въ чувственныхъ формахъ.

Дѣйствительно, мы видимъ въ Ветхомъ завѣтѣ двойной рядъ Божественныхъ проявленій: явленія субъективнаго сознанія, въ которыхъ Богъ говоритъ душѣ Своихъ праведниковъ, патріарховъ и пророковъ; и объективныя явленія, въ которыхъ Божественная сила и слава (*shékhinah*) обнаруживается передъ всѣмъ народомъ, пребывая на матеріальныхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, на алтарѣ жертвенномъ или на ковчегѣ завѣта.

Этотъ двойной процессъ нравственнаго возрожденія и внѣшнихъ богоявленій долженъ былъ достигнуть своей цѣли; эти два теогоническихъ теченія должны были встрѣтиться и совпасть въ созданіи индивидуальнаго существа, которое, безусловно святое и чистое въ своей душѣ и въ своемъ тѣлѣ, могло бы воплотить въ себѣ Бога не только нравственно, но и физически, соединить въ своемъ единомъ существѣ Іакова и камень въ Веѳилѣ, Моисея и ковчегъ завѣта, Соломона и его храмъ.

Всѣ народы (или почти всѣ) имѣли въ своихъ религіяхъ идею божественной жены и божественнаго мужа, Матери-Дѣвы и сына Бога, сходящаго на землю, чтобы бороться противъ силъ зла, чтобы страдать и чтобы побѣдить. Но нельзя отрицать того, что эти всемірныя идеи воплотились, что они реально ипостазировались только въ средѣ еврейскаго народа въ двухъ историческихъ лицахъ Дѣвы Маріи и Іисуса Христа. Это единственное въ своемъ родѣ явленіе предполагаетъ, конечно, и единственную въ своемъ родѣ исторію, особое пріуготовленіе или воспитаніе этого народа. Этотъ выводъ долженъ былъ бы быть обязательнымъ для самихъ раціоналистовъ. И въ самомъ дѣлѣ, оставляя въ сторонѣ всѣ чудесные факты въ собственномъ

смыслѣ этого слова, мы находимъ въ области соціальной и политической одинъ общій фактъ, который отличаетъ исторію израильскаго народа и даетъ ему существенное преимущество надъ тѣми двумя великими націями, которыя, по своему оригинальному и творческому генію, казалось, были бы призваны къ преимущественной роли въ судьбахъ человѣчества. Между тѣмъ какъ національное развитіе индусовъ, такъ же какъ и грековъ, протекло путемъ по существу критическимъ и революціоннымъ и привело лишь къ отрицательнымъ результатамъ, развитіе еврейскаго народа совершалось вообще органически или путемъ эволюціи и привело къ положительному результату огромной всемірной цѣнности — христіанству. Съ одной стороны, мы видимъ лишь искалѣченные и обезображенные образы троичнаго человѣка или мессіанской формы,—съ другой стороны, мы находимъ всѣ три дѣйствительныя составныя части соціальнаго мессіанизма въ ихъ нормальномъ и гармоническомъ соотношеніи, прообразующія и пріуготовляющія явленіе истиннаго личнаго мессіи. Въ Индіи жреческая каста браминовъ, представители религіозной традиціи священнаго и неприкосновеннаго прошлаго, хотѣли оставить исключительно за собой владычество, а потому угнетали жизнь настоящаго безпощадной законностью, устраняя всякую возможность свободнаго движенія для духа и общественнаго прогресса. Но священники, желающіе непосредственно властвовать надъ міромъ, неизбѣжно бываютъ побѣждены въ виду роковой альтернативы: или они, дѣйствительно, властвуютъ, входя въ матеріальныя подробности свѣтской дѣйствительности, и тогда они роняютъ свой религіозный престижъ, унижаютъ свое священное достоинство и кончаютъ тѣмъ, что теряютъ свой авторитетъ въ глазахъ массы и съ тѣмъ вмѣстѣ все свое могущество; или, хотя и сохраняя непосредственное владычество надъ обществомъ, они желаютъ остаться истинными священниками, и тогда они утрачиваютъ въ своемъ управленіи чувство дѣйствительности и, не имѣя возможности удовлетворить законнымъ потребностямъ управляемыхъ, приводятъ общество къ разрушенію, если оно остается имъ вѣрнымъ, или низвергаются и замѣщаются активной частью народа.

Въ Индіи жреческая каста принуждена была уступить воинскому сословію значительную часть своего преобладанія, но она достаточно сохранила его, чтобы остановить свободное развитіе національной жизни. Эта борьба усложнилась все возрастающимъ дѣйствіемъ третьяго изъ общественныхъ сословій [1])—мудрецовъ, которые, все болѣе и болѣе удаляясь отъ правовѣрнаго ученія и традиціональной дисциплины, въ концѣ концовъ стали въ открытое противодѣйствіе къ браманамъ. Воинское или царское сословіе раздѣлилось въ этой борьбѣ, но въ концѣ концовъ стало на сторону представителей прошлаго; и индійскіе пророки-мудрецы буддизма послѣ жестокихъ преслѣдованій были изгнаны изъ Индіи. Если, съ одной стороны, отрицательная мудрость буддизма въ ея враждебномъ противоположеніи настоящему и прошлому была лишь пустой и безплодной утопіей, то, съ другой стороны, священническая и царская власть, вступивъ въ союзъ противъ новаго движенія мысли и подавивъ его насиліемъ, лишили Индію всякой свободы и отняли у нея всякую возможность историческаго прогресса. Несмотря на превосходство арійской расы, несмотря на высокія качества ея національнаго генія, Индія осталась съ тѣхъ поръ безсильной рабой, отдаваясь безъ сопротивленія всякому желающему стать ея владыкой.

Начало индійской культуры ознаменовано преимущественнымъ владычествомъ жреческаго сословія, представляющаго прошлое и общее преданіе; — начало исторической Эллады обозначено, напротивъ того, владычествомъ активной части общества, воиновъ, людей силы, стремящейся къ самоутвержденію, гоняющейся за подвигами. Если господство этого общественнаго элемента было вначалѣ въ высокой степени благопріятно для прогресса всѣхъ человѣческихъ дѣятельностей, кристаллизація военнаго класса въ городахъ и государствахъ не замедлила съ теченіемъ времени стать опасностью и препятствіемъ къ свободному движенію національнаго духа и опредѣлила революціонный его характеръ. Общество, замкнутое въ од-

[1]) Понятно, что это раздѣленіе индійскихъ кастъ есть явленіе мѣстное, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ тремя правящими служеніями, существующими во всякомъ обществѣ.

омъ чисто-политическомъ сословіи, необходимо вырождается въ деспотическое государство, какова бы вообще ни была форма его правленія. Люди дѣйствительности, люди практическіе, правящіе абсолютными государствами (республиками или монархіями), не вѣрятъ въ прошлое и боятся будущаго. Впрочемъ, лишенные истиннаго благочестія и истинной вѣры, они допускаютъ, какъ безвредныхъ и даже полезныхъ, представителей религіозной традиціи при условіи ихъ бездѣйствія; они отводятъ имъ почетное мѣсто въ официальномъ священствѣ, съ одной стороны, чтобы господствовать надъ слѣпой толпой, и, съ другой стороны, дабы они служили декоративнымъ дополненіемъ къ зданію всемогущаго государства. Но въ нихъ живетъ неумолимая ненависть ко всякому свободному и непосредственному религіозному движенію, ко всему, что открываетъ душѣ человѣческой новые горизонты, ко всему, что можетъ приблизить человѣчество къ его идеальному будущему. Аѳинское государство, сколь ни демократично оно было, должно было необходимо изгнать Анаксагора и отравить Сократа во имя отечества, то-есть абсолютнаго государства. Въ этихъ условіяхъ прогрессивное движеніе религіозной и философской мысли роковымъ образомъ приходитъ къ разрыву съ властями настоящаго и преданіемъ прошлаго, съ государствомъ и государственной религіей. Мысль становится космополитической; и если Сократъ и Платонъ презирали аѳинскую демократію, то Аристотель презираетъ всѣ республиканскія государственныя устройства греческихъ городовъ, предпочитая имъ полу-варварскую монархію македонянъ; и, наконецъ, киническіе и стоическіе философы отбрасываютъ всякую идею государства и родины, объявляя себя чуждыми всякому общественному интересу. Независимость и политическое устройство Эллады были разрушены философіей и философствующей религіей, не поставившими ничего на мѣстѣ развалинъ отечества.

Этотъ антагонизмъ между національной дѣйствительностью, представленной греческими республиками и высшей мыслью, будущимъ націи, представленнымъ греческимъ идеализмомъ; эта борьба между государствомъ и философіей была роковой для того и другой. Государство

потеряло въ ней смыслъ своего существованія; идеалъ мудрецовъ лишился всякаго конкретнаго и живого приложенія. Государство, желавшее найти себѣ опору въ одной силѣ, было погублено силой; мудрость, слишкомъ презиравшая дѣйствительность, осталась отвлеченнымъ и безсильнымъ идеаломъ. И по правдѣ такъ должно было быть. Болѣе положительный результатъ національной жизни для грековъ, какъ и для индусовъ, былъ не только невозможенъ, но не былъ бы и желателенъ. Разъ обѣ наиболѣе возвышенныя мысли, вдохновлявшія геній этихъ двухъ націй—индійскій пессимизмъ съ его Нирваной и греческій идеализмъ съ его поглощеніемъ въ абсолютномъ—не были ни та ни другая полной и окончательной истиной, онѣ не могли и не должны были получить прочнаго гармоническаго осуществленія. Нигилистическій пессимизмъ, создающій соціальную организацію, созерцательный идеализмъ въ качествѣ силы, ограничивающей дѣйствительность,—да вѣдь это были бы *contradictiones in adjecto*. И если бы, несмотря на это внутреннее противорѣчіе, обѣ несовершенныя національныя идеи замкнулись и увѣковѣчились бы путемъ внѣшняго равновѣсія общественныхъ силъ, то человѣчеству не было бы отъ того никакой пользы: мы имѣли бы только три Китая вмѣсто одного.

Если исторія евреевъ представляла другой характеръ и принесла другіе плоды, то это потому, что національная жизнь Израиля была заложена на законченномъ религіозномъ основаніи, способномъ къ органическому развитію Это основаніе проявилось въ троичной формѣ еврейской теократіи, гдѣ всѣ три общественныхъ власти, раскрываясь въ правильномъ гармоническомъ соотношеніи, прообразовали и пріуготовляли Царство истиннаго Мессіи. Мы не забываемъ случаевъ невѣрности еврейскаго народа и его повторныхъ усилій разбить троичный образъ Моисеевой теократіи. Мы хорошо знаемъ, что царь Саулъ избилъ священниковъ Ягве въ Номвѣ, и что слѣдовавшіе за нимъ цари, какъ въ Самаріи, такъ и въ Іерусалимѣ, гнали и предавали смерти истинныхъ пророковъ. Но эти, къ сожалѣнію, вполнѣ достовѣрные факты не должны помѣшать намъ признать три безспорныхъ историческихъ истины: во-первыхъ, что идея

троичной теократіи, т.-е. органическаго сотрудничества и нравственной гармоніи между тремя правящими властями цѣлостнаго общества,—что эта идея, вполнѣ чуждая, какъ индусамъ, такъ и эллинамъ, всегда была налицо въ сознаніи Израиля; во-вторыхъ, что эта идея въ наиболѣе торжественныя минуты еврейской исторіи воплощалась и осуществлялась въ дѣйствительности; въ-третьихъ, что представители національнаго прогресса, люди будущаго, дѣлавшіе исторію,—однимъ словомъ пророки,—никогда не вступали на чисто революціонный путь и, хотя и карали своимъ вдохновеннымъ словомъ злоупотребленія священниковъ и національныхъ царей, но никогда не отвергали въ основѣ ни священства Аарона, ни царскую власть Давида.

Моисей, величайшій изъ пророковъ, не присвоивалъ себѣ ни священнической власти, предоставляя ее Аарону, ни военнаго начальствованія, которое онъ поручалъ Іисусу Навину. Онъ не заявлялъ преимущественнаго права и на исключительное пользованіе силой пророческой, которую онъ сообщилъ семидесяти представителямъ народа, высказавъ пожеланіе, чтобы всѣмъ израильтянамъ ниспосланъ былъ даръ пророчества. Также и Давидъ, теократическій царь по преимуществу, былъ возстановителемъ и защитникомъ священства. Онъ ничего не предпринималъ безъ совѣта непогрѣшимаго оракула (Urim и Thummim), соединеннаго съ первосвященничествомъ; и въ то же время, хотя самъ пророкъ по личному дару, онъ преклонялся передъ нравственнымъ авторитетомъ общественнаго пророчества. Теократическая исторія Ветхаго завѣта достигаетъ своей кульминаціонной точки — законченнаго раздѣленія и совершеннаго согласія трехъ властей, — когда къ концу царствованія Давида сынъ его, Саломонъ, возводится на престолъ и помазывается царемъ руками первосвященника Цадока и пророка Наѳана. И, когда послѣ паденій и проявленій слабости царей іудейскихъ и ихъ соперниковъ въ Эфраимѣ, лучшая часть народа, исправленная разрушеніемъ Самаріи и Іерусалима, плѣненіемъ въ Ниневіи и Вавилонѣ, вернулась въ Святую Землю, чтобы подъ покровительствомъ персовъ возстановить общину Ягве, — мы видимъ пророка Захарію, настаивающаго на троичной формѣ возстановлен-

ной теократіи, на единствѣ и гармоніи между священствомъ въ лицѣ Осіи, сына Іоаседекова, и временной верховной властью, въ лицѣ Зоровавеля, сына Салафіилова, — двумя властями, которыхъ онъ, пророкъ, былъ живой связью и вдохновеннымъ примирителемъ.

Сыны Израиля никогда не забывали, что общество есть тѣло совершеннаго человѣка, и что этотъ послѣдній необходимо троиченъ: священникъ Всевышняго, царь земли и пророкъ богочеловѣческаго единенія. Этотъ единственный въ своемъ родѣ народъ предвосхищалъ и пріуготовлялъ пришествіе Богочеловѣка не только въ видѣніяхъ своихъ провидцевъ, но и въ своемъ общественномъ строѣ, въ самомъ фактѣ троичной теократіи.

Извѣстно, что священное помазаніе владыкъ было у евреевъ общимъ атрибутомъ первосвященниковъ, царей и пророковъ. Посему Помазаннику по преимуществу (Мессіи или Христу) надлежало соединить въ себѣ всѣ три власти. И дѣйствительно, Онъ явилъ Себя первосвященникомъ и жертвоприносителемъ безусловно чистымъ и святымъ, принеся небесному Отцу въ жертву всесожженія Свое человѣчество; истиннымъ царемъ міра и матеріальной природы, исхитивъ ее Своимъ воскресеніемъ отъ закона смерти и завоевавъ ее для вѣчной жизни; и, наконецъ, совершеннымъ пророкомъ, указавъ людямъ въ вознесеніи Своемъ на небеса—безусловную цѣль ихъ существованія, и давъ имъ ниспосланіемъ Святаго Духа и основаніемъ Церкви необходимыя силы и средства для достиженія этой цѣли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Безусловное главенство Христа. — Соціальная Троица. Священство и отчество.

Какъ Богъ въ Троицѣ Своихъ ипостасей безусловнымъ образомъ обладаетъ полнотою Своей Божественной Субстанціи, Своимъ небеснымъ тѣломъ или Своей существенной Премудростью, такъ Богочеловѣкъ въ троичности Своей мессіанской власти во всей полнотѣ обладаетъ Вселенскою

Церковью — Своимъ богочеловѣческимъ тѣломъ, земнымъ вмѣстѣ и небеснымъ; совершенною Невѣстою воплощеннаго Слова. „Дадеся ми всяка власть на небеси и на земли". Эта всемірная власть не есть божественное всемогущество, принадлежавшее отъ вѣка Слову, и которое, слѣдовательно, не могло быть Ему дано. Здѣсь рѣчь идетъ о мессіанской власти Богочеловѣка, — о власти, которая не относится къ внѣбожественному міру, какъ къ таковому, но къ міру, соединенному съ Богомъ, дѣйствующему въ одномъ направленіи съ Нимъ и воплощающему во времени Его вѣчную сущность. Если полнота этой власти по праву принадлежитъ Христу и одному Ему, — ибо Онъ одинъ могъ заслужить ее, — то пользованіе этой богочеловѣческой властью требуетъ свободнаго подчиненія и живого содѣйствія со стороны самого человѣчества. Дѣйствіе Христа такимъ образомъ опредѣлено въ этомъ случаѣ послѣдовательнымъ развитіемъ человѣчества, постепенно привлекаемаго въ область богочеловѣческую, пріобщаемаго мистическому тѣлу Христову, преобразуемаго во Вселенскую Церковь.

Если бы Богъ, если бы Христосъ во славѣ Своей пожелалъ принудить людей къ признанію Его истины и Его воли путемъ непосредственнымъ и сверхъестественнымъ, если бы Онъ хотѣлъ спасти міръ силой, Онъ, конечно, могъ бы это сдѣлать,—какъ и до Своего прославленія Онъ могъ бы испросить у Отца небеснаго ниспосланія легіона ангеловъ для защиты Его противъ служителей Каіафы и солдатъ Пилата. Исторія міра была бы тогда скоро окончена, но она и не достигла бы своей цѣли: не было бы свободнаго сотрудничества человѣка съ Богомъ, не было бы истиннаго объединенія и совершеннаго союза между твореніемъ и Творцомъ, и само человѣчество, потерявъ свободу своей воли, стало бы подобно физическому міру. Но не для оправданія матеріализма Слово Божіе воплощилось на землѣ. И послѣ этого воплощенія человѣческая свобода осталась ненарушимой; а Вселенская Церковь имѣетъ исторію. Необходимо было, чтобы Христосъ, по вознесеніи на небо, правилъ Церковью черезъ посредство человѣческихъ служителей, которымъ Онъ передалъ нравственную и юридическую полноту власти въ ея трехъ мессіанскихъ формахъ, не сообщая имъ вмѣстѣ

съ тѣмъ непосредственной дѣйственности Своего Всемогущества, которая связала бы свободу людей. И, дѣйствительно, мы знаемъ, что, основывая Церковь, Христосъ передалъ ей Свою власть; и въ этой передачѣ Онъ слѣдовалъ тому, что мы можемъ назвать *разумомъ Троицы — ratio trinitatis.*

Троичность Бога, какъ развитіе безусловнаго единства, содержитъ въ себѣ всю полноту бытія, раскрывающагося въ трехъ ипостасныхъ видахъ Божественнаго существованія. Мы знаемъ, что безусловное единство ограждено въ Троицѣ: во-первыхъ, онтологическимъ главенствомъ первой ипостаси, которая есть производящая причина или основа двухъ другихъ, но не *vice versa*; во-вторыхъ, единосущностью всѣхъ трехъ, дѣлающей ихъ нераздѣльными по существу; и, въ третьихъ, ихъ совершенной солидарностью, исключающей раздѣльное ихъ дѣйствіе. Соціальная Троица Вселенской Церкви есть развитіе и раскрытіе церковной монархіи, содержащей въ себѣ всю полноту мессіанской власти, раскрывающейся въ трехъ формахъ церковнаго главенства. Какъ и въ Божествѣ, единство Вселенской Церкви ограждено: во-первыхъ, безусловнымъ первенствомъ первой изъ этихъ трехъ властей — первосвященства, которое есть единственное главенство, прямо и непосредственно установленное Богомъ и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія права, причина и необходимое условіе двухъ другихъ; во-вторыхъ, существенной общностью этихъ трехъ властей, поскольку онѣ содержатся въ единомъ тѣлѣ Христовомъ, участвуя въ одной религіозной субстанціи — единой вѣрѣ, единомъ преданіи, единыхъ таинствахъ; въ-третьихъ, нравственной солидарностью или общностью цѣли, которая, для всѣхъ трехъ, должна быть— пришествіе царствія Божія, совершеннаго проявленія Вселенской Церкви.

Религіозная общность и нравственная солидарность трехъ верховныхъ властей подъ безусловнымъ первенствомъ вселенскаго первосвященничества, — вотъ верховный законъ, окончательный идеалъ Христіанства, какъ общества. Но если въ Богѣ форма троичнаго единства актуально существуетъ отъ вѣчности, въ Церкви она осуществляется лишь постепенно. Отсюда является не только разница, но даже нѣкоторый контрастъ между Божественной Троицей и

Троицей соціальной. Первоначальное данное Божественнаго существованія есть безусловное единство, коего Троица есть непосредственное, совершенное, а потому и вѣчное раскрытіе. Первоначальное данное Церкви есть, напротивъ того, неопредѣленная множественность природнаго и падшаго человѣчества. Въ Божественномъ существѣ Троица есть форма, путемъ которой безусловное и положительное единство распространяется и раскрывается; въ соціальномъ существѣ рода человѣческаго Троица есть форма, путемъ которой неопредѣленная множественность частныхъ элементовъ сводится къ синтетическому единству. Такимъ образомъ, развитіе Церкви есть процессъ *объединенія*, отношеніе, идеально *неизмѣнное*, но реально измѣнчивое, между единствомъ права и множественностью факта,—а это предполагаетъ два главныхъ дѣйствія: постепенную централизацію даннаго церковнаго тѣла и объединяющее и синтетическое дѣйствіе централизованной Церкви, стремящейся воплотить въ себѣ все человѣчество. Ипостаси Божественной Троицы безусловно просты въ себѣ, и ихъ троичное отношеніе совершенно чисто и непосредственно. Верховныя власти троичнаго общества или Вселенской Церкви не просты ни въ себѣ самихъ, ни по условіямъ, въ которыхъ онѣ должны быть осуществлены. Онѣ не просты въ самихъ себѣ, ибо онѣ суть лишь относительные центры собирательнаго цѣлаго. Способъ ихъ осуществленія осложненъ не только неопредѣленной множественностью человѣческой среды, въ которой онѣ должны проявляться, но также и тѣмъ фактомъ, что совершенное мессіанское откровеніе находитъ въ природномъ человѣчествѣ болѣе и менѣе удачные опыты частичнаго объединенія, къ которымъ должно привиться объединяющее дѣйствіе Церкви. Если это матеріально и облегчаетъ богочеловѣческое дѣйствіе, это сообщаетъ ему въ то же время менѣе чистый, менѣе правильный и гармоническій характеръ. Хаосъ, который только прикрытъ физическимъ твореніемъ, все еще предъявляетъ свои права не только въ исторіи природнаго человѣчества, но и въ исторіи Религіи и Церкви.

Цѣль богочеловѣческаго дѣла есть спасеніе всѣхъ людей безъ различія, преображеніе всего этого міра въ одно

царское и пророческое священство, въ одно Божественное общество, въ которомъ люди находятся въ непосредственномъ отношеніи со Христомъ и не нуждаются ни въ солнцѣ (т.-е. въ особомъ первосвященствѣ), ни въ лунѣ (т.-е. въ особой царской власти), ни въ звѣздахъ (т.-е. въ пророчествѣ, какъ общественномъ учрежденіи). Но не достаточно выразить согласіе на эту цѣль, чтобы тѣмъ уже достигнуть ея. Слишкомъ очевидно, что люди въ массѣ не обладаютъ индивидуально и субъективно благочестіемъ, справедливостью и мудростью въ степени, достаточной для того, чтобы вступить въ непосредственное сношеніе съ Божествомъ, чтобы дать каждому достоинство священника, царя и пророка. Разъ это такъ, то необходимо, чтобы эти три мессіанскихъ атрибута объективировались и организовались въ соціальной и общественной жизни: чтобы наступило опредѣленное и устойчивое раздѣленіе во вселенскомъ организмѣ, дабы Христосъ имѣлъ особые органы своего священническаго, царскаго и пророческаго дѣйствія. Израильскій народъ у подножія Синая сказалъ Моисею: „Мы не можемъ вынести лица Ягве, мы умремъ всѣ. *Ты за насъ говори къ Ягве, и ты передашь намъ все, что Онъ скажетъ тебѣ для насъ; такъ будешь ты посредникомъ между нами и Всевышнимъ, дабы намъ не умереть*“. И Господь сказалъ Моисею: „*Что этотъ народъ сказалъ тебѣ, хорошо сказалъ онъ*“ [1]). И по велѣнію Ягве, Моисей не только лично служилъ посредникомъ между Божествомъ и народомъ, но, кромѣ того, объявляя, что народъ призванъ стать *malkhouth cohanim* (царствомъ священниковъ [2]), Моисей, какъ мы это видѣли, установилъ тѣ три власти, черезъ посредство коихъ Ягве проявлялъ впослѣдствіи свое соціальное дѣйствіе въ Израилѣ. Человѣческій посредникъ Ветхаго завѣта прообразовалъ Богочеловѣческаго Посредника Новаго завѣта. Іисусъ Христосъ, возвѣщая Царство Небесное (?) внутрь насъ сущее—благодать и истину,—провозглашая совершенное единство, единство любви и свободы, какъ верховный

---

[1]) Исходъ, XX, 19, и Второзаконіе, XVIII, 17.

[2]) „Царское священіе“—Исходъ XIX, 6.

Прим. перевод.

законъ Своей Церкви, тѣмъ не менѣе, прибѣгаетъ къ избранію для того, чтобы организовать церковное тѣло и дать ему центральный органъ. Всѣ должны быть совершенно равны, всѣ должны быть едины, и, тѣмъ не менѣе, власть Христа передана была двѣнадцати апостоламъ, и между этими двѣнадцатью лишь одному эта власть была дарована полнымъ и безусловнымъ образомъ.

Мы знаемъ, что основа хаотическаго или внѣбожественнаго существованія проявляется въ природной человѣческой жизни неопредѣленной смѣной поколѣній, въ которой дѣйствительность спѣшитъ стать на мѣсто прошлаго для того лишь, чтобы самой быть непрестанно замѣщаемой обманчивымъ и мгновенно преходящимъ будущимъ. Сыновья отцеубійцы, становясь отцами, могутъ породить лишь новое поколѣніе отцеубійцъ, и такъ до безконечности. Таковъ дурной законъ смертной жизни. Итакъ, чтобы возродить человѣчество, чтобы дать ему истинную жизнь, нужно было прежде всего удержать человѣческое прошлое, организовавъ *пребывающее отчество*. Чисто человѣческое общество уже даетъ преходящему отчеству природной жизни три различныхъ функціи: отецъ производитъ и поддерживаетъ *существованіе* ребенка, порождая его, заботясь о матеріальныхъ его нуждахъ; онъ направляетъ нравственное и умственное *развитіе* юноши, онъ воспитываетъ его; наконецъ, по отношенію къ совершеннолѣтнему сыну отецъ остается живой и досточтимой памятью его прошлаго. Первое отношеніе есть для ребенка полная *зависимость;* второе возлагаетъ на юношу долгъ *повиновенія*; третье требуетъ лишь сыновней *почтительности*, свободнаго чувства и взаимной благоговѣнія дружбы. Если въ семейной жизни отчество проявляется подъ этими тремя видами послѣдовательно, то въ возрожденной общественной жизни всего человѣчества оно одновременно облекается во всѣ три приведенныя формы. Ибо всегда есть отдѣльныя лица и народы, которые еще должны быть порождены къ духовной жизни и получать элементарную религіозную пищу;—есть народы и отдѣльныя лица, которые находятся въ состояніи нравственнаго и умственнаго дѣтства; другіе въ каждую эпоху должны, какъ юноши, развивать свои духовныя силы

и способности съ нѣкоторой свободой, но они нуждаются, тѣмъ не менѣе, въ постоянномъ наблюденіи и направленіи на истинный путь со стороны отеческой власти, проявляющейся на этой ступени въ особенности, какъ власть педагогическая и учительствующая. Наконецъ, всегда существуютъ если не цѣлые народы, то, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя лица, достигшія совершеннолѣтія духа; у нихъ сыновнее уваженіе и любовь къ духовному отчеству тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе они сознательны и чѣмъ болѣе они свободны.

Съ другой точки зрѣнія необходимо существуетъ іерархическая постепенность въ духовномъ отчествѣ, въ зависимости отъ размѣра обнимаемыхъ имъ соціальныхъ единицъ. Мы знаемъ, что Церковь есть *пресуществленное* природное человѣчество. Но природное человѣчество сложилось по аналогіи живого физическаго тѣла. Это послѣднее есть сложное единство, составленное изъ относительно простыхъ единствъ различныхъ степеней, въ сложномъ соотношеніи подчиненія и координаціи. Основныя степени этой физической іерархіи числомъ три. Низшая степень представлена единствами (относительно) простыми, элементарными органами или органическими элементами тѣла. На средней степени находятся члены тѣла или органы въ собственномъ смыслѣ, представляющіе большую или меньшую сложность. Наконецъ, всѣ эти члены и всѣ эти органы подчинены единству всего тѣла, управляемаго центральнымъ органомъ. Такъ точно и въ политическомъ тѣлѣ природнаго человѣчества, которому предстояло переродиться подъ вліяніемъ христіанства, соціальныя единства (относительно) простыя, племена, кланы, сельскія общины, небольшіе города—соединялись въ сложныя группы, болѣе или менѣе подраздѣленныя,—націи, болѣе или менѣе развитыя, провинціи, болѣе или менѣе протяженныя; наконецъ, всѣ провинціи и всѣ націи соединялись во всемірной монархіи, управляемой единымъ соціальнымъ органомъ городомъ Римомъ—городомъ, концентрировавшимъ въ себѣ весь міръ, бывшимъ вмѣстѣ *urbs et orbis*.

Такова была организація, которой надлежало быть пресуществленной путемъ Христіанства. Тѣло историческаго

человѣчества должно было переродиться во всѣхъ своихъ частяхъ въ порядкѣ его сложенія. И такъ какъ въ основу этого перерожденія Христосъ положилъ духовное отчество, это отчество должно было сложиться согласно даннымъ различіямъ общественнаго расчлененія. Поэтому образовались три главныхъ степени духовнаго отчества или священства: каждая элементарная общественная единица, каждая община, пресуществленная въ Церковь, получила духовнаго отца, священника; и всѣ эти священники вмѣстѣ образовали низшій клиръ или священство въ собственномъ смыслѣ этого слова. Провинціи Имперіи, пресуществленныя въ епархіи или епископства различныхъ степеней, составили каждая одну большую семью съ однимъ общимъ отцомъ въ лицѣ *архіерея* или епископа—непосредственнаго отца подчиненныхъ ему священниковъ и черезъ нихъ всѣхъ христіанъ своей епархіи. Но всѣ духовныя общества этого второго разряда, представленнаго епископствомъ,—частныя Церкви городовъ, провинцій и націй, управляемыя архіереями всѣхъ степеней (простыми епископами, архіепископами, митрополитами, примасами или патріархами)—суть лишь члены Вселенской Церкви, которая должна ясно и раздѣльно проявиться, какъ высшее единство, обнимающее всѣ эти члены. И дѣйствительно, простое сложеніе частей недостаточно для образованія живого тѣла. Ему необходимо единство формальное или субстанціальная форма, обнимающая *actu* и опредѣленнымъ образомъ всѣ частныя единства,—элементы и органы, изъ коихъ составлено тѣло. И если частныя духовныя семьи, на которыя раздѣляется человѣчество, должны, дѣйствительно, составить одну единую христіанскую семью, одну единую Вселенскую Церковь, то онѣ должны быть подчинены одному общему отчеству, обнимающему всѣ христіанскія націи. Утверждать, что *дѣйствительно* существуютъ только національныя Церкви, это значитъ утверждать, что члены одного тѣла существуютъ въ себѣ и для себя, и что само тѣло не имѣетъ никакой реальности. Однако, Христосъ не основалъ непосредственно никакой частной Церкви. Онъ ихъ создалъ всѣ въ реальномъ единствѣ Церкви Вселенской, которую онъ поручилъ Петру, высшему и

единственному представителю Божественнаго отчества по отношенію ко всей семьѣ сыновъ человѣческихъ [1]).

Не даромъ Іисусъ Христосъ отнесъ по преимуществу къ *первой* Божественной ипостаси, къ *Отцу* небесному, богочеловѣческое дѣйствіе, сдѣлавшее изъ Симона варъ Іоны перваго соціальнаго отца всей человѣческой семьи и непогрѣшимаго учителя школы человѣчества. *Блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ.* Святая Троица въ Своемъ дѣйствіи *ad extra* такъ же нераздѣльна, какъ и въ своей внутренней жизни. Если святой апостолъ Петръ былъ вдохновленъ Богомъ, то столь же Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ, какъ и Богомъ Отцомъ; и разъ дѣло идетъ о *вдохновеніи*, то могло бы показаться болѣе правильнымъ упомянуть по преимуществу Святаго Духа, глаголавшаго черезъ пророковъ. Но тутъ-то мы и видимъ Божественный разумъ, опредѣлявшій каждое слово Христа и вселенскій смыслъ его рѣчи къ Петру. Ибо дѣло было не въ томъ, чтобы установить фактъ, что Симонъ въ этомъ частномъ случаѣ вдохновленъ былъ свыше:—это могло случиться съ нимъ такъ же, какъ и со всякимъ изъ его сотоварищей, но надлежало обосновать въ его пользу единственное въ своемъ родѣ установленіе вселенскаго *отчества* въ Церкви—образа и органа Божественнаго отчества; и къ Отцу небесному должны были быть отнесены по преимуществу высшее основаніе и высшая санкція этого установленія.

---

[1]) *Примѣчаніе редакціи.* Въ дальнѣйшей довольно пространной попыткѣ В. С. Соловьева обосновать идею папскаго монархизма, какъ основное и безусловно истинное начало управленія христіанской Церковью, мы не находимъ указаній на такое крупное церковно-историческое явленіе, какъ рядъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ. Если съ одной стороны въ этомъ нельзя не видѣть нѣкотораго вліянія католическихъ церковно-правовыхъ идей, то, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ данной работѣ авторъ имѣлъ въ виду лишь общее философское построеніе идей христіанства. Историческіе вопросы, связанные съ жизнью христіанской Церкви, были многократно разрабатываемы В. С. Соловьевымъ въ другихъ его сочиненіяхъ, гдѣ великое значеніе и смыслъ церковной соборности нашли себѣ безпристрастное и серьезное освѣщеніе.

Тяжко покидать чистый воздухъ галилейскихъ горъ, чтобы итти навстрѣчу губительнымъ испареніямъ Мертваго моря. Наши антикатолическіе полемисты, хотя и допуская, что приходскія и епархіальныя Церкви имѣютъ нужду въ священникахъ и епископахъ, видимыхъ отцахъ, человѣческихъ органахъ Божественнаго отчества, не хотятъ и слышать объ общемъ отцѣ Вселенской Церкви; единая глава Церкви есть Іисусъ Христосъ. Однако, ничто не мѣшаетъ приходу или епархіи управляться видимымъ служителемъ, и всякій православный охотно видитъ намѣстника Іисуса Христа во всякомъ епископѣ и во всякомъ священникѣ, тѣмъ не менѣе, крича о богохульствѣ, когда католики даютъ это имя первому изъ патріарховъ, наслѣднику святого Петра. Но признаютъ ли эти православные партикуляристы, дѣйствительно, Іисуса Христа главою Церкви? Если Онъ воистину верховная Глава для нихъ, они послушались бы Его слова. Для того ли, чтобъ оказать послушаніе учителю, они возмущаются противъ назначеннаго Имъ Самимъ правителя? Они не прочь позволить Христу дѣйствовать черезъ Своихъ служителей въ той или другой части Его видимаго царства, но они, очевидно, полагаютъ, что Онъ превысилъ границы Своей власти и злоупотребилъ Своимъ правомъ, вручивъ Петру ключи всего царства. Это похоже на то, если бы англійскій подданный, признавая за императрицей Индіи власть назначать губернатора въ Мадрасъ и мирового судью въ Бомбей, оспаривалъ бы въ то же время право назначенія ею вице-короля въ Калькутту.

Но могли бы сказать: Вселенская Церковь въ ея цѣломъ превосходитъ границы земного человѣчества, она обнимаетъ святыхъ въ раю, души въ чистилищѣ и — прибавляетъ Хомяковъ—души тѣхъ, которые не родились. Мы не думаемъ, чтобы папа очень цѣнилъ возможность распространить свою власть на души, которыя еще не родились. Говоря серьезно, тутъ вопросъ идетъ о Вселенской Церкви не въ ея безусловной и вѣчной цѣлости, но въ ея цѣлости относительной и временной; вопросъ идетъ о видимой Церкви въ каждый данный моментъ ея историческаго существованія. Для Церкви, какъ и для индивидуальнаго человѣка

есть совокупность невидимая или душа и совокупность видимая, или тѣло. Душа человѣческая шире границъ земного существованія, она переживаетъ физическій организмъ, и въ мірѣ духовъ она мыслитъ и дѣйствуетъ безъ посредства матеріальнаго мозга; но если бы кто захотѣлъ вывести изъ этого заключенія, что и въ земномъ своемъ существованіи человѣкъ обходится безъ мозга, то подобное заключеніе было бы справедливо лишь относительно самого полагающаго сказанное.

Есть еще способъ обойти путемъ общаго разсужденія необходимость вселенскаго отчества. Такъ какъ принципъ отчества представляетъ традицію, память прошлаго, то полагаютъ, что Церкви достаточно для того, чтобы имѣть истинное духовное отчество, охранять преданіе, сохранять память своего прошлаго. Духовное отчество было бы, съ этой точки зрѣнія, представлено единственно великими усопшими предками религіознаго общества — отцами Церкви. Но почему не распространить этого разсужденія на частныя Церкви? Почему вѣрующіе одного прихода не довольствуются, въ отношеніи духовнаго отчества, историческими воспоминаніями, относящимися къ первымъ основателямъ ихъ приходской церкви, на что имъ нужна еще помощь живого духовнаго отца постояннаго настоятеля? И почему жители Москвы не считаютъ себя вполнѣ удовлетворенными, имѣя священное преданіе и благочестивое воспоминаніе о первыхъ главахъ своей Церкви, святыхъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіи, зачѣмъ желаютъ они имѣть при себѣ еще живого епископа, постояннаго представителя этого древняго преданія? Отодвигать духовное отчество въ прошлое, въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ прошлое, имѣющее для насъ теперь только идеальное существованіе, значитъ не понимать самой сущности, самаго смысла существованія Церкви. Варварскіе предки человѣчества были мудрѣе: они признавали переживаніе предковъ, они даже дѣлали ихъ главнымъ предметомъ своего культа, но дабы постоянно поддерживать этотъ культъ, они требовали, чтобы у мертваго предка всегда былъ живой наслѣдникъ, душа семьи, священникъ, жрецъ, постоянный посредникъ между невидимымъ божествомъ и настоящей жизнью.

Безъ одного отца, общаго всей человѣческой семьѣ, земная жизнь дѣтей Адама будетъ предана въ жертву всяческимъ раздѣленіямъ, и единство здѣсь на землѣ будетъ имѣть лишь идеальное бытіе. Реальное единство было бы изгнано на небеса, какъ миѳическая Астрея; и хаосъ царилъ бы на землѣ. Цѣль Христіанства была бы тогда потеряна. Ибо, чтобы объединить низшій міръ, чтобы исхитить землю отъ хаоса и установить отношеніе ея къ небесамъ, Слово и стало плотью. Для созданія невидимой Церкви, докетическій Христосъ гностиковъ, Христосъ призракъ, былъ бы болѣе чѣмъ достаточенъ.

Но реальный Христосъ основалъ реальную Церковь на землѣ, и Онъ положилъ ей въ основаніе постоянное отчество, повсемѣстно распредѣленное во всѣхъ частяхъ общественнаго организма, но реально сосредоточенное для всего тѣла въ лицѣ общаго отца всѣхъ вѣрныхъ, древняго первосвященника или священника по преимуществу—папы.

Папа, какъ таковой, есть непосредственный отецъ всѣхъ епископовъ и черезъ нихъ всѣхъ священниковъ; онъ такимъ образомъ отецъ отцовъ. И установлено, что папа былъ единственнымъ епископомъ, котораго съ древнѣйшихъ временъ другіе епископы звали не только братомъ, но и отцомъ: и не отдѣльные епископы только признавали его отеческую власть надъ ними, но и столь величественныя собранія всего епископства, каковымъ былъ, напримѣръ, Халкидонскій соборъ. Но это отчество папы по отношенію къ Церкви учительствующей или ко клиру не есть его безусловное отчество. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ не только всѣ епископы, но также и всѣ священники суть равные папы. Папа не имѣетъ никакого существеннаго преимущества передъ простымъ священникомъ въ дѣлѣ отправленія таинствъ, кромѣ таинства священства, и, по отношенію къ сему послѣднему, папа не имѣетъ никакого преимущества передъ другими епископами. Поэтому папа называетъ епископовъ не только своими сыновьями, но и своими братіями, и точно такъ же онъ былъ называемъ ими братомъ. Такъ въ предѣлахъ Церкви въ собственномъ смыслѣ папа имѣетъ лишь относительное отчество, не представляющее полной аналогіи съ отчествомъ Божест-

веннымъ. Существенный характеръ этого послѣдняго въ томъ, что Отецъ есть таковой безусловно единственнымъ въ своемъ родѣ образомъ, что Онъ одинъ — отецъ, и что Сынъ и Духъ, участвуя въ божественности, ни коимъ образомъ и ни въ какой мѣрѣ не участвуютъ въ божественномъ отчествѣ. Но епископы и священники (вся Церковь учительствующая) въ большей или меньшей мѣрѣ участвуютъ въ духовномъ отчествѣ папы. Въ сущности, это духовное отчество или святительская власть папы не представляетъ чего-либо существенно отличнаго отъ той же власти у епископовъ: папство есть безусловная полнота епископской власти, такъ же какъ эта послѣдняя есть относительная полнота власти священниковъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Царская власть и сыновность. Пророческое служеніе. Три таинства правъ человѣка.

Если папство, по образу Божественнаго отчества, должно породить вторую общественную власть, то не власть епископовъ, которые сами отцы, но власть существенно сыновнюю, представитель которой нисколько и ни въ какой степени не духовный отецъ; какъ въ Троицѣ вѣчный Сынъ — безусловно Сынъ и не обладаетъ отчествомъ ни въ какомъ смыслѣ. Вторая мессіанская власть есть царская власть христіанская. Христіанскій царь, король, императоръ или что-либо другое подобное, по преимуществу — духовный Сынъ первосвященника. Если единство государства сосредоточивается и реализуется въ первосвященникѣ, и если существуетъ сыновнее отношеніе между христіанскимъ государствомъ, какъ таковымъ, и Церковью, то это отношеніе должно существовать реально и, такъ сказать, ипостасно между главою государства и главою Церкви. Дѣло исторической науки разсматривать въ прошломъ и опортунистической политики опредѣлять для настоящей минуты отношенія между Церковью и *языческимъ* государствомъ. Но если вопросъ идетъ о государствѣ *христіанскомъ*, то неоспоримо, что оно представляетъ вторую мессіанскую власть,

царскую власть Христа, и, какъ таковое, порождено въ *принципѣ* первой мессіанической властью, вселенскимъ отчествомъ.

Положительное призваніе христіанскаго государства есть воплощеніе въ порядкѣ общественномъ и политическомъ началѣ истинной религіи. Эти начала представлены и сохраняются Церковью (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), религіознымъ обществомъ, имѣющимъ за основаніе духовное отчество, сосредоточенное въ папѣ, организованное въ епископствѣ и священствѣ и благочестиво признаваемое общиной вѣрныхъ. Церковь въ этомъ смыслѣ есть основной религіозный *фактъ* и единственный *путь* ко спасенію, открытый Христомъ человѣчеству. Но Христосъ въ Своемъ дѣлѣ, какъ и въ лицѣ Своемъ, не раздѣляетъ путей истины и жизни. И если истина обоснована для насъ на ученіи Церкви, а духовная жизнь на ея таинствахъ, то не надо забывать и того, что основанія существуютъ не для самихъ себя, но для цѣлаго зданія. Истинная и живая религія не есть спеціальность, отдѣльная область, особый уголъ въ человѣческомъ существованіи. Прямое откровеніе безусловнаго, религія не можетъ быть чѣмъ-нибудь: она — все, или ничего. Разъ мы ее признали, мы обязаны ввести ее, какъ верховный и направляющій принципъ, во всѣ сферы умственной и практической жизни, подчинить ей всѣ интересы политическіе и общественные.

Ибо Христосъ—не только священникъ, но и царь; и Его Церковь должна соединять съ характеромъ священства достоинство царское. Примиряя испорченную человѣческую природу съ Богомъ путемъ непрестанной жертвы, возрождая и возвышая людей въ служеніи духовнаго отчества, Церковь должна, кромѣ того, доказать плодотворность этого отчества, приведя къ Богу всю жизнь въ ея цѣлости.

Чтобы спасти „лежащій въ злѣ“ міръ, Христіанство должно смѣшаться съ этимъ міромъ; но чтобы человѣческіе представители божественнаго факта, земные хранители и орудія трансцендентной истины и безусловной святости, не понесли въ этой практической борьбѣ противъ зла ущерба своему священному достоинству, и дабы они не забыли небесъ, желая спасти землю, ихъ политическое

дѣйствіе не должно быть непосредственнымъ. Какъ Божественный Отецъ дѣйствуетъ и проявляетъ Себя въ твореніи черезъ Сына, Слово Его, точно такъ же Церковь Бога, духовное отчество, вселенское папство должно дѣйствовать и проявляться въ мірѣ внѣшнемъ черезъ посредство христіанскаго государства, въ царской власти Сына. Государство должно быть политическимъ органомъ Церкви, мірской владыка долженъ быть *Словомъ* владыки духовнаго. Такимъ путемъ, вопросъ о первенствѣ между этими двумя властями падаетъ самъ собою: чѣмъ болѣе онѣ представляютъ то, чѣмъ онѣ должны быть, тѣмъ полнѣе равенство между ними и тѣмъ онѣ обѣ свободнѣе. Когда государство, хотя и ограничиваясь свѣтской властью, испрашиваетъ и получаетъ нравственную санкцію отъ Церкви, и когда эта послѣдняя, утверждаясь какъ высшій духовный авторитетъ, поручаетъ внѣшнее дѣйствіе государству, между ними устанавливается ближайшая связь, взаимная зависимость, и, однако, всякое столкновеніе и всякое угнетеніе равно исключены. Когда Церковь хранитъ и истолковываетъ законъ Божій, и когда государство прилагаетъ всѣ свои силы къ исполненію этого закона, преобразуя общественный порядокъ согласно христіанской идеѣ, вызываетъ практическія условія и внѣшнія средства для осуществленія богочеловѣческой жизни во всемъ цѣломъ человѣческаго существованія, — то очевидно, что всякій антагонизмъ принциповъ и интересовъ долженъ исчезнуть, уступивъ мѣсто мирному раздѣленію труда въ общемъ дѣлѣ.

Но если эта взаимная зависимость Церкви и государства, которая и составляетъ ихъ истинную свободу, является необходимымъ условіемъ для осуществленія христіанскаго идеала на землѣ, то не покажется ли очевиднымъ, что само это условіе, это согласіе и эта солидарность двухъ властей существуютъ лишь въ идеалѣ, внѣ религіознаго факта и политической дѣйствительности.

Церковь, въ собственномъ смыслѣ (представленная священствомъ), имѣющая своимъ главнымъ основаніемъ священное преданіе, смотритъ на религіозную истину, главнымъ образомъ какъ на фактъ совершившійся, она придерживается главнымъ образомъ первоначальныхъ данныхъ

откровенія. Съ этой точки зрѣнія воплощеніе Христа, реальность Богочеловѣка (основное начало истинной религіи) есть прежде всего явленіе историческое, фактъ прошлаго, связанный съ дѣйствительностью, такъ сказать, sub specie praeteriti — черезъ рядъ другихъ религіозныхъ фактовъ, правильно проявляющихся въ неизмѣнномъ порядкѣ, установленномъ изначала разъ навсегда: традиціонное ученіе воспроизводящее depositum fidei, апостольское первенство, преподаваемое однообразнымъ путемъ, крещеніе и остальныя таинства, установленныя въ неизмѣнныхъ формулахъ, и т. д. Реальное присутствіе Христа во святой евхаристіи есть, конечно, живая дѣйствительность, но дѣйствительность существенно мистическая, и, какъ таковая, она не опредѣляетъ прямо и открыто практическаго и соціальнаго существованія земного человѣчества. Этотъ принципъ преданія, этотъ неподвижный и безусловно опредѣленный характеръ присущъ по существу Церкви (въ тѣсномъ смыслѣ); въ немъ ея собственная стихія. Но если она замыкается въ немъ *исключительно* и, довольствуясь высотой своего исходнаго начала, не желаетъ знать ничего другого, то она оправдываетъ тѣмъ абсолютизмъ государства, которое, видя въ религіи дѣло прошлаго, почтенное, но неимѣющее практическаго значенія, считаетъ себя въ правѣ присвоить себѣ всю живую дѣйствительность и поглотить ее цѣликомъ въ политикѣ временныхъ интересовъ.

„Я — единство“, говоритъ Церковь. — „Я обнимаю всѣ націи, какъ одну вселенскую семью“. — „Я ничего не имѣю противъ этого“, отвѣчаетъ государство; — „пусть всѣ націи земли соединятся въ порядкѣ мистическомъ и невидимомъ, — я не стану противиться ни общенію святыхъ, ни единенію христіанскихъ душъ въ единой вѣрѣ, единой надеждѣ и единой любви. Что касается жизни дѣйствительной, тутъ дѣло обстоитъ иначе. Здѣсь нація въ ея отдѣльности и независимости есть все; ея личный интересъ есть высшая цѣль, ея матеріальная сила есть принципъ, и война есть средство. Такимъ образомъ, христіанскія души, раздѣленныя на враждебныя арміи, пусть убиваютъ другъ друга на землѣ, чтобы тѣмъ скорѣе осуществить свое мистическое единеніе въ небесахъ“.

„Я представляю недвижимую истину прошлаго безусловнаго", говоритъ Церковь. „Прекрасно"—отвѣчаетъ государство, болѣе или менѣе христіанское: „я требую для себя только относительную и подвижную область практической жизни. Я чту священную археологію, я преклоняюсь передъ прошлымъ, если оно въ самомъ дѣлѣ желаетъ остаться таковымъ. Я не прикасаюсь ни къ догматамъ, ни къ таинствамъ, подъ условіемъ, чтобы не вмѣшивались въ свѣтскую дѣйствительность, принадлежащую мнѣ безъ раздѣла, школу, науку, общественное воспитаніе, политику внутреннюю и внѣшнюю. Я представляю справедливость: suum cuique. Божественному учрежденію нѣтъ никакого дѣла до всѣхъ этихъ чисто человѣческихъ вещей. Богу — небеса, храмъ — священнику и все остальное — кесарю".

А что же мы дадимъ Христу, Который вмѣстѣ и человѣкъ и Богъ, священникъ и царь, владыка неба и земли? Эта эгоистическая справедливость, это антихристіанское разлученіе двухъ міровъ естественно и логично, пока мы останавливаемся на неопредѣленной и отвлеченной двойственности духовнаго и свѣтскаго, священнаго и мірского, забывая третій терминъ, безусловный синтезъ *безконечнаго и конечнаго*, отъ вѣка совершенный въ Богѣ и совершающійся въ человѣчествѣ черезъ Христа. Здѣсь забывается самый духъ христіанства, — стройное согласіе всего, необходимое и свободное единеніе, единое и множественное, истинное будущее, удовлетворяющее настоящему и воскрешающее прошлое.

Церковь и государство, первосвященникъ и царь, раздѣленные и враждебные въ настоящемъ, могутъ найти свое истинное и окончательное единство лишь въ этомъ пророческомъ будущемъ, коего они сами суть опредѣляющія предпосылки и условія. Чтобы быть солидарными, двѣ различныхъ власти должны имѣть одну цѣль, достигнуть которой онѣ могутъ лишь при общемъ согласіи, каждая соотвѣтственно ея личному характеру и ея личнымъ средствамъ. Но общая цѣль Церкви и государства, священства и царской власти не представлена истинно ни той, ни другой изъ этихъ двухъ властей, взятыхъ въ себѣ или въ ихъ специфическомъ элементѣ. Съ этой точки зрѣнія каждая

изъ нихъ имѣетъ свою особую цѣль, не касающуюся другой. Если задача Церкви — увѣковѣчить религіозное преданіе, то она прекрасно можетъ сдѣлать это одна безъ всякой помощи государства. Если задача этого послѣдняго защищать своихъ подданныхъ противъ врага и съ помощью судовъ и полиціи поддерживать добрый внѣшній порядокъ, то оно прекрасно можетъ само справиться съ этимъ, не прибѣгая къ помощи христіанской Церкви.

Но Христосъ не для того соединилъ божественное и человѣческое въ Своемъ индивидуальномъ лицѣ, чтобы оставить ихъ раздѣленными въ Своемъ соціальномъ тѣлѣ. Священникъ, Царь и Пророкъ, Онъ далъ христіанскому обществу его безусловную форму въ троичной монархіи. Основывая Церковь на Своемъ священствѣ, освящая государство Своей царской властью, Онъ позаботился также объ ихъ единствѣ и ихъ согласномъ развитіи, оставивъ міру свободное и живое дѣйствіе своего пророческаго духа. И какъ священство и царская власть Богочеловѣка обнаруживаютъ Его Божественную сущность черезъ посредство человѣческихъ органовъ, такъ и Его пророческое достоинство должно имѣть подобное же проявленіе. Необходимо признать поэтому въ христіанскомъ мірѣ третье главное служеніе, представляющее синтетическое единство двухъ первыхъ, указующее Церкви и государству совершенный соединенный идеалъ обожествленнаго человѣчества, какъ высшую цѣль ихъ совмѣстнаго дѣйствія.

Духъ пророческій не могъ изсякнуть и угаснуть во вселенскомъ тѣлѣ Христа. Онъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и говоритъ ко всѣмъ въ мірѣ, — къ священникамъ, царямъ и народамъ. Онъ говоритъ стражамъ священнаго преданія: „Не мертвое и неподвижное преданіе было ввѣрено вамъ; откровеніе живаго Бога и Его Христа не можетъ быть закрытой и запечатлѣнной книгой. Христосъ не есть фактъ прошлаго только, но въ особенности основа будущаго, свободнаго движенія и истиннаго прогресса. Вамъ вручено сокровище вѣры; развѣ это капиталъ, который прячутъ въ сундукѣ или который зарываютъ въ землю? Вѣрные служители Господа, вы не станете подражать слишкомъ осторож-

ному рабу евангельской притчи, вы не сведете ученія Христа къ завершенному факту. И въ ученіи своемъ, которое есть Его истина, Христосъ—основа и камень краеугольный. Сотворите поэтому изъ догмата Христіанскаго твердое, но широкое основаніе, неприкосновенное, но живое начало всякой философіи и всякой науки; не замыкайте его въ отдѣльной области, безразличной или враждебной по отношенію къ мысли и знаніямъ человѣческимъ. Богословіе есть наука божественная, но Богъ христіанъ соединилъ Себя съ человѣчествомъ связью неразрывной. Богословіе Богочеловѣка не можетъ быть отдѣлено отъ философіи и науки человѣческой. Вы — православны въ вашемъ исповѣданіи вѣры, вы одинаково отметаете ересь Несторія и ересь Евтихія; будьте же православны въ приложеніи вашей вѣры. Осуществляя истину Христа въ интеллектуальной области христіанскаго міра, — различайте, но не раздѣляйте природу, удерживайте въ вашихъ мысляхъ и вашихъ ученіяхъ внутреннее, органическое и живое единство божественнаго и человѣческаго, безъ смѣшенія и безъ раздѣленія (несліянно и нераздѣльно). Берегитесь допустить, какъ безсознательные несторіанцы, двѣ науки и двѣ истины, полныя и независимыя другъ отъ друга. Не пытайтесь также, по примѣру монофизитовъ, устранить человѣческую истину, философствующій разумъ, факты естественной и исторической науки; не преувеличивайте ихъ важности, но и не отвергайте изъ предвзятости достовѣрность ихъ свидѣтельства во имя христіанскаго догмата: это—жертва неразумная, которой воплощенный Разумъ не требуетъ отъ васъ и которой Онъ не можетъ принять".

„Но вамъ, отцы возрожденнаго человѣчества, довѣрено не только безусловное начало науки, но и начало общественнаго порядка. И здѣсь не менѣе вы обязаны, какъ истинно православные, слѣдовать царственнымъ путемъ, избѣгая обѣ противоположныя ереси: ложный либерализмъ несторіанства и ложный піетизмъ монофизитства. Первый желалъ бы разъ навсегда отдѣлить Церковь отъ государства, священное отъ мірского, какъ Несторій отдѣлялъ во Христѣ человѣчество отъ божества. Второй желалъ бы поглотить человѣческую душу въ созерцаніи божественнаго,

оставивъ міръ земной, государства и націи на произволъ ихъ судьбы; это—лишь соціальное приложеніе монофизитства, для котораго человѣческая природа Христа исчезала въ Его Божественномъ существѣ. Но вы, епископы православія, имѣющіе въ истинномъ христологическомъ догматѣ непогрѣшимую формулу свободнаго и совершеннаго единства, вамъ надлежитъ всегда поддерживать тѣсную связь, соединяющую человѣческое Государство и Церковь Божію, подобно тому, какъ человѣчество Христа связано было въ Немъ съ Божественнымъ Словомъ. Абсолютизму государства, желающему стать языческимъ и безбожнымъ, вы не должны противопоставлять безусловный клерикализмъ, замыкающійся въ себѣ и довольный своимъ отъединеніемъ; вы не станете нападать на заблужденіе оружіемъ неполной истины, вы поддержите безусловную соціальную истину, требующую, рядомъ съ Церковью, христіанское государство, царскую власть Христа, образъ и орудіе Божественной сыновности, какъ вы — образъ вѣчнаго отчества. Никогда не подчиняйтесь мірской власти, ибо Отецъ не можетъ быть подчиненъ Сыну; но не пытайтесь также и поработить ее, ибо Сынъ свободенъ".

„Епископы и священники, вы—служители таинствъ Христовыхъ. По догмату откровенія Христосъ есть начало всѣхъ истинъ или всей истины, — единой по существу, безконечно многообразной по своему матеріальному содержанію и тройственной въ своей образующей формѣ: богословской, философской и научной (какъ Христосъ единъ въ Своей ипостаси, безконечно многообразенъ, поскольку Онъ содержитъ и обнаруживаетъ идеальный космосъ, и тройственъ, поскольку Онъ соединяетъ Божественную сущность съ разумной душой человѣка и съ матеріальной тѣлесностью),—точно такъ же въ святыхъ таинствахъ Христосъ есть начало *жизни, всей* жизни не только духовной, но и тѣлесной, не только личной, но и общественной. Вы, возносители жертвы, вы поставлены, чтобы посѣять въ человѣчествѣ мистическое, но реальное зерно богочеловѣческой жизни, вы сѣятели въ нашей природѣ обожествленной матеріи, тѣлесности небесной. Началомъ этого дѣла, первымъ источникомъ сверхприродной жизни въ земномъ тѣлѣ че-

ловѣчества долженъ быть безусловный фактъ, превышающій разумъ человѣческій, — тайна. Но всякая тайна нуждается въ откровеніи; мистическіе элементы, которые благодатію таинствъ насаждаются въ природѣ человѣка черезъ ваше служеніе, должны взойти, возрасти и проявиться въ видимомъ существованіи, въ общественной жизни человѣчества, преобразуя его все болѣе и болѣе въ живое тѣло Христа. Это дѣло священія не есть посему удѣлъ однихъ священниковъ: оно требуетъ также и совмѣстной работы христіанскаго государства и христіанскаго общества. То, что священникъ начинаетъ путемъ мистическаго обряда, христіанскій царь долженъ продолжать въ своемъ законодательствѣ, а вѣрующій народъ осуществлять въ своей жизни".

Итакъ, пророческій духъ христіанства скажетъ царямъ и народамъ христіанскимъ: „Церковь даетъ вамъ тайны жизни и счастье, ваше дѣло раскрыть ихъ, пользоваться ими. Вы имѣете крещеніе, которое есть таинство или тайна *свободы*. Христіанинъ, искупленный Христомъ, есть прежде всего человѣкъ свободный. Вѣчное и безусловное начало этой свободы дано благодатію таинства и не можетъ быть разрушено внѣшними отношеніями, общественнымъ положеніемъ человѣка. Но должны ли въ христіанскомъ мірѣ эти внѣшнія отношенія оставаться въ противорѣчіи съ даромъ Бога? Принявшій крещеніе христіанинъ сохраняетъ свою свободу, даже если онъ рабъ, но долженъ ли онъ быть таковымъ въ христіанскомъ обществѣ? Уничтожьте же, цари и народы христіанскіе, послѣдніе слѣды языческаго позора, устраните рабство и порабощеніе во всѣхъ его формахъ, прямыхъ и косвенныхъ, ибо онѣ всѣ суть отрицаніе крещенія — отрицаніе, которое хотя и безсильно уничтожить внутреннюю благодать, все же мѣшаетъ ея внѣшнему осуществленію. Но нашъ Богъ не есть Богъ нотаенный, и если Онъ обнаружилъ Себя и воплотился, то это, конечно, не для того, чтобы поддерживать противорѣчіе между невидимымъ и видимымъ. Не потерпите же, чтобы человѣкъ, освобожденный Богомъ живымъ, принужденъ былъ вновь стать служителемъ мертвыхъ вещей, рабомъ машинъ".

„Вы имѣете *миропомазаніе* — таинство, или тайну *равенства*. Церковь Христа преподаетъ каждому христіанину безъ различія мессіанское достоинство (утерянное первымъ Адамомъ и возстановленное вторымъ), — давая каждому священное помазаніе владыкъ. Мы знаемъ, что совершенное общественное состояніе, преобразуемое этимъ таинствомъ (состояніе *malkhouth cohanim—regnum sacerdotale*—царства священниковъ) не можетъ быть осуществлено немедленно; но вы, властители земли, съ вашей стороны не забывайте, что въ этомъ реальная цѣль христіанства. Поддерживая, во что бы то ни стало, изъ эгоистическаго интереса соціальныя неравенства, вы оправдали бы реакцію ненависти и зависти обдѣленныхъ классовъ. Вы оскверняете таинство святого миропомазанія, если вы обращаете помазанниковъ Господа въ мятежныхъ рабовъ. Законъ Божій никогда не освящалъ неравенства рожденія или имущества, и если въ вашемъ нечестивомъ консерватизмѣ вы возводите въ безусловное и вѣчное правило то, что есть лишь преходящій фактъ, — вы принимаете на себя всѣ грѣхи народа и всю кровь революцій“.

„И ты, народъ христіанскій, знай, что Церковь, давъ тебѣ черезъ миропомазаніе мессіанское достоинство, сдѣлавъ каждаго изъ васъ равнымъ епископамъ и царямъ, надѣлила васъ не пустымъ и суетнымъ титуломъ, но дѣйствительной и пребывающей благодатію. Ваше дѣло воспользоваться ею; ибо въ силу этой благодати каждый можетъ стать орудіемъ Святаго Духа въ порядкѣ общественномъ. Независимо отъ священства и царской власти, въ христіанскомъ обществѣ есть третье верховное служеніе— служеніе пророческое, не связанное ни съ рожденіемъ, ни съ общественнымъ избраніемъ, ни съ священнымъ рукоположеніемъ. Оно законно дается всякому христіанину при миропомазаніи и можетъ быть по праву проходимо тѣми, кто не сопротивляется божественной благодати, но помогаетъ ея дѣйствію своей свободой. Такъ, каждый изъ васъ, если хочетъ, можетъ по Божественному праву и милостію Божіею пользоваться верховной властью наравнѣ съ папою и императоромъ“.

Само собой понятно, что пророческое служеніе, прохожденіе коего опредѣляется единственно внутренними и чисто духовными условіями, не можетъ имѣть никакого характера внѣшней принудительности. Представляя въ человѣческомъ обществѣ безусловный идеалъ, христіанскій пророкъ былъ бы непослѣдовательнымъ и невѣрнымъ своему призванію, если бы онъ сталъ дѣйствовать средствами, присущими лишь несовершенному общественному состоянію.

Вина ли то христіанства, если это верховное право, которое оно даруетъ всѣмъ, продается человѣческой толпою Сатанѣ за блюдо чечевицы?

Равенство верховнаго достоинства, по праву принадлежащее каждому христіанину, не есть равенство безразличія. Всѣ имѣютъ одинаковую важность, каждый имѣетъ безконечную цѣну въ глазахъ всѣхъ; но всѣ не имѣютъ одной и той же *обязанности*. Единство христіанскаго народа, основанное на богочеловѣческомъ отчествѣ, есть единство идеальной семьи. Совершенное нравственное равенство между членами такой семьи не мѣшаетъ дѣтямъ ни благоговѣйно признавать главенство и авторитетъ общаго отца, ни различаться между собой по призваніямъ и различію характеровъ. Единство истинное и положительное, какъ и истинная свобода, проявляется и осуществляется въ солидарности или въ братствѣ, въ силу котораго нѣсколько человѣкъ становятся, *какъ одинъ*. Крещеніе свободы и миропомазаніе равенства вѣнчаются великимъ таинствомъ общенія въ *причастіи*, исполненіемъ молитвы Христа: *Да будутъ всѣ едины, какъ Я единъ съ Тобою, Отецъ*! Соединяя всѣхъ Своихъ учениковъ въ одномъ общеніи причастія, Іисусъ Христосъ не восхотѣлъ остановиться передъ національными раздѣленіями. Онъ распространилъ братство на всѣ народы. И если это таинственное общеніе въ причащеніи Божественнаго Тѣла истинно и дѣйствительно, мы становимся, принимая въ немъ дѣйствительное участіе, братьями безъ всякаго различія расы и національности; и если мы убиваемъ другъ друга во имя такъ называемыхъ національныхъ интересовъ, мы не метафорически, но вполнѣ реально, братоубійцы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Четыре таинства „обязанностей“ человѣка.

Три таинства: крещеніе, миропомазаніе и причащеніе, даруя всѣмъ христіанамъ свободу, равенство и дѣлая ихъ братьями другъ другу и всѣхъ сынами Божіими (воплощенными въ Единородномъ Сынѣ Его — Іисусѣ Христѣ), преподаютъ имъ мессіанское достоинство и верховныя права. Человѣкъ имѣетъ право быть сыномъ Божіимъ, ибо для этого Богъ и создалъ его. Но, будучи сыномъ Божіимъ по праву, но не въ дѣйствительности, человѣкъ имѣетъ еще преимущество сдѣлать себя самого, дѣйствительно, тѣмъ, что онъ есть въ идеѣ, — осуществить свою основу черезъ свое собственное дѣйствіе. Такимъ образомъ, *обязанности* человѣка проистекаютъ изъ его верховныхъ правъ, какъ условіе, которое онъ долженъ выполнить, чтобы воспользоваться своей верховной властью.

Такъ какъ человѣкъ является сначала сыномъ Божіимъ лишь въ основѣ своей, его первая обязанность признать, что на дѣлѣ онъ не есть таковой, — признать огромное разстояніе между тѣмъ, что онъ есть, и тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Въ этомъ отрицательномъ условіи всякаго положительнаго движенія впередъ лежитъ долгъ человѣка по преимуществу, — долгъ смиренія, *утвержденный* Церковью въ таинствѣ покаянія или исповѣди. Протестантство, чтобы обезпечить заранѣе раскаянность своимъ приверженцамъ, отбросило это таинство. Но еще болѣе, чѣмъ еретическіе протестанты, виновны тѣ ложные православные, которые желали бы ограничить долгъ смиренія отдѣльными лицами, предоставляя безъ возврата общества, государства и націи на произволъ тщеславія, гордости, эгоизма, братоубійственной ненависти. — Не таковъ былъ взглядъ пророковъ Ветхаго завѣта, побуждавшихъ къ покаянію города, націи и властителей государствъ. Не такова была и мысль единственнаго пророка Новаго завѣта, который въ своихъ посланіяхъ къ *ангеламъ церквей* упрекаетъ ихъ за пороки и за общественные грѣхи ввѣренныхъ имъ общинъ.

Въ основѣ всего человѣческаго зла, всѣхъ грѣховъ и всѣхъ преступленій личныхъ и общественныхъ лежитъ коренной порокъ и коренная болѣзнь, мѣшающая намъ быть, дѣйствительно, сынами Божіими. То—хаотическое начало, первоначальная основа всякаго созданнаго существа; приведенное къ безсилію (или къ *чистой* возможности) въ человѣкѣ, но снова пробужденное паденіемъ Адама, оно стало основнымъ элементомъ нашего ограниченнаго и эгоистическаго существованія, которое крѣпко держится за свою безконечно малую частицу истиннаго существованія, стараясь въ то же время сдѣлать изъ этой частицы единственный центръ вселенной. Это эгоистическое самоутвержденіе, отъединяющее и отдѣляющее насъ отъ истинной полноты Божества, можетъ быть уничтожено только любовью. Любовь есть та сила, которая выводитъ насъ внутренно изъ границъ нашего даннаго существованія, соединяетъ насъ неразрывной связью со Всѣмъ и, содѣлывая насъ, дѣйствительно, сынами Божіими, дѣлаетъ насъ участниками полноты Его существенной Премудрости и причастниками Его духа.

Дѣло любви есть возсоединеніе человѣка и, черезъ человѣка, всего созданнаго существованія. Здѣсь мы имѣемъ задачу тройного единенія. Надо, во-1-хъ, возвести въ цѣлое индивидуальнаго человѣка, связавъ его истинной и вѣчной связью съ его природнымъ дополненіемъ—женой. Надо, во-2-хъ, возсоединить соціальнаго человѣка, связавъ въ устойчивомъ и опредѣленномъ единствѣ отдѣльное лицо съ собирательнымъ человѣчествомъ. Надо, въ-3-хъ, возсоединить собирательнаго человѣка, возстановивъ его внутреннее и живое единство со всей природой міра, которая есть органическое тѣло человѣчества.

Мужъ внутренно отдѣленъ отъ жены желаніемъ внѣшнимъ образомъ обладать ею во имя слѣпой и неразумной страсти. Они соединены силою истинной любви, отождествляющей обѣ жизни въ ихъ безусловной сущности, отъ вѣка уставленной въ Богѣ и допускающей матеріальныя отношенія, лишь какъ послѣднее слѣдствіе и внѣшнее осуществленіе отношеній мистическихъ и нравственныхъ. Подобная любовь есть самая сосредоточенная и самая кон-

кретная, а посему и самая глубокая и самая сильная,—она есть истинная основа и общій типъ всякой другой любви и всякаго другого единенія. Слово Божіе поставило ее закономъ и благословило ее, и Церковь увѣковѣчиваетъ это благословеніе въ таинствѣ брака, дѣлающемъ изъ истинной любви половъ первую положительную основу богочеловѣческаго возсоединенія. Ибо эта освященная любовь создаетъ истинные индивидуальные элементы совершеннаго общества, воплощенной Софіи.

Но для образованія соціальнаго человѣка, индивидуальный элементъ (возсоединенный путемъ истиннаго брака) долженъ быть соединенъ съ опредѣленной собирательной формой.

Индивидуумъ внутренно отдѣленъ отъ общества въ желаніи преимущественнаго значенія и внѣшняго господства во имя своей собственной личности. Онъ возвращается въ соціальное единство путемъ нравственнаго акта самоотреченія, подчиняя свою волю, свой интересъ и все свое „*я*“ волѣ и интересу существа высшаго, признаннаго имъ за таковое. Если супружеская любовь есть по существу координація двухъ равныхъ, хотя и различныхъ существованій, то любовь соціальная необходимо выражается опредѣленнымъ подчиненіемъ соціальныхъ единицъ различнаго порядка. Здѣсь дѣло уже не въ томъ, чтобы сломить грубый эгоизмъ человѣка путемъ могучаго чувства, принуждающаго его отождествиться съ другимъ существомъ, (это уже сдѣлано путемъ половой любви), — теперь надлежитъ связать индивидуальное существованіе съ общей іерархіей, ступени коей уставлены формальнымъ отношеніемъ между *всѣмъ* и его частями, болѣе или менѣе значительными. Совершенство соціальной любви не можетъ поэтому состоять въ напряженности субъективнаго чувства, но лишь въ его соотвѣтствіи съ объективнымъ разумомъ, говорящимъ намъ, что цѣлое больше каждой изъ его частей. Посему долгъ этой любви нарушается и осуществленіе соціальнаго человѣка встрѣчаетъ препятствія не только въ простомъ эгоизмѣ, но также и въ особенности въ партикуляризмѣ, заставляющемъ насъ отдѣлять интересъ низшихъ группъ, съ которыми мы связаны болѣе тѣсно, отъ интереса выс-

шихъ и болѣе широкихъ группъ. Тотъ, кто отдѣляетъ любовь къ своей семьѣ, своей корпораціи, своему общественному классу или своей политической партіи отъ любви къ своему отечеству, или тотъ, кто хочетъ служить этому послѣднему внѣ человѣчества или Вселенской Церкви, тотъ разлучаетъ то, что Богъ соединилъ, и становится препятствіемъ къ возсоединенію соціальнаго человѣка.

Типъ и основная реальность этого возсоединенія даны въ церковной іерархіи, обоснованной въ таинствѣ *священства*. Въ немъ—торжество соціальной любви, ибо ни одинъ членъ этого священства не правитъ и не дѣйствуетъ отъ себя самого и во имя свое; каждый посвященъ и поставленъ высшимъ лицомъ, представителемъ болѣе широкаго общественнаго единства. Начиная съ самаго скромнаго священника и кончая папой—слугой слугъ Божіихъ,—всѣ, въ данномъ случаѣ, по отношенію къ своему священному служенію, безусловно чисты отъ самоутверждающагося эгоизма и отъединяющагося партикуляризма; каждый [есть] лишь опредѣленный органъ одного солидарнаго общественнаго цѣлаго—Церкви Вселенской.

Но человѣческое возсоединеніе не можетъ остановиться на соціальномъ человѣкѣ. Законъ смерти раздѣляетъ самую Вселенскую Церковь на двѣ части: одну, видимую, на землѣ, и другую, невидимую, въ небесахъ. Царство смерти установилось; небеса и земля разлучены желаніемъ человѣка немедленно и матеріально обладать земной дѣйствительностью, конечнымъ существованіемъ; человѣкъ пожелалъ испытать все и вкусить всего во внѣшнемъ чувствѣ. Онъ пожелалъ соединить свой небесный духъ съ прахомъ земли внѣшней и поверхностной связью. Но такая связь не можетъ длиться; и она необходимо приводитъ къ смерти. Чтобы возсоединить человѣчество духовное и человѣчество тѣлесное и дабы побѣдить смерть, человѣкъ долженъ связать себя со *всѣмъ* не поверхностно въ своей чувственности, но въ абсолютномъ центрѣ, который есть Богъ. Вселенскій человѣкъ возсоединенъ Божественной любовью, которая не только возвышаетъ человѣка до Бога, но, отождествляя его внутренно съ Божествомъ, даетъ ему возможность обнять въ Немъ все, что есть, соединяя его со всѣмъ твореніемъ

неразрывной и вѣчной связью. Эта любовь низводитъ благодать Божію на земную природу и празднуетъ побѣду, не только надъ нравственнымъ зломъ, но и надъ его физическими послѣдствіями—болѣзнью и смертью. Дѣло этой любви есть послѣднее Воскресеніе. И Церковь, проповѣдующая это воскресеніе въ ученіи откровенія, изложенномъ въ послѣднемъ членѣ ея символа, прообразуетъ и предначинаетъ это воскресеніе въ послѣднемъ изъ таинствъ. Въ виду болѣзни и передъ лицомъ смерти, елеосвященіе есть символъ и залогъ нашего безсмертія и нашего грядущаго возсоединенія. Кругъ таинствъ, какъ и кругъ вселенской жизни, замыкается воскресеніемъ плоти, возсоединеніемъ человѣчества въ его цѣломъ, конечнымъ и окончательнымъ воплощеніемъ Божественной премудрости.

Перев. **Г. А. Рачинскій.**

Изъ церковныхъ пѣснопѣній.

Тропари изъ послѣдованія вѣнчанія.

Ликуй, Исаія! Пророкъ, ликуй!
Твое сбылось и оправдалось слово:
Зачала Дѣва, Сына родила!
Эммануилъ Онъ, Богъ и человѣкъ,
Востокъ—Его таинственное имя,
И пѣснь Его величію!—Хвала
Тебѣ, Пречистая и Праведная Дѣва!
Святые мученики, вы страдали
Страданьемъ добрымъ, давшимъ вамъ вѣнцы,
Молитесь Господу и Судіи,
Чтобъ Онъ помиловалъ и спасъ Своихъ рабовъ
Прославленъ будь, Христосъ, Господь и Богъ,
Хвала апостоловъ и мучениковъ радость,
Вселенной всей единство возвѣстившихъ
Отца и Сына и Святаго Духа!

Г. А. Рачинскій.

Общественная совѣсть.

Посвящается В. И. Иванову.

Совѣсть есть самоопредѣленіе. Совѣсть первѣе моральныхъ нормъ. Совокупность моральныхъ нормъ предполагается потенціально данной, разъ мы имѣемъ дѣло съ совѣстью. Критеріи морали универсальны постольку, поскольку они являются чистой нормой, отвлеченной отъ всякаго содержанія. Совѣсть, давая универсальное содержаніе нормамъ морали, не можетъ основополагаться въ области эмпирической дѣйствительности. Ея область — область трансцендентнаго. Сама она основополагается формально, какъ постулатъ морали; сфера ея дѣйствія начинается тамъ, гдѣ формальная идея цѣлесообразности переходитъ въ символизацію единоличныхъ и коллективныхъ переживаній. Символизація переживаній по существу религіозна. *Совѣсть, поэтому, есть идея о должномъ, понятая, какъ императивъ религіознаго самоутвержденія.*

Универсальный принципъ въ религіи долженъ лежать въ глубинѣ свободно развивающихся индивидуумовъ. Онъ открывается въ глубинахъ личныхъ переживаній. Наличность совѣсти поэтому всегда гарантируетъ индивидуальное развитіе, вопреки нѣкоторымъ предвзятымъ взглядамъ на примѣненіе моральныхъ нормъ. Совѣсть обращается къ самому переживанію души; мораль — къ формѣ его выраженія. Вотъ почему совѣсть первѣе морали. Вотъ почему совѣсть есть положительное начало, а мораль—отвлеченное. И если мораль, призывающая насъ къ законному исполненію обязанностей, есть какъ бы жезлъ Ааронов, совѣсть—жезлъ Ааронов, прорастающій цвѣтами — миндальными.

Вотъ почему ароматъ лиліи и розъ не долженъ заглушаться суровымъ императивомъ морали, ибо мораль — покровъ, изъ-подъ котораго Невѣста Церковь говоритъ: „Пріиди“...

Если организація идеи свободной совѣсти непроизвольно религіозна, то идея общественной совѣсти явно религіозна: критерій совѣсти, коренящейся ни въ отдѣльномъ индивидуумѣ, ни въ суммѣ индивидуумовъ, составляющихъ общество, — можетъ быть только религіознымъ критеріемъ. Вопросы общественной совѣсти настолько предопредѣляются вопросами религіозной общественности, что всецѣло зависятъ отъ постановки этихъ послѣднихъ.

Общественный принципъ религіи не можетъ слагаться ни изъ суммы религіозныхъ переживаній отдѣльныхъ лицъ, ни являться общей нормой, насилующей интимное отношеніе къ религіознымъ символамъ каждаго въ отдѣльности. Универсальный принципъ, какъ мы сказали, долженъ лежать въ глубинѣ индивидуальнаго. Лица, извнѣ не соединенныя другъ съ другомъ, или соединенныя формально механическими условіями общественной жизни, переживая процессъ индивидуальнаго развитія, должны свободно сливаться въ нѣкоторое цѣльное единство, ихъ опредѣляющее. Общественный механизмъ пресуществляется такимъ развитіемъ въ индивидуальный организмъ. Общество становится общиной. Община — непроизвольно религіозна. Въ общинномъ принципѣ выявляются религіозныя основы общественности. Универсальная норма, механически связующая отдѣльныя личности, становится міровымъ организмомъ, вырастающимъ вмѣстѣ со свободой развитія этихъ личностей. Не даромъ Контъ называетъ общество: *Grand Être*. Не даромъ Церковь, какъ вселенская община, символизуется ликомъ Жены, облеченной въ Солнце. Проведеніе религіи въ общественныхъ отношеніяхъ есть соборное выявленіе лика Жены, облеченной въ Солнечность въ жизни, во плоти. Этой плотью является общество. Тутъ религіозный корень всякой соборности. Общинный принципъ, окончательно проведенный, непроизвольно покрывается апокалипсической символикой, какъ непроизвольно покрывается цвѣтами зеленый лугъ, если трава его свободно вырастаетъ. Конецъ міра является свободнымъ установленіемъ міровой нормы,

т.-е. послѣдней цѣли. Здѣсь эта норма, — смарагдовая радуга, изъ-за которой взираетъ на насъ Она, *Дѣва Радужныхъ Воротъ*.

Религіозная символизація непроизвольно вѣнчаетъ всякую схему общественнаго устройства: религіозная символизація вѣдь образное выраженіе вѣчныхъ цѣнностей. Цѣлесообразность общественной жизни или есть безцѣльная цѣлесообразность, или опирается на цѣнность. Должное есть то, что истинно; истинно — то, что цѣнно. Символическій рядъ цѣнностей (религія) есть послѣдняя инстанція общественной дѣятельности. Такое пониманіе общественныхъ задачъ дѣлаетъ невозможнымъ раздѣленіе религіи, какъ чего-то обособленнаго отъ общественности. Но и общественность не можетъ не превратиться въ созиданіе цѣнностей. Этотъ творческій характеръ общественной жизни вызываетъ предъ нами солнечные образы вѣчныхъ цѣнностей. Передъ нами вырастаютъ вѣчные символы — эти вѣщіе миѳы, вставшіе не разъ въ исторіи человѣчества. Въ общественной дѣятельности, пронизанной лучами творческаго созиданія вѣчныхъ, связующихъ насъ (религіозныхъ) цѣнностей, должна сочетаться глубина универсальныхъ переживаній съ поверхностью формъ, въ которыхъ они отливаются. Но глубина переживаній отливается въ дѣйствующемъ на насъ непосредственно образѣ. Форма же цѣлесообразной дѣятельности — отвлеченная норма, императивъ. *Символъ (соединеніе) есть переживаемая норма: норма наполняется переживаніемъ, императивъ становится образомъ звѣзднаго неба.* Тутъ начинается символизмъ всякой общественной жизни. И поскольку символизмъ является непремѣннымъ условіемъ трагизма, постольку общественная жизнь должна превратиться въ коллективную трагедію.

Мистическое ученіе хиліастовъ о Царствѣ Божіемъ на землѣ непроизвольно срастается съ соціалистической грезой о *Солнечномъ Городѣ*. Соціализмъ Кампанеллы намъ говоритъ, что мы всѣ—дѣти одного Солнца; въ Евангеліи мы узнаемъ, что *нынѣ мы дѣти Божіи, но еще неизвѣстно, что̀ будемъ...* Реализація соціализма требуетъ, чтобы его корни достигали религіозныхъ глубинъ. Религіозное же освѣщеніе соціализма хиліастично.

Реализація отвлеченныхъ основъ общественности возможна лишь при соединеніи ихъ съ религіозными основами жизни. Такое соединеніе должно быть органично, а не механично: такое соединеніе необходимо должно выражаться коллективнымъ процессомъ свободнаго выраженія переживаній, какъ основы религіозной символизаціи. Содержаніемъ общественнаго трагизма должна явиться борьба части общества, пресуществленной въ религіозную общину, съ общественной массой, образующей еще мертвый механизмъ. Тутъ возможна борьба между общественнымъ механизмомъ и организмомъ. По гранямъ соприкосновенія механическаго строя общества съ религіозной общиной возможенъ рядъ конфликтовъ: община должна казаться чѣмъ-то анархическимъ по отношенію къ государству. Наоборотъ, государство можетъ явить свой звѣриный ликъ по отношенію къ общинѣ. Содержаніемъ общественнаго трагизма должна быть борьба со звѣремъ; эта же борьба является содержаніемъ существеннѣйшей части Апокалипсиса.

Но апокалипсическій звѣрь возстаетъ противъ Жены, облеченной въ Солнце. Такъ символизуется Церковь въ Апокалипсисѣ. Религіозная община, будучи Церковью, является теперь намъ, какъ Лучезарная Жена, гонимая Дракономъ.

Но судьба Дракона предрѣшена въ Апокалипсисѣ. Ангелъ „низвергъ его въ бездну". Блаженны боровшіеся съ нимъ. О нихъ говоритъ апостолъ: „И увидѣлъ я престолы и сидящихъ на нихъ, которымъ дано судить, и души обезглавленныхъ за свидѣтельство Іисуса, и за слово Божіе, которые не поклонились звѣрю, ни образу его" (Апокалипсисъ).

Если всенародное искусство хочетъ быть и теургическимъ,—говоритъ В. Ивановъ,—*оно должно имѣть органъ хорового слова. Формы всенароднаго голосованія внѣшни и мертвы, если не найдутъ своего идеальнаго фокуса въ соборномъ голосѣ оркестры.* Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ уже содержится указаніе на единственно правильный путь къ рѣшенію вопроса о религіозной общественности.

Съ этой точки зрѣнія общественность необходимо должна быть возведена къ теургіи. Религія уже не отдѣляется отъ жизни. Дѣйствительность становится долженствова-

ніемъ. Это долженствованіе направлено къ созиданію и сохраненію переживаемыхъ цѣнностей. Образъ безцѣннаго быта проходитъ, какъ *проходитъ образъ міра сего* (Павелъ). Религія воплощается. Общество является этой Плотью религіи. И какъ нельзя дѣлить Плоть отъ Духа, такъ нельзя дѣлить Жизнь отъ Жизни. Жизнь (общественная) отъ Жизни (религіозной)—Свѣтъ отъ Свѣта. Въ этомъ смыслѣ религія (эта вѣчная цѣнность) не есть что-то неосязаемое: она *Земля*, на которой мы находимся, ибо и *Земля* на небѣ. Земскій дѣятель, упорядочивая жизненныя отношенія, не долженъ забывать, что *Земля*, отъ имени которой онъ призванъ, всегда и во всемъ и истинно земномъ небесна. Земскій дѣятель *тоже* теургъ, т.-е. небесный дѣятель, созидатель Вѣчнаго. Вѣчность, голубой небесный храмъ, омываетъ землю со всѣхъ сторонъ и никогда, никогда Землѣ не уйти отъ Неба. Во всемъ истинно земномъ отразится небесное. Подъ голубымъ небомъ на землѣ всегда зацвѣтутъ голубыя незабудки. Вотъ почему можно сказать, что религія земства — земляная религія, тоже религія вѣчныхъ, а не конечныхъ цѣнностей. И если въ земствѣ долженъ возникнуть культъ Матери Земли, подобно греческимъ мисте-ріямъ, слѣдуетъ помнить, что Великая Мать, это—только покровъ, за которымъ укрыто идеальное начало человѣчества, т.-е апокалипсическая Жена. Почувствовать апокалиптичность Земли пока еще не подъ силу земскимъ дѣятелямъ: для этого земское собраніе должно молитвенно единить. Выборные отъ земли (земцы)—тоже выборные отъ неба. На нихъ горитъ печать вѣчныхъ предначертаній; стихійное, народное море, представителями котораго они являются,— будетъ день и оно станетъ *стекляннымъ моремъ* (Апок.), въ которомъ отразится небо. И станутъ избранные на стекляннномъ морѣ, *облаченные въ виссонъ, чистый и бѣлый. Гласъ народа—гласъ Божій*, и стихійное море, движимое небомъ черезъ своихъ избранниковъ, должно выбросить на берегъ сознанія—эту поверхность общественной жизни— небесную тайну о землѣ въ видѣ вѣщихъ прообразовъ жизни новой; новая жизнь, земная, неразрывна съ небесной жизнью. Небеса омываютъ землю со всѣхъ сторонъ. Только съ новымъ небомъ будетъ новая земля, новая зем-

ная жизнь общественная. Реформа только начало преобразованій, непрерывно выносящихъ насъ къ „Новому Іерусалиму“. Связь Апокалипсиса съ землей полная. Въ Апокалипсисѣ, если угодно, мы находимъ тайну воплощенія неба въ землю. „И услышалъ голосъ какъ бы гуслистовъ, играющихъ на гусляхъ своихъ; они поютъ какъ бы новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами, и никто не могъ научиться сей пѣсни, кромѣ сихъ... И въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства: они непорочны предъ престоломъ Божіимъ“ (Апок.).

Но для того, чтобы общественная дѣятельность возвысилась до религіозныхъ преобразованій жизни, необходимо, чтобы религіозное творчество было впаяно въ жизнь: съ одной стороны, это творчество можетъ явиться какъ ядромъ религіозно-общественныхъ схемъ, такъ и организующимъ началомъ умственныхъ построеній; съ другой стороны— образъ творческихъ видѣній при помощи эстетическаго воздѣйствія на насъ можетъ стать организующимъ началомъ единоличныхъ и коллективныхъ переживаній.

Условія, гарантирующія свободу общественно-религіознаго творчества, будутъ условіями, гарантирующими свободу общественной совѣсти. Общественная совѣсть, очерчиваемая извнѣ, умственными построеніями, ее покрывающими, можетъ быть опредѣлена, какъ общественная мораль; опредѣляемая эстетическими нормами она должна разсматриваться какъ идеалъ всенароднаго искусства, осуществляемый мистеріей. Общественная совѣсть есть свободное совпаденіе добра и красоты съ религіознымъ символизмомъ. Съ отрицаніемъ необходимости символизаціи религіозныхъ идей отрицается возможность свободнаго совпаденія религіи и общественности. Тогда имѣемъ: 1) рядъ соціологическихъ данныхъ (внѣшній опытъ), 2) наличность нашихъ переживаній (внутренній опытъ). Идея объ общественной совѣсти звучитъ въ такомъ случаѣ злою ироніей.

Первоначальное стремленіе къ синтезу религіи и общественности заставляетъ насъ исходить изъ опыта. Можно или соединять опытъ съ опытомъ (соціологію съ религіей), или выявлять апріорныя условія опыта здѣсь и тамъ. По-

пытки механическаго присоединенія къ соціальнымъ факторамъ факторовъ религіозныхъ безрезультатны, случайны. Эта случайность усугубляется подчасъ механическимъ объединеніемъ индивидуальнаго религіознаго опыта догматической оправой. Во второмъ случаѣ отыскиваются какъ формальныя условія всякой общественности, такъ и формальныя условія религіознаго символизма. Цѣлесообразность общественной жизни — вотъ формальный принципъ всякихъ живыхъ соціологическихъ построеній. Этотъ принципъ указываетъ обществу міровую цѣль. При отысканіи формальныхъ основъ религіознаго творчества необходимо переходимъ въ область философіи. Философія религіи носитъ неизбѣжно метафизическій характеръ. Это вытекаетъ изъ необходимости дедуктивно развить слѣдствія, вытекающія изъ символическаго единства, являющагося постулатомъ критической философіи. Религіозный символизмъ, являясь теургическимъ развитіемъ этого единства, неизмѣнно сопровождается нѣкоторымъ метафизическимъ остовомъ, какъ своей неизбѣжной тѣнью, способной по временамъ превратиться въ самую сущность религіознаго принципа. Такая подмѣна неизмѣнно умерщвляетъ жизнеспособность религіи. Метафизика можетъ теперь для насъ явиться въ совершенно новомъ свѣтѣ: продолжая путь, извнѣ предугаданный теоріей познанія, она — замаскированная, непроявленная или извращенная религія: такъ должно смотрѣть на ученія Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Нормы общественности въ вопросѣ о цѣли и нормы религіи въ вопросѣ о критическихъ предпосылкахъ религіозной символизаціи перекрещиваются. Вѣдь цѣлесообразность нормъ является основной предпосылкой критицизма. Съ другой стороны, принципъ цѣлесообразности является своеобразнымъ выраженіемъ символизаціи.

Только въ религіи получаетъ свой смыслъ общественная жизнь, приближаясь къ послѣдней цѣли этой формы послѣдняго символа—Новаго Іерусалима. Общественность есть только непроявленная до конца религія. Религіозные символы должны ее увѣнчать. Но эти символы образуются только въ творческомъ процессѣ. Отсюда необходимость пониманія общественной жизни, какъ свободной теургіи.

Нечего говорить, что свобода какъ личной, такъ и общественной совѣсти является необходимымъ условіемъ проявленія теургической жизни народа.

Въ послѣднее время говорятъ о соборномъ рѣшеніи назрѣвшихъ вопросовъ. Только въ томъ случаѣ соборность получитъ свою законную санкцію, когда участники собора составятъ между собою органически слившуюся общину, движимую круговымъ вихремъ общественныхъ переживаній, возносящихъ ихъ къ первоистокамъ всякой религіи. Только такого собора мы жаждемъ, на которомъ бы лежала религіозная санкція. Только тамъ религіозная санкція, гдѣ жива общественная совѣсть. Потому-то совѣсть не мораль, что она воистину религіозна. Религіозное самутвержденіе общества предполагаетъ тѣсное духовное общеніе всѣхъ членовъ другъ съ другомъ. Такое общеніе должно быть свободнымъ общеніемъ, ибо „духъ дышитъ, гдѣ хочетъ“ (Іоаннъ). Общественная совѣсть не подчиняется закону; она источникъ всякаго закона. Источникъ законодательныхъ санкцій не можетъ ожить въ законѣ, а въ благодати. земскій соборъ долженъ быть соборомъ благодатнымъ. А про такой соборъ уже нельзя сказать, что онъ только земскій, или что онъ только церковный. Не можетъ быть собора нецерковнаго, какъ и не можетъ быть собора немірского (земскаго). Въ понятіи соборности воединѣ сочетается земство и Церковь. Соборъ можетъ быть только общимъ соборомъ, *благодатно* претворяющимъ хаосъ дезорганизаціи въ тѣло, вселенскаго организма—Жены, облеченной въ Солнце. Современные изслѣдователи древне-греческихъ культовъ указываютъ на религіозное происхожденіе трагедіи. Орхестра, необходимая во всякой трагедіи, при такомъ пониманіи становится собраніемъ вѣрующихъ, образующихъ тѣло Церкви. Вотъ почему намъ такъ цѣнно указаніе В. Иванова на то, что *въ комедіи Аристофана орхестра утверждалась и какъ мірская сходка, и ею былъ живъ совѣтъ Ареопага и гражданское вѣче Пникса*. Въ этихъ словахъ прямое указаніе на связь, существующую между религіей и общественностью. Гражданинъ пусть станетъ и мистомъ, участникомъ Соборной Мистеріи. Выборный отъ земли да надѣнетъ вѣнецъ священный.

Цѣль общества — побѣдить хаотическій механизмъ личныхъ движеній въ вѣчное вознесеніе цѣльнаго, воскресшаго организма человѣчества. Воплощеніе этого организма въ личныхъ и общественныхъ переживаніяхъ вызываетъ соединеніе глубины духа съ поверхностью жизни въ одномъ женственномъ образѣ „Темнаго хаоса Свѣтлой Дочери". Темный хаосъ противится Ея рожденію, и на поверхности его бунтующихъ волнъ отражается начертаніе *Звѣря*.

Общественная совѣсть должна быть направлена къ соборному выявленію теургическаго принципа: 1) путемъ свободнаго раскрытія этого принципа, 2) путемъ активной борьбы съ силами, препятствующими этому раскрытію. Теургическій принципъ соединяетъ индивидуальный мистицизмъ протестантскихъ сектъ и универсальный догматизмъ католичества и православія въ единое, вселенское, соборное и апостольское служеніе. Общественные дѣятели будущаго, вознесенные теургическимъ служеніемъ, встанутъ предъ Агнцемъ, *имѣя каждый гусли и золотыя чаши, полныя фиміама.* (Откров.).

Жезлъ Аарона, теперь посаженный въ землю, да прорастетъ, какъ древо, о которомъ сказано въ словѣ Божіемъ: И показалъ мнѣ... древо жизни, двѣнадцать разъ приносящее плоды, дающее на каждый мѣсяцъ плодъ свой; и листья дерева для исцѣленія народовъ". Общественная совѣсть—древо жизни, исцѣляющее; она—чистая рѣка воды жизни, свѣтлая, какъ кристаллъ, исходящая отъ престола Бога. Она благоухающая лилія, упраздняющая жезлъ законности. Мы должны молить о томъ, чтобы жезлъ проросъ цвѣтами, и чьи-то благостныя руки приподняли надъ нами эту цвѣтущую, благоухающую вѣтвь.

Андрей Бѣлый.

Правда марксизма.

Нельзя поклоняться христіанской истинѣ и при этомъ мириться съ антихристіанскою дѣйствительностью, какъ съ чѣмъ-то навѣки неизмѣннымъ и неотвратимымъ.

Вл. С. Соловьевъ.

Условія современной жизни существенно поколебали возможность истинно человѣческихъ отношеній между людьми. Массы бѣднѣютъ. Потеряли значеніе безусловной истины слова: „всякій желающій трудиться найдетъ себѣ кусокъ хлѣба“. Въ то время, какъ развивается техника, а вслѣдъ за нею растетъ и прозводительность человѣческаго труда, человѣчество въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей обрекается на жалкое полузоологическое существованіе въ желѣзныхъ тискахъ заработной платы. Проституціей и преступностью дополняютъ себѣ люди то, что отнимается у нихъ общественными условіями. Разлагается семья. Укорочивается самая жизнь.

Имущества все болѣе и болѣе сосредоточиваются въ рукахъ сравнительнаго меньшинства. Здѣсь на сѣромъ фонѣ сытаго благополучія культурныя болѣзни пресыщеннаго fin de siecle и грозные симптомы физическаго и моральнаго вырожденія.

Существуютъ взгляды, выдающіе себя за христіанское міросозерцаніе, которые, противопоставляя личность обществу и односторонне понимая задачи личнаго усовершенствованія, требуютъ отъ человѣка, во имя якобы христіанства, полнаго невмѣшательства въ общественно-политическую жизнь. Входя въ непримиримое противорѣчіе сами съ собой, взгляды эти на дѣлѣ, въ реальной жизни, связываютъ себя съ существующими ея формами, которыя во что бы то

ни стало стремятся оправдать и поддержать. Возставая такимъ образомъ лишь противъ дѣятельности, направленной къ улучшенію общественныхъ условій и къ распространенію возможности пользоваться благами Божьихъ даровъ на возможно большое количество людей, эти теоріи на дѣлѣ даютъ привилегированное положеніе дѣятельности реакціонной, стремящейся сохранить пользованіе этими благами лишь за незначительнымъ сравнительно меньшинствомъ.

Негодуетъ мысль современнаго человѣка. Говорятъ: „довольно обѣщали народу вознагражденія *на томъ свѣтѣ* за лишенія, которыя онъ терпитъ на этомъ; пришло, наконецъ, время, когда къ такимъ обѣщаніямъ относятся съ недовѣріемъ; народъ требуетъ теперь улучшенія своего положенія на дѣлѣ, а не на словахъ!“

Ein neues Lied, ein schöneres Lied
Ihr, Freunde, will ich euch dichten!
Wir wollen auf Erden schon
Das Himmelreich errichten... [1])

Не раздѣляя въ то же время этихъ теорій отъ христіанства, говорятъ, что „христіанство вступило въ свою послѣднюю стадію“, что „оно превратилось въ монопольную собственность господствующихъ классовъ, которые пользуются имъ, какъ средствомъ управленія, чтобы сдерживать низшіе классы въ извѣстныхъ границахъ“.

Такъ высказывается одинъ изъ патріарховъ марксизма — Энгельсъ [2]).

Нельзя было бы не согласиться, если бы эти теоріи соотвѣтствовали сущности христіанства.

Но *не христіанскими,* конечно, являются въ своемъ существѣ теоріи, предлагающія, при условіяхъ современной дѣйствительности, „голодному вмѣсто хлѣба и рыбы камень добрыхъ словъ и змѣю лицемѣрнаго сочувствія“ [3]).

---

[1]) Изъ стихотворенія *Гейне*; предшествующая цитата изъ брошюры *Браке* (изд. Буревѣстника) „Долой соціалъ-демократовъ!“

[2]) *Отъ классич. идеализма къ діалектич. матеріализму.* Изд. Алексѣевой, стр. 66.

[3]) *Вл. С. Соловьевъ.* Собр. соч., т. IV, стр. 445.

Владиміръ Соловьевъ называлъ такіе взгляды грубыми и вредными *поддѣлками* подъ христіанство.

Смѣшивать ихъ съ христіанствомъ—значитъ относиться къ нему такъ же, какъ относятся, напримѣръ, къ марксизму тѣ, кто приписываетъ Марксу желаніе уничтожить всякую собственность или замѣнить моногамическую семью чѣмъ-то въ родѣ свальнаго грѣха.

Исходя изъ идеи царства Божія, какъ основной идеи Евангелія [1]) („Евангеліе Царствія"), Вл. Соловьевъ между прочимъ говоритъ, что осуществленіе его, т.-е. царства Божія, „есть наше *дѣло, задача* нашей дѣятельности. Это дѣло и эта задача не могутъ ограничиваться разрозненнымъ индивидуальнымъ существованіемъ отдѣльныхъ лицъ. Человѣкъ—существо соціальное, и высшее дѣло его жизни, окончательная цѣль его усилій лежитъ не въ его личной судьбѣ, а въ соціальныхъ судьбахъ всего человѣчества. Какъ общая внутренняя потенція царствія Божія для своей реализаціи необходимо должна перейти въ индивидуальный нравственный подвигъ, такъ и этотъ послѣдній для полноты своей неизбѣжно входитъ въ соціальное движеніе всего человѣчества".

Реализація этого христіанскаго идеала „началась и продолжается во всемірной исторіи, какъ общее, всемірное дѣло человѣчества; безсознательно и невольно работаютъ надъ нимъ всѣ, участвовать же въ немъ, сверхъ того, самодѣятельно и самосознательно есть нравственно-соціальная обязанность просвѣщеннаго христіанина".

„Христіанство даетъ человѣчеству не только идеалъ абсолютнаго совершенства, но и путь къ достиженію этого идеала; слѣдовательно, оно по существу прогрессивно. Поэтому всякое воззрѣніе, которое отрицаетъ этотъ его прогрессивный элементъ, есть поддѣлка, скрывающая подъ христіанскимъ именемъ языческую реакцію. Цѣль же ея—конечно, не всегда ясно сознаваемая—отвлечь людей отъ

---

[1]) „Идея царства Божія является центральною и коренною идеей въ христіанскомъ міросозерцаніи, краеугольнымъ камнемъ христіанскаго міросозерцанія" *(прот. П. Я. Свѣтловъ.* Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія. 1904 г., стр. 2).

дѣла Божія и утвердить ихъ въ той дурной дѣйствительности міра, которую пришелъ упразднить Христосъ, побѣдившій міръ. Между тѣмъ мнимые христіане пытаются, хотя и тщетно, вырвать у Христа Его побѣду, всячески поддерживая тѣ мірскіе порядки и учрежденія, которые ничего общаго съ царствіемъ Божіимъ не имѣютъ"... Христіане, „по праву носящіе это имя, должны заботиться не о сохраненіи и укрѣпленіи *во что бы то ни стало* данныхъ соціальныхъ группъ и формъ въ мірскомъ человѣчествѣ, а, напротивъ, объ ихъ перерожденіи и преобразованіи въ христіанскомъ духѣ (насколько онѣ къ этому способны),— объ истинномъ введеніи ихъ въ сферу царствія Божія"...

„Идея царствія Божія, — продолжаетъ Вл. Соловьевъ, необходимо приводитъ насъ (разумѣю всякаго сознательнаго и искренняго христіанина) къ обязанности дѣйствовать — въ предѣлахъ своего призванія—для реализаціи христіанскихъ началъ въ собирательной жизни человѣчества, для преобразованія въ духѣ высшей правды всѣхъ нашихъ формъ и отношеній, то-есть приводитъ насъ къ *христіанской политикѣ*".

„Одно изъ двухъ: или общества, именующія себя христіанскими, должны отречься отъ этого имени, или они должны признать своею обязанностью согласовать всѣ свои политическія и соціальныя отношенія съ христіанскими началами, т.-е. вводить ихъ въ сферу царствія Божія, — и въ этомъ и состоитъ настоящая христіанская политика".

„Если, какъ утверждаютъ сторонники псевдохристіанскаго индивидуализма, всѣ политическія и соціальныя формы чужды или даже противны христіанству, то отсюда прямо слѣдуетъ, что истинные христіане должны жить внѣ всякихъ политическихъ и соціальныхъ формъ. Но это явный абсурдъ, обличаемый ихъ собственной жизнью и дѣятельностью. А если, съ одной стороны, несомнѣнно, что эти формы въ своей данной дѣйствительности далеко не введены еще въ царствіе Божіе, то отсюда прямо слѣдуетъ задача христіанской политики совершенствовать, возвышать эти формы, пресуществлять ихъ въ царствіе Божіе" [1]).

---

[1]) *О поддѣлкахъ*. Собр. соч., т. VI, стр. 297—308.

Руководящее начало общественной жизни и соціальной политики—справедливость—есть лишь форма любви.

Во имя личнаго усовершенствованія нельзя атрофировать общественныя стороны человѣческой природы; вѣдь человѣкъ—существо общественное, ζῶον πολιτικόν.

„Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ". Не для хлѣба человѣкъ живетъ. Но лишь при удовлетвореніи потребностей жизни, какъ существованія, возможна жизнь, какъ совершенствованіе и развитіе.

Борьба съ нищетою является поэтому *борьбою за права человѣческаго духа.*

Борьбою за права духа является борьба съ накопленіемъ матеріальныхъ избытковъ въ рукахъ немногихъ и съ точки зрѣнія этого меньшинства. Духъ гаснетъ отъ пресыщенія. Не хлѣбѣ только живъ человѣкъ.

Человѣкъ есть клѣточка общественнаго организма, клѣточка необходимая и сознательная. До извѣстной степени онъ обусловливаетъ собою самый ростъ общественнаго организма.

И до конца я вѣры не утрачу,
Что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ;
Пускай я здѣсь какъ въ морѣ капля значу,
Но каждый честный бой оставитъ долженъ слѣдъ.

Не можетъ быть неучастія въ общественной жизни. Живя при данныхъ общественныхъ условіяхъ, человѣкъ тѣмъ самымъ пассивно ихъ поддерживаетъ, хотя бы и не принималъ активнаго участія въ общественной дѣятельности. Возможно лишь *участіе* въ общественной жизни, активное или пассивное.

Правъ Лассаль, говоря, что при современномъ строѣ „каждый отвѣчаетъ за то, чего онъ не дѣлалъ, и нерѣдко не отвѣчаетъ за то, что онъ сдѣлалъ".

Идеаломъ современнаго марксизма является коллективизмъ, т.-е. установленіе общественной собственности *на средства производства.* Освобожденіе политическое и охрана труда являются, съ точки зрѣнія марксизма, лишь ближайшими задачами для достиженія этой конечной цѣли.

О *большемъ* говорили въ далекое отъ насъ время отцы церкви.

Разрѣшая проблему пауперизма при другихъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, св. Іоаннъ Златоустъ высказывался за общность *всякихъ имуществъ*[1]), за коммунизмъ.

---

[1]) Говоря о первыхъ христіанахъ въ Іерусалимѣ, Іоаннъ Златоустъ отмѣчаетъ, „что не было между ними никого нуждающагося“ и „что они щедро давали, чтобы никто не оставался бѣднымъ“. „И это было не такъ, — продолжаетъ онъ, — чтобы они отдавали одну часть, а другую оставляли для себя или чтобы они отдавали все, такъ сказать, какъ свою собственность. Они уничтожили всякое неравенство и жили въ большомъ избыткѣ. И они дѣлали это самымъ достойнымъ образомъ. Они не дерзали давать подаянія въ руки нуждающихся, не подавали съ высокомѣрной снисходительностью, а полагали у ногъ апостоловъ и дѣлали ихъ господами и распредѣлителями приношеній. Въ чемъ кто нуждался, то бралось изъ запаса общины, а не изъ чьей-либо частной собственности. Этимъ достигалось то, что дававшіе не проникались тщеславіемъ.

„Если бы мы теперь стали поступать такимъ же образомъ, мы жили бы гораздо счастливѣе—какъ богатые, такъ и бѣдные; и бѣдные пріобрѣли бы отъ этого не больше, чѣмъ сами богатые... Потому что дающіе не только не становятся бѣдными,—они и бѣдныхъ дѣлаютъ богатыми.

„Представимъ себѣ это дѣло: всѣ передаютъ свое имущество въ общую собственность. Пусть никто не смущается этимъ,—ни богатый ни бѣдный. Сколько, полагаете вы, соберется денегъ? Я думаю,—потому что съ увѣренностью этого сказать нельзя,—что если бы каждый отдалъ всѣ свои деньги, поля, владѣнія, дома (о рабахъ я не говорю, такъ какъ у первыхъ христіанъ не было рабовъ,—они, вѣроятно, отпускали ихъ на свободу), то набралось бы милліонъ фунтовъ золота, а по всей вѣроятности, даже вдвое или втрое больше. Затѣмъ скажите мнѣ, сколько людей живетъ въ нашемъ городѣ (Царьградѣ)? Сколько христіанъ? Не сто ли тысячъ? А сколько язычниковъ и евреевъ. Сколько же тысячъ фунтовъ золота собралось бы здѣсь! А сколько у насъ бѣдныхъ? Я думаю, что не болѣе пятидесяти тысячъ. Сколько денегъ понадобилось бы, чтобы кормить ихъ каждый день? Если бы они ѣли за общимъ столомъ, то расходы были бы не особенно велики. Что же мы предприняли бы съ нашимъ чрезмѣрнымъ богатствомъ? Думаешь ли ты, что оно могло бы когда-нибудь истощиться? Не излилось ли бы на насъ благословеніе Божіе въ тысячу разъ обильнѣе? Не превратили ли бы мы земли въ небо? Если такой порядокъ далъ столь блестящіе результаты у трехъ или четырехъ тысячъ (первыхъ христіанъ) и не было между ними никого нуждающагося, то насколько лучше долженъ оказаться онъ у столь большого числа людей! Развѣ каждый изъ новопоступающихъ не прибавитъ чего-нибудь?

Василій Великій обращался къ богатымъ:

„Вы поступаете, какъ человѣкъ, который, попавъ въ театръ, взялъ бы нѣсколько мѣстъ, хотя ихъ могли бы занять другіе, и сталъ бы мѣшать входить, присвоивая въ свое исключительное пользованіе то, что должно было бы стать общимъ достояніемъ. Такъ дѣлаютъ богатые: они первые захватили то, что было общее, и стали этимъ владѣть. Если бы всякій бралъ лишь то, что необходимо для поддержанія его существованія, а остальное представлялъ бы бѣднымъ,—не было бы ни богатыхъ ни бѣдныхъ".

Іеронимъ писалъ:

„Собственность есть плодъ воровства. Если его совершили не теперешніе владѣльцы, то ихъ предки".

По Амвросію, бѣдность есть результатъ того, что собственность скоплена въ рукахъ у немногочисленной кучки людей.

Учители церкви „не призывали богачей къ благотворительности, убѣждая дать 2% изъ ихъ 100, а доказывали

„Раздробленіе имуществъ причиняетъ огромные расходы, а вслѣдствіе этого и бѣдность. Возьмемъ домъ съ семьей, состоящей изъ мужа, жены и десяти дѣтей. Жена ткетъ, мужъ ищетъ заработка на базарѣ; когда расходы ихъ будутъ больше: при совмѣстной ли жизни въ одномъ домѣ, или при раздѣльной? Очевидно, что при раздѣльной. Если десять сыновей раздѣлятся, имъ нужно десять домовъ, десять столовъ, десять слугъ, и все остальное должно у нихъ увеличиться въ такихъ же размѣрахъ. А какъ поступаютъ съ рабами? Развѣ ихъ не кормятъ вмѣстѣ, за однимъ столомъ, чтобы уменьшить расходы? Раздробленіе постоянно приводитъ къ расточительности, а совмѣстное пользованіе—къ сбереженію того, что имѣется. Такъ живутъ теперь въ монастыряхъ, и такъ некогда жили вѣрующіе. Кто же умеръ у нихъ отъ голода? Кто недостаточно насыщался? И все-таки люди боятся этого порядка больше, чѣмъ прыжка въ безбрежное море. Сдѣлаемте попытку и смѣло приступимъ къ дѣлу. Какъ велики были бы благія послѣдствія! Ибо если тогда, когда число вѣрующихъ было такъ незначительно, равнялось лишь тремъ-пяти тысячамъ, когда весь свѣтъ относился враждебно къ намъ, когда ниоткуда не было утѣшенія, наши предшественники дѣйствовали столь рѣшительно, насколько же больше увѣренности должны имѣть мы теперь, когда Божьею благодатью вѣрующіе есть вездѣ! Кто захотѣлъ бы оставаться въ такомъ случаѣ язычникомъ? Думаю,—никто. Мы всѣхъ бы привлекли и расположили къ себѣ" (11-я бесѣда на Дѣянія Апостоловъ).

имъ, что *все* ихъ богатство—„мамона неправды“, все ихъ—чужое и что откупаться благотворительностью — значитъ лгать“ [1]).

Правда марксизма — въ нравственномъ содержаніи его стремленія осуществить идеалы соціальной справедливости, а не въ позитивно-матеріалистическомъ обоснованіи этого стремленія и этихъ идеаловъ.

П. Астровъ.

---

[1]) *Церковный Вѣстникъ* 1905 г., № 5, стр. 139, статья іеромонаха Михаила.

На пути къ свободѣ совѣсти.

„Остающіяся у насъ ограниченія религіозной свободы—одна изъ самыхъ большихъ для меня сердечныхъ болей, потому что я вижу и чувствую, насколько всѣ эти внѣшнія стѣсненія вредны и тягостны не только для тѣхъ, кто имъ подвергается, но главнымъ образомъ для христіанскаго дѣла въ Россіи, а слѣдовательно, для русскаго народа, а слѣдовательно, и для русскаго государства", писалъ Владиміръ Соловьевъ незадолго до своей смерти [1]).

„Несвойственно одной религіи дѣлать насиліе надъ другой", говорилъ Тертулліанъ [2]). Іоаннъ Златоустъ находилъ, что „непозволительно христіанамъ ниспровергать заблужденія насиліемъ и принужденіемъ; слѣдуетъ дѣйствовать убѣжденіемъ, словомъ и кротостью" [3]).

„Съ точки зрѣнія истиннаго христіанства" — говорили въ петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ представители духовенства,—„насиліе не можетъ быть оправдано"... „церковь теряетъ внутреннюю силу, когда священники приглашаютъ къ содѣйствію полицейскихъ"... „каждая мѣра, которую государство принимаетъ якобы въ защиту церкви, должна ложиться тяжелымъ бременемъ на совѣсть церкви и духовенства" [4]).

---

[1]) Предисловіе къ *Тремъ разговорамъ*. Собраніе сочиненій *В. С. Соловьева*, т. VIII, стр. 455.

[2]) Ad Scapulam.

[3]) Т. II, стр. 577, русск. пер.

[4]) „*Новый Путь*" 1903 г., кн. 3 и 4; *К. К. Арсеньевъ* „Свобода совѣсти и вѣротерпимость", стр. 37—39.

Свобода въ смыслѣ отсутствія внѣшнихъ стѣсненій есть понятіе юридическое. Вопросъ о религіозной свободѣ сводится съ этой точки зрѣнія къ вопросамъ о вѣротерпимости и церковной организаціи.

I.

Свобода совѣсти есть одно изъ основныхъ правъ человѣка. Современное движеніе, направленное къ обновленію и упорядоченію нашей жизни, приведетъ, конечно, со временемъ и къ освобожденію совѣсти отъ тяготѣющихъ надъ ней внѣшнихъ стѣсненій. Но пока мы находимся лишь на пути къ этой свободѣ совѣсти.

Ограниченія въ правахъ старообрядцевъ и раскольниковъ, сектантовъ, ограниченіе правъ лицъ іудейскаго исповѣданія,—вотъ краткій перечень стѣсненій....

Въ области вѣры широко развились административныя распоряженія властей, которыя, по словамъ Комитета Министровъ, „избѣгая возбуждать новые вопросы въ сложномъ законодательномъ порядкѣ, сами устанавливали казавшіяся имъ необходимыми правила“ [1]).

Начала вѣротерпимости давно начертаны въ основныхъ законахъ и неоднократно подтверждались указами, напримѣръ, въ 1801, 1816, 1858, 1903 годахъ (манифестъ 26 февраля). Тѣмъ не менѣе, когда въ 1888 году президентъ швейцарскаго центральнаго комитета Евангелическаго Союза Эдуардъ Навиль обратился къ императору Александру III отъ имени союза съ ходатайствомъ о религіозной свободѣ для Россіи, то ходатайство это не было удовлетворено.

Навиль между прочимъ писалъ: „Наше завѣтное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы всякій, имѣющій преимущество быть подданнымъ Вашего Величества, могъ свободно чтить Бога по своей совѣсти, свободно воспитывать своихъ дѣтей въ вѣрѣ отцовъ, чтобы духовные пастыри христіанскихъ церквей могли безпрепятственно исполнять относительно своей паствы всѣ обязанности своего званія; наконецъ,

[1]) **Извлеченіе изъ особаго журнала Комитета Министровъ 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г.**

чтобы всѣ тѣ, кои, не давая себѣ отчета въ важности рѣшенія, записались въ списки православной Церкви, могли безъ опасенія возвратиться въ лоно прежней своей церкви, если изъявятъ свободное къ тому желаніе“ [1]).

Указъ 17 апрѣля 1905 года, устанавливая рядъ „дѣйствительныхъ“ мѣръ къ устраненію стѣсненій въ области религіи, дѣлаетъ несомнѣнный шагъ впередъ съ точки зрѣнія осуществленія христіанскихъ принциповъ въ жизни.

„Въ постоянномъ, по завѣтамъ Предковъ, общеніи со святою Православной Церковью неизмѣнно почерпая для Себя отраду и обновленіе силъ душевныхъ, Мы всегда имѣли сердечное стремленіе обезпечить и каждому изъ Нашихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по повелѣніямъ его совѣсти. Озабочиваясь выполненіемъ таковыхъ намѣреній, Мы въ число намѣченныхъ въ указѣ 12-го минувшаго декабря преобразованій включили принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ устраненію стѣсненій въ области религіи.

„Нынѣ, разсмотрѣвъ составленныя, во исполненіе сего, въ Комитетѣ Министровъ положенія, и находя ихъ отвѣчающими Нашему завѣтному желанію укрѣпить начертанныя въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской начала вѣротерпимости, Мы признали за благо таковыя утвердить“.

Но не всѣ стѣсненія разрушены. Указъ не коснулся іудеевъ и слабо коснулся другихъ нехристіанъ. Да и въ отношеніи христіанскихъ исповѣданій можно желать болѣе широкаго развитія началъ вѣротерпимости.

Въ возможности административныхъ распоряженій — внѣшній недостатокъ этого закона.

Административныя распоряженія въ ихъ чрезмѣрномъ и исключительномъ развитіи, ослабляя силу закона — какъ, напримѣръ, и въ данномъ вопросѣ о вѣротерпимости, признаваемой и нашими основными законами, и указами монарховъ — являются характерной особенностью современной русской жизни.

---

[1]) Письмо Навиля и отвѣтъ на него оберъ-прокурора синода были въ свое время напечатаны въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

„Мы не вѣримъ“, — говорилъ С. Н. Булгаковъ, — „въ совмѣстимость началъ этого указа со всѣмъ нашимъ строемъ, которому онъ такъ противорѣчитъ. Здѣсь возможно только одно изъ двухъ: или произойдетъ коренное измѣненіе всего строя, и неизбѣжнымъ и само собою разумѣющимся послѣдствіемъ этой ломки въ числѣ другихъ личныхъ правъ явится и свобода совѣсти, или же начала указа будутъ какими-нибудь „временными правилами“ и министерскими циркулярами искажены до неузнаваемости“ [1]).

„Администрація по существу своему“, — говоритъ г. В. Мышцынъ, — „не можетъ гарантировать населенію той свободы отъ административнаго усмотрѣнія, какая обѣщана указомъ 12 декабря. Для этого необходима.... новая сила, какою и является народное представительство“ [2]).

II.

„Христіанство съ самаго начала росло борьбою и общимъ подвигомъ“, — говоритъ Владиміръ Соловьевъ. — „Все жизненное и великое въ церкви произошло путемъ духовной борьбы и подвиговъ“. Но теперь „религіозная и церковная истина вся сполна находится на сохраненіи въ крѣпкомъ казенномъ сундукѣ, за казенными печатями и подъ стражею надежныхъ часовыхъ. Безопасность полная, но живого интереса никакого“ [3]).

„Оттого и коснѣетъ“, — писалъ другой гуманистъ, И. С. Аксаковъ, — „религіозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и мертвенность духа заступаетъ жизнь духа [4]). . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Существующія у насъ отношенія государства къ церкви и наоборотъ основаны на коренныхъ началахъ нашего

---

[1]) *Вопросы Жизни*, 1905, май. Религіозно-общественная хроника, стр. 504.

[2]) *Богословскій Вѣстникъ* 1905 г., апрѣль, стр. 837.

[3]) *В. С. Соловьевъ*. Собраніе сочиненій, т. IV, стр. 179—180.

[4]) *И. С. Аксаковъ*. Собраніе сочиненій, т. IV, стр. 67.

государственнаго права и не могутъ подвергнуться существеннымъ перемѣнамъ безъ такихъ же перемѣнъ во всемъ государственномъ организмѣ [1]).

„Вся вина“ въ стѣсненіи вѣры и нетерпимости,—говоритъ одинъ современный авторъ,—„падаетъ на аномаліи въ.... отношеніяхъ церкви и государства“... Наши узаконенія, „выражая связь церкви съ государствомъ, проводятъ въ русскую церковь характеръ формализма и политической благонадежности“ [2]).

Въ настоящую эпоху обновленія русской жизни и освобожденія ея отъ того, что устарѣло и отжило, эпоху, когда къ жизни пробуждаются и встаютъ, какъ бы отъ сна, еще недавно грѣховно дремавшія силы, справедливо возвысили свой голосъ и многіе представители духовенства, указывая не ненормальное положеніе, въ которомъ находится церковь, часто являющаяся лишь „силой, дѣйствующей подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ понимаемыхъ обязательствъ предъ государствомъ, или же ни теплымъ ни холоднымъ спутникомъ и созерцателемъ человѣческихъ дѣлъ [и общественной жизни“.

Такъ охарактеризовано современное положеніе православной церкви въ запискѣ *О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи,* напечатанной въ № 11-мъ *Церковнаго Вѣстника* и представленной 15-го марта 1905 г. группой петербургскихъ священниковъ митрополиту Антонію.

Едва ли можно что-либо возразить противъ этой характеристики.

Въ эпоху реформаціи въ протестантскихъ странахъ отношенія церкви и государства опредѣлились принципомъ цезаро-папизма, т.-е соединенія въ одномъ лицѣ главенства какъ надъ государствомъ, такъ и надъ церковной организаціей.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что не старая Византія, а именно примѣръ западно-европейскихъ протестантскихъ государствъ, имѣвшихъ въ глазахъ Петра Вели-

---

[1]) *А. С. Павловъ.* Курсъ церковнаго права, стр. 513, изд. 1902 года.

[2]) *Православный Собесѣдникъ.* статья іеромонаха Симеона: „Вопросъ о свободѣ совѣсти въ русской литературѣ“ (1905 г., январь, стр. 85.)

каго такой авторитетъ, привелъ и у насъ къ учрежденію синода взамѣнъ прежде существовавшаго церковнаго строя. „Православные канонисты, — говоритъ проф. Заозерскій, — сознаются, что при учрежденіи синода Петръ Великій дѣйствовалъ не по образцу обязательныхъ для православной церкви каноновъ, а подъ сильнымъ вліяніемъ протестантскихъ каноническихъ системъ, съ которыми онъ познакомился въ Голландіи и Швеціи".

Появившееся въ русской жизни съ учрежденіемъ синода начало цезаро-папизма признало церковь *вѣдомствомъ* въ системѣ государственнаго управленія.

11-го мая 1722 года Петръ Великій указалъ „въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, чтобы имѣлъ смѣлость и могъ управленія синодскаго дѣла знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ, и дать ему инструкцію, примѣняясь къ инструкціи генералъ-прокурора". Оберъ-прокуроръ долженъ былъ представлять собой „око государево" и быть „стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ". Въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія его функціи значительно расширились, и онъ занялъ положеніе, соотвѣтствующее положенію министра или главноуправляющаго особымъ вѣдомствомъ [1]). Столь же широкими являются функціи оберъ-прокурора синода и въ настоящее время.

Начала, положенныя въ основу петровской церковной реформы, не только не поколебались въ теченіе послѣдующихъ столѣтій, но, напротивъ того, находили себѣ болѣе полное развитіе.

Но Правильная организація церковнаго союза должна обезпечить ему свободу извнѣ, т.-е. въ отношеніяхъ къ другимъ общественнымъ союзамъ и лицамъ, внѣ данной церкви находящимся, и свободу внутри, т.-е. свободу каждаго члена союза.

Въ отношеніяхъ внѣшнихъ свобода церкви должна выразиться въ независимости церкви отъ государства въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ въ государствѣ возможна независимость всякаго другого союза.

---

[1]) *Н. С. Суворовъ.* Курсъ церковнаго права т. I, стр. 161, изд. 1889 г.

Въ отношеніяхъ внутреннихъ свобода каждаго члена церкви можетъ и должна обезпечиваться лишь широкимъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ въ жизнь начала соборнаго или, что то же, начала представительнаго.

Такое рѣшеніе вопроса при всей его современности имѣетъ и свою многовѣковую исторію, свою давность, своихъ авторитетныхъ провозвѣстниковъ, начиная отъ апостоловъ, которые созвали первый соборъ въ Іерусалимѣ изъ членовъ общины и внесли на этотъ соборъ свое предложеніе избрать должностныхъ лицъ.

„И одобрено было сіе предложеніе всѣмъ собраніемъ“, читаемъ въ дѣяніяхъ св. апостоловъ (VI, 4); должностныхъ лицъ избрало собраніе, а апостолы, помолившись, лишь возложили на нихъ руки (тамъ же, VI, 6).

Позднѣе соборное начало широко примѣнялось и при бо̀льшемъ многолюдствѣ союзовъ. Въ III вѣкѣ въ Сѣверной Африкѣ соборы сдѣлались существеннымъ элементомъ церковной организаціи.

То же начало находило себѣ практическое примѣненіе и въ рядѣ послѣдующихъ вѣковъ; цѣлая эпоха получила отъ нихъ свое названіе.

Различныя уклоненія отъ нормальнаго хода жизни церковныхъ организацій привели къ тому, что соборное начало утратилось въ практической жизни, сохранившись лишь въ отвлеченіи, какъ догматъ, и встрѣчающіеся по временамъ слабые его отблески не воспроизводятъ его реально, въ той полнотѣ, какъ оно осуществлялось.

Соборное начало есть начало *самоуправленія*, но не самоуправленія лишь клира, а *самоуправленія всей церковной общины*, всего церковнаго союза. Правильная въ этомъ отношеніи постановка реформы можетъ предупредить возможность выдѣленія клира въ замкнутую единицу съ вреднымъ клерикализмомъ, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого выдѣленія.

Вопросъ о самоуправленіи и представительствѣ является однимъ изъ наиболѣе разработанныхъ вопросовъ публичнаго права. Едва ли поэтому съ точки зрѣнія внѣшнихъ затрудненій можно возражать противъ примѣненія соборнаго само-

управленія, введеннаго апостолами въ немноголюдной общинѣ Іерусалима, къ современному многолюдному церковному союзу.

Не обезличивая церковь, какъ союзъ *религіозный*, церковное право могло бы воспользоваться у государственнаго тѣмъ, что относится, такъ сказать, къ внѣшней сторонѣ представительства.

Не новымъ явилось бы и взаимодѣйствіе человѣческой мысли въ области права церковнаго и государственнаго.

Давно и долго шли эти науки рука объ руку, одновременно развиваясь въ тѣсной связи одна съ другой. Расцвѣтъ и пробужденіе мысли въ области одной изъ нихъ былъ одновременно расцвѣтомъ и въ другой. Обособленіе церковнаго права особенно нежелательно именно теперь, когда выдвинулся вопросъ о церковной реформѣ.

Особое значеніе имѣетъ вопросъ о представителѣ церкви — патріархѣ. нельзя не замѣтить, что съ положеніемъ патріарха не связывается опредѣленныхъ, единообразныхъ для всѣхъ временъ и народовъ реальноправовыхъ функцій. Патріархатъ эпохи вселенскихъ соборовъ не совпадаетъ съ этой точки зрѣнія съ современнымъ положеніемъ восточныхъ патріарховъ, а тѣмъ менѣе съ русскимъ допетровскимъ патріаршествомъ. Исторія знаетъ и такихъ представителей реально-соборныхъ православныхъ церковныхъ организацій, которые никакихъ особыхъ титуловъ и внѣшнихъ преимуществъ не имѣли. И такое положеніе патріарха, какъ представителя церкви, заслуживаетъ особаго вниманія.

Лишь соборное начало, это драгоцѣнное наслѣдіе апостольскихъ временъ, является единственнымъ вѣрнымъ принципомъ, которымъ должна руководиться церковь въ своей правовой организаціи.

Лишь соборное начало, проведенное широко и послѣдовательно, можетъ обезпечить церкви надлежащую, правильно проведенную свободу.

П. Астровъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JAN 29 '57

APR 29 '63 H

MAR 10 1965 ILL

564.048

JUN 17 1974 ILL

4378623

BOOK DUE WID

6648469

JUL 29 1980

JUL 1

ANCE

AUG 1 0 1988

2153634

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.

JAN 29 '57 H

BOOK DUE WID
6660469
JUL 9 1980

JUL 1 1980

APR 29 '63 H

MAR 10 1965 ILL
564.048

JUN 17 1974 ILL
4378623

LIBRARY
CANCELLED
AUG 10 1988
2153634

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

BOOK DUE WID
6660469
JUL 9 1980

JAN 29 '57 H

JUL 1 1980

APR 29 '63 H

MAR 10 1965 ILL

564.048

JUN 17 1974 ILL

4378623

WIDENER
LANCE
AUG 10 1988
2153634